

Вяч. Вc. Иванов

Хеттский язык

УРСС

Вяч.Вс.Иванов

ХЕТТСКИЙ ЯЗЫК

Издание второе,
исправленное и дополненное

УРСС
Москва • 2001

Иванов Вячеслав Всвволодович

Хеттский язык. 2-е изд., испр. и дополн. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
— 296 с.

ISBN 5-8360-0402-1

Хеттология — наука о хеттах, их истории, культуре и языке — обладает особенно благоприятными возможностями для исследования связей истории языка и истории культуры, так как хеттский язык известен по весьма многочисленным и очень разнообразным в жанровом отношении памятникам, позволяющим составить достаточно полное представление о хеттской культуре. Это имеет особое значение, потому что хеттский язык является одним из древнейших культурных языков Передней Азии. Культура хеттов выполняла роль посредника между цивилизациями Ближнего Востока и Греции, что нашло отражение и в языковых фактах. Этнические и культурные связи хеттов с другими народами сказались на лексике хеттского языка, в которой имеется целый ряд заимствований из других языков Передней Азии. Хеттский язык представляет собой благодатный материал для изучения вопросов смешения языков и образования языковых союзов.

Таким образом, знакомство с хеттским языком может представить интерес не только для индоевропеистов, но и для значительно более широкого круга исследователей, занимающихся вопросами общего языкознания и историей культуры Древнего Востока и античного мира.

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к. п.
Лицензия ИД № 03216 от 10.11.2000 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной
продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 18.06.2001 г.
Формат 60×84/16. Тираж 700 экз. Печ. л. 18,5.

Отпечатано в ООО «Истра». 162250, Вологодская обл., г. Харовск, ул. Герцена, 18/1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

 E-mail: urss@urss.ru
Каталог изданий
в Internet: <http://urss.ru>
Тел./факс: 7 (095) 135-44-23
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

ISBN 5-8360-0402-1

© Вяч. Вс. Иванов, 1963, 2001
© Эдиториал УРСС, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переиздание книги, написанной почти 40 лет назад, ставит перед автором нелегкую проблему. Та область науки, которой посвящена работа, — хеттская филология и анатолийское языкознание, — бурно развивалась за прошедшие десятилетия. Были изданы десятки томов с ранее неизвестными хеттскими и лувийскими текстами, вышло множество исследований о памятниках, ранее открытых, но недостаточно до недавнего времени изученных. Археологические открытия помогли установить точную хронологию древнехеттского пошиба клинописи, характеризующего тексты на древнехеттском языке, существенно отличном от среднехеттского, многие памятники которого были выявлены в это время, и сильно изменившегося (по мере того, как он становился искусственным языком имперской канцелярии в стране, говорившей на лувийских диалектах и других анатолийских языках и по-хурритски) новохеттского, представленного во множестве табличек архива Хеттского царства, из которых большая часть найдена и частично опубликована в последнее время. Еще стремительнее развивалось исследование лувийских клинописного и иероглифического языков (последний был окончательно дешифрован в самое недавнее время благодаря установлению значений нескольких фонетических знаков, используемых часто и в том числе в окончаниях, поэтому изменились и представления о его грамматике, которая, как выяснилось, очень близка к грамматике клинописного лувийского). Продвинулось вперед исследование также и других южно-анатолийских языков, засвидетельствованных в античное время, как ликийский. Вся южно-анатолийская группа оказалась достаточно далеко отстоящей от северно-анатолийского хеттского. Постепенно в сотнях статей и монографий уточнялось соотношение хеттского языка с праиндоевропейским и его диалектами. Автор не мог отразить всего многообразия открывающихся новых путей в коротких дополнениях, приложенных к переизданию, но только отметил важнейшие из них. Также и библиографические дополнения не претендуют на полноту (литература вопроса выросла за это время в несколько раз), они содержат ссылки на работы, где заинтересовавшийся этой тематикой читатель найдет дальнейшие сведения для расширения круга чтения. К новому исправленному и дополненному переизданию приложены указатели, которые должны помочь читателю

ориентироваться в различных терминах и проблемах, затронутых (иногда бегло) в основном тексте и в написанных заново частях.

Книга писалась в годы увлечения тогда еще полузапретными структурными методами исследования в том их варианте, связанном с идеями Романа Якобсона, который позднее оказался близок к более новым направлениям в языкознании; на языке описания сказались также начальные занятия компьютерной лингвистикой. Хотя в этом смысле работа стала историческим памятником, автор продолжает считать, что соединение подобных методов выявления синхронной структуры, нуждающихся еще в усовершенствовании, и связанного с ними диахронического подхода, нацеленного на типологически проверяемую реконструкцию дописьменного состояния, остается одной из главных задач современного языкознания. То, что открытие хеттского языка позволило проверить гипотетические реконструкции, сделанные за полвека до его открытия, показало действительность «предсказания вспять» прошлого, на которую способно сравнительное языкознание. Доведение строгости лингвистических методов до уровня, сопоставимого с другими точными науками, могло бы проложить дорогу к аналогичному преобразованию других гуманитарных дисциплин. Возможности точных лингвистических реконструкций еще более удаленного прошлого становятся очевидными по мере углубления перспективы сравнения таких макросемей, как изученная В. М. Илличем-Свитычем и его последователями ностратическая. И здесь исследование хеттского языка сулит неожиданные открытия, так как в нем обнаруживаются ностратические архаизмы, в других родственных языках исчезнувшие. С этими следами древнейшего состояния переплетены нововведения, отчасти связанные с интенсивными контактами хеттов с носителями древних языков Ближнего Востока — хурритского и хаттского, принадлежавших к северокавказской семье. Ранняя история Передней Азии и корни современной цивилизации, уходящие в эту эпоху, начинают выглядеть по-новому в свете этих вновь обнаруживаемых фактов.

Я буду считать свою задачу выполненной, если переиздание послужит усилению внимания к этой сфере занятий.

Вячеслав Вс. Иванов
13 марта 2001 г.

ВВЕДЕНИЕ

Значение клинописного хеттского языка для лингвистики определяется прежде всего тем, что самые ранние письменные памятники этого языка древнее письменных текстов на всех других индоевропейских языках. Уже поэтому в хеттском языке сохранились чрезвычайно архаичные черты, существенные для восстановления дописьменной истории других индоевропейских языков. Не менее важно и то, что даже в столь древнем языке наряду с глубокими архаизмами обнаруживаются и радикальные нововведения.

Хеттский язык был открыт в первой четверти XX века— после того как на протяжении XIX в. была построена сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков и был реконструирован индоевропейский праязык. Открытие хеттского языка создало возможность экспериментальной проверки методов и результатов сравнительно-исторической грамматики. Некоторые из гипотез, сформулированных задолго до открытия хеттского языка, нашли блестящее подтверждение в данных этого языка, но в ряде случаев потребовалось и внесение существенных уточнений в принятые ранее теории. Знакомство с хеттским языком позволило избавиться от гипноза древнеиндийского и древнегреческого языков, по образцу которых в XIX в. многими учеными воссоздавался индоевропейский праязык. Благодаря исследованию хеттского языка стало очевидным, что любой индоевропейский язык из числа нам известных (в том числе и сам хеттский) существенно отличается от общего источника всех индоевропейских языков; поэтому реконструкцию этого последнего можно осуществить только путем сравнения наиболее архаичных явлений, сохраняющихся в качестве пережитков в отдельных индоевропейских языках. Анализ нововведений, общих у хеттского языка с некоторыми другими индоевропейскими, сыграл важную роль в изучении группировки индоевропейских диалектов. Обнаружение хеттского языка заставило пересмотреть господствовавшие до того времени взгляды на время и место рас-

пространения индоевропейских диалектов. Наука об «индоевропейских древностях» (т. е. об исторических условиях существования древнейших индоевропейских диалектов) обогатилась благодаря изучению хеттского языка и истории говорившего на нем народа — хеттов.

Хеттология — наука о хеттах, их истории, культуре и языке — обладает особенно благоприятными возможностями для исследования связей истории языка и истории культуры, так как хеттский язык известен по весьма многочисленным и очень разнообразным в жанровом отношении памятникам, позволяющим составить достаточно полное представление о хеттской культуре. Это имеет особое значение, потому что хеттский язык является одним из древнейших культурных языков Передней Азии. Культура хеттов выполняла роль посредника между цивилизациями Ближнего Востока и Греции, что нашло отражение и в языковых фактах. Этнические и культурные связи хеттов с другими ближневосточными народами сказались на лексике хеттского языка, в которой имеется целый ряд заимствований из других языков Передней Азии. Хеттский язык представляет собой благодатный материал для изучения вопросов смешения языков и образования языковых союзов.

При исследовании структурной типологии языков можно извлечь поучительные выводы из анализа хеттского синтаксиса и семантики некоторых групп хеттских слов.

Таким образом, знакомство с хеттским языком может представить интерес не только для индоевропейцев, но и для значительно более широкого круга исследователей, занимающихся вопросами общего языкознания и историей культуры Древнего Востока и античного мира.

1. ДРЕВНЕЙШИЕ ДАННЫЕ О ХЕТТСКОМ И ДРУГИХ АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Памятники клинописного хеттского языка были найдены в Малой Азии (на территории современной Турции) в древней столице хеттов — Хаттусасе (современный Богазкёй), в 150 км к востоку от места, где в настоящее время находится столица Турции Анкара. Большинство этих текстов написано в эпоху Нового царства, т. е. в XIV—XIII вв. до н. э. Но среди них сохранились и сделанные в эпоху Нового царства копии более древних документов, оригиналы которых были составлены в древнехеттскую эпоху — в XVII—XVI вв. до н. э. (некоторые тексты, в том числе один из вариантов законов, по начертаниям знаков относятся к древнехеттским). В копии позднейшего времени сохранился и древнейший памятник клинописного хеттского языка

(а вместе с тем и индоевропейской семьи языков в целом) — надпись царя Аниттаса (около XVIII в. до н. э.)

Хеттский язык не является единственным индоевропейским языком, памятники которого сохранились в богазкёйском архиве. Наряду с весьма многочисленными и разнообразными хеттскими текстами в Богазкёе найдены скудные фрагменты клинописных ритуальных текстов на двух других индоевропейских языках, близко родственных хеттскому — лувийском языке (ср. хеттское наречие *luḫi-i* 'по-лувийски') и на палайском языке (ср. хеттское наречие *palaumnili* 'по-палайски'). Лувийские и палайские ритуальные тексты относятся к периоду Нового царства (XIV—XIII вв. до н. э.), но, учитывая консервативность хеттской религиозной традиции, можно предполагать, что в языке этих текстов отразились и более древние языковые нормы. К лувийскому языку очень близок язык выполненных особым письмом так называемых «иероглифических хеттских» (точнее было бы сказать иероглифических лувийских) текстов I тысячелетия до н. э., найденных в Малой Азии (и Сирии). Хеттский, клинописный и иероглифический лувийский и палайский языки образуют одну группу индоевропейских языков — азиатскую (иначе называемую хетто-лувийской). В древнехеттскую эпоху, когда составлялся наиболее ранний из дошедших до нас вариантов хеттских законов (т. е. около XVI в. до н. э.), тремя основными частями хеттского государства были «страна хеттов» [хеттск. *Hattušaš (udne)*], говоривших по-хеттски, но унаследовавших свое название от аборигенов, говоривших на языке хатти, Лувия (хеттск. *Luḫija*, область на юго-западе Малой Азии, где говорили по-лувийски; в одном из вариантов хеттских законов вместо названия Лувия используется позднее название страны на юге Малой Азии — Арцава) и Пала (хеттск. *Pala*, область на северо-востоке Малой Азии, где говорили по-палайски). Значение области Пала стало существенно меньшим с начала новохеттского периода, так как север Хеттского царства подвергался постоянным набегам племен каска, которым иногда удавалось даже отрезать Пала от остальных частей хеттского государства. Центр хеттского государства в исторический период постепенно перемещается к югу, с чем связано появление в хеттских текстах периода Нового царства значительного числа слов, заимствованных из лувийского языка или из других (южно)анатолийских диалектов, очень близких к лувийскому. Один из таких диалектов уже после крушения Хеттского царства (происшедшего на рубеже XIII и XII вв. до н. э.) был зафиксирован в письменных памятниках, выполненных иероглифическим хеттским

письмом. Иероглифические тексты в центральной и юго-восточной частях Малой Азии и в Северной Сирии продолжают вплоть до VIII в. до н. э. На юго-западе Малой Азии и позднее продолжали говорить на анатолийских языках; об этом свидетельствует то, что к античному времени относятся найденные в этой области немногочисленные памятники двух анатолийских языков — ликийского (особенно близкого к клинописному и иероглифическому лувийскому) и лидийского, который внутри анатолийских языков, очевидно, ближе всего к клинописному хеттскому. О непрерывности языкового развития Анатолии начиная с первых вторжений носителей индоевропейских анатолийских языков вплоть до античного времени свидетельствуют анатолийские индоевропейские собственные имена, сохраняющие единообразный характер на протяжении двух тысячелетий.

Несмотря на то что наиболее ранние письменные памятники хеттского языка древнее текстов всех остальных анатолийских и других индоевропейских языков, эти последние очень важны для исследования дописьменной истории хеттского языка, так как они позволяют реконструировать модель общеанатолийского (общехетто-лувийского) языкового состояния, предшествовавшего эпохе создания древнейших хеттских текстов. К этой общеанатолийской модели могут быть возведены все отдельные анатолийские языки, но время и место, к которым эта модель может быть приурочена, еще остаются неясными. Возможно, что общеанатолийский период предшествовал приходу носителей анатолийских языков в Анатолию (в этом смысле термин «общеанатолийский» является совершенно условным).

Хеттские памятники (в том числе и наиболее древние из них) были составлены в период, когда хетты уже стали основным населением некоторых областей центральной и северо-восточной частей Малой Азии. Однако ни хеттский, ни другие анатолийские языки не были языками исконного населения Малой Азии. Эти языки вытеснили неиндоевропейские языки аборигенов. Хеттский и палайский языки распространились на территории, где до этого говорили на неиндоевропейском языке хатти, или хаттском (ср. хеттское наречие *hattili* 'на языке хатти'; этот язык иногда неточно называют «протохеттским»).

Лингвистические данные заставляют предполагать, что носители индоевропейского хеттского языка и других анатолийских языков пришли в Малую Азию из области первоначального расселения индоевропейских племен, находившейся значительно севернее.

В хеттских текстах можно найти (хотя и в затуманенном виде) такие места, которые могут быть истолкованы как

отзвуки более древних переселений анатолийских племен, приведших их в Малую Азию. Наибольший интерес в этом отношении представляет хеттская молитва, обращенная к богу солнца, где говорится, что солнце встает из-за моря.

О древности этого образа, восходящего к периоду единства анатолийских языков, может свидетельствовать то, что в палайской молитве, обращенной к богу солнца, имеется строка *arūnampi tt ūiteši*, которую можно истолковать как 'из-за (?) моря ты встаешь [*ūete-*, ср. хеттск. *ūateši* 'приносишь' (?)]. Если это толкование палайского текста окажется правильным, можно будет предположить отражение в этих хеттской и палайской молитвах древних общеанатолийских представлений о солнце, встающем из-за моря. Благодаря консервативности религиозной традиции этот образ мог сохраниться в молитвах вплоть до исторического времени, когда для хеттов и палайцев солнце в действительности вставало уже не из-за моря. Космологические представления, отраженные в этих молитвах, очевидно, должны были, однако, некогда соответствовать какой-то географической реальности. Совершенно очевидно, что образ солнца, встающего из-за моря, мог возникнуть не в Анатолии, а в более северных областях — на берегах Каспийского или Черного морей — или же на востоке — у берега большого озера (например, озера Ван; характерно, что в аналах новохеттских царей слово *aruna-* 'море', 'озеро' обозначает, по-видимому, большое озеро, которое находилось на востоке от Анатолии).

В случае, если предки хеттов некогда обитали у Черного моря, их путь в Малую Азию лежал через Балканы; если они жили у Каспийского моря или у озера Ван, они должны были пройти через Кавказ. В последнее время были выдвинуты некоторые дополнительные аргументы в пользу восточного (кавказского) пути переселения.

В древнейших известных нам географических названиях Малой Азии и прилегающих областей некоторые ученые видели следы пребывания лувийцев на этой территории еще в III тысячелетии до н. э., в связи с чем предполагалось, что лувийцы были первой волной завоевателей-индоевропейцев, вторгшихся в Анатолию. Однако остается спорным лувийский характер соответствующих географических названий с суффиксами *-šš-* и *-nd-*, второй из которых бесспорно восходит к индоевропейскому суффиксу **-nt-*, засвидетельствованному в названиях мест и рек по всему ареалу распространения древних индоевропейских диалектов (от древнеевропейской области до арийской).

Более очевидным является лувийский характер значительного числа собственных имен, обнаруживаемых в доку-

ментах юга Малой Азии и Северной Сирии II и I тысячелетий до н. э., но эти документы не дают возможности определить, сколь рано носители лувийского языка появились в этих южных областях.

Последовательность, в которой носители хеттского, лувийского и палайского языков (или общеанатолийского языка, из диалектов которого позднее образовались отдельные анатолийские языки) пришли в Малую Азию, остается неизвестной, но данные древнейших малоазиатских письменных текстов позволяют утверждать, что носители этих языков (в частности, хеттского и лувийского) уже находились в Малой Азии на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Наиболее ранние письменные свидетельства об анатолийских языках (а тем самым и об индоевропейских языках в целом) содержатся в документах на аккадском языке, найденных в староассирийских торговых колониях в Малой Азии (в Кюльтепе — древнем Канесе, Богазкёе и Алишаре). В этих староассирийских (так называемых «каппадокийских») текстах, составленных в начале II тысячелетия до н. э., засвидетельствован ряд собственных имен и слов, заимствованных из индоевропейских анатолийских языков. Многие из этих собственных имен содержат названия богов, по происхождению являющихся индоевропейскими анатолийскими; часть этих названий может быть признана хеттскими, часть — лувийскими.

Имя бога *Perqa-*, засвидетельствованное в староассирийских табличках, тождественно хеттскому имени бога, культ которого был связан с лошадью. Поклонение лошади составляет наиболее характерную черту религии всех древних индоевропейских племен в эпоху их расселения. Можно думать, что распространение индоевропейских племен, двигавшихся на юг из причерноморских и прикаспийских степей, облегчалось наличием у них боевых колесниц и лошадей, что давало им преимущество в бою над их противниками. Данные наиболее ранних текстов на индоевропейских языках, в том числе древнейшей хеттской надписи царя Аниттаса, упоминающей боевые колесницы, согласуются с археологическими свидетельствами (в частности, с находками колесниц III и II тысячелетий до н. э. на Кавказе, через который проходил один из путей переселения индоевропейских племен на юг, к очагам древней цивилизации).

По-видимому, индоевропейские племена принесли с собой в Малую Азию культ лошади, сохранившийся в представлениях, связанных с богом *Perqa-*. Об индоевропейском происхождении этого бога свидетельствует и этимология его имени. Хеттское слово *perqa-* используется не

только в качестве имени бога, но и в качестве названия скалы и родственно другому хеттскому названию скалы — Peruna-. Это последнее слово используется в мифологическом значении в нозохеттском переводном элическом сочинении, где повествуется о том, что скала Perunz- родила сына богу Кумарби. Несомненно, что хеттское слово peruna- 'скала' родственно готскому falrguni- 'гора' и связанным с ним словам, являвшимся индоевропейскими названиями бога грозы (славянского Перуна, литовского Perkūnas и т. п.; для сопоставления с мифом о Кумарби особенно интересно древнеисландское Fjorgyn — имя матери бога грома). Таким образом, сохраненное в староассирийских табличках хеттское имя бога Peruza- оказывается связанным с общеиндоевропейскими мифологическими представлениями и именами.

Следует вместе с тем отметить, что соотнесение этого имени бога с культом лошади является специфически анатолийским явлением. По-видимому, новое использование старого имени бога грома связано с появлением в анатолийских языках нового имени бога грозы. Это имя в форме Tarhunta- засвидетельствовано уже и в староассирийских табличках. Слово это, образованное от глагола со значением «побеждать» (хеттск. tarh-), также имеет индоевропейскую этимологию (ср. дринд. причастие tūrvanta-s в «Ригведе»), но ни в одном из индоевропейских языков, кроме анатолийских, данный корень не связывался с богом грозы.

Производным от индоевропейского названия обожествляемого дневного света (дринд. dyauh 'небо', греч. Ζεύς 'Зевс, бог ясного неба', армянск. tiv 'день', латинск. deus 'бог') является общеанатолийское имя бога солнца, сохранившееся в староассирийских табличках, по-видимому, в двух формах: в хеттской форме Siu- [ср. клинописное хеттск. Siu-, встречающееся в надписи царя Аниттаса, и siyatt- 'день', 'божество дня', siu-ni- 'бог'], лид. divs и в лувийской форме Tiyat- (ср. лувийск. tiyatt- 'бог солнца' и палайск. Tijat- с тем же значением). Это лувийское имя, как и хеттск. siyatt-, образовано от общеиндоевропейской основы *di(e)u- — с помощью суффикса *-ot хеттск. и лувийск. -att; в другом звуковом виде тот же суффикс *-t представлен в родственной древнеиндийской основе dyu-t- 'сияние' (ср. особенно показательное совпадение клинописного хеттск. Aššu Siyatt- 'благой день', 'божество благого дня' и дринд. su-dyut 'благое сияние', которое встречается в «Ригведе»).

Суффикс -att, являвшийся в хеттском языке продуктивным средством образования отвлеченных отглагольных

имен, встречается также и в другом анатолийском имени, сохранившемся в староассирийских текстах: имя *Aššijat* образовано с помощью этого суффикса от основы, соответствующей клинописной хеттской основе *aššija-* 'быть угодным, приятным' (иероглифическое *asi-* 'любить'). Образование имени бога от этой основы можно сопоставить с тем, что слово *aššija-* и другие производные от того же корня (*ašš-u-* 'хороший', 'угодный', *aššu-* 'добро' и т. п.) часто встречаются в хеттских религиозных текстах.

Слово *aššu-*, родственное хеттскому *ašš-ija-*, древнеиндийскому *su-* 'хороший' и греческому *εὖς*, возможно, засвидетельствовано в староассирийских текстах в качестве второй составной части собственных имен типа *Utruy-ašu-* (ср. хеттск. *yat(t)aru-* 'источник' и *aššu-* 'хороший' и сходное по своему первоначальному значению хеттское собственное имя *Suppi-luli-uma-* от *suppi-* 'чистый' + *luli-* 'источник', ср. имя *Suppilulija* в староассирийских табличках). Образование собственных имен с помощью словосложения было общеиндоевропейским явлением; использование в древнейших анатолийских собственных именах компонента со значением «хороший» можно сопоставить, например, со сходными явлениями в восточнославянских собственных именах (ср. древнерусск. *Добро-гость*, *Добро-славъ* и т. п.).

Среди женских имен в староассирийских табличках встречается имя *Hašušar*, несомненно, тождественное иероглифическому *hasusara-* 'царица'. Это слово, имевшееся, очевидно, и в клинописном хеттском языке, было образовано посредством суффикса *-sar(a)-* от названия царя *haššu-* (ср. хеттск. *haššuyai-* 'царствовать'), родственного хеттскому глаголу *haš-* 'рождать' и существительному *haššatar* 'род' (ср. аналогичную связь имени «царя — предводителя рода» и названия «рода» в германских языках; анатолийское *haššu-* сопоставляется также с индоиранским *asura-* 'повелитель' и общегерманским **ansuz* 'бог'; ср. также хеттское название «жрицы» *haššaua-*). Суффикс *-sar*, выделяемый в *Hašušar* и других анатолийских женских именах, известных из староассирийских табличек, является общеанатолийским, ср. хеттский суффикс *-ššara-* в названиях лиц женского пола типа *išha-ššara-* 'госпожа' в клинописном хеттском языке (от *išha-* 'господин'), лувийский суффикс *-šr-i-* в *nana-šr-i-* 'сестра' (от *nan-i-* 'брат') и т. п. Его сравнивают с суффиксом **-s(ō)r*, образующим формы числительных женского рода в кельтских и индоиранских языках (дринд. *tisrās* 'три', *cātasras* 'четыре'), но ср. ниже о его связи с хеттск. *-eššar*.

В староассирийских текстах наряду с собственными именами анатолийского происхождения встречаются отдельные

нарицательные существительные, заимствованные из хеттского языка: *išhiu(l)um* '(финансовый) договор' из хеттск. *išhiul* 'договор' (образовано с помощью продуктивного хеттского суффикса *-ul* от глагола *išhija-* 'связывать', ср. родственное лувийск. *hišhija-* и дринд. *syāti*), *išpa(t)ta(l)lu* от хеттск. *išpant-* 'ночь' (ср. дринд. *kṣap-*, авест. *xšapan* 'ночь'), ср. также *kursannum (kursinnum)* 'меха для жидкости', 'сосуд для оливкового масла', возможно, связанное с хеттск. *kurša-* 'шерсть', 'руно' (ср. греч. *βύρα* 'кожа', 'шкура'). Наличие этих хеттских заимствований, а также некоторых фразеологических оборотов — хеттских калек — в языке староассирийских текстов свидетельствует о длительном и интенсивном контакте хеттов с обитателями ассирийских торговых колоний в Малой Азии. В этих текстах имеются также некоторые слова, общие у языка этих табличек с хеттским языком, но не имеющие (в отличие от указанных выше) индоевропейских этимологий. Возможно, что эти слова являются не хеттскими заимствованиями, а заимствованиями из третьего языка, повлиявшего и на аккадский язык староассирийских колоний, и на хеттский (который мог здесь, однако, играть и роль посредника). К числу таких слов принадлежит, например, название легкой повозки: хеттск. *ḫulukanni-*, аккадск. *ḫulukannum, ḫilukannum* (с чередованием *i/u*, встречающимся в хеттских словах, заимствованных из неиндоевропейских языков Передней Азии); элемент *-nni* (*-nnu-* в аккадизированной форме) в этом термине, относящемся к сфере средств передвижения, напоминает аналогичный хурритский суффиксированный артикль *-nni* в целом ряде сходных по семантике терминов, связанных с коневодством, которые несколько веков спустя проникли в хеттский язык из неиндоевропейского хурритского (или из смешанного хурритско-арийского диалекта государства Митанни). Более точное определение неиндоевропейского языка, повлиявшего на хеттский и староассирийский, в настоящее время затруднительно.

Насколько позволяют судить скудные тексты на языке хатти, этот язык не оказал влияния на староассирийский. Можно думать, что ко времени возникновения староассирийских колоний в Малой Азии язык хатти (во всяком случае в местах ассирийских поселений) уже отступил на второй план по сравнению с хеттским. Изучение взаимодействия индоевропейского хеттского языка с языком хатти существенно для установления времени прихода хеттов в Малую Азию.

В эпоху Нового царства, к которой относятся дошедшие до нас отрывки текстов на языке хатти, этот язык, по-видимому, уже совсем вышел из устного употребления. Он

был непонятен как писцам, переписывавшим эти отрывки, так и жрецам, которые по традиции пользовались языком хатти, совершая обряды, посвященные богам, перенятым хеттами из хаттского ритуала. О полном незнании языка хатти свидетельствуют многочисленные описки и ошибки в текстах, переписанных механически, без понимания их смысла, а также то, что тексты на языке хатти обязательно сопровождалась так же механически переписанными хеттскими переводами (иногда представляющими лишь приблизительный пересказ содержания). Таким образом, взаимодействие хеттского языка с языком хатти нужно отнести к гораздо более раннему периоду, когда язык хатти еще находился в живом употреблении. Вместе с тем можно думать, что время контакта хеттов с аборигенами — носителями языка хатти началось еще до эпохи древнехеттского царства, так как уже в древнейшей хеттской надписи царя Аниттаса (упоминаемого в староассирийских табличках) обнаруживается заимствованное из языка хатти название бога трона *Halmašūitt-* (из хаттск. *ha-nuāšu-it* 'трон', букв. 'то, на чем сидят'). Возможно, что к дописьменной эпохе развития хеттского языка относится проникновение в этот язык некоторых заимствований из языка хатти, повлиявших на судьбу синонимичных хеттских слов индоевропейского происхождения. В хеттских религиозных представлениях важную роль играло понимание сна как божественного откровения; соответствующий религиозный термин *tešha-*, *zašhi-* 'сон (как откровение богов)' был заимствован хеттами из языка хатти (очевидно, это заимствование, как и ряд других, можно объяснить влиянием религии аборигенов Анатолии на хеттскую религию). В связи с этим из хеттского языка исчезло древнее индоевропейское название сна, родственное русск. «сон», стсл. *сънъ*, дринд. *svāpnah*, греч. *ὕπνος*; о существовании этого названия в хеттском языке в дописьменный период его развития свидетельствует образованный от него глагол архаичного типа *šuppariia-* (ср. также корневой глагол *šup-* 'спать', постепенно выходящий из употребления в связи с исчезновением соотнесенной с ним именной основы и заменяющийся синонимичным индоевропейским глаголом *šes-* 'покоиться', 'отдыхать', 'спать').

В связи с заимствованием из языка хатти названия бога солнца (хеттск. *Ištanu-* из хаттск. *Eštan*) хеттское слово *šiyatt-* 'день' утратило древнее индоевропейское значение «бог солнца», сохраненное родственными словами лувийского и других анатолийских языков (лувийск. *Tiyatt-*, палайск. *Tijat-* 'бог солнца'). О том, что некогда (до контакта с языком хатти) слова этого корня и в хеттском языке

употреблялись в качестве названия бога Солнца, может свидетельствовать урартское имя бога Солнца *Siṣini*, являющееся, по-видимому, весьма древним заимствованием из хеттского, ср. хеттск. *šiuini* — 'бог'.

Для исследования контакта языка хатти с хеттским языком существенно и то, что в тексте, датированном серединой XIII в. до н. э., в качестве собственно хеттского слова употреблено существительное *Zilipurijatalla* 'жрец бога Цилипури', образованное посредством хеттского суффикса имени деятеля *-talla* (родственного славянскому *-тель*) от хаттского имени бога *Zilipuri*, заимствованного хеттами. Образование гибридных производных слов могло быть возможным в условиях более раннего смешанного двуязычия, когда слова обоих языков могли использоваться параллельно. О существовании в более древний период хаттско-хеттского смешанного двуязычия, долго сохранявшегося в качестве пережитка при дворе хеттского царя, говорят, по-видимому, и такие факты, как использование в хеттских текстах хеттизированной формы хаттского титула *ḥaggazuṣašši* (с анатолийским суффиксом *-ašši*, функционально соответствующим суффиксу *-el* в форме *ḥaggazuel* в языке хатти) наряду с синонимичным хеттским титулом *ekuttara* 'чашник' (буквально 'тот, кто пьет' — имя деятеля от глагола *eku-* 'пить'). Это смешанное двуязычие следует отнести к дописьменной эпохе развития обоих этих языков (вероятно, еще до возникновения староассирийских колоний в Малой Азии).

Возможно, что сходный вывод следует сделать и по отношению к палайскому языку, испытывавшему особенно сильное влияние языка хатти, но здесь решение вопроса затрудняется тем, что неизвестно время, когда язык хатти вышел из употребления на севере или востоке Анатолии (в области Пала). Но сходство хеттско-хаттского и палайско-хаттского взаимодействия подтверждается тем, что заимствования из языка хатти в обоих анатолийских языках относятся к одним и тем же сферам словаря: в ряде случаев в хеттский и палайский языки заимствовались одни и те же слова (название хлеба, титулы царя и царицы) или же слова, сходные по своей функции. Так, если хеттский язык заимствовал из языка хатти имя бога солнца, то палайский употребляет в качестве эпитета этого бога хаттское заимствование *Pašhullašaš* (хотя индоевропейское общепалайское название бога солнца сохранилось в палайском языке в форме *Tiṣat*).

Таким образом, можно думать, что еще до начала II тысячелетия до н. э. хетты (а возможно, и носители палайского языка) находились в интенсивном контакте с абори-

генами Анатолии, говорившими по-хеттски. Следовательно, приход хеттов в Анатолию может относиться не позднее чем к III тысячелетию до н. э. Возможно, что нашествие хеттов (или хотя бы одной из волн вторгавшихся в Малую Азию носителей индоевропейских анатолийских языков) можно связать с появлением так называемой «капсадокийской керамики». Этот археологический тип возникает после насильственного уничтожения культуры раннего бронзового века в Анатолии. Археологические свидетельства катастрофы, происшедшей в Анатолии в III тысячелетии до н. э., подтверждаются датировку вторжения хеттов, основанную на лингвистических данных.

2. ПАМЯТНИКИ ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

На рубеже III и II тысячелетий до н. э. носители анатолийских языков, по-видимому, еще не были объединены в одно государство. Существовал целый ряд областей, каждая из которых имела самостоятельного правителя. Одним из таких правителей был хеттский царь Аниттас, надпись которого является наиболее архаичным памятником хеттского языка (несмотря на частичную модернизацию, которая могла иметь место при переписывании текста надписи). Царь Аниттас жил в начале II тысячелетия до н. э. — примерно в XVIII в., о чем свидетельствуют документы того времени из ассирийских колоний в Анатолии, упоминающие имя этого царя и его отца Питханаса. В тот период, о котором повествует надпись Аниттаса, столицей царства был город Куссар, а не Хаттусас, который был завоеван Аниттасом после длительной борьбы. Надпись Аниттаса повествует также о покорении Аниттасом города Несаса. Если Хаттусас был разрушен Аниттасом, запретившим отстраивать этот город, то в городе Несасе, напротив, Аниттас занимался строительством жилых зданий и храмов и возродил в нем старый культовый центр. Этот город, очевидно, был важнейшим средоточием населения, говорившего по-хеттски, так как по имени этого города хетты называли свой индоевропейский язык «несийским» (ср. клинописное хеттское наречие ^{CRU}*nišili, našili, nešumnili* 'по-несийски', употребляющееся в качестве самоназвания хеттского языка). Согласно недавно вновь выдвинутой гипотезе, это название тождественно также клинописному хеттскому *kanišumnili* 'по-канесийски', в связи с чем можно предположить тождество города Несаса и города Канеса — центра староассирийских колоний в Малой Азии (современное Кюльтепе, к юго-востоку от Богазкёя).

В Хьюке недавно найден кинжал с короткой клинописной аккадской надписью царя Аниттаса. Завоевания Аниттаса (в том числе покорение им центра староассирийской торговли) могли привести к прекращению деятельности староассирийских колоний (в частности, в Хаттусасе — староассирийск. *kārum Hattuš*), которая обрывается после его царствования. При Аниттасе начинается государственное объединение ряда областей Анатолии, ранее бывших центрами ассирийской торговли и ставших позднее составными частями хеттского государства. Вассалом Аниттаса стал, по видимому, правитель Бурусхандаса — крупнейшего малоазийского княжества времени существования староассирийских колоний в Малой Азии. Бурусхандас был древнейшим центром месопотамской торговли в Малой Азии, так как аккадская торговая колония в этом городе упоминается уже в полуполюгендарном рассказе о походе Саргона в Малую Азию (около 2400 г. до н. э.). По данным староассирийских табличек, в начале II тысячелетия до н. э. в Бурусхандасе (как и в Канесе) имелась колония (аккадск. *kārum*) ассирийских торговцев и независимый от них великий князь (аккадск. *gubā'um rabium*), которого Аниттас в своей надписи называет просто «человеком из Бурусхандаса».

Для изучения истории материальной культуры Анатолии в связи с историей анатолийских языков очень важно сообщение Аниттаса о том, что «человек из Бурусхандаса» принес железный трон и железный скипетр в дар Аниттасу. Производство предметов из железа (первоначально из метеоритов) засвидетельствовано в Анатолии уже в III тысячелетии до н. э., еще до появления каппадокийской керамики, т. е. в археологических слоях, соответствующих культуре населения, говорившего на языке хатти. Позднее производство железа было перенято хеттами и составляло их важное преимущество перед их соседями, что видно из дипломатической переписки новохеттских царей. Эти археологические и исторические данные прекрасно согласуются с лингвистическими: хеттское название железа *hapalkija* было заимствовано хеттами из языка хатти (хаттск. *hapalki*). Это слово в языке хатти встречается в сочетании *hapalkian telekuzzan* 'железный очаг', 'алтарь', которое показывает, что население, говорившее на этом языке, уже было знакомо с изготовлением из железа больших предметов, подобных тем, которые упоминаются в надписи Аниттаса. В хурритском языке также имелось это же название железа, но его фонетические особенности в хурритском явно указывают на его заимствованный характер: об этом говорят колебания между формами с наличием и отсутствием начального *b*: *hapalki*- и *apalki*-, ср. формы с суффиксированным

артиклем — *ni*, *hapalkini-*, аккадизированное *hapalkinnu*, *habalginnu*. Таким образом, передача техники изготовления железа от аборигенов, говоривших по-хаттски, к хеттам и другим переднеазиатским народам отражается и в заимствовании соответствующих терминов.

Надпись Аниттаса отделена от многих позднейших хеттских текстов значительным промежутком времени. Этот вывод, основанный на соображениях исторического и жанрового характера, подтверждается особенностями языка надписи, в котором сохранились некоторые чрезвычайно архаичные черты, утраченные в позднейших текстах древнехеттской эпохи. Характерно, что только в надписи царя Аниттаса засвидетельствована последовательность *annuš attuš* 'матерей и отцов', где название «матери» стоит на первом месте (такая последовательность является нормальной в клинописном лувийском и в иероглифических текстах, а также, по-видимому в ликийском и лидийском). В более поздних хеттских клинописных текстах порядок меняется: название «отца» (*atta-*) ставится на первое место, название «матери» (*anna-*) — на второе (исключение составляет только один хеттский ритуал, очевидно, составленный под влиянием лувийского). Это, вероятно, связано с постепенным устранением пережитков материнского права, которое обнаруживается в целом ряде фактов, относящихся к истории хеттского общества.

Вместе с тем в надписи царя Аниттаса имеются и некоторые места, сближающие ее с позднейшими хеттскими текстами: запрет нарушать слова царя, повторяющийся в других царских надписях древнехеттского периода, формула, говорящая о том, что хеттское войско пришло 'целиком', 'целой массой' (хеттск. *pangarit*, эта стандартная формула часто повторяется в хеттских текстах при описании походов), ритуальный запрет заселять разрушенный город (подобный запрет повторяется в одном из новохеттских ритуалов). Таким образом, надпись царя Аниттаса с полным правом может считаться начальным пунктом истории известной нам хеттской литературы.

Начиная с XVII в. до н. э. мы располагаем целым рядом древнехеттских текстов исторического и политического содержания. Имя Аниттаса в этих текстах уже не упоминается, хотя цари Древнего и Нового царств выводили свою династию из Куссара, царем которого некогда был Аниттас. Первым царем, деятельность которого описывается в древнехеттских текстах, является царь Лабарна (хеттск. *Labarna*); сходное имя царя Канеса Лабарса упоминается в одном из староассирийских текстов.

Остается неясным, в какой мере существительное *Labarna* можно считать собственным именем. Оно используется

также и как нарицательное со значением 'повелитель', 'Величество' и является заимствованием из языка хатти, где слово *tabarna* 'повелитель' чаще всего используется в сочетании *tabarna katte* 'повелитель-царь', ср. аналогичное выражение *tabarni LUGAL-i* 'повелителю-царю' в палайском языке, также заимствовавшем это слово из языка хатти, как и хаттский титул царицы *Tayananna-*, общий для палайского и хеттского. В палайском, как, по-видимому, и в хатти, *tabarna* 'повелитель' использовалось и в обращении к (высшему) божеству. Как титул царя слово *tabarna* употребляется и в хеттском языке, начиная с текстов XVII в. до н. э., причем в качестве его более редкого варианта используется форма *labarna*, совпадающая с нарицательным существительным со значением «повелитель» и с именем основателя династии (ср. использование имени Цезаря в качестве титула). Чередование начального *t/l* в этих двух вариантах слова можно объяснить как хеттскую передачу иноязычной фонемы типа латеральных в современных северокавказских или американских индейских языках; чередование сонорных (в частности, сонорного латерального) и шумных переднеязычных встречается и в других словах малоазиатской и эгейской области (в частности, чередование *d/l* отмечается в двух формах имени Одиссея-Улисса). Слово *Tabarna/Labarna* в качестве царского титула используется уже при Хаттусилесе I — преемнике Лабарны — основателя династии. В завещании, составленном Хаттусилесом I, он сам назван Табарной (*Tabarna*) и Лабарной (*Labarna*), а в связи с назначением преемника царя используется формула *Labarnan te-* 'назвать Лабарной', и в дальнейшем преемник царя (позднее им отстраненный) также именуется Лабарной. Все эти факты позволяют думать, что в хеттском языке (как и в хатти и в палайском) существовало *Tabarna* (и его специфически хеттский вариант *Labarna*) уже в древнейший период было нарицательным — титулом хеттского царя или его преемника. В хеттском языке и в южноанатолийском (по-видимому, лувийском) диалекте, повлиявшем в новохеттский период на хеттский язык, имелся глагол *tapar-* 'править', 'господствовать'; производные от этого глагола встречаются в клинописных хеттских и в иероглифических (лувийских) текстах. Очевидно, глагольная основа *tapar-* 'править' связана с именем *tabarna-* ('повелитель' в языке хатти); это представляет особый интерес потому, что только в этом одном случае можно установить связь между языком хатти и всеми анатолийскими языками II тысячелетия до н. э. (включая лувийский), причем специфически хеттский вариант слова с начальным *l* (при *t* в других анатолийских языках и в хатти) используется как имя основателя династии. Возмож-

но, что распространение данной группы слов связано с объединением хеттской, палайской и лувийской областей в одно хеттское государство, которое осуществилось приблизительно в эпоху Лабарны — основателя хеттской династии.

Преемник Лабарны — Хаттусилис I (начало XVII в. до н. э.)¹ в позднейших текстах именуется царем Куссара, где был составлен и главный документ его времени — завещание Хаттусилиса. Но свое имя Хаттусилис получил по имени города Хаттусас, очевидно, потому, что в его царствование столица была перенесена из Куссара в Хаттусас (имя *Hattusili-* образовано посредством суффикса принадлежности *-ili-* от основы *Hattuš-*). В тексте «Деяний», найденном в 1957 г., Хаттусилис называет себя «царь Хаттусаса, человек из Куссара».

Хаттусилис I оставил завещание на двух языках — хеттском и аккадском (аккадский язык часто использовался и позднее в качестве второго официального языка хеттских политических документов, в частности, договоров). Текст этого завещания сильно поврежден, но его восстановление оказалось возможным благодаря сличению аккадской и хеттской версий и других аналогичных текстов. Завещание представляет собой обращение царя к собранию воинов и к главным сановникам. Из текста завещания видно, что власть царя в то время не была безграничной. Значительными полномочиями обладало собрание панкус, объединявшее всех свободных членов общества, способных носить оружие. Название собрания — хеттск. *pankuš-* — представляет собой субстантивированное прилагательное *panku-* 'целый', 'весь', которое обычно применяется к войску в значении 'целое (обширное) войско'. О первоначальном значении «обширности, густоты» у слов этого корня позволяет судить родственное хеттское слово *pangarit* 'целиком', 'целой массой', применяющееся (уже в надписи Аниттаса и в других текстах) к войску (как и *panku-*, с которым оно чередуется в некоторых текстах), ср. образованный от той же основы глагол *pangaritia-* 'увеличиваться' и родственные слова других индо-европейских языков (греч. *παῦς* 'толстый', дринд. *bahú-* 'густой', 'многочисленный' и т. п.). Анализ хеттских текстов заставляет считать, что слово *pankuš* первоначально обозначало всю массу людей, входивших в собрание рода (*pankur*). Связь древних хеттских названий собрания (*pankuš*) и рода (*pankur*) особенно отчетливо видна в завещании Хаттусилис I.

¹ Хронология хеттского царства после Аниттаса, являющаяся (как и вообще хронология древней Передней Азии) предметом оживленной дискуссии, дается в соответствии с точкой зрения, обоснованной в работах А. Гетце, хронология-староассирийских колоний и Аниттаса — согласно труду К. Балкана.

са I (а также в некоторых архаичных текстах оракулов) Обращаясь к панкусу — собранию воинов, Хаттусилис призывает своих слушателей — подданных будущего царя — беречь его в походах; при этом о своем будущем наследнике он говорит, что его род (*pankur*) должен быть единым, как волчий род. В этом обращении явно чувствуется отзвук более древних обращений военачальника — предводителя племени — к племенному (или родовому) собранию. Сравнение с волчьим родом в этом месте завещания Хаттусилиса, очевидно, можно расценить как пережиток тотемических представлений. Эта гипотеза подтверждается рядом мест в хеттских ритуальных текстах, где говорится о «волчьих» людях и о церемонии, во время которой на юношу надевается баранья шкура, причем он должен кричать «по-волчьи»; упоминание о превращении человека в волка есть и в хеттских законах. Учитывая возможные связи хеттов с Кавказом, эти данные можно сопоставить с археологическими и этнографическими свидетельствами, говорящими об исключительной роли культа волка на территории Грузии начиная с весьма глубокой древности. Вместе с тем типологические параллели могут быть приведены и из мифов некоторых индоевропейских народов, которые могли испытать восточные влияния (ср., например, отражение культа волка-оборотня в славянском мифе, реконструируемом на основе восточнославянского эпоса о Всеславе и южнославянского цикла песен о Змее Огненном Волке).

Текст завещания является примером обращения царя к панкусу. Поводом для этого обращения было изменение порядка наследования: вместо племянника царя по женской линии, который должен был наследовать царю, наследником объявляется сын царя. Изменение порядка наследования в завещании Хаттусилиса мотивируется подробными обвинениями, направленными против бывшего наследника и его родственников. Диалог царя и матери отстраненного наследника, возможно, воспроизводит реальную сцену обсуждения перед собранием распрей между членами царского рода. Это место завещания особенно интересно тем, что в нем передана чрезвычайно любопытная образность плача матери бывшего наследника: *apaš anaš-šiš-ma GUD-uš maḥ huišyanti-ya-ma-kán GUD-iš UR šarrir* 'Мать же его подобно корове [заревела]: „У меня, де, живой еще, сильной коровы, вырвали чрево“'. Подобные скотоводческие сравнения нередки и в позднейшей хеттской литературе.

Против сестры царя и других членов царского рода, виновных в тяжелых преступлениях, принимаются меры, относительно мягкость которых контрастирует со строгостью телесных наказаний, угрожающих рядовым придворным. Это

говорит о том, что социальное расслоение зашло уже достаточно далеко. Неравноправие было связано в эту эпоху с социальными, имущественными и географическими различиями между разными группами свободного населения и рабов. Об этом же свидетельствует содержащийся в завещании Хаттусилиса запрет местным старейшинам говорить с царем.

К завещанию Хаттусилиса I примыкают некоторые фрагменты политического и исторического характера, написанные примерно в то же время (около XVII в. до н. э.). К этой группе текстов принадлежит весьма архаичный по языку назидательный сборник рассказов о придворных, тяжело поплатившихся за совершенные ими проступки (в том числе за связь с хурритами — врагами хеттов), а также отрывок, в котором царь грозит своим придворным тяжкими наказаниями в случае, если они нарушат слово царя и станут на сторону ненавистной ему «змеи». Не исключено, что в этом последнем отрывке речь идет о той же матери отстраненного наследника, которая названа «змеей» и в завещании Хаттусилиса I. Несколько мест этого отрывка почти дословно совпадает с завещанием Хаттусилиса I; содержащийся в обоих документах запрет нарушать слова царя может свидетельствовать о наличии традиции, восходящей еще к надписи Аниттаса.

В упомянутом отрывке, содержащем проклятия по поводу «змеи», сохранена архаичная формула, отражающая культ огня: *udār-mit paḥṣanuttēni hašši paḥḥur paraišteni* 'слова мои (т. е. царя) храните, огонь в очаге поддерживайте'. Поддержание огня в очаге знаменует благополучие страны и связывается с сохранением родовой и государственной традиции, т. е. с соблюдением завещания царя. Этот текст напоминает о многочисленных этнографических параллелях: известно, что благополучие племени, по представлению многих народов, связано с сохранением священного огня, поддержание которого является важной общественной обязанностью. Приведенная сакральная формула, говорящая о поддержании огня в очаге, по-видимому, унаследована от эпохи единства анатолийских языков с другими индоевропейскими, о чем свидетельствует полное этимологическое совпадение хеттского *hašši paḥḥur* 'в очаге огонь' с осским *aasal purasial*, дважды повторяющимся в одной из древних италийских надписей. Требование 'охранять огонь' (*paḥḥur paḥṣ-*) повторяется и в новохеттском тексте наставлений служителям храма; возможно, что само хеттское индоевропейское название огня *paḥḥ-ur* (родственное греч. *πῦρ*, умбрск. *pir*, тохарск. *A por*, кучанск. *puwār*, нем. *Feuer*, англ. *fire* и т. п.) образовано от того же корня, что и глагол *paḥḥ-š-* 'охранять' (родственный русск. *пасту*, латинск, *pascō*,

дринд, *pā-* и т. п.). О сохранении индоевропейского культа огня у хеттов вплоть до конца новохеттского периода свидетельствует также хеттский текст середины XIII в., в котором упоминается особая придворная должность «человека огня». Если в новохеттских текстах удастся найти данные о придворных и религиозных обязанностях и должностях, связанных с культом огня, то в указанном древнехеттском фрагменте особенно отчетливо обнаруживается связь этого культа с государственной (и более древней родовой) традицией.

В ряде древнехеттских документов XVII в. до н. э. (в том числе в надписи, дошедшей до нас в клинописном оригинале XVII в. до н. э., и в указанном выше отрывке, где отражается культ огня) упоминается борьба хеттов с городом Хальпа (княжество Ямхад в Северной Сирии, современное Алеппо). Эта борьба была эпизодом в тех сражениях древнехеттских царей с хурритами, о которых дает представление недавно найденный текст «деяний» Хаттусилиса I (на аккадском и хеттском языках). В этом тексте повествуется о походе Хаттусилиса I на юг Анатолии (в Арцаву) и в Северную Сирию (к Алалаху, находившемуся в хурритской области). Хаттусилис сообщает, что он разбил своих врагов, пересек Евфрат и после походов в хурритские земли вернулся в хеттскую столицу Хаттусас с богатой добычей, в том числе с многочисленными произведениями хурритского искусства (изображениями богов, перечисляемыми в тексте «деяний» Хаттусилиса). Продолжением походов Хаттусилиса I явилась военная деятельность его сына Мурсилиса I, который покорил город Хальпа и около 1650 г. до н. э. взял Вавилон. Об этом периоде наибольшего могущества древнехеттских царей и о последующем времени упадка, раздоров и междоусобиц рассказывается во вводной исторической части важнейшего хеттского политического документа XVI в. до н. э. — обращения царя Телепинуса I к собранию (панкусу). Документ Телепинуса близок к завещанию Хаттусилиса по своему назначению: оба документа представляют собой обращение царя к собранию, связанное с определением нового порядка наследования и с установлением взаимоотношения царской власти и полномочий собрания. Сходство в содержании обоих документов приводит и к ряду дословных совпадений, заставляющих думать, что завещание Хаттусилиса (или другие аналогичные обращения хеттских царей к панкусу) было в известной мере образцом для Телепинуса. Это тем более вероятно, что Телепинус описывает первых хеттских царей (в том числе и Хаттусилиса) как образцовых правителей, которым он желает следовать.

Совершенно в тех же выражениях, что и Хаттусилис, Телепинус говорит о том, что не следует действовать «тайно» (хеттск. *duddumili*), что царь не должен прощать на словах (хеттск. *parkunu-* 'прощать', 'отпускать'), а на деле преследовать подданных. Как Хаттусилис, так и Телепинус подчеркивают свое милостивое отношение к их врагам, принадлежавшим к знатным родам. Хаттусилис, говоря о своем милостивом обращении с отстраненным наследником и с «дочерью», которая была замешана в восстании, дважды повторяет формулу: *nu azzikkidu akkuškiddu* 'пусть он (она) ест [и] пьет'. Телепинус, характеризуя свое милостивое отношение к пощаженным им противникам — братьям Хуццияса, употребляет ту же формулу: *nu-za-za azzikkandu akkuškandu* 'пусть, де, они себе едят и пьют'. Употребление этой традиционной формулы не позволяет сомневаться в том, что Телепинус воскрешал старый обычай, а не вводил новый.

В связи с тем, что многие из установлений Телепинуса (как и само его обращение к панкусу) представляют собой возрождение древнейших обычаев, заслуживает внимания то, что и имя этого царя является хаттским (как и имя Лабарны — древнейшего из тех старых царей, на которых он ссылается). Оно совпадает с именем исчезающего и возвращающегося бога плодородия Телепинуса (*Telepinuš*), культ которого хетты заимствовали у аборигенов, говоривших на языке хатти.

Телепинус восстанавливает прежние функции древнего собрания. Вместе с тем необходимость принятия решительных мер приводит Телепинуса к нововведению: панкус получает право созывать собрание (*tulija-*, родственно лувийск. *tulija-*) для суда над царем, который посягнет на жизнь своих родственников. Закрепляя реформу порядка наследования, начатую Хаттусилисом I, Телепинус устанавливает нормы наследования, действовавшие на протяжении всего новохеттского периода.

Несмотря на то что Телепинус выступает в роли реформатора, в его документе можно найти свидетельства о некоторых обычаях более древнего времени и связанной с ними терминологии. Так, говоря об актах кровной мести, которые происходили в эпоху, предшествовавшую его царствованию, Телепинус дважды употребляет восходящее, вероятно, к эпохе родового строя выражение *ešhar šanḥ-* 'стремиться к крови', 'требовать мщения'; оно означает, что боги требуют кровной мести за убийство. К характерным выражениям, связанным с обычаем кровной мести, принадлежат также используемые Телепинусом сочетания *ešhanaš iššaš* 'господин крови' (глава семьи убитого) и *ešhanaš uitar*

‘дело крови’. Употребляя эти древние выражения, Телепинус в то же время в известной мере пытается смягчить жестокость старых обычаев; наряду с кровной мстью в его документе предусматривается возможность возмещения за убитого. Эта тенденция к преобразованию древних обычаев особенно заметна в хеттских законах.

Приблизительно к эпохе Телепинуса можно отнести составление одного из вариантов хеттских законов, лежащего в основе дошедшего до нас текста, который сохраняет ряд особенностей, характерных для языка и графики древнехеттских памятников. Из текста законов видно, что при «отце царя» (возможно, при Телепинусе) имела место реформа законодательства, приведшая к значительному смягчению наказаний и к отмене некоторых древних обычаев (в частности, к замене в некоторых случаях человеческих жертвоприношений принесением в жертву овец; человеческие жертвоприношения в остальных случаях, однако, сохранялись, например, в обрядах очищения). Хеттское право к этому времени начало ориентироваться не столько на наказание виновного, сколько на возмещение пострадавшему. Соответственно с правовой реформой многие пункты законов сформулированы двояко: с указанием древнего обычая и более поздней юридической нормы, пришедшей ему на смену. Сходное противопоставление кровопролития, которое имело место «прежде» (*karu*), и законов, установленных царем, проводится и в документе Телепинуса. Вероятность того, что хеттские законы были составлены при Телепинусе, подтверждается также § 55 этих законов, где говорится о том, как подданные «отца царя» (т. е., вероятно, Телепинуса) просили его отменить существовавшие ранее льготы для жителей (восточных) городов, которые не несли повинностей. При этом сообщается, что царь пришел на собрание, чтобы сообщить об уравнивании в правах всех подданных; это собрание названо тем же термином (*tuliša-*), который используется Телепинусом для обозначения созванного им собрания.

Юридическая реформа, начатая при Телепинусе, получила дальнейшее развитие в дошедшей до нас части еще более позднего текста хеттских законов, относящихся уже к Новому царству; для этого позднейшего текста характерна замена возмещения людьми денежным возмещением.

Особый интерес представляет сохранившийся в тексте хеттских законов тариф, в котором стоимость мяса различных домашних животных оценивается посредством указания эквивалентных долей одной «овцы» (являющейся, таким образом, древней единицей измерения стоимости, ср. латинск. *pecus* ‘скот’, *pecunia* ‘деньги’, готск. *faihu* ‘имущество’,

восходящее, вероятно, к одному из более древних индоевропейских названий «овцы», ср. литовск. диалект. *pekus*); стоимость всех других товаров оценивается в серебре.

К древнехеттскому периоду можно возвести наиболее древние мифологические тексты, связанные с хаттской («протохеттской») традицией. Эти мифы дошли до нас в качестве составных частей архаичных ритуалов. Составной частью ритуала *purullijaš* (старый хаттский праздник Нового года, название которого заимствовано хеттами из хаттского *purulli-*) является мифологический рассказ о «змии» (хеттск. *illujanka-*). Этот рассказ может быть сопоставлен с аналогичными ритуальными сражениями божества с его врагом, которые приурочивались к новогоднему празднику у различных народов мира. Миф дошел до нас в двух вариантах, причем в тексте ритуала *purullijaš* указывается, что рассказ, повествуемый во время ритуала, больше уже не излагается так, как прежде (ср. выше об аналогичных формулировках в текстах юридического характера).

Второй древний миф, связанный с хаттской традицией, описывает исчезновение бога и засуху, вызванную этим исчезновением, попытки других богов найти и вернуть исчезнувшего бога, его возвращение и возрождение природы. Этот миф может быть реконструирован на основании близких друг к другу хеттских версий, различающихся тем, что в них в качестве исчезающего божества выступают разные боги, связанные с хаттским пантеоном: хаттский бог плодородия Телепинус и бог грозы.

Для сравнительного изучения хеттской религии особенно интересны атрибуты культа Телепинуса, в частности, связь культа Телепинуса с вечнозеленым деревом, называвшимся по-хеттски *eja-* (возможно, родственно индоевропейским словам со значением «вечный»: готск. *aiws*, латинск. *aevum*, *aeternum*, греч. *αιών*, авест. *ayu-*, *yu-* и т. п., хотя с фонетической точки зрения эта этимология может вызывать возражения). Использование этого дерева в качестве символа Телепинуса можно сравнить, например, с ролью ели в рождественских обрядах. То, что за Телепинусом посылается пчела, которая должна его вернуть, также находит параллели в мифах других народов (в том числе в «Калевале»).

Как и повесть о змии, миф о Телепинусе сохранился в качестве составной части ритуальных текстов: этот миф входил в ритуал, призванный смягчить гнев богов. Возможно, что некоторые из соответствующих ритуальных текстов (в которых упоминаются царь и царица, а также человек по имени Пирвас) были составлены уже в новохеттский период, но в основе своей миф о Телепинусе восходит к древнехеттскому.

3. ПАМЯТНИКИ ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА

Язык древнехеттских текстов XVIII — XVI вв. до н. э. и примыкающих к ним юридических, ритуальных и мифологических документов во многих отношениях (прежде всего по синтаксису, отчасти также и по морфологическим формам имени) существенно отличается от языка чрезвычайно многочисленных памятников эпохи Нового царства (XIV — XIII вв. до н. э.). Древнехеттский период отделен от новохеттского промежутком приблизительно в 150 лет, на протяжении которого письменные памятники почти совершенно отсутствуют (если не считать дарственных на землю, относящихся, видимо, к этой эпохе); сохранились лишь перечни имен царей этого («среднехеттского») периода; в действительном существовании этих царей, однако, не приходится сомневаться.

Возможно, что начиная именно со среднехеттского периода хетты во все большей степени испытывают начавшееся еще в древнехеттский период влияние культуры хурритов, выступающих в начале новохеттской эпохи в качестве наиболее мощных противников хеттов в Северной Сирии и Месопотамии. Хурриты в середине II тысячелетия до н. э. образывали несколько государственных объединений, которые все в целом назывались по-хеттски *hurraš udne* 'страна хурритов'. От собственно хурритских областей отличалось могущественное царство Митанни, в котором с хурритским слоем населения сосуществовал арийский, образовавшийся благодаря вторжению арийских племен в Переднюю Азию. В частности, имена правителей Митанни и богов, упоминаемых в договоре между хеттским царем и царем Митанни, носят явно арийский характер. Как показывают переднеазиатские (в частности, аккадские) клинописные источники, смешанное хурритско-арийское двуязычие, существовавшее в Митанни (а, возможно, и в некоторых других хурритских землях), привело к возникновению целого ряда гибридных слов, образованных от арийских корней посредством хурритских суффиксов [в частности, в аккадских текстах сохранился ряд заимствованных терминов, представляющих собой отыменное образование от арийских корней с хурритским суффицированным артиклем $-(a)n(n)i$]. В свете этих фактов становится понятным, почему с хурритским влиянием связано проникновение в язык новохеттских текстов целого ряда не только хурритских, но и арийских заимствований.

Военное могущество арийских правителей Митанни было связано прежде всего с исключительно высокой техникой коневодства. В этой области арийские специалисты оказались

учителями не только индоевропейских народов Передней Азии (хурритов и ассирийцев), но и хеттов, которые, хотя уже в эпоху Аниттаса и были знакомы с использованием лошадей и боевых колесниц, до новохеттского периода не владели столь высоким искусством коневодства, как арийцы.

Искусство коневодства, которому хетты и другие народы Передней Азии учились у арийских мастеров этого дела, подробно описывается в специальных коневодческих текстах написанных на хеттском языке уроженцем Митанни — хурритом Киккули и другими хурритами. Киккули именуется себя арийским термином aššuššani — 'конюх'; тот же арийский термин в ассирийской форме susānu (ср. вавилонск. šušānu) встречается в ассирийской книге о коневодстве, написанной на аккадском языке на рубеже XIV и XIII вв. до н. э. (т. е. примерно тогда же, когда написан трактат Киккули) и очень сходной с хеттским трактатом. В наставлениях о том, как следует обращаться с лошадьми, употребляется ряд арийских терминов, иногда сопровождаемых хеттскими эквивалентами (например, арийск. yartana — 'поворот; круг, на котором тренируют лошадей' сопровождается поясняющим хеттским словом yaḥnuḥar 'поворот'). В этом трактате, для составителя которого хеттский язык не был родным, встречаются некоторые хурритские слова, которым во всех остальных текстах новохеттского периода соответствуют собственно хеттские синонимы: так, в значении «трава» в книге о коневодстве используется хурритское заимствование uzahri, а в остальных хеттских текстах — хеттское uelku.

Особенно значительным в новохеттский период было хурритское влияние в области религии. Если религия древнехеттской эпохи в существенных своих чертах может быть понята как преобразование древней общепантолийской (индоевропейской) системы религиозных представлений под воздействием хаттской, то новохеттский период характеризуется отображением знаковой системы древнехеттской религии на хурритскую систему.

Сплав хурритских элементов с хаттскими можно обнаружить даже в культе главного бога древнехеттского пантеона — бога грозы. В новохеттский период атрибутами культа этого бога становятся два мифологических быка, носящих хурритские имена: Hurriš (хурритск. hurri — 'ночь') и Seriš (хурритск. seri — 'день', ср. мегрельск. seri — 'ночь', груз. seroba).

Влияние хурритской религии на хеттскую особенно заметно в целом ряде новохеттских ритуальных текстов, в которых жрец во время священнодействия говорит «по-хуррит-

ски» (хеттск. *hurlili*). Такие ритуалы часто содержат значительное число хурритских слов и выражений и по существу представляют собой креолизованные хеттско-хурритские тексты. Некоторые из хурритских терминов, регулярно встречающихся в ритуалах этого типа, в других ритуальных текстах находят собственно хеттские эквиваленты (ср. со сказанным выше об использовании хурритских слов в трактате Киккули). Так, в хурритизованных ритуалах хурритское *šehelli-* 'чистота' сочетается с индоевропейским хеттским словом *qatar* 'вода' в выражении *šehellišaš qatar* 'ритуально чистая вода' (возможно, что это выражение первоначально значило 'живая вода', ср. урартск. *šeheri-* 'живой', сопоставимое с хурритск. *šeheli-*); в других ритуальных текстах в том же значении используется собственно хеттское *šuppi qatar*.

В новохеттский период на хеттский язык было переложено значительное число произведений хурритской литературы, среди которых наибольшее значение имеет эпическое повествование о царствовании на небесах, где описывается последовательный переход власти от одной династии богов к другой, и эпическая поэма о боге Кумарби. Два последних сочинения представляют особый интерес для истории мировой культуры, так как они являются звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией (в частности, с «Теогонией» Гесиода). Можно думать, что именно через посредство хеттских переложений греки, находившиеся уже во второй половине II тысячелетия до н. э. в бассейне Эгейского моря, познакомились с переднеазиатской поэтической традицией. В пользу этого предположения говорит в частности, и то, что гомеровское название «крови богов» *ixōp* заимствовано из хеттского или из другого анатолийского диалекта, близко родственного хеттскому (ср. хеттск. *išhar* 'кровь' из более древнего *ešhar*). О контакте греческих ахейских племен с хеттами свидетельствуют многочисленные новохеттские тексты, в которых говорится об ахейцах (по-видимому, речь шла об ахейцах на территории Малой Азии; соответствующее государственное образование по-хеттски называется *Ahhiyaša*).

Сюжет переведенной на хеттский язык хурритской мифологической поэмы о смене четырех поколений богов на небесах аналогичен повествованию Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу и от Кроноса к Зевсу. Сюжет поэмы о боге Кумарби — «Песни об Улликумми» напоминает гесиодовский миф о Тифоне. Низвергнутый бог Кумарби, желая отомстить своим врагам, родит от скалы (*Peruna-*) сына — каменное чудовище с хурритским именем Улликумми и хеттским прозвищем Кункунуцци, что можно перевести как «камен-

ный убийца» (хеттск. *Kunkunuzzi*, название орудия действия от интенсивной основы, произведенной путем удвоения корня *kuen-* 'бить', 'убивать').

Несмотря на то что «Песнь об Улликумми» является переводным сочинением, в языке этой поэмы, вероятно, отразились некоторые черты, свойственные языку более древних хеттских мифологических сказаний. Подобно тому как наскальные барельефы галереи Язылыкая представляют собой изображения древнехеттских богов, переосмысленные в соответствии с хурритской религией, в тексте «Песни об Улликумми» можно найти следы древнехеттского (а иногда и еще более древнего индоевропейского) словоупотребления, приспособленного для передачи хурритского мифа. Выше уже отмечалось то, что использование индоевропейского хеттского названия «скалы» *peguna-* для обозначения матери Улликумми (каменного орудия мщения) можно сравнить с использованием родственных слов в других индоевропейских языках, в частности, древнеисландского *Fjörgyn-*, имени матери бога грома (орудием которого был каменный молот). Употребление в качестве хеттского прозвища Улликумми слова *Kunkunuzzi-*, произведенного от корня *kuen-* 'убивать', можно сравнить с использованием того же индоевропейского корня в древнеиранском (авестийском) названии мифологического существа *Vərədraǰna-* (из **vrtraghna* 'уничтожающий сопротивление', где второй элемент родственен хеттскому *kuen-* 'бить', 'убивать'); ср. также ведийскую редулицированную основу *ghanaghana* 'сильный в сражении', от того же корня и ведийские интенсивные причастные формы *jāṅghanat-*, *jāṅghnat-*, *ghāniḡhnat-* с такой же интенсивной редупликацией, как в *Kunkunuzzi-*.

Особенно интересно упоминание в «Песни об Улликумми» собрания богов. В эпических произведениях Древнего Востока собрание богов обычно является проекцией на небеса реального народного собрания. В поэме «Песнь об Улликумми» упоминание о собрании богов может быть, как полагают некоторые хеттологи, литературным мотивом, заимствованным хеттами у других народов Передней Азии (поскольку вся поэма в целом не является оригинальным произведением). Однако показательно, что в качестве названия «собрания» богов в «Песни об Улликумми», как и в некоторых других текстах новохеттского времени, используется тот же термин (*tuliḡa-*), который в документе Телепинуса употребляется как обозначение юридической инстанции, созываемой в экстремных случаях для суда над царем или знатными преступниками. В хеттских законах этот же термин *tuliḡa-* 'собрание' использовался в параграфе, где речь идет о совещании царя с его подданными в связи с пересмотром старых законов.

Таким образом, в текстах, восходящих к XVI в. до н. э., *tulija-* используется в качестве названия «собрания» как политической и юридической инстанции. В позднейших новохеттских текстах этот же термин употребляется для обозначения «собрания» всех богов хеттского государства, созываемых в качестве свидетелей при заключении государственных договоров (при этом используется то же сочетание *tulija-* 'собрание' с глаголом *halzai-* 'созвать', которое употребляется в документе Телепинуса); в этом новохеттском словоупотреблении значение «собрание» уже почти совсем выветрилось, но само это словоупотребление могло возникнуть лишь на основе более древнего использования *tulija-* как названия совета богов, аналогичного хеттскому собранию. В этом отношении, как и в некоторых других, «Песнь об Улликумми» примыкает к древнехеттской стилистической традиции.

В новохеттский период с хурритского языка на хеттский было переведено большое число литературных произведений помимо эпоса о смене династии богов и «Песни об Улликумми».

Хурритское влияние проникало к хеттам главным образом через посредство Северной Сирии и южных областей Малой Азии. Южные области Малой Азии были уже в древнехеттский период (как показывают собственные имена и свидетельства хеттских законов) территорией распространения лувийского языка; вместе с тем позднее область Кицуватна сыграла особую роль в распространении хурритского влияния на хеттскую религию. Сходное сочетание лувийских элементов с хурритскими можно предполагать и по отношению к Северной Сирии, где лувийские и хурритские собственные имена встречаются уже с начала II тысячелетия до н. э., а один из лувийских диалектов сохраняется вплоть до I тысячелетия до н. э., когда на нем были составлены так называемые «иероглифические хеттские» тексты. Смешанной хурритско-лувийской культуре Северной Сирии в последнее время приписывается создание монументального изобразительного искусства, памятники которого в Сирии и Малой Азии неразрывно связаны с иероглифическими надписями. Этот хурритско-лувийский монументальный стиль, основной областью распространения которого является Северная Сирия, в новохеттский период оказал значительное влияние и на искусство Анатолии, что, безусловно, связано с хурритским воздействием на хеттскую культуру. С этими культурными влияниями следует связать также и увеличение роли иероглифического письма в официальных надписях новохеттского времени. Одна из первых иероглифических надписей — это печать князя области Кицуватна (XVI в. до н. э.). Характерно, что хурритские подписи под барельефами хеттских богов

в галерее Язылыкая выполнены иероглифическим письмом. Очевидно, что хурритское влияние на хеттскую культуру, воздействие хурритско-лувийского искусства Сирии на изобразительное искусство Анатолии и более широкое использование иероглифического письма в официальных надписях в новохеттский период были тремя проявлениями одного и того же культурно-исторического процесса, который вел к преобразованию культуры центральной части хеттского государства под влиянием южных областей, постепенно включавшихся в его состав.

Наиболее важным языковым выражением того же процесса было появление многочисленных лувийских элементов в языке хеттских текстов новохеттского периода. Лувийское языковое влияние особенно заметно в группе ритуальных текстов, по происхождению связанных с южными областями Малой Азии, а по времени — с началом новохеттского периода (около 1400 г. до н. э.). В этих ритуалах содержится ряд лувийских отрывков, произносимых жрецом (чаще всего жрицей) «по-лувийски» (хеттск. *luḫili-*). Кроме того, как эти ритуалы, так и многие другие хеттские ритуальные тексты новохеттского времени, содержат чрезвычайно многочисленные лувийские заимствования. Заимствования из лувийского языка (или из какого-то другого анатолийского диалекта, очень близкого к лувийскому) очень часто встречаются и в других новохеттских текстах различных жанров, в особенности в тех, язык которых был, по-видимому, близок к разговорному. Многие из этих заимствований в новохеттских текстах отмечались особым клинообразным знаком (так называемым «глоссовым клином»), который ставился перед соответствующим словом. Характерно, что в новохеттских текстах лувийские существительные и глаголы, как и хурритские существительные, встречаются в формах, свойственных тому языку, из которого они заимствованы. В этой связи следует отметить, что у некоторых писцов, переписывавших хеттские тексты, были лувийские и хурритские имена. Влияние лувийского и хурритского языков на хеттский в новохеттский период осуществлялось одновременно, причем можно предполагать, что лувийский (возможно еще ранее испытывавший на себе хурритское влияние) часто выступал в качестве посредника.

Связь хурритских и лувийских элементов в текстах новохеттского периода особенно наглядно обнаруживается в ритуальных отрывках, связанных с коневодством, где хурритские названия божеств и хурритское название лошади [*išši(ia-)*], заимствовано из арийского] употребляются в тексте, в котором далее жрец должен говорить «по-лувийски». Характерно и то, что в лувийских частях новохеттских ритуалов встречается в лувийской форме хурритское имя богини Иштар

Saušgašši- (образовано от хурритск. Saušga- посредством лувийского суффикса -ašši-; функционально тождественный суффикс -all- засвидетельствован в палайском имени бога-евда Saušh-alla-, представляющем значительный интерес как единственный пример хурритского влияния на палайский язык и религию).

Контакты с Сирией, существенные для проникновения хурритских культурных веяний, привели в новохеттский период также и к ханаанским литературным влияниям: так, в Богазкёе найден фрагмент хеттского перевода ханаанского мифологического текста о боге 'l qn'rs (хеттск. El-ku-ni-ir-ša-aš). Тесные связи хеттского царства с Угаритом (Рас Шамра) подтверждаются и последними находками в самом Угарите, наличием хеттских заимствований в угаритском эпосе о Керете и другими фактами. Некоторые угаритские тексты оказались ценным источником для истории хеттского языка периода Нового царства, так как в них сохранились хеттские термины, еще не обнаруженные пока в памятниках Богазкёйского архива. В Угарите найден единственный известный до сих пор частный правовой документ на хеттском языке и аккадское переложение хеттской басни; письмо на хеттском языке найдено также в Алалахе (Сев. Сирия).

Важнейшими оригинальными памятниками новохеттской литературы являются царские анналы. Походы царя описываются с помощью многочисленных штампов, повторяющихся из одного текста в другой. Хеттский царь «приводит в порядок» (хеттск. taninu-) взятый им враждебный город (или захваченную им страну): «сжигает дотла» (хеттск. arḫa ḫarnu-) все дома, захватывает добычу, уводит в страну хеттов захваченный скот и рабов-военнопленных (идеограмма NAMRAMES, хеттск. arnuḫala- букв. 'тот, кто должен быть уведен', особый социальный класс, занимавший в хеттском обществе положение, несколько более независимое, чем положение обычных рабов).

Сохранились анналы, повествующие о подвигах первого крупного царя новохеттского периода — Суппилулиумаса (примерно 1385—1345 гг. до н. э.), составленные от имени его сына — царя Мурсиласа II (около 1343—1313 гг. до н. э.).

Дошли до нас также и анналы самого Мурсиласа II, составитель которых проявил себя как выдающийся писатель-историк.

Анналы Мурсиласа и Суппилулиумаса показывают, что историческое искусство у хеттов достигло весьма высокого уровня. Можно думать, что хеттские анналы царей оказали влияние и на позднейшие ассирийские исторические сочинения.

К жанру царских анналов близка автобиография Хаттуси-

лиса III (правление которого относится примерно к 1283—1260 гг. до н. э.) — ценный исторический источник, описывающий жизнь хеттского государства с точки зрения макиавеллистически мыслящего политика. Через автобиографию Хаттусилиса красной нитью проходит идея связи царя с божеством. Каждый шаг царя (в том числе и такие его поступки, которые являлись нарушением норм хеттского права) соответствует воле его покровительницы — хурритской богини Иштар. Культ Иштар объявляется семейной привилегией рода Хаттусилиса; этому роду в будущем должны быть обеспечены все льготы (в том числе и имущественные), связанные с отправлением этого культа. Хаттусилис утверждает, что, даже ополчившись против законного царя, он все же не сделал ничего, что нарушило бы освященные религией нормы. Документ Хаттусилиса интересен как для исследования роли царя в новохеттский период, так и для изучения реальной политической жизни, с большой откровенностью (хотя и очень тенденциозно) описанной в этом тексте. Путь Хаттусилиса к царской власти лежит через ряд интриг и преступлений, благодаря которым он постепенно оттеснил от власти других членов царского рода, имевших на нее законное право.

Документ Хаттусилиса III является одной из первых автобиографий, известных в мировой литературе. В отличие от ряда других литератур Древнего Востока, растворявших личность автора в безличном изложении политических, правовых и нравственных истин, хеттская письменная традиция (начиная уже с завещания Хаттусилиса I и документа Телепинуса) характеризовалась подчеркнутым вниманием к личности автора (или составителя) текста (это можно сопоставить с вниманием к личности свободного хетта, отмечаемым некоторыми хеттологами в хеттских законах, и с осознанием нравственной и исторической ответственности личности, которое выступает в ряде новохеттских религиозных текстов). Характерно, что во многих хеттских сочинениях указываются имена их составителей (например, в книге Киккули о коневодстве, в ритуале Паланикри, в рассказе о змии, ведущемся от имени жреца Кела, и т. д.). В ряду таких произведений хеттской литературы, в которых внимание сосредоточивается на самом авторе, автобиография Хаттусилиса выделяется особенно личным характером содержания и формы текста (в частности, это относится к рассказу о детстве Хаттусилиса, который, по-видимому, повлиял на позднейшие иероглифические лувийские тексты, и к повествованию о его любви к жене — Пудухепе). Язык и стиль автобиографии, по-видимому, отражают черты, свойственные разговорной речи. В частности, это сказывается в характере

некоторых образов (например, о своем враге Хаттусилис говорит, что он запер его, как свинью в хлебе), в синтаксисе и в обилии слов, заимствованных из лувийского языка. Поэтому автобиография Хаттусилиса может считаться одним из наиболее показательных образцов новохеттского языка (извлечение из начала автобиографии дано в приложении к настоящему изданию).

С автобиографией Хаттусилиса III могут быть сопоставлены некоторые другие тексты, написанные от имени хеттских царей и цариц, где общий религиозный характер памятника сочетается с личной нотой, звучащей в обращении автора к богу.

Наиболее значительным из таких текстов являются молитвы царя Мурсилиса II, написанные в форме письма к богам во время чумы, опустошавшей хеттское царство. Этот далекий прототип проповеди Панелу в книге Камю поражает искренней болью, чувствуемой в описании эпидемии, охватившей всю страну.

С именем Мурсилиса II связан также ряд других молитв и религиозных текстов, из которых для лингвиста уникальный интерес представляет рассказ Мурсилиса о том, как он лишился дара речи. Это первый в истории человеческой культуры рассказ об афазии, которой Мурсилис в соответствии с воззрениями своего времени дает религиозную интерпретацию.

Из молитв хеттских царей выделяется молитва Пудухепы. Ее молитва, обращенная к солнечной богине Аринне, отличается высоким лиризмом. Для изучения свойственной хеттской литературе скотоводческой образности большой интерес представляют содержащиеся в этой молитве метафоры: так, Пудухепа называет себя «телкой из коровника солнечной богини Аринны».

Вместе с тем молитвы и ритуальные тексты новохеттского времени представляют собой ценный источник для исследования социальной структуры и истории хеттского общества. Представление о божественном происхождении власти царя, отличающее Новое царство от Древнего, всего явственнее выражено в новохеттской молитве о царе. Согласно этой молитве, бог грозы, которому принадлежат небо, земля и народ, отдал страну хеттов царю, чтобы тот правил ею. В этой молитве отношения между богом и царем описываются точно в тех же терминах, которые обычно употребляются в хеттских текстах, когда речь идет об отношениях между хеттским царем и его вассалами, в частности, в сбоях случаях употребляется глагол manijaḥḥ 'править (о вассале)'. Хеттская религия в эпоху Нового царства еще сохраняет достаточно примитивный характер, поз-

воляющий легко восстановить те реальные отношения, которые проецируются на небо. Вместе с тем благодаря консервативности религиозной традиции в хеттских ритуальных текстах сохраняются термины, не встречающиеся в других памятниках новохеттского периода. Так, древнехеттское название панкуса, родового и племенного собрания (*pankuš*) в новохеттский период сохраняется только в религиозных текстах — в сочетаниях *paŋayaš lala* 'язык панкуса', *paŋayaš* IGI^{HLA} 'глаза панкуса', *paŋayaš TI-tar* 'жизнь панкуса' и *paŋayaš huššil* 'котел (отхожее место) панкуса' (сходное употребление термина *huššil* 'котел' отмечается также и в тексте, посвященном царю). Это можно объяснить тем, что древнее собрание отмирает как юридическая и политическая инстанция, но сохраняется еще в качестве религиозного сообщества, что часто наблюдается по отношению к древним родовым органам.

Для уяснения судьбы областей, опустошенных хеттскими войсками при завоевательных походах, важен ритуал, посвященный проклятию завоеванного города. Из этого текста видно, что заселение опустошенного вражеского города запрещалось религией. Место, на котором стоял этот город, посвящалось богу грозы и объявлялось «пастбищем» (*yeši-*) быков этого бога. Упоминание этих быков, носящих хурритские имена, делает несомненным то, что молитва относится к новохеттскому периоду, но торжественный запрет восстанавливать разрушенный город восходит к древнехеттской традиции, так как аналогичный запрет (также связанный с именем бога грозы) содержится и в надписи царя Аниттаса.

Новохеттские ритуальные тексты имеют особое значение для лингвиста потому, что в этих текстах сохраняются драгоценные свидетельства о тех языках, как индоевропейских (анатолийских: лувийском и палайском), так и неиндоевропейских (хатти и хурритском), в контакте с носителями которых находились хетты на протяжении своей истории. Включение целых отрывков на этих языках в новохеттские ритуальные тексты было связано с тем, что хеттская религия представляла собой сумму всех тех религий, с которыми сталкивались хетты. Дошедшие до нас списки «1000 богов хеттского царства» включают божества хаттского, хурритского, вавилонского, лувийского происхождения; в религиозных текстах упоминаются также палайские и арийские боги (например, арийский бог огня *Agni*). В хеттский пантеон включались боги всех областей, присоединявшихся к хеттскому государству. При этом культ каждого божества отправлялся на том языке, с которым это божество было первоначально связано. Благодаря такому всеобъемлющему

характеру хеттской религии в ритуальных текстах новохеттского времени можно найти культовые отрывки на ряде языков, которые известны в основном только по этим отрывкам.

Тексты религиозного содержания, составляющие основную массу богазкёйских клинописных памятников, чрезвычайно разнообразны по своему характеру. Помимо ритуалов, молитв, гимнов и списков богов к ним относятся тексты обетов, необычайно многочисленные описания религиозных праздников и церемоний, наставления служителям храма, списки и описания предметов (в том числе изображений богов), использующихся при ритуальных действиях, тексты оракулов (часто остающиеся весьма темными из-за неясности ряда технических терминов). В целом эти тексты дают очень полное представление о внешней обрядовой стороне хеттской религии и об основных религиозных идеях хеттов.

С религиозными текстами по своему характеру тесно связаны астрологические памятники, в которых отразилось состояние науки у хеттов, лишенной всякой самостоятельности и полностью зависящей от вавилонских образцов. Хеттские астрологические тексты представляют собой точную копию аккадских. Хотя эти тексты датируются новохеттским периодом, они связаны с древнехеттской традицией, так как в них можно отметить черты сходства с древнехеттско-аккадскими двуязычными текстами, ср., например, одинаковое использование хеттского *pangai* 'целому [войску]' в качестве эквивалента аккадского *nagbat* в завещании Хаттусилиса I и в хеттских переводах аккадских астрологических предсказаний. О достаточно древней дате хеттско-вавилонских культурных связей говорит также и терминология богазкёйских текстов, посвященных гаданию по печени; эта терминология, несомненно возникшая под влиянием вавилонской, тем не менее существенно отличается от вавилонской, установившейся уже ко времени Хаммурапи. Тексты, посвященные гаданию по печени, и модели печени с клинописными надписями (изготовлявшиеся в учебных целях), которые найдены в Богазкёе, особенно ценны для исследования культурных связей в восточном Средиземноморье, так как аналогичные археологические находки обнаруживаются не только в Месопотамии, но и в древней Италии (в области этрусской культуры).

Под вавилонским влиянием у хеттов развивались также зачатки лингвистики, о чем свидетельствуют фрагменты трехязычных шумерско-аккадско-хеттских словарных списков. Основанные на вавилонских словарных списках, эти хеттские словари указывают хеттские эквиваленты соответствующих шумерских и аккадских слов (которые, однако, не

всегда правильно понимались хеттскими составителями словарей). О серьезных занятиях хеттов аккадским языком свидетельствуют разнообразные тексты на этом языке (в том числе исторические и политические документы), найденные в Богазкёе. Вместе с тем этот язык входил в число языков, ритуальные отрывки на которых вставляются в хеттские ритуальные тексты; соответствующие отрывки, как сообщается в текстах, произносились «по-вавилонски» (хеттск. URU *papili*). Сам характер хеттской клинописи, в которой широко использовались аккадские написания и шумерские идеограммы, требовал от писцов определенных знаний в области шумерского и аккадского языков.

Используемая хеттами система комбинированного обозначения хеттских слов посредством идеограмм и фонетических написаний делала в известной мере необходимым предварительный морфологический анализ слова. Поэтому хеттские писцы в какой-то степени вынуждены были решать вопросы лингвистического характера.

Значительное развитие к концу новохеттского периода получил вид деятельности, предвосхищавший современную документалистику. Сохранившиеся в Богазкёйском архиве клинописные тексты каталогов документов этого архива (с указанием утраченных документов) и этикетки к отдельным документам свидетельствуют о тщании, с которым при последних царях (в XIII в. до н. э.) поддерживался порядок в царской библиотеке.

Поддержание царского архива было очень важно для сохранения государственной традиции. Уже в XVI в. до н. э. Телепинус завещает, что панкус в случае нарушения установленных им законов должен призвать будущего царя читать клинописную таблицу, составленную его предшественником: *tupiaz au* 'смотри в [клинописную] таблицу!' Такие запреты нарушать то, что записано в клинописных таблицах, соответствуют традиции, отраженной еще в надписи Аниттаса, и особенно характерны для хеттских государственных договоров. Показательно, что в новохеттский период один из главных сановников Хеттского царства носил титул *Tuppanuri* (*tpr* в угаритских текстах, вариант *tuppalanuri*), который может быть истолкован как 'главный (*uri*) над табличками (*tuppan*, род. пад. мн. ч.) и писцами' (*tuppala*-, ср. иерогл. *tupala* 'писец').

В Богазкёйском архиве тщательно сохранялись документы, относящиеся к государственным делам (государственные договоры, инструкции должностным лицам, царские дарственные грамоты) и к официальному культу. Значительно меньше осталось в нем таких текстов, относящихся к жизни частных лиц, которые позволили бы исследовать детали

экономической и социальной структуры хеттского общества и соответствующую обиходную лексику.

Высказывалось мнение, что такие документы могли быть написаны на непрочном материале (например, на дереве, см. ниже о хеттских иероглифических надписях на дереве); в пользу такой точки зрения приводились косвенные археологические аргументы. Около 1200 г. до н. э. столица хеттов — Хаттусас — была разрушена и клинописная хеттская традиция в Малой Азии прерывается (хотя анатолийские диалекты — среди них лидийский, особенно близкий к хеттскому, — известны в Малой Азии и в I тысячелетии до н. э.). «Иероглифические хеттские» надписи на юге Малой Азии и в Северной Сирии продолжают составляться вплоть до I тысячелетия до н. э., но язык этих надписей, практически являющийся лувийским диалектом, сильно отличается от клинописного хеттского, исчезновение которого следует датировать рубежом III в. и II в. до н. э.

4. ПИСЬМЕННОСТЬ И ФОНЕТИКА

Все прочитанные до настоящего времени памятники хеттского языка написаны клинописью. Но нельзя категорически утверждать, что клинопись была наиболее древним или единственным видом письма, которое использовалось хеттами. Возможно, что одновременно с клинописью или даже раньше, чем клинописью, хетты для записи текстов на хеттском языке пользовались также иероглифическим хеттским письмом.

Хеттская иероглифика по своему типу относится к таким иероглифическим системам письма, где идеограммы носят еще достаточно явный изобразительный характер, позволяющий исследовать соответствующие культурно-исторические реалии (так, например, использование рисунка «дерева» в качестве идеограммы бога Телепинуса объясняется отмеченной выше связью культа этого бога плодородия с вечнозеленым деревом *ēja-*). В древних иероглифических надписях последовательность изображений, возможно, соотносится не с последовательностью конкретных словоформ, а только с набором основных лексических значений, в них выраженных. Грамматические значения в этих архаичных надписях выражаются только порядком знаков (меняющих направление от строки к строке, а также в зависимости от декоративных целей, требующих заполнения всего пространства надписи). Таким образом, древнейшие иероглифические надписи принадлежат к таким ранним иероглифическим системам письма, где отчетливо обнаруживается их пиктографическое происхождение (как в раннем шумерском, египетском, арха-

ичном китайском, майя, андском и рапануйском письме). Постепенно увеличивается число и употребительность фонетических слоговых знаков, число которых в поздних надписях превышает 50 (при общем числе идеограмм и детерминативов, превышающем 300); поздние иероглифические тексты соотносятся с последовательностью конкретных словоформ того лувийского диалекта, на котором они написаны.

Эта система письма использовалась на территории хеттского царства, но еще не выяснено, применялось ли хеттское иероглифическое письмо для записи хеттских текстов. Расшифрованные «иероглифические хеттские» малоазиатские и сирийские надписи I тысячелетия до н. э. написаны на лувийском диалекте, отличающемся от клинописного хеттского (хотя и близко родственном ему). Более древние надписи II тысячелетия до н. э., выполненные иероглифическим хеттским письмом, пока еще не прочитаны, если не считать отдельных собственных имен, которые ничего не дают для определения языковой принадлежности надписей. Древнейшие надписи, выполненные иероглифическим письмом, датируются приблизительно началом II тысячелетия до н. э.; сохранились печати с иероглифическими хеттскими надписями, относящиеся к эпохе Древнего царства. Более широкое использование иероглифического хеттского письма на царских печатях и монументальных сооружениях эпохи Нового царства можно связать с влиянием хурритско-лувийской культуры Северной Сирии (см. выше). Окончательное решение вопроса о том, использовалось ли иероглифическое хеттское письмо всегда только для записи языков, отличных от клинописного хеттского, в настоящее время затрудняется не только тем, что не прочитаны древнейшие иероглифические надписи, но и тем, что значительное число (если не подавляющее большинство) этих надписей до нас не дошло. Очевидно, они погибли, потому что составлялись на дереве, о чем свидетельствует существование в хеттской клинописи специального идеографического знака *GIŠ.ḪUR* со значением 'рисунок', 'деревянная табличка с иероглифической хеттской клинописью', ср. также хеттские идеограммы *LÚ DUB. SAR. GIŠ* 'писец, пишущий (иероглифическими знаками) на дереве', *É LÚMEŠ DUB. SAR. GIŠ* 'дом писцов, пишущих (иероглифическими знаками) на дереве'. В Бююккале (Богазкёй) недавно обнаружены остатки склада, где некогда, по-видимому, хранились деревянные надписи, скрепленные печатями. Встречающееся в клинописных хеттских текстах выражение *ANA GIŠ. ḪUR-kán handan* 'согласно подлиннику, сообразно с иероглифическим хеттским текстом' может быть истолковано как свидетельство того, что оригиналы некото-

рых клинописных хеттских текстов были написаны иероглифическим хеттским письмом (ср. также иероглифическое *ha-tâ* = клинописн. *handan* в указанном выражении, выступающее в качестве иероглифической пометы в тексте клинописных хеттских ритуалов, по-видимому, переписанных с иероглифического источника). Можно было бы думать, что после усвоения клинописи хетты переписали некоторые древние иероглифические тексты посредством клинообразного письма. В этом случае можно было бы предположить, что в дальнейшем осуществилась функциональная дифференциация двух видов письма: клинопись в Анатолии использовалась для записи царских указов и текстов религиозного характера, тогда как иероглифическое письмо применялось в деловых документах на дереве, позднее погибших (характерно, что писцы, пишущие на деревянных таблетках, упоминаются в недавно напечатанном клинописном письме из Богазкёя). Иначе говоря, функции деревянных таблеток иероглифического хеттского письма в Анатолии, согласно этой гипотезе, были аналогичны роли глиняных таблеток линейного письма В в микенской Греции.

В пользу предположения о том, что два вида письма — клинописное и иероглифическое — употреблялись параллельно, говорит использование обоих в царских печатях, а также одновременное использование в хеттских текстах упомянутой выше идеограммы *É LUMEŠ DUB. SAR. GIŠ* 'дом писцов, пишущих (иероглифическими знаками) на дереве' и выражения *É dappas* (букв. дом клинописных табличек', ср. также идеограмму *É DUB. BA A* 'дом табличек', 'школа писцов'; два последних выражения относятся, очевидно, к установлениям, связанным с клинописными глиняными табличками, в отличие от первого, связанного с иероглифической письменностью на дереве).

Позднейшее использование под сирийским влиянием иероглифических надписей в монументальных сооружениях и печатях Нового царства в этом случае означало бы изменение более ранних функциональных отношений между двумя видами письма.

Один документ Мурсилиса II можно истолковать как сообщение о том, что он повелел писать на клинописных таблицах те религиозные установления, которые до этого, при царях среднехеттского периода, на юге Анатолии не охранялись должным образом по вине писцов, писавших иероглифами на дереве (которые «начали их искажать» — *uḫnuškiyan dair*, может быть, = *uḫnuškiyan dair* 'начали допускать их сожжение'). Можно было бы связать сожжение деревянных иероглифических таблиц со скудостью данных о среднехеттском периоде, когда возросла роль лувий-

ско-хурритского юга Анатолии. Вероятно, что некоторые клинописные хеттские тексты представляют собой не транслитерацию, а перевод иероглифических лувийских. Вместе с тем гипотеза об исконном лувийском характере иероглифического письма не противоречит предположению о том, что это письмо использовалось в повседневной жизни для деловых записей на дереве. Это можно было бы сопоставить с тем, что в эпоху Нового царства лувийские языковые элементы особенно часто встречаются в текстах, близких к разговорной речи (например, в автобиографии Хаттусилиса). Если значительная (или преобладающая) часть населения хеттского государства в это время говорила на лувийском языке, то естественно, что деловые документы составлялись на иероглифическом письме, тесно связанном с лувийским языком. С этой точки зрения, клинописная хеттская традиция к концу эпохи Нового царства была скорее унаследованным атрибутом власти хеттского царя, чем отражением реального языкового употребления. Поэтому прекращение этой традиции на рубеже XIII и XII вв. до н. э. при сохранении иероглифической лувийской можно объяснить падением централизованной власти хеттского царя, искусственно поддерживавшего в качестве государственного языка и письма систему, постепенно выходящую из реального употребления.

В настоящее время нельзя еще сказать, какому из двух альтернативных решений—в пользу хеттского или лувийского характера древнейших иероглифических текстов—должно быть отдано предпочтение. Но, во всяком случае, представляется возможным, что иероглифическая хеттская письменность была создана носителями одного из анатолийских языков (хеттского или лувийского) еще до их прямого соприкосновения с письменными цивилизациями Древнего Востока. Показательно, что иероглифическое хеттское письмо не может быть выведено ни из одной древневосточной системы письма. Влияние древневосточных цивилизаций можно видеть лишь в отдельных письменных знаках, как, например, в иероглифе, который в иероглифических надписях эпохи Нового царства ставится перед именами царей. Этот иероглиф, представляющий собой изображение крылатого солнечного диска, несомненно связан по происхождению с тем, что в новохеттскую эпоху хеттские цари называли себя титулом «Мое Солнце» (в древнехеттский период это самоназвание встречается лишь один раз — в завещании Хаттусилиса I). Как это самоназвание хеттских царей, так и соответствующий хеттский иероглиф следует связать с египетским влиянием, так как египетские фараоны, считавшиеся сыновьями бога солнца, сами себя назы-

вали титулом «Солнце», причем в качестве символа царя использовался тот же знак — изображение крылатого солнечного диска. Поскольку сам этот титул, характерный для древневосточного представления о царе, мог возникнуть лишь на сравнительно позднем этапе развития хеттского общества, можно с уверенностью отнести к тому же времени и влияние египетского символа царя на употребление хеттского знака. Однако и здесь речь может идти не столько о заимствовании данного знака, сколько о том, что под египетским влиянием стал использоваться в новой функции (для обозначения имени царя) знак, который ранее использовался в ином значении. О наличии туземных анатолийских истоков у этого знака говорит то, что он, как и многие другие хеттские иероглифы, по своей форме близок к символам, обнаруженным на памятниках древней материальной культуры Анатолии III тысячелетия до н. э. Таким образом, это исключение не противоречит общему выводу о независимости хеттского иероглифического письма от других систем письма Древнего Востока.

Можно считать вероятным то, что одна из двух названных (иероглифической и клинописной), а возможно, и обе эти системы письма уже имелись у хеттов к тому времени, когда в Малой Азии на рубеже III и II тысячелетий до н. э. возникли староассирийские колонии. Только этим можно объяснить то, что клинописная система, применяемая в староассирийских табличках, не была перенята хеттами. Хеттская клинопись восходит не к староассирийской («каппадокийской»), а к другому варианту клинописи, происходящему из староаккадской (последняя датируется примерно 2500—1950 гг. до н. э.).

Ряд особенностей богазкёйской клинописи, на которой написаны хеттские тексты и другие документы Богазкёйского архива, в частности, отсутствие специальных знаков для передачи семитских эмфатических согласных, чередование знаков для глухих и звонких согласных, особое использование некоторых знаков объединяет ее с письмом аккадских табличек из Нузи (середина II тысячелетия до н. э.), хурритской клинописью, засвидетельствованной в письме царя Митанни египетскому фараону Аменофису III (из архива Телль Эль Амарна, около 1400 г. до н. э.), клинописью аккадских табличек из Алалаха (Северная Сирия XVIII—XVII вв. до н. э.). Внутри этой группы вариантов клинописи особенно тесные связи обнаруживаются между хеттским клинописью, с одной стороны, и хурритской клинописью, с другой: только в двух этих системах в качестве особого графического приема используется противопоставление удвоенного и не удвоенного написания согласных для

передачи фонологических различий между двумя рядами согласных фонем (хотя сами фонологические различия, передававшиеся с помощью этого графического приема, в хеттском и хурритском языках могли не совпадать). Существуют и некоторые достаточно существенные расхождения между хеттской и хурритской системами письма, в частности, в передаче сибилянтов, а также в использовании идеограмм, широко применяющихся в хеттском письме, но не в хурритском (в этом отношении хурритские тексты ближе к лувийским и хаттским). Поэтому сходство хеттской и хурритской систем письма можно объяснить не заимствованием хеттами хурритской клинописи в ее известной нам форме, а общим происхождением хеттской клинописи и хурритской клинописи (в той ее форме, в которой она нам известна по письму царя Митанни) из какой-то другой системы, являющейся, таким образом, источником обеих нам известных. Существенно то, что как хеттская клинопись, так и хурритская имеют много общего также и с системой письма Алалаха, причем хеттское письмо сближается с алалахским даже в тех отношениях, в которых хеттская клинопись отлична от хурритской (в частности, в передаче сибилянтов). Простейшим объяснением этого сходства было бы предположение о том, что хеттская клинопись происходит непосредственно от системы письма алалахских табличек. Эта гипотеза не объясняет происхождения черт, общих только для хеттской и хурритской клинописи, но не для письма табличек из Алалаха (в частности, противопоставления удвоенного и неудвоенного написания согласных).

Таким образом, алалахская клинопись (и клинопись некоторых других северосирийских областей начала II тысячелетия до н. э.) целесообразно считать не источником хеттской и хурритской, а третьим звеном в цепи этих клинописных систем, родственных друг другу. Для исторического исследования связи между тремя этими системами письма особенно важно то, что население Алалаха и других северосирийских областей, клинописные памятники которых в XVIII—XVII вв. до н. э. выполнены письмом указанного типа, было в основном хурритским. Таким образом, обе системы письма, особенно близкие хеттскому, связаны с хурритами: первая (хурритская клинопись) представляет собой систему, использовавшуюся для записи хурритского языка хурритами в Митанни в период хеттского Нового царства, вторая — систему, использовавшуюся для записи аккадского языка хурритами в Северной Сирии в период хеттского Древнего царства. Представляется, что эти факты легче всего было бы объяснить, предположив, что как две эти системы письма, использовавшиеся хурритами во II тысячелетии до н. э., так и хетт-

ская клинопись происходят из одного общего источника, который мог быть более древним вариантом староаккадской клинописи, использовавшимся хурритами еще ранее.

Наряду с гипотетической возможностью перенятия хеттами клинописи у хурритов в III или II тысячелетии до н. э. нельзя считать полностью исключенной и возможность общего происхождения хеттской и позднейшей хурритской клинописи из местного варианта староаккадской клинописи, распространенного либо в Сирии, либо в Малой Азии в эпоху наиболее древних аккадских торговых поселений (предшествовавших староассирийским).

Можно предполагать, что уже через несколько веков после того, как клинопись была впервые усвоена хеттами, хеттская система письма подверглась некоторому преобразованию, благодаря которому она сблизилась с современной ей аккадской. Это вторичное преобразование хеттской клинописи могло произойти к эпохе хеттского Нового царства, благодаря тому, что хетты в этот период находились в постоянном контакте с другими народами Передней Азии, которые пользовались аккадской клинописью для дипломатической переписки и других политических и культурных целей. Этим позднейшим видоизменением хеттской клинописи объясняется большее сходство формы клинообразных знаков новохеттских письменных памятников и приблизительно современных им аккадских текстов из египетского дипломатического архива в Телль Эль Амарне. Характерно, что употребление идеограмм, отличающее хеттскую клинопись от хурритской (а также от письма, которым написаны хаттские, палайские и лувийские тексты), возрастает в новохеттских текстах по сравнению с некоторыми древнехеттскими (дошедшими до нас в новохеттских копиях). Возможно, что это же позднейшее сближение хеттской клинописи с аккадской объясняет отсутствие в ней нескольких сложных фонетических знаков, имеющих в хурритских, хаттских и лувийских клинописных текстах.

Исторические связи хеттской клинописи с хурритской и староаккадской запечатлелись в самом хеттском термине *tuppi-*, обозначающем «клинописную таблицу». Этот переднеазиатский культурный термин, восходящий в конечном счете к шумерскому DUB, в хеттском языке выступает в форме, которая ближе всего к хурритскому *tuppi-* (ср. также заимствованные позднее из того же источника эламское *tupi-* и древнеперсидское *dipi-*). Но параллельно с основой *tuppi-* в хеттском языке в ряде форм выступает в том же значении и основа *tuppa-*, которую можно сравнить непосредственно с аккадским *tupp(u)-*, ср. выше о хеттск. *tuppala-*, иерогл. *tupala-* 'писец'. Связи между этими словами отражают исто-

рию хеттской клинописи, восходящей (через возможное хурритское посредничество) к старзааккадской, которая, в свою очередь, происходит из шумерской.

Сложное историческое прошлое хеттской клинописи объясняет смешанный характер этой системы письма. Фонетические слоговые знаки, служащие обычно для обозначения реального звучания хеттских слов, в хеттской клинописи использовались также для фонетического написания аккадских слов и целых аккадских словосочетаний, где слова стоят в формах, соответствующих правилам аккадской грамматики. Эти аккадские написания, по-видимому, читались, однако, не по-аккадски, а по-хеттски, что доказывается наличием параллельных аккадских и хеттских фонетических написаний. Так, например, встречающееся в хеттской клинописи аккадское написание *A. BU. IA* 'отец (аккадск. *abu*) мой (аккадск. *ja*)' читалось в новохеттском языке *ammel attas* 'мой (букв. 'меня', хеттск. *ammel*, род. п. личн. местоим. 1-го л. ед. ч.) отец (хеттск. *attas*)'; соответствующим древнехеттским чтением было *attas-mis* 'отец мой' (где *mis* 'мой' — древнехеттское притяж. местоим. 1-го л. ед. ч.). От этих регулярно встречающихся в клинописных памятниках хеттского языка случаев аккадского написания слов, читающихся по-хеттски, следует отличать редкое употребление изречений на аккадском языке, включенных в хеттские ритуалы и произносившихся по-аккадски.

Некоторые из аккадских слов, написанных в хеттских текстах фонетическими слоговыми знаками, вообще не читались. Так, аккадский предлог *A. NA* 'к', 'в' реально никак не произносился, потому что значения, передаваемые в хеттском письме этим предлогом, в устной хеттской речи передавались не каким-либо отдельным словом, а грамматической формой дательного-местного падежа хеттского существительного: написание *A. NA* 'Mur-ši-li 'к Мурсилу' соответствует хеттское чтение *Muršili* (форма дательного-местного падежа собственного имени *Muršiliš* 'Мурсилис'). Аккадские написания (аккадограммы), которые встречаются в хеттских текстах и читаются по-хеттски (или вообще никак не читаются), в принятой современной транслитерации хеттской клинописи, в том числе и в настоящем издании, обозначаются курсивными прописными буквами (например, *A. NA*, где точкой обозначен промежуток между клинописными знаками *A* и *NA*).

Наряду с фонетическими знаками, которые обозначали на письме хеттские и аккадские слова, но читались всегда по-хеттски, в хеттской клинописи широко использовались идеограммы, т. е. символы, передававшие значение слов, но никак не связанные с конкретными их звучаниями (ср.

арабские цифры: 1, 2, 3 и т. д., которые во многих современных письменностях используются в качестве идеограмм). Поскольку клинописные идеограммы восходят к древнейшей — шумерской — клинописи, в современной транслитерации хеттских текстов они передаются сообразно с шумерским чтением соответствующих слов (по той же причине их иногда называют шумерограммами). Это является, однако, условностью, так как сами хетты (как это видно из сличения параллельных текстов), по-видимому, читали все идеограммы, как и аккадские написания, по-хеттски. Мы в некоторых случаях этого делать не можем, так как в силу указанных особенностей хеттской клинописи нам часто остается неизвестным хеттское фонетическое чтение слова, написанного идеограммой или переданного аккадским написанием. В принятой транслитерации хеттской клинописи идеограммы передаются (согласно их шумерскому чтению) прописными прямыми буквами, например, GAŠAN 'госпожа'. Идеограммы для чисел передаются арабскими (или римскими) цифрами.

В хеттской клинописи (как и в поздней шумерской и аккадской) идеограммы не сохраняют обычно никаких следов своего пиктографического происхождения, что характерно для поздних иероглифических систем (среди дальневосточных систем письма типологически сходной является тангутская иероглифика).

В шумерской (а позднее в аккадской) клинописи использовалось значительное число сложных идеограмм, образовавшихся путем комбинации простых идеограмм. Эти сложные идеограммы в хеттской клинописи часто употреблялись как целостные единицы, не разлагавшиеся на части: так, идеограмма KA 'rot', 'лицо', по-видимому, уже не выделялась в качестве отдельной части в таких сложных идеограммах, как KUŠ. KA. TAB 'уздечка' (в принятой транслитерации первоначальные составные части сложных идеограмм отделяются друг от друга точками в соответствии с древней структурой этих идеограмм, а не с их реальной функцией в хеттской клинописи). Опрошение сложных идеограмм, вызванное забвением первоначального смысла их составных частей, делало возможным употребление таких идеограмм в новой функции: они могли служить для передачи понятий, никак не обозначавшихся в шумерской клинописи. Так, сложная идеограмма ANŠU. KUR. RA, первоначально означавшая 'осел (ANŠU) гор (KUR 'гора' + шумерское окончание род. пад. A)', в хеттской клинописи использовалась как обозначение «лошади» (в Шумере лошадь еще не была известна).

Некоторые идеограммы возникли уже в аккадской клинописи, а не в шумерской; в транслитерации они передаются

согласно их аккадскому чтению курсивными прописными буквами. Например, посредством написания *IS^TAR* передается имя богини Иштар, известной в Передней Азии под разными именами, которые скрывались под этой аккадской идеограммой: так, в хурритских и, по-видимому, в позднейших новохеттских текстах, испытавших хурритское влияние, идеограмма *IS^TAR* читается в соответствии с хурритским именем Иштар *Saušga* (букв. 'вооруженная').

Поскольку каждая идеограмма уже в шумерской клинописи (а позднее в аккадской) имела определенное фонетическое чтение, т. е. соотносилась с каким-либо словом устного языка, некоторые идеограммы еще в Шумере постепенно начали использоваться и в качестве фонетических знаков. Этим объясняется то, что и в аккадской, а затем в хеттской клинописи целый ряд знаков мог использоваться как в функции идеограмм, так и в качестве фонетических знаков (по своему происхождению каждый фонетический знак восходит к какой-либо идеограмме, но некоторые знаки стали чисто фонетическими, утратив первоначальное значение). Например, знак, выступающий в качестве идеограммы *DINGIR* 'бог', имеет также функцию фонетического знака, обозначающего слог *an* (сообразно со вторым шумерским чтением этого знака: шумерск. *an* 'небо').

Система идеограмм и фонетических знаков была усвоена хеттами в основном в том виде, в каком она существовала в староаккадской клинописи. Но в отдельных случаях можно обнаружить собственно хеттские нововведения. В частности, идеограмма *GEŠTIN* 'вино' в хеттской клинописи стала использоваться не только как идеограмма для вина, но и как фонетический знак для слога *çi-*; это объясняется тем, что хеттское название «вина» *çijana-* (родственное греч. *οἶνος*) начиналось со слога *çi-*.

На возможности фонетического чтения идеограмм основаны широко распространенные в хеттской клинописи (как и в хеттской иероглифике) ребусные написания собственных имен. Так, собственное имя хеттского царя Муваталиса *Muḫattalli-* могло передаваться посредством сложной идеограммы *NIR.GĀL*² 'мощный', 'могущественный', так как эта идеограмма имела чтение *muḫattalli-* 'могущественный', фонетически совпадающее с именем царя (это общее для хеттского и лувийского языков слово является одним из весьма многочисленных анатолийских имен с элементом *muḫa-*, принадлежащим лу-

² Диакритические знаки (например, над *GĀL*) и подстрочные цифры, используемые в транслитерации клинописи, не имеют фонетического значения и служат только для дифференциации разных знаков, читавшихся одинаково.

вийскому языку или же еще более древнему языку аборигенов, повлиявшему на лувийский). В тех случаях, когда собственное имя всегда пишется с помощью ребусного написания посредством идеограмм, фонетическое чтение которых нам неизвестно, остается неясным и чтение собственного имени. Так, неизвестно имя сестры Хаттусилиса III, поскольку это имя всегда пишется с помощью ребусной комбинации идеограмм DINGIRMEŠ 'боги' и IR 'спрашивать у оракула'; фонетическое чтение последней идеограммы и всей этой комбинации в целом неизвестно.

То, что названия многих предметов скрыты под идеограммами, хеттское чтение которых неизвестно, является существенным препятствием для изучения лексики и сравнительной фонетики хеттского языка. По отношению к обозначениям важнейших религиозных понятий полное (или почти полное) отсутствие фонетических написаний можно объяснить графической традицией, которая в своих истоках сопоставима, быть может, с явлением табу: графическое табу проявляется в том, что слова типа DINGIR 'бог' и IŠTAR 'Иштар' почти никогда не пишутся фонетически (ср. обычные табуистические запреты произносить названия богов и другие значимые для культа слова). Постоянное идеографическое написание таких обиходных слов, как числительные (например, 5 'пять'), названия домашних животных (например, GUD 'бык'), некоторых имен родства (например, ŠEŠ 'брат'), очевидно, объясняется практическим удобством кодирования наиболее часто встречаемых слов посредством одного знака (идеограммы), а не последовательности знаков (фонетических), ср. идеографическое написание названий чисел в современных системах письма. Этим же принципом экономного кодирования наиболее частых слов (представляющим интерес для теоретико-информационного исследования языка) объясняются единичные случаи применения фонетических слоговых знаков в качестве условных сокращенных обозначений отдельных слов. Так, слоговой знак *gi* используется иногда как сокращенное обозначение хеттской единицы измерения длины *gipešsar*. Этот случай представляет исключительный интерес как весьма древний пример письменного сокращения того типа, который приобрел необычайно широкое распространение в современных европейских письменностях (ср. русские написания *м*, *км* и т. п. для обозначения наиболее часто употребляемых единиц измерения длины и т. п.). С точки зрения хеттской клинописи, такой случай можно рассматривать как пример идеографического использования фонетического знака (т. е. как результат процесса, обратного по отношению к превращению идеограмм в фонетические знаки).

От идеограмм, которые были произносимыми (по-хеттски) знаками, отличались детерминативы — произносимые знаки, которые обозначали принадлежность нарицательных и собственных имен к определенному классу. Детерминативы обычно ставились перед соответствующим существительным (значительно реже встречаются детерминативы, которые ставятся после существительного).

Использование детерминативов в переднеазиатских клинообразных письменностях сопоставимо с аналогичным применением именных классификаторов (счетных слов) в языках Юго-Восточной Азии (ср. также грамматическую именную классификацию, выражаемую морфологически, например, в языках банту). Различие между этими явлениями заключается в том, что в языках с именной классификацией эта последняя отражается в наличии особых слов (или грамматических форм) в устном языке, а отнесение имен к тому или иному классу в переднеазиатской клинописи является чисто графическим приемом. Но, хотя детерминативы и не читались, их использование могло оказывать влияние на составителей письменных текстов. Так, некоторые параграфы хеттских законов объединяют предметы по семантическим группам в зависимости от детерминативов, стоящих перед их названиями: установления, касающиеся винограда и сплавляемого леса, объединяются потому, что перед названиями этих вещей стоит детерминатив деревянных предметов GIŠ.

В функции детерминатива часто использовались те же знаки, которые могли в другом контексте выступать как идеограммы: так, один и тот же знак мог использоваться и в качестве идеограммы GIŠ 'дерево' (хеттское чтение *taru*) и в качестве детерминатива GIŠ деревянных предметов. В принятой транслитерации хеттских текстов произносимые детерминативы обозначаются прописными прямыми буквами над строкой сверху; условная транслитерация детерминативов обычно дается согласно шумерскому чтению соответствующих идеограмм, но для транслитерации некоторых детерминативов вводятся особые знаки: так, знак, который в качестве идеограммы транслитерируется DINGIR 'бог', в качестве детерминатива имени бога передается знаком^d, поставленным сверху перед соответствующим именем (например, ^dISTAR, где детерминатив предшествует имени богини Иштар).

От детерминативов, связанных с определенными семантическими группами слов, отличался весьма характерный для хеттской клинописи «глоссовый клин», указывавший на иноязычный (чаще всего лувийский или вообще южноанатолийский) характер слова. С детерминативами глоссовый клин сходен в том отношении, что это произносимый знак, ука-

зывающий на принадлежность слова к определенной категории лексики.

Непроизносимыми знаками (как и детерминативы) являются шумерские знаки для обозначения множественного числа, которые могут следовать за идеограммами (например, DUMUMEŠ 'дети', 'сыновья', где шумерский знак множественного числа MEŠ следует за идеограммой DUMU 'сын'). Как и детерминативы, эти шумерские окончания в принятой транслитерации обозначаются знаками, поставленными над строкой.

В некоторых случаях непроизносимые знаки, передающие шумерские окончания множественного числа, следуют за хеттскими (или аккадскими) словами, написанными фонетически (например, *ur-pi-eš-šar-ri* ^{НІА} 'посылки', где за формой именительного падежа множественного числа хеттского существительного *urpeššar* следует шумерское окончание множественного числа ^{НІА}). В таких случаях при передаче одного хеттского слова наблюдается объединение знаков, обозначающих слова и морфемы разных языков, что в высшей степени характерно для смешанной (креолизованной) системы письма хеттов, как и для ряда других древних ближневосточных систем письма, восходящих к шумерской клинописи (а так же и для дальневосточных письменностей, восходящих к китайской иероглифике).

Специфической особенностью хеттской клинописи является то, что комбинация идеограмм, аккадских фонетических написаний и хеттских фонетических написаний может использоваться не только в пределах одной фразы, но и в пределах группы знаков, служащих для передачи одного слова. Фонетическая запись конца соответствующего аккадского слова могла следовать за идеограммой; например, за идеограммой DINGIR 'бог', читаемой по-аккадски в форме родительного падежа *ilim*, может следовать аккадское фонетическое дополнение: DINGIR-LIM (в хеттских текстах это написание ошибочно употребляется в функции именительного, а не родительного падежа, что объясняется недостаточными познаниями хеттских писцов, часто ошибавшихся в употреблении аккадских и шумерских форм). Употребление сочетаний идеограмм с фонетическими дополнениями, существовавшее в аккадской клинописи, было перенято хеттами, которые часто присоединяли к идеограммам не только аккадские, но и хеттские фонетические окончания. Например, в написании DUMU-aš 'сын' к идеограмме DUMU 'сын', 'дитя' (полное фонетическое чтение которой в хеттском языке остается неизвестным) присоединено записанное фонетическим способом хеттское окончание именительного падежа -š. В некоторых случаях хеттское фонетическое дополнение следует за аккадским, благодаря чему создается

гибридное идеографическо-аккадско-хеттское написание, например, *DINGIR-LIM-ni* 'богу' (хеттское чтение *šuni* 'богу').

В хеттской клинописи, как и в других клинописных системах, происходящих от шумерской, фонетические дополнения чаще всего служат для обозначения грамматического окончания (например, *Ù-it* 'посредством сна', где за идеограммой *Ù* 'сон' следует хеттское окончание творительного падежа *-it*, написанное фонетически) или словообразовательного суффикса (например, *Ti-ni-* 'оживлять', где за идеограммой *Ti-*, соответствующей хеттской непроизводной основе *hūis-*, следует суффикс каузативных глаголов *-ni-*). Это позволяет считать хеттскую клинопись в значительной мере основанной на морфологических принципах. В этом смысле хеттскую клинопись можно сопоставить с дальневосточными системами письма (например, с японской и отчасти с корейской), где китайские иероглифы, обозначающие основу слова, обычно сочетаются с грамматическими морфемами, написанными фонетически. Типологическое сходство между древними переднеазиатскими и более новыми дальневосточными системами письма связано с тем, что эти системы являются гибридными: в них сочетаются элементы древней иероглифической письменности, первоначально выработанной для другого языка (шумерского или китайского), и фонетические написания, приспособленные позднее для записи того языка, на котором написаны данные тексты. Эти явления подтверждают то, что первые опыты анализа родного языка облегчаются благодаря знакомству с чужим языком или чужой письменностью (шумерской или китайской в данном случае). И в переднеазиатской и в дальневосточной письменностях идеограммы и фонетические знаки используются для передачи разных морфологических элементов слова: идеограммы обозначают основу (или лексическую морфему), фонетические знаки — окончание (или суффикс). Аналогичное явление в современных европейских системах письма представляют собой написания типа русск. *1-ый, 1-го, 1-му*, где за арабской цифрой-идеограммой, обозначающей число, следует фонетическое дополнение, передающее грамматическое окончание.

Своим морфологическим характером хеттская клинопись (как и аккадская) отличается от наиболее ранней шумерской, где господствовал в основном лексический принцип, так как каждая идеограмма соответствовала отдельному слову (поэтому ранняя шумерская клинопись, подобно лексике, может быть более непосредственно соотнесена с внеязыковыми фактами, в частности социальными, и может даже служить для их реконструкции). Хеттская система письма (как и сходные с ней по типу японская и отчасти корейская) с ее

преимущественно морфологической направленностью занимает промежуточное положение между лексическими — ранними иероглифическими — письменностями (типа ранней шумерской и древнейшей китайской) и позднейшими фонологическими (слоговыми и буквенными) системами письма. Однако уже и в хеттском письме фонологический принцип начинает конкурировать с морфологическим.

В целом ряде случаев хеттские фонетические дополнения, следующие за идеограммами, обозначают не окончание и не суффикс, а часть производной основы (корня), ср., например, написание GUL-*ah-* 'поражать', где фонетически записана последняя часть корня хеттского глагола *ḫalḫ-*, передававшегося идеограммой GUL (на такое написание, однако, могло в данном случае повлиять наличие в хеттском языке ряда глаголов с суффиксом *-ahḫ*). Иногда в силу особенностей хеттской графики при фонетической передаче окончания на письме изображается и предшествующая окончанию фонема, хотя она и принадлежит производной основе, например, в UD-*ti* 'дню' (хеттск. чтение *ṣiyatti*) окончанию дат.-мест. пад.-*i* предшествует *-t-*, которое в хеттской основе *ṣiyatt-*, очевидно, уже не выделялось в качестве самостоятельной суффиксальной морфемы. Вместе с тем в ряде случаев фонетически передается не весь суффикс, а только его часть, например, в клинописном написании KUG. TUL-*ma* (и в совершенно аналогичном иероглифическом написании), соответствующем хеттскому *Suppi-luli-uma*, где хеттск. *šuppi-* передано идеограммой KUG 'чистый', хеттск. *luli-* идеограммой TUL 'источник', а суффикс *-uma-* (вариант *-umna-*), образующий названия лиц по месту происхождения, передан фонетическим написанием *-ma-*. В силу указанных причин хеттская клинопись дает лишь приближенное представление о реальных словообразовательных соотношениях.

Однако вместе с тем хеттские написания весьма ценны как непосредственный источник, свидетельствующий о живых связях между хеттскими словами, которые осознавались хеттскими писцами. Так, написание суффикса отвлеченных имен посредством фонетического дополнения *-tar* в словах типа UG₆-*tar* 'смерть' (хеттское чтение *akkatar*, от *ak-* 'умирать', идеограмма UG₆) может представлять интерес для исследования этого суффикса, который исторически восходит к суффиксу *-tar*, хотя, по-видимому, благодаря переразложению основ приобрел позднее форму *-atar*. Единообразная передача основ *ḫuiš-* и *ḫuišḫ-* посредством одной и той же идеограммы TI в словах TI-*nu* 'оживлять' (хеттское чтение *ḫuiš-nu-*), TI-*atar* 'жизнь' (хеттское чтение *ḫuišḫ-atar*), TI-*ant-* 'живой' (хеттское чтение *ḫuiš-ḫ-ant-*) могла бы служить доводом в пользу предположения о том, что *ḫuiš-* и *ḫuišḫ-*

функционировали как алломорфы одной морфемы. Но истолкование этих показаний хеттской письменности осложняется тем, что во многих таких случаях речь может идти о чисто графических нормах, непосредственно не связанных с нормами звукового языка.

Хеттскую клинопись (как и другие аналогичные системы письма Древнего Востока) можно рассматривать как одно из наиболее ранних приложений лингвистического анализа языка (часто, быть может, не вполне осознанного). Фонетические написания суффиксов и окончаний в известной мере основаны на морфологическом анализе хеттских слов, употребление детерминативов требовало разнесения хеттских существительных по определенным лексико-семантическим разрядам, в ребусных написаниях собственных имен проявлялись первые попытки их этимологизирования, наконец, применение чужой системы письма для передачи хеттских звуков было невозможно без сопоставления хеттской фонетики с аккадской и хурритской. Чрезвычайная сложность гибридной хеттской системы письма не должна помешать современному ученому увидеть то, что для своего времени она была значительным культурным достижением.

Наличие большого числа смысловых, а не фонетических элементов — идеограмм, детерминативов, аккадских написаний — оказало неоченимую услугу при расшифровке хеттских памятников, так как благодаря этим смысловым элементам, чередующимся с фонетическими, удалось точно определить значение большого числа хеттских слов. Но в то же время именно то, что хеттская клинопись ориентирована в большей мере на передачу смысловых (а не звуковых) соотношений, существенно затрудняет изучение звуковой системы хеттского языка.

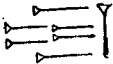

Но основным препятствием при исследовании хеттской фонетики является то, что в тех случаях, когда в хеттской клинописи передается звучание хеттского слова (а не только его значение), применяется набор слоговых знаков, выработанных прежде для других языков, фонетика которых резко отличается от хеттской фонетики. Хетты пользовались набором клинописных слоговых фонетических знаков (силлабарием), практически совпадающим (если не считать небольших отклонений в употреблении отдельных знаков) со староаккадским. Этот силлабарий возник первоначально на почве шумерского языка и был развит с учетом особенностей аккадского языка. Естественно, что эта чужая система письма была совершенно не приспособлена для передачи хеттских фонем.

В клинописном силлабарии, перенятом хеттами, используется более 130 фонетических слоговых знаков (часть

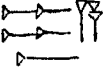

этих знаков, а также некоторые идеограммы и детерминативы приведены в табл. 1³⁾

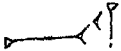

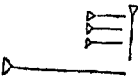

Таблица 1

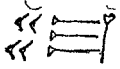

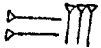
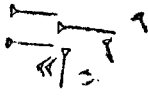
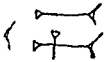
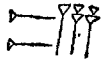

Избранные знаки хеттской клинописи

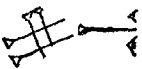
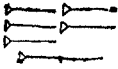

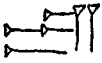

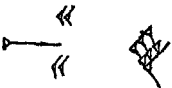
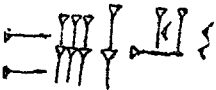

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
1		a
2		am
3		1) aa 2) идеограмма DINGIR 'бог' 3) детерминатив ^d перед именем божества
4		aš
5		at
6		e
7		eš
8		ḫa

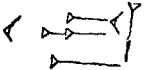
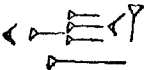

³ В табл. 1 включены те избранные хеттские фонетические знаки, идеограммы и детерминативы и те значения этих знаков, которые встречаются в клинописном отрывке из автобиографии Хаттусилса III, приложенном к настоящей книге (см. Приложение 1А; в приложении 1Б все знаки, имеющиеся в этом отрывке, переданы посредством их порядковых номеров в табл. 1). Каждый клинописный знак в табл. 1 дается только в одном варианте; другие варианты (у некоторых знаков весьма многочисленные и сильно отличающиеся друг от друга) в таблицу не включены.

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
9		1) <i>har</i> 2) <i>hur</i> 3) <i>mir</i>
10		<i>i</i>
11		<i>in</i>
12		<i>it</i>
13 (=10+1)		<i>ia</i>
14		<i>ku</i>
15		<i>li</i>
16		<i>ma</i>
17		<i>tu</i>

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
18		<i>na</i>
19		<i>nl</i>
20		<i>ni</i>
21		<i>pa</i>
22		<i>bi (pt)</i>
23		<i>ra</i>
24		<i>ša</i>
25		<i>ši</i>
26		<i>šu</i>
27		<i>te</i>

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
28		<i>tu</i>
29		<i>u</i>
30		<i>û</i>
31		<i>uk</i>
32		<i>ul</i>
33		<i>ûn</i>
34		<i>ya</i>
35		<i>za</i>

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
36		идеограмма ANŠU 'осел'
37		идеограмма DUMU 'сын', 'дитя'
38		идеограмма GAŠAN 'госпожа'
39		1) идеограмма KUŠ 'кожа' 2) детерминатив перед названиями предметов из кожи
40		идеограмма KUŠ.KA.TAB 'уздечка'
41		идеограмма MU.KAM 'год'
42		идеограмма NIR. GÁL 'мощный'
43		идеограмма ŠEŠ 'брат'

№ знака	Начертание	Чтение (значение) и принятая транслитерация
44		идеограмма TI 'жить', 'жизнь'
45		U 'сон'
46		IŠTAR 'Иштар'
47		шумерский знак множественного числа H.A
48		1) числительное I 2) детерминатив I перед мужскими собственными именами

Строго говоря, фонетическими (и то с некоторыми оговорками) эти знаки можно считать только для шумерской и аккадской клинописи. Приспособление их для передачи хеттских фонем было лишь относительным. Поэтому для большей строгости транслитерации хеттских клинописных текстов большинство фонетических клинописных знаков передается согласно их аккадскому чтению.

В частности, знаки, служившие для передачи аккадского *š*, изображаются посредством *š* и в транслитерации хеттской клинописи, хотя в ней эти знаки использовались для передачи свистящего *s*, что видно из того, как хеттские собственные имена, содержавшие *š*, передавались в египетских текстах (имя Хаттусилса в египетских текстах обозначалось как *Ht-s-r*, ср. хеттск. *Hattušili-*; имя Мурсилса — *M-r-s-r*, ср. хеттск. *Muršili-*; имя Суппилулиумаса — *S-p-r-r*, ср. хеттск. *Suppiluli-* и т. п.). Произношение *š* как свистящего [s] объясняет и то, что в ряде слов знаки,

использовавшиеся для передачи \mathfrak{z} , чередуются со знаками, служившими для обозначения z (в хеттском аффриката [ts], второй элемент которой фонетически совпадает со свистящим s), ср. параллельные формы zamankur- 'борода', šamankurquant- 'бородатый'.

Использование знаков, обозначавших z , для передачи аффрикаты [ts], видимо, можно объяснить тем, что те же знаки в староаккадской клинописи использовались для передачи аккадского эмфатического [s], которое могло быть фонетически близко к аффрикате (судя по передаче этой фонемы в других языках). Но в целом использование знаков для \mathfrak{z} и z составляет одну из наиболее ярких отличительных особенностей хеттской клинописи по сравнению со всеми другими клинообразными системами письма, восходящими к шумерской.

Другой специфической особенностью хеттской клинописи является использование знаков для обозначения глухих и звонких смычных согласных.

В принятой транслитерации хеттской клинописи условно различаются некоторые знаки для глухих и звонких смычных согласных (например, *ka* и *ga*), которые различались в аккадской клинописи. В хеттской клинописи это различие не имело фонетического значения, так как смычные согласные противопоставлялись не по признаку глухости — звонкости, а по другому признаку (можно думать, что различались сильные и слабые смычные или придыхательные и непридыхательные), чему в хеттской клинописи соответствовал графический прием удвоения согласного в интервокальном положении. В хеттском языке фонемы, передававшиеся в положении между гласными посредством удвоенного *pp(bb)*, *tt(dd)*, *kk(gg)*, отличались от фонем, передававшихся в том же положении посредством несдвоенного *p(b)*, *t(d)*, *k(g)*: так, фонема, изображаемая посредством удвоенного *tt* в форме ú-it-ti 'в году' (дат.-мест. пад. ед. ч. от uetti- 'год'), противопоставлена по указанному признаку фонеме, изображаемой посредством несдвоенного *t* в форме u-i-ti 'в воде' (дат.-мест. пад. ед. ч. от uid- 'вода'). Точно так же сильное *hh* в интервокальном положении отличалось от слабого *h*, но здесь можно предполагать, что речь идет о графическом изображении различий между двумя вариантами одной фонемы, так как *h* и *hh* находятся в дополнительном распределении: *h* встречается после *e*, *hh* — после *a*.

От условной транслитерации слоговых знаков следует отличать фонетическую транскрипцию хеттских слов, которая может быть дана лишь гадательно на основании интерпретации клинописного написания и некоторых косвенных данных (фонетических особенностей заимствований, передачи

собственных имен в текстах на других языках и т. п.). Транслитерация хеттских слов может быть дана в двух вариантах: при транслитерации текстов применяется наиболее точная передача знаков, когда в пределах одного слова каждый отдельный знак отделен от другого дефисом (например, *ú-it-ti*), для других целей может использоваться слитная транслитерация (например, *úitti*), представляющая собой известное приближение к фонетической транскрипции, так как для слитной транслитерации обычно необходимо фонетическое истолкование клинописного написания.

Лишь несколько знаков клинописного силлабария использовалось для передачи отдельных гласных (*a, e, i, u*). Все остальные знаки использовались для передачи сочетаний фонем, причем с помощью отдельных знаков могли быть переданы только некоторые сочетания трех типов: «гласный + согласный», «согласный + гласный», «согласный + гласный + согласный». Сочетания фонем других типов должны были передаваться посредством весьма сложных комбинаций знаков, часто лишь очень приближенно соответствующих произношению. Комбинации знаков были необходимы и для передачи некоторых сочетаний трех указанных типов в тех случаях, когда отсутствовал особый знак для данного конкретного сочетания.

Для передачи сочетаний первого типа («гласный + согласный») в клинописном силлабарии имелись особые знаки, которые в транслитерации изображаются как *aḫ, ak⁴, al, am, an, ap, ar, aš, at, az, el, en, eš, iḫ, ik, il, im, in, ip, ir, iš, it, iz, uḫ, uk, ul, um, un, up, ur, uš, ut, uz*. Для передачи других сочетаний фонем этого типа использовались комбинации клинописных знаков: так, сочетание *eḫ* в форме *eḫi* 'иди!' передается комбинацией знаков *e-ḫi*, сочетание *ek* в форме *ekir* 'они пьют' передавалось комбинацией знаков *e-ki-ir* (эта форма писалась посредством второго комбинации *e-ki-ir*) и т. п.

Для передачи сочетаний второго типа («согласный + гласный») имелись знаки *ba* и *pa, da* и *ta, de* и *te, di* и *ti, du* и *tu, ga* и *ka, ki* и *gi, ku, ḫa, he, ḫi, ḫu, la, li, lu, ma, me, mi, mu, na, ne, ni, nu, pi* или *bi, pu* или *bu, ra, ri, ru, ša, še, ši, šu, za, ze, zi, zu, ца, ци, ја*. Все другие сочетания этого типа передавались комбинациями знаков: в частности,

⁴ Транслитерация этого знака (как и всех других знаков, содержащих глухие или звонкие смычные) совершенно условна: он служил для передачи хеттского смычного заднеязычного безотносительно к его глухости или звонкости. В принятой транслитерации один и тот же знак передается как *ak* перед следующим знаком, передающим в аккадском глухой (типа *ka*), и как *ag* перед следующим знаком, передающим в аккадском звонкий (типа *ga*), т. е. в транслитерации различаются написания *ak-ka-* и *ag-ga* (соответственно *ut-ta-* и *ud-da-* и т. п.).

для передачи целого ряда сочетаний согласного с последующим *e* использовались сочетания типа *ll-e* (читалось [le]) 'не' (запретительная частица), т. е. отдельный знак для гласного *e* уточнял чтение гласного, передаваемого предыдущим знаком.

Для передачи сочетаний третьего типа («согласный + гласный + согласный») имелись знаки *daḥ* и *taḥ*, *dam*, *dan*, *dir* и *tir*, *duḥ* и *tuḥ*, *dur* и *tur*, *gal* и *kal*, *gaz*, *gul*, *gur* и *kur*, *ḥal*, *ḥar*, *ḥaš*, *ḥat*, *ḥur*, *kam*, *kan*, *kap*, *kar*, *kaš*, *kat*, *kir*, *kiš*, *kit*, *kum*, *lam*, *lik*, *liš*, *maḥ*, *man*, *mar*, *maš*, *miš*, *mur*, *nam*, *nar*, *nim*, *nir*, *pal*, *par*, *pat*, *pil*, *pir*, *piš*, *pur*, *šaḥ*, *šal*, *šap*, *šar*, *šum*, *šur*, *tak*, *tal*, *tap*, *tar*, *taš*, *tim*, *tin*, *tir*, *tuḥ*, *tul*, *tum*, *zul*.

Все остальные сочетания фонем этого типа, для которых отсутствовали особые знаки, должны были передаваться комбинацией двух (и более) клинописных знаков: так, для передачи сочетания *nin* использовалось сочетание знака, обозначавшего *ni*, со знаком, обозначавшим *in*: комбинация *ni-in* читается [nin]. При этом повторение гласного *i* в двух соседних знаках (*ni* и *in*) не имело никакого фонетического значения.

В клинописном силлабарии полностью отсутствовали знаки для обозначения групп согласных. Поэтому наибольшие трудности при установлении соответствий между клинописью и хеттской фонетикой представляют группы согласных, свойственные хеттскому языку, но в большинстве случаев весьма неточно передававшиеся в хеттской клинописи.

В тех случаях, когда слово начиналось с группы «согласный + согласный» (например, *sp-*, *st-*), в хеттской клинописи эта группа передавалась условным написанием типа *iš-pa*, *iš-ta*. Так, в архаичных по орфографии ритуалах глагол *špand-* 'совершать жертвенные возлияния' (родственно греч. $\sigma\pi\acute{\epsilon}\nu\delta\omega$ с тем же значением) передавался написаниями типа *iš-pa-an-taḥ-ḥi* (= *spantahḥi*, I-е л. ед. ч. наст. вр.). То, что *i* в начале слова не произносилось, а было лишь частью условного написания, доказывается более обычным в новохеттских текстах написанием того же слова *ši-pa-an-taḥ-ḥi* (= *spantahḥi*), где непроемимый паразитический гласный *i* вставляется между *s* и *p*, а не перед *s*, как в более архаичном написании.

При передаче сочетания согласных в середине слова обычно также неизбежным было появление непроемимого паразитического гласного между согласными. Так, написание *ša-an-aḥ-ta* 'он стремился' (3-е л. ед. ч. прош. вр.) следует интерпретировать как условную передачу глагола *sanḥ-* с конечной группой *nḥ*, переданной комбинацией *-an-aḥ*. Это подтверждается параллельными написаниями типа *ša-an-ḥi-in*

'я стремился' (1-е л. ед. ч. прош. вр.). Как правило, комбинация знаков типа *an-ah* (т. е. знак для группы «гласный + согласный» в сочетании с другим знаком для группы «гласный + согласный») использовалась для передачи сочетаний двух согласных типа *nh*, тогда как комбинация знаков типа *-na-ah*, (т. е. знак для группы «согласный + гласный» в сочетании со знаком для группы «гласный + согласный») использовалась для передачи сочетания «согласный + гласный + согласный» (типа *nah*). Таким образом, написания типа *ca-al-ah-zi* 'он ударяет' (3-е л. ед. ч. наст. вр.) можно истолковать как передачу *cahzi*.

Морфологический принцип, игравший столь существенную роль в хеттской клинописи оказывал, очевидно, влияние и на передачу групп согласных в середине слова. Так, параллельно с написанием *ca-al-ah-zi*, где комбинация знаков *-al-ah* является единственно возможным способом передачи группы *lh*, встречается написание *ca-al-ah-hi-ir* 'они ударили' (3-е л. мн. ч. прош. вр.). Это написание не было единственно возможным для формы 3-го л. мн. ч. прош. вр., как показывает параллельное написание *ca-al-hi-ir* (= *cah-ir*). Предпочтение, отдаваемое написанию типа *ca-al-ah-hi-ir* по сравнению с параллельным написанием типа *ca-al-hi-ir*, объясняется морфологическим принципом, т. е. тем, что для основы *cah* в разных формах стандартным написанием стало *ca-al-ah*. Это последнее написание позволяло сохранить графическое единство всех форм, входящих в парадигму этого слова. Вместе с тем написание типа *ca-al-ah-hi-ir* позволяло передать сильное *hh*, которое в хеттской графике отличалось от слабого *-h*. Точно так же написание типа *har-ap-ra-an-zi* (= *harppan-zi*, 3-е л. мн. ч. наст. вр.) объяснялось, во-первых, стремлением сохранить графическое единство основы *harp* = *har-ap* в этой форме и в формах типа *har-ap-zi* (3-е л. ед. ч. наст. вр.), во-вторых, желанием передать сильное *pp*, которое в хеттской графике отличалось от слабого *p*; обе эти задачи нельзя было решить посредством параллельного написания *har-ra-an-zi*. Из приведенных примеров видно, что появление паразитического произносимого гласного облегчало передачу сильных удвоенных согласных, изображавшихся лишь в положении между гласными. Графическая унификация разных форм, образованных от одной основы, объясняет то, что в глаголах с носовым инфиксом рядом с написанием типа *har-ni-ik-zi* 'он губит' (3-е л. ед. ч. наст. вр.) встречаются написания типа *har-ni-in-ki-ir* 'они губили' (3-е л. мн. ч. прош. вр.). Появление знака для *-ni-* во второй форме было вызвано необходимостью сохранить единообразное написание для данной основы. Однако, для того чтобы показать, что в этом слог читался только согласный, за ним ставится слог *-in-*,

кончающийся тем же согласным. Написание *ni-in-* для передачи *-n-* аналогично написанию *za-aš-* для передачи *-z-* (=аффрикаты [ʦ]) в глаголах типа *iš-par-za-aš-ta* 'он избежал' (3-е л. ед. ч. наст. вр.). Сходное написание с повторением паразитического непроносимого гласного наблюдается в слове *e-eš-ḥa-aḥ-ru* 'слезы' (=ešḥḥru, родственно ešḥar 'кровь'); здесь написание *ḥa-aḥ-* служит для передачи сильного *ḥḥ* в положении между согласными (в интервокальном положении сильное *ḥḥ* передавалось написаниями типа *-aḥ-ḥa-*). В глаголе *tuh-uh-ša-ru* (=tuhšaru 'да будет ритуально чистым', 3-е л. ед. ч. медиопасс. повел. накл.) для передачи сильного *ḥḥ* используется чисто графическое повторение гласного *u* во втором знаке, гласный которого является непроносимым. По сходным причинам в написании форм 1-го л. ед. ч. медиопасса повторяются знаки *-ḥa-ḥa-* (особенно часто после согласного основы); фонетическим истолкованием этого написания является *-ḥḥa-*, как показывают параллельные написания *-aḥ-ḥa-*, *-ḥa-ḥa-*, *-ḥa-*, *-aḥ-ḥa-ḥa-*. Таким образом, во многих случаях в середине слова повторение гласного не имело никакого фонетического значения, а повторение согласного было особым графическим приемом, лишь косвенно отражавшим фонологические особенности соответствующей звуковой единицы.

Поскольку в хеттском письме проводился морфологический принцип, способы записи, выработанные для некоторых морфем в определенных условиях в середине слова, использовались и для передачи тех же морфем в начале слова. Так, сочетание знаков *-zi-ik-* служит в середине слова для передачи суффикса *-sk-* после конечной переднеязычной смычной фонемы глагольной основы в формах типа *az-zi-ik-kán-zi* 'они едят' (основа *at-* + суффикс *-sk-*); тот же графический прием в начале слова используется в форме *zi-ik-kán-zi* 'они кладут' (основа *t-*, представляющая собой нулевую огласовку корня *te-*, + суффикс *-sk-*).

При изображении на письме групп согласных в конце слова часто появляется непроносимый конечный гласный *a*: так, причастные формы именительного падежа единственного числа типа *ap-pa-an-za* 'пленный' (букв. 'схваченный') следует интерпретировать как оканчивавшиеся на конечную группу *nz* (из сочетания суффикса причастия *-nt-* с окончанием именительного падежа *-s*).

Особенно сложным является вопрос о том, передавала ли хеттская клинопись долготу гласных. Существуют веские основания для предположения о том, что долгота передается в середине слова в тех случаях, когда разные грамматические формы различаются только благодаря противопоставлению долготы и краткости: форма множественного числа среднего

рода *ud-da-a-ar* 'слова', которую можно фонетически интерпретировать как [*uddar*] с *ā* долгим, уже в древнейших текстах (в частности, в завещании Хаттусилиса I) противопоставляется форме единственного числа *ud-dar* 'слово'. Предположение о том, что форма мн. ч. ср. р. *ud-da-a-ar* содержала долгий гласный *ā* в суффиксе *-ār* (из индоевроп. **-ōr*), подтверждается и сопоставлением с родственными (обирательными) формами среднего рода на **-ōr* в других индоевропейских языках (ср. тип греческого ὕδωρ 'вода', тохарского А *ysār* 'кровь'). В таких написаниях, где друг за другом следуют два отдельных знака для гласного, как в *a-a-an-za* 'горячий' (форма причастия на *-nt-* от глагола *ai-* 'становиться горячим'), можно видеть либо отражение долгого *ā* [*ānz* = *ānt-s*], либо отражение зияния [*aanz* = *aant-s*], вызванного исчезновением конечного *i* основы: данная причастная форма восходит к **aīanz* = *aīant-s* (существование этой формы подтверждается как наличием параллельных форм от *ai-* в самом хеттском языке, так и данными других индоевропейских языков, в которых отражена родственная основа с конечным *-i-*).

Большие трудности возникают при истолковании написаний, где в начале слова за знаком, обозначающим отдельный гласный, следует знак, обозначающий тот же гласный в сочетании с согласным, например, *e-ēš-zi* '[он] есть' (3-е л. ед. ч. наст. вр. от глагола *eš-* 'быть'). В хеттском языке такого рода написания с повторением начального гласного имели, по-видимому, определенное фонетическое значение, что видно из противопоставления форм с повторением гласного (например, *e-ēš-zi*) и без повторения (например, *e-šu-un*, 1-е л. ед. ч. прош. вр. от того же глагола).

Но более точно определить фонетический характер явления, обозначавшегося таким образом, не представляется возможным. На основании сопоставления с другими клинописными системами (в частности, аккадской) можно думать, что такие написания могли использоваться для обозначения начального гортанного взрыва, предшествовавшего гласному.

Существенной особенностью хеттской клинописи является то, что последовательно отделялись друг от друга посредством пробелов группы знаков, обозначавшие одно фонетическое слово. Такие группы знаков могли быть образованы либо одним словом (например, *am-tu-uk* 'мне'), либо сочетанием одного слова со вторым энклитическим словом (например, *iš-ḫa-mi* '[о] господин мой' — звательная форма *išḫa* '[о] господин' + энклитическая звательная форма *mi* 'мой'), либо, наконец, целым комплексом энклитик, следовавших за первым словом в предложении (например, *nu-ut-tāk-kan* — союз *nu* + энклитическое местоимение *ta* 'тебе', 'тебя' + энк-

литическая частица *kan*). При присоединении энклитик, как правило, начальный согласный энклитики удваивался. В тех случаях, когда энклитика начиналась со смычного согласного, удвоение этого согласного могло обозначать его сильный характер (*tt* в отличие от *t*, *kk* в отличие от *k*, ср., например, *tt* и *kk* в приведенном выше примере). Фонетическая основа этого графического явления остается неясной в тех случаях, когда присоединяемая согласная не принадлежала к числу смычных: так, неясно реальное произношение, лежавшее в основе написаний типа *ni-uš-ši* 'и ему' (союз *ni* 'и' + энклитическое местоимение *ši* 'ему'). Возможно, что удвоение согласного при присоединении энклитики в некоторых случаях было чисто графическим приемом. Это совершенно очевидно, например, в такой форме, как *ar-pa-an-za-aš-ša* 'и пленный', где за формой *appanz* (= *appants*) следует энклитический союз *a* 'и'; при этом повторяется *š*, соответствующее свистящему элементу аффрикаты (ср. выше об аналогичном написании *-za-aš-* для передачи аффрикаты *z*, т. е. [ʃ]), которое далее удваивается перед энклитикой *a*.

В написании энклитик, которые на письме не отделялись от предшествовавшего им слова, сказывались особенности фонетического слова как единицы устной речи. Вместе с тем слово обладало определенными особенностями и в качестве единицы письменной речи. Это видно из того, что за исключением самых частых слов типа союза *ni* 'и', вводящего в новохеттских повествовательных текстах почти каждое предложение, ни одно слово не писалось одним знаком: сочетание двух знаков было минимальной графической нормой отдельного слова, чем, очевидно, объясняются написания типа *i-it* 'приходи!' (для передачи *it*, которое, с фонетической точки зрения, достаточно точно могло бы быть передано одним знаком *it*) и т. п.

Написание энклитик является единственным случаем, где в хеттской клинописи находят косвенное отражение фонетические явления, простирающиеся на целые звуковые последовательности. Ударение как таковое в клинописи никак не обозначалось, что делает затруднительным и истолкование некоторых других явлений, связанных некогда с ударением.

5. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Хеттский силлабарий и правила комбинаций знаков, используемых в хеттской клинописи, позволяют считать, что в качестве отдельных фонем выступали гласные *a* и *e* (которое в новохеттский период совпало с *i*), сонанты *i* (с неслоговым вариантом *ī*) и *u* (с неслоговым вариантом *ū*), сонорные

согласные *n*, *m*, *l* и *r* (которое в некоторых позициях фонологически, возможно, не противопоставлялось *l*), смычные согласные — слабые *p*, *t*, *k* и сильные — *pp*, *tt*, *kk*, аффриката *z* (которая, однако, в некоторых позициях может рассматриваться как комбинация фонем *t* + *s*) и спиранты *ʃ* и *ʒ* (с сильным вариантом *hʒ*). Истолкование фонологических различий между этими фонемами в терминах дифференциальных признаков может быть дано лишь предположительно, так как ни хеттская графика, ни другие вспомогательные источники не дают возможности достаточно точно определить акустические и артикуляционные особенности соответствующих единиц.

Однако на основании типологических соображений можно высказать гипотезу, что хеттские фонемы, отраженные в хеттской графике, могут быть описаны в терминах восьми дифференциальных фонологических признаков: гласности, согласности, компактности, напряженности, носовости, непрерывности, яркости, тяжести. Дифференциальный признак гласности имеется у гласных *a* и *e* (последняя фонема характерна только для древнехеттского) и сонантов *i*, *u*, *l*, *r*; все остальные фонемы отличаются отсутствием этого признака. Дифференциальный признак согласности отсутствует у гласных и имеется у всех остальных фонем, включая сонанты. Только для гласных и сонантов (т. е. для фонем, обладающих признаком гласности) этот дифференциальный признак является фонологически существенным; для всех остальных фонем он может быть автоматически выведен из отсутствия признака гласности и, следовательно, является избыточным.

Дифференциальный признак компактности характеризует гласную фонему *a* в противоположность *e* (некомпактной). Сонанты *i* и *u* отличаются отсутствием компактности в противоположность плавным сонантам *r* и *l*; компактность *r* в хеттском языке подтверждается наличием чередований *r* и компактной фонемы *ʒ* в некоторых хеттских словах (ср., например, параллельные написания *ua-ar-nu-an-zi* и *ua-aʒ-nu-ʒa-an-zi* в двух дубликатах одного и того же текста). Компактность плавной фонемы *l* предполагается на основании соображений системного характера⁵. Среди фонем, характеризующихся отсутствием признака гласности, компактностью обладают только фонемы *ʒ*, *k*, *kk*; все остальные негласные фонемы являются некомпактными.

⁵ Возможна другая интерпретация противопоставления сонантов *l* и *u* плавным сонантам *i* и *r*, при которой первые две фонемы рассматриваются как глайды, не имеющие ни признака гласности, ни признака согласности. В этом случае все четыре фонемы признаются некомпактными.

Дифференциальный признак напряженности характеризует фонемы *pp*, *tt*, *kk* в противоположность ненапряженным фонемам *p*, *t*, *k*⁶.

Предположение о том, что эти две тройки фонем противопоставлялись по фонологическому признаку напряженности, могло бы помочь объяснить графическую передачу напряженных фонем посредством удвоения, так как напряженные фонемы обычно отличаются от ненапряженных длительностью и силой. С фонетической точки зрения это противопоставление может рассматриваться и как противопоставление придыхательных (сильных, т. е. напряженных) фонем непридыхательным (слабым, т. е. ненапряженным).

Фонетически сходное различие, по-видимому, имело место по отношению к звуковым единицам *h* (слабой, т. е. ненапряженной) и *hh* (сильной, т. е. напряженной). Однако появление признака напряженности (соответственно ненапряженности) у *hh* (соответственно *h*) в большинстве случаев можно предсказать на основании признаков непосредственно предшествующей фонемы: после нетяжелой фонемы *e* обычно встречается ненапряженное *h* (и лишь в крайне редких случаях напряженное *hh*), после тяжелых фонем *a* и *u* обычно встречается напряженное *hh*. Потому этот признак у *h* и *hh* можно считать фонологически несущественным, т. е. избыточным, и соответственно единицы *h* и *hh* можно признать вариантами (аллофонами) одной фонемы.

Фонетическое различие между напряженными и ненапряженными фонемами, игравшее фонологическую роль только по отношению к смычным, в хеттской графике обозначалось посредством различия между удвоенным и неудвоенным написанием соответствующих согласных в интервокальном положении. Сдвоенное написание встречается у всех согласных фонем, но для *š* и *z*, которые очень часто передаются посредством сдвоенного написания, фонетический признак напряженности (или глухости) не мог иметь фонологического значения, если отсутствовали соответствующие ненапряженные (или звонкие), что остается спорным. Точно так же фонологически несущественным был фонетический признак ненапряженности для сонантов *l*, *r*, *m*, *n*, которые изредка пишутся с удвоением в интервокальном положении. По отношению к сонантам *i*, *u* и гласным *a*, *e* вопрос о на-

⁶ Возможна (хотя и менее вероятна) другая интерпретация противопоставления этих троек фонем, при которой предполагается, что одна тройка противопоставляется другой по дифференциальному признаку глухости (*pp*=[p], *tt*=[t], *kk*=[k]) и отсутствия глухости, т. е. звонкости (*p*=[b], *t*=[d], *k*=[g]). Третья мыслимая интерпретация этого противопоставления может основываться на гипотезе о том, что одна из троек смычных фонем была глоттализованной (абруптивной, ср. абруптивы в картвельских языках), а другая — неглоттализованной.

личии или отсутствии признака напряженности не имеет фонологического смысла.

Дифференциальный признак носовости характеризовал носовой согласный *m* в отличие от неносовых *p* и *pp* и носовой согласный *n* в отличие от неносовых *t* и *tt*. Для остальных согласных фонем фонетический признак носовости является избыточным, так как он автоматически выводится из наличия фонологического признака компактности (у фонем *k*, *kk*, *ʃ*) или из наличия фонологического признака яркости (у фонемы *z*) и непрерывности (у фонем *ʃ* и *ʒ*). Для сонантов *l*, *r*, *u*, *i* признак носовости также является избыточным, так как он автоматически выводится из наличия дифференциального признака гласности. По отношению к сонантам *i*, *u* и гласным *a*, *e* вопрос о наличии признака носовости не имеет фонологического смысла, так как носовые гласные в хеттском языке, по-видимому, не были отдельными фонемами, хотя (как и в иероглифическом лувийском) они могли возникать при исчезновении *n* перед согласным.

Фонологический признак непрерывности характеризует плавную фонему *l* в отличие от плавной фонемы *r*, которая является прерывной. По признаку непрерывности компактная фонема *ʃ* отличается от прерывных (т. е. смычных) компактных *k* и *kk*, фонема *ʒ* — от прерывных (т. е. смычных) *t* и *tt*. Отсутствие признака непрерывности является фонологически несущественным для *p* и *pp*, так как соответствующие прерывные фонемы в хеттской фонологической системе отсутствуют. Для остальных фонем (*m*, *n*, *u*, *i*, *e*, *a*) вопрос о наличии или отсутствии признака непрерывности не имеет смысла. Дифференциальный признак яркости характеризует аффрикату *z*=[*ts*] в отличие от неярких (тусклых) фонем *t* и *tt*. Признак яркости у свистящей фонемы *ʒ*, отличавший ее от фонем *t* и *tt*, является избыточным, так как (при наличии признака негласности) он автоматически выводится из наличия признака непрерывности (служившего для различения тех же фонем). По-видимому, избыточный признак яркости, автоматически выводимый из наличия признака непрерывности (в сочетании с признаком негласности), имелся и у фонемы *ʃ* в случае, если эта фонема была увулярной (в пользу последнего предположения говорит упоминавшееся выше фонетическое чередование компактного *ʃ* с *r*). Соответственно избыточный признак неяркости (тусклости) имелся у фонем *t* и *tt* (противопоставленных *ʒ*) и — в случае, если *ʃ* было увулярной фонемой — у фонем *k* и *kk* (противопоставленных *ʃ*). Для фонем *p* и *pp* признак неяркости (тусклости) был фонологически несущественным, так как соответствующие яркие фонемы в хеттской фонологической системе отсутствовали. Для всех остальных фонем (*m*, *n*, *r*,

l, u, i, e, a) вопрос о наличии или отсутствии признака яркости не имеет смысла.

Дифференциальный признак тяжести характеризует фонему *u* в отличие от нетяжелой фонемы *i*. Признак тяжести для гласной фонемы *a* автоматически выводится из наличия признака компактности и поэтому является избыточным; точно так же отсутствие признака тяжести для гласной фонемы *e* автоматически выводится из отсутствия признака компактности и поэтому является избыточной характеристикой. Точно так же избыточной является характеристика по этому признаку фонем *l* и *r*, из которых *r* могло быть тяжелым (если оно было увулярным). Наличие признака тяжести отличает губную носовую фонему *m* от переднеязычной носовой *n* и губные прерывные (смычные) фонемы *p* и *pp* от переднеязычных прерывных (смычных) фонем *t* и *tt*; для фонем *k*, *kk* и *h* признак тяжести является избыточным, так как он автоматически выводится из наличия признака компактности. Для фонем *š* и *ž* избыточным является отсутствие признака тяжести (т. е. признак легкости).

Описанное истолкование отношений между хеттскими фонемами в терминах дифференциальных признаков может быть представлено в виде матрицы отождествления фонем, где плюсом обозначается фонологически существенное наличие признака, минусом — фонологически существенное отсутствие признака, нулем — фонологическая избыточность признака или отсутствие фонологического смысла у вопроса, обладает ли данная фонема данным признаком (см. табл. 2).

Таблица 2

Матрица отождествления хеттских фонем

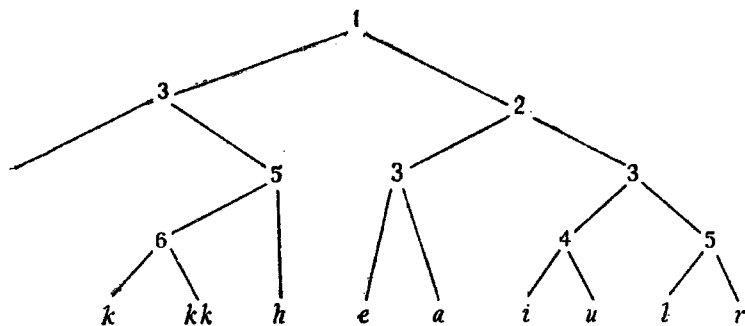
Дифференциальный признак	Ф о н е м а																
	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>l</i>	<i>r</i>	<i>n</i>	<i>m</i>	<i>z</i>	<i>š</i>	<i>ž</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>pp</i>	<i>tt</i>	<i>kk</i>
Гласность	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Согласность	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Компактность	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	+	+	+
Носовость	0	0	0	0	0	0	+	+	0	0	0	-	-	0	-	-	0

Дифференциальный признак	Ф о н е м а																
	a	e	l	u	l	r	n	m	z	š	h	p	t	k	pp	tt	kk
Непрерывность	0	0	0	0	+	-	0	0	-	+	+	0	-	-	0	-	-
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	-	0	0	-	0	
Тяжесть	0	0	-	+	0	0	-	+	0	0	0	+	-	0	+	-	0

Та часть системы хеттских фонем, в которую входят фонемы, обладающие дифференциальным признаком гласности, и фонемы, обладающие дифференциальным признаком компактности, может быть представлена в виде ветвящегося дерева (см. схему 1). Из каждого узла этого дерева, соот-

Схема 1

Дерево фонем, обладающих признаком гласности, и фонем, обладающих признаком компактности

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1—гласность	4—тяжесть
2—согласность	5—непрерывность
3—компактность	6—напряженность

ветвующего проверке на какой-либо признак, выходят две ветви. Ветвь, идущая от узла налево, соответствует отсутствию данного признака, тогда как ветвь, идущая от узла

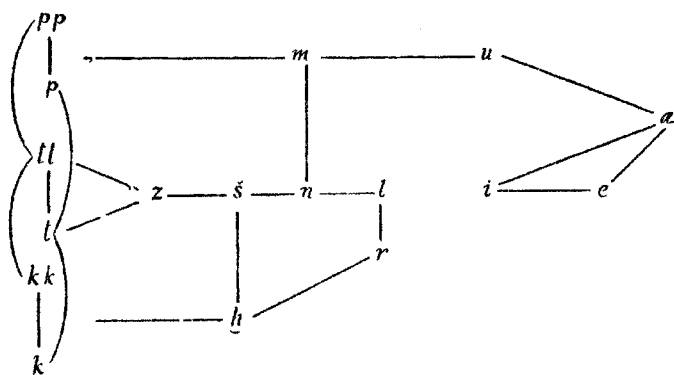
направо, соответствует наличию данного признака. Каждая ветвь либо однозначно определяет какую-либо фонему, либо в свою очередь раздваивается. Возможность представления части системы хеттских фонем в виде дерева означает, что каждая из фонем, входящих в эту часть системы, однозначно определяется алгоритмом (системой детерминированных правил, действующих в определенном порядке) следующего вида: последовательно задаются вопросы о том, обладает ли данная фонема известным признаком. Положительный или отрицательный ответ на этот вопрос определяет переход к следующему вопросу сходного типа. Каждая фонема опознается либо после трех вопросов или шагов (*e*, *a*, *h*), либо после четырех вопросов или шагов (*i*, *u*, *l*, *r*, *k*, *kk*). Явление нейтрализации фонологического противопоставления фонем *l* и *r* в начале слова (где возможно *l*, но не *r*) можно описать заданием соответствующего числа шагов, нужных для опознания плавной архифонемы в этой позиции: в начале слова плавная архифонема (представленная фонемой *l*) опознается после трех шагов (а не после четырех шагов, как плавные фонемы *r* и *l* в остальных позициях). Часть системы, в которую входили фонемы, не обладающие признаками гласности или компактности, не может быть представлена в виде ветвящегося дерева, поскольку здесь отсутствует необходимое для этого распределение нулей в матрице отождествления фонем.

Характерной особенностью фонологической модели хеттского языка является наличие трех пар смычных (прерывных) фонем. Внутри каждой такой пары ее члены противопоставлены по дифференциальному признаку напряженности. Первая пара (*p* — *pp*) противопоставлена двум остальным по признаку тяжести; третья пара (*kk* — *k*) противопоставлена двум другим по признаку компактности; вторая пара (*tt* — *t*) отличается от двух других как нетяжелая и некомпактная. Со второй парой прерывных фонем (*t* — *tt*) соотносится яркая прерывная фонема *z* и непрерывная фонема *s*; с третьей парой прерывных фонем (*k* — *kk*) соотносится прерывная фонема *h*. Для первой пары прерывных фонем (*p* — *pp*) соответствующая непрерывная негласная фонема отсутствует, поэтому в хеттском (как и во многих других древних индо-европейских языках, где неслоговое *ç* не утратило еще признака гласности) система спирантов является асимметричной в отличие от системы смычных. С первой парой смычных фонем (*p* — *pp*) соотносится тяжелая носовая фонема *m*, тогда как нетяжелая носовая фонема *n* соотносится со второй парой смычных фонем (*t* — *tt*). Отмеченное выше фонетическое смещение *h* и *r* позволяет думать, что в хеттском плавная фонема *r* могла соотноситься с компактным *h*, тогда как *l* соотносилось с *n* и всеми другими фонемами, связанными со

второй парой смычных ($t - tt$). Соотношение тяжелой фонемы u с нетяжелой фонемой i было сходно с соотношением тяжелой фонемы m с нетяжелой фонемой n . В новохеттский период a противопоставлялось слоговым вариантам фонем u и i , тогда как в древнехеттский период система гласных была четырехугольной (a не треугольной, как в новохеттский) ввиду наличия фонемы e . Описанные парадигматические соотношения хеттских фонем в фонологической системе изображены на схеме 2.

Схема 2

Система хеттских фонем

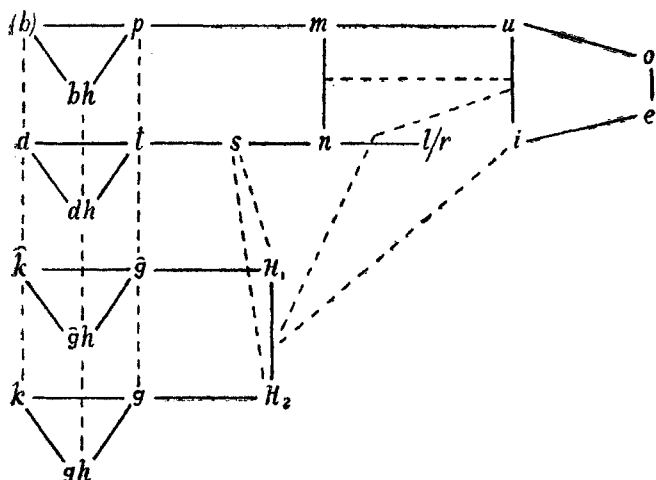

Парадигматические отношения между фонемами в системе находят отражение также и в тех синтагматических отношениях между фонемами в тексте, которые могут быть выявлены путем дистрибутивного исследования их распределения. Однако дистрибутивный анализ распределения фонем в хеттском языке сопряжен со значительными трудностями, так как графические вероятностные ограничения, наложенные на сочетания клинописных знаков, часто препятствуют выявлению фонологических вероятностных ограничений, наложенных на сочетания фонем. В частности, особенности хеттской графики приводят к тому, что в клинописи использование гласного a не связано ни с какими ограничениями; однако из этого еще не следует, что и фонема a в хеттском языке могла сочетаться с любыми другими фонемами, так как гласный a в клинописном написании часто мог быть паразитическим. Такое паразитическое (фиктивное с фонологической точки зрения) a могло отделять в написании графические изображения согласных фонем, в действительности непосред-

ственно сочетавшихся друг с другом. Так, возможно, что написание слова *hulana* 'шерсть' следует истолковывать как передачу [hulna] (ср. родственное дринд. *ārna* 'шерсть', литовск. *vilna*); в данном случае в этом слове (и в других, ему подобных) можно предполагать сочетание фонем *ln*, которое непосредственно в хеттской графике не отражается. Поэтому при описании распределения хеттских фонем особенно отчетливо следует отличать фактически невозможные сочетания, которые не засвидетельствованы непосредственно в хеттской графике, от фонологически невозможных сочетаний фонем, противоречащих известным фонологическим нормам.

Схема 3

Исходная фонологическая система

Распределение хеттских фонем в том виде, в каком оно может быть выявлено при исследовании слитной транслитерации хеттских слов⁷, представлено на табл. 3. В вертикальном ряду на таблице изображены фонемы, которые могут предшествовать фонеме, изображенной в горизонтальном ряду. Фактически возможные сочетания фонем обозначаются плюсом (+) в соответствующей клетке; при этом редко встречающиеся (главным образом в заимствованиях) сочетания, нехарак-

⁷ В качестве материала использовались все формы хеттских слов, приведенные в общепринятой слитной транслитерации в словаре J. Friedrich, *Heititisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952—1957. Из сказанного выше следует, что степень достоверности описываемого распределения фонем определяется степенью достоверности транслитерации.

Распределение хеттских фонем

Пре- дущая фонема	С л е д у ю щ а я ф о н е м а																						
	## (про- бел)	а	е	і	и	г	л	м	н	һ	š	z	p	pp	t	tt	k	kk	һһ	l	μ	ku	
## (пробел)		+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+			+	+	+	+
а	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
е	+	+				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
і	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
н	+		(++)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	(-)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
г	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
л	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
м	+	+	+	+	+																		
н	+	+	+	+	+		-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
һ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
š	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+
z	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
p	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
pp	+	+	+	+	+	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)
t	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
tt	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
k	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
kk	+	+	+	+	+	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)
һһ	+	+	+	+	+																		
l	+	+	+	+	+																		
μ	+	+	+	+	+																		
ku	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

терные с фонологической точки зрения, обозначаются плюсом, заключенным в скобки; фонологически невозможные сочетания — минусом (—), фактически невозможные (т. е. не встретившиеся в рассмотренных хеттских словах) сочетания обозначаются пробелом (т. е. отсутствием знака в соответствующей клетке).

Большинство хеттских фонем однозначно определяется указанием фонем, входящих в левое множество данной фонемы (т. е. принадлежащих множеству фонем, предшествующих этой фонеме), и фонем, входящих в правое множество данной фонемы (т. е. принадлежащих множеству фонем, следующих за этой фонемой). Исключение составляют гласные *a* и *u*, на сочетания которых не наложено никаких ограничений (очевидно, это объясняется не особенностями фонологической системы, а особенностями графики), и напряженная (сильная) фонема *tt*, распределение которой по условиям хеттской графики может быть выявлено лишь в интервокальной позиции (т. е. в других позициях эта фонема в графической передаче не отличалась от ненапряженной *t*). Ввиду особенностей хеттской графики, широко использовавшей паразитические гласные, очень мало ограничений можно выявить и для фонемы *e*, не засвидетельствованной только в сочетании с предшествующим *r* (однако ввиду смещения *e* и *i* в графике, отражавшей новохеттскую систему фонем, древнее сочетание фонем [*re*] могло передаваться посредством написания *ri*) и в сочетании с предшествующим напряженным *kk* (хотя и здесь возможна передача сочетания фонем [*kke*] посредством написания *kki*). Единственным ограничением, выявляемым для нетяжелой фонемы *i*, является отсутствие сочетания с последующей тяжелой напряженной *pp* (однако сочетание [*ipp*] могло передаваться в новохеттскую эпоху и посредством написания *epp*, ср. написания типа *e-ip-pi-un* = др. хеттск. [*errin*]), что приобретает особое значение, потому что сочетание нетяжелой фонемы *i* с последующей тяжелой ненапряженной фонемой *p* встречается крайне редко (однако и здесь возможна передача сочетания фонем [*ip*] посредством написания *ep*).

Плавные фонемы *l* и *r* характеризуются отсутствием сочетаний с предшествующими носовыми фонемами *m* и *n* и с предшествующей яркой аффрикатой *z*. Плавная прерывная фонема *r* не может следовать за плавной непрерывной фонемой *l*, хотя сочетание плавных в обратном порядке (*rl*) фактически возможно (например, в слове *hurilili* 'по-хурритски'). Плавная прерывная фонема *r* не может следовать за паузой, т. е. пробелом, иначе говоря, не может находиться в начале слова. Поэтому плавные *r* и *l* находятся в частичном дополнительном распределении.

Фонема *l* не сочетается с предшествующим *t*; можно думать, что сочетание *tl* было (во всяком случае, в определенный период истории хеттского языка) фонологически невозможным, так как, по-видимому, более древнее сочетание **tl* изменилось в **kl* в таких словах, как [aku-*kla*] (графическая передача *akugalla-*) 'сосуд с водой' (от *eku-*, *aku-* 'пить', ср. однотипное образование от другого корня с тем же значением в дринд. *pā-tra* 'сосуд для питья', латинск. *pō-culu-m* 'чаша', 'кубок', где наблюдается фонетическое развитие, полностью аналогичное хеттскому).

Носовые фонемы *m* и *n* характеризуются отсутствием сочетаний с последующими плавными фонемами *r* и *l* и с предшествующей яркой аффрикатой *z* (отсутствие сочетаний с предшествующей яркой аффрикатой *z* является признаком, объединяющим носовые и плавные фонемы). Фонологически невозможным является сочетание нетяжелой носовой фонемы *l* с последующей тяжелой носовой фонемой *m*; об устранении этого сочетания при явлениях сандхи на стыке морфем и слов (входивших в одно фонологическое слово) свидетельствуют такие формы, как *kueti* 'я разбиваю, бью' (из основы *kuen-* + окончание 1-го л. ед. ч. наст. вр. *-mi*), *lamamit* 'мое имя' (из *laman* 'имя' + *mit* 'мое') и т. п. Сочетание носовых фонем в обратном порядке (*mn*) фактически возможно. Не засвидетельствованы сочетания тяжелой (некомпактной) носовой фонемы *m* с последующими компактными фонемами *h* и *t*, а также с последующими нетяжелыми фонемами *š* и *t*. Из этих сочетаний фонологически невозможным является сочетание тяжелой носовой фонемы *m* с нетяжелой прерывной фонемой *š*; можно предположить, что на стыках морфем при явлениях сандхи это сочетание перекодировывалось в *nz*, хотя отношения сюда случаи не вполне ясны. Фонологически невозможным было также сочетание носовой фонемы *m* с последующей паузой, т. е. появление этой фонемы в исходе слова. Поэтому носовые фонемы *m* и *n* находятся в частичном дополнительном распределении. Точно так же, как тяжелая носовая фонема *m* не сочеталась с последующей нетяжелой прерывной фонемой *t*, нетяжелая носовая фонема *n* не сочеталась с тяжелой прерывной *p*, ср. в хеттских законах *halkim pianzi* 'они дают хлеб' вместо *halkin pianzi*.

Компактная непрерывная фонема *h* не сочеталась с последующей или предшествующей компактной прерывной фонемой *k*, а также с предшествующей некомпактной тяжелой *m*. Как и носовые и плавные фонемы, непрерывная фонема *h* не сочеталась с предшествующей яркой аффрикатой *z*.

Некомпактная непрерывная фонема *š* обладала значительно более свободной сочетаемостью, чем рассмотренные выше

согласные фонемы. Фонологически невозможным было только сочетание δ с предшествующей носовой m . Хеттская графика не позволяет установить, было ли возможно сочетание δ с предшествующей яркой аффрикатой z .

Яркая аффриката z была фактически невозможна в сочетании с последующими носовыми m и n , плавными l и r , непрерывными h (и δ ?) и с тяжелой фонемой p . Возможность сочетания аффрикаты z с предшествующей фонемой t остается неизвестной, так как в хеттской графике это сочетание передается так же, как сочетание фонемы t с последующей фонемой δ и как фонема z вне сочетаний (т. е. графически отождествляется $tz = t\delta = z$).

Тяжелая некомпактная фонема p не сочетается с последующей или предшествующей компактной фонемой k и предшествующими нетяжелыми фонемами n , t , z . Нетяжелая фонема t не сочетается с предшествующей тяжелой m и последующей тяжелой p , а также с последующей плавной l . Компактная прерывная фонема k не сочетается с компактной непрерывной h и с некомпактной тяжелой прерывной фонемой p ; фактически невозможно также сочетание k с предшествующей тяжелой носовой m . Единственным ограничением, которое можно выявить для напряженной компактной фонемы kk , является отсутствие сочетания с последующей некомпактной i (но ср. выше о возможности передачи сочетания фонем $[kke]$ посредством написания kki). Единственным ограничением, которое можно выявить для напряженной тяжелой фонемы pp , является отсутствие сочетания с предшествующей нетяжелой i (но ср. выше о возможности передачи сочетания фонем $[ipp]$ посредством написания err).

Поскольку в обществе, говорившем на хеттском языке, в период, предшествовавший древнехеттскому, существовало хеттско-хаттское смешанное двуязычие, а в новохеттский период складывалось хеттско-лувийско-хурритское многоязычие, можно предположить, что в хеттском языке наряду с обычной фонологической нормой (по отношению к которой выше говорится о фонологической невозможности) существовали параллельные нормы, соблюдавшиеся (притом не всегда последовательно) лишь в заимствованных словах (такие нормы и названы выше нехарактерными с фонологической точки зрения). Иначе говоря, это, вероятно, был язык с двумя (или более) сосуществующими фонологическими системами. Так, сочетание некомпактной фонемы t с последующей непрерывной компактной фонемой h не допускалось по обычным хеттским фонологическим нормам; однако это сочетание встречалось в некоторых хаттских заимствованиях, например, в имени бога *Zithariša*, где это сочетание иногда заменялось более обычными для хеттского языка сочетаниями, например, ph

(*Ziḫarija*). Сочетание *tḫ* встречалось и в некоторых собственно хеттских словах ономастопоэтического характера, например, *tetḫai-* 'ударять (о громе)' и в производных от этого глагола. Таким образом, к периферийной фонологической системе могли принадлежать как заимствования (ср. отражение губного спиранта типа *p/ϕ* в заимствованиях и т. п.), так и слова особого функционального характера.

Сосуществование двух (или более) фонологических систем в хеттской языковой общности (как и во многих других языковых общностях) объяснялось не только креолизацией разных языковых систем в социальном пространстве, но и креолизацией разных языковых систем во времени. Древнехеттская фонологическая система в клинописных текстах частично отражается наряду с новохеттской, причем одна система наплаивается на другую (это смешение древнехеттских и новохеттских явлений усугубляется тем, что многие тексты, составленные еще в древнехеттский период или отражающие древнехеттскую языковую или графическую традицию, дошли до нас в новохеттских вариантах). Особенно отчетливо различие между двумя этими системами (и их смешение) обнаруживается в трактовке *e* и *i*, выступавших в качестве двух различных фонем в древнехеттском, но совпадающих (склеивающихся) в одной фонеме *i* в новохеттский период. Ситуация в новохеттском языке объясняет параллельные написания с *i* и *e* в одних и тех же формах; но в то же время еще до смешения этих двух фонем установилось традиционное написание некоторых употребительных слов (например, глагола *eš-* 'быть'), которые всегда писались посредством знаков для *e* (а не для *i*) и во всех новохеттских текстах.

Возможно, что на протяжении истории хеттского языка могло изменяться также и соотношение между *i* и неслоговым *ḫ*, которое находилось на пути к приобретению самостоятельных фонемных свойств (этому могло способствовать, в частности, совпадение в *i* двух фонем *i* и *e*, благодаря которому в новохеттский период *i* появилось во многих морфемах, где оно не чередовалось с неслоговым *ḫ*). Сходным образом, вероятно, развивалось и соотношение между *u* и неслоговым *ϕ*, для обозначения которого в хеттской клинописи используются особые способы, свидетельствующие об известной самостоятельности этой звуковой единицы. Однако противоречивость графических данных не позволяет определить более точно соотношение между самостоятельными фонемами *i* и *u* и их неслоговыми вариантами *ḫ* и *ϕ*, возможно, находившимися на пути к фонологизации.

Особенно сложную проблему представляет фонологическое истолкование знаков, отражающих сочетание *ku* или *ku-*. Параллельные написания *e-ku-zi* 'он пьет' (от *eku-* 'пить') и

(ошибочное) *e-uk-zi* можно было бы рассматривать как свидетельство монофонематического характера комплекса [k^w], отдельные дифференциальные признаки которого могли фиксироваться в графике в любой последовательности (*ku* или *uk*), так как в произношении они не разделялись во времени. Однако делать столь далеко идущие выводы на основании одного лишь ошибочного написания было бы рискованно, так как распределение комплекса *ku* (*ku*) в позиции перед другой фонемой почти совпадает с распределением *u* (*u*), а в позиции после другой фонемы почти совпадает с распределением *k* (очень небольшие различия, в частности, отсутствие *ku* в позиции после *u*, еще не позволяют сделать никаких выводов об отличии распределения *k* в комплексе *ku* от *k* вне этого комплекса). Для доказательства тождества *u* в комплексе *ku* с *u* вне этого комплекса существенно совпадение написаний типа *u-u-* и *ku-u-*, где знак для неслогового появляется после знака, обозначающего слоговое *u*. В написаниях типа *e-ku-un* 'я пил' комбинация знаков *ku-un* служит для передачи группы *kun* по общему правилу для передачи группы «согласный + гласный + согласный». Наконец, в форме *nekumant-* 'нагой' суффикс выступает в форме *-mant-* (а не **-uant-*), обусловленной архаичным морфологическим правилом, по которому после *u(u)* вместо *-uant-* использовался алломорф *-mant-* (но ср. *akueni*, 1-е л. мн. ч. прош. вр., *ekuen-*, 1-е л. мн. ч. прош. вр., где *-uen-* не изменяется в *-men-*). Все указанные факты позволяют считать комплекс *ku(ku)* сочетанием двух фонем *k + u(u)*, но упомянутое ошибочное написание и некоторые другие факты можно было бы истолковать как косвенное свидетельство начавшегося превращения этого сочетания в одну лабиовелярную фонему (этот процесс завершился в лидийском, где *ku > k^w [> p?]*: хеттск. *kuiš*: лид. *k^wiš* или *piš [+ iš]*, ср. лик. *ti*); приведенное рассуждение можно распространить и на комплекс *kku(kku)* (показательно, однако, то, что в *eku-*, *aku-* отсутствует удвоение *k*, которого можно было бы ждать в интервокальном положении, ср. *akkušk-*).

Сходная проблема возникает по отношению к комплексу *ts*, который в новохеттский (а, возможно, и в древнехеттский) период, очевидно, всегда отождествлялся с единой фонемой *z*. Однако в некоторых случаях *z*, возникшее из сочетания фонем *t + s* на стыке двух морфем, передается в графике не так, как фонема *z* внутри морфемы; в частности, в этих случаях (т. е. на стыке двух морфем) обнаруживаются отмечавшиеся выше написания типа *iš-par-za-aš-ta*, где комбинация *za-aš-* используется для передачи комплекса *ts = z*. Эти написания позволяют думать, что фонеме *z* внутри морфемы следует отличать от морфемы *z*, которая может являться результатом морфологического перекодирования комбинации фо-

нем $t+s$ на стыке двух морфем. Фонологическое отождествление двух этих единиц (z внутри морфемы и z на стыке морфем) может быть относительно поздним явлением, так как их происхождение различно.

В фонеме z , наличие которой отличает хеттскую фонологическую систему от фонологических систем других древних индоевропейских языков, совпали отражения нескольких звуковых единиц, некогда различавшихся между собой. В определенных условиях, в частности, в положении после n , в хеттском языке, как и в лувийском, z может быть возведено к $*s$: по-видимому, после носового различие между z и s в хеттском и лувийском языках снимается и z выступает как представитель архифонемы, объединяющей z и s [ср., например, хеттск. *daganzi* 'земля ('гений, дух земли)'), где основа *-šera* следует за основой, представленной в хеттском в форме *dagan, tekan*]. Имеется ряд слов, в которых хеттскому z и в других позициях соответствует s в других индоевропейских языках: например, хеттск. *zenu* 'осень' родственно русск. *осень*. Э. Бенвенист высказал гипотезу, по которой в подобных случаях только хеттский язык сохранил различие между двумя фонемами, совпавшими во всех остальных индоевропейских языках, но различающимися еще в хеттском \check{s} и z . Однако в некоторых из таких слов можно предполагать либо диалектные варианты, либо чисто графические колебания между письменными знаками, передававшими аккадск. \check{s} и хеттск. s , и письменными знаками, передававшими аккадское эмфатическое \check{s} и хеттск. z , ср. выше о параллельном написании *zamankur* 'борода', *šamankuruant* (родственно словам с начальным $*s$ в других индоевропейских языках — литовск. *smãkras*, дринд. *šmašru* 'борода', ср. алб. *mjekër*). Поэтому данные хеттского языка нельзя считать достаточным основанием для реконструкции особой индоевропейской фонемы, отличавшейся от $*s$ и развившейся в хеттскую фонему z . В этой последней фонеме совпали отражения индоевроп. s (в некоторых позициях, в частности, в словах, содержащих носовой), отражение группы фонем $t+s$ на стыке морфем и отражение неиндоевроп. z в хеттских заимствованиях из неиндоевропейских языков Передней Азии. Аналогичные источники можно предполагать и для z в лувийском и палайском, но увеличению роли фонемы z в хеттском способствовали и особые процессы, специфические только для хеттского языка.

Сравнение с другими анатолийскими языками позволяет установить, что возникновение особой фонемы z в хеттском было связано с процессом ассибиляции $*ti > zi$, осуществившимся в хеттском, но не в других анатолийских языках. Так, хеттскому окончанию 3-го л. ед. ч. наст. вр. *-zi* в лу-

вийском и палайском (и в других индоевропейских языках) соответствует *-ti*; хеттскому окончанию 3-го л. мн. ч. наст. вр. *-nzi* в лувийском и палайском соответствует *-nti*; хеттскому слову *zikk(a)* 'ты' соответствует палайск. *tī* и т. п. Изменение **ti > zi* в хеттском языке осуществлялось параллельно с изменением **di > ši*, которое имело место также только в хеттском языке, но не в лувийском и в палайском: хеттскому *šiyatt* 'день', 'бог дня' соответствует лувийск. *tiyat-* 'бог солнца', палайск. *tijaz* (наличие начального **d* в этом слове доказывается сравнением с дринд. *dyáuh* 'небо'), хеттск. *š* могло быть здесь звонким, ср. соответствие лувийскому иероглиф. *s* в *Asitayanda* в финикийском и ассирийском звонком *z* при сдвоенном *šš* в хеттск. *aššija-* Ассибилияция типа **ti > zi*, **di > ši* не затронула древний индоевропейский «звонкий придыхательный» (это условное название обозначает класс согласных, отличный от глухих и звонких) **dh*, как показывает окончание повелительного наклонения **dhi > -ti*, сохранившееся в архаичных древнехеттских медиопассивных формах на *-hu-ti*. Поэтому можно утверждать, что ко времени, когда осуществлялось развитие **ti > zi*, **di > ši*, **dhi > ti*, в хеттском языке (как, вероятно, и в других анатолийских) еще отражалось тройное индоевропейское противопоставление типа **t-*d-*dh*. Свидетельство различия между звонким придыхательным **ǵh* и глухим **k* в общеанатолийском можно видеть также в лувийском языке, где в начале слова звонкий придыхательный (палатальный) исчезает (очевидно, благодаря развитию **ǵh > h > 0*), а глухой непридыхательный (велярный) сохраняется, ср., с одной стороны, лувийск. *iššari-* 'рука', лик. *izre-*, хеттск. *keššar* 'рука', греч. *χεῖρ*, с другой стороны, лувийск. *kiša-* 'чесать (шерсть)', хеттск. *kišai-*, греч. *καίω* 'чесу'. Но о развитии начального звонкого непридыхательного в лувийском нельзя судить из-за отсутствия достаточно надежных этимологий, поэтому нельзя быть уверенным в том, что к тому времени, когда сохранялись различия между **ǵh* и **k*, **g* отличалось от обеих фонем (к тому же интерпретация указанных фактов затрудняется тем, что в *iššari* исчезает начальный индоевропейский палатальный, а в *kiša-* сохраняется велярный).

В более поздний период, о котором позволяют судить письменные тексты, в хеттском, как и в других анатолийских языках (в частности, в клинописном лувийском), можно обнаружить только двоякое противопоставление *tt:t*, *pp:p*, *kk:k*, отражающее индоевропейское противопоставление фонем по дифференциальному признаку глухости — звонкости (типа **t-*d*), причем древние звонкие придыхательные трактуются так же, как древние звонкие. Можно думать, что этот же

фонологический признак (глухости — звонкости) оставался существенным в том анатолийском диалекте лувийского типа, из которого развился ликийский язык. Об этом свидетельствует то, что в ликийском алфавитном письме противопоставлению *pp:p* в хеттской и лувийской клинописи соответствует противопоставление *p:b*, ср. лик. *epñ* 'после', лувийск. *arpan*, хеттск. *arpan* (греч. *ἀπό*), с одной стороны, лик. *ebe* 'тот', лувийск. *apa-*, хеттск. *apa-*, с другой стороны (в данном случае фонема *b*, отсутствовавшая в общеиндоевропейском, возводится к звонкому придыхательному **bh*). Есть основания полагать, что в хеттском языке осуществилось передвижение согласных, т. е. древнее индоевропейское (и общепанатолийское, еще отраженное в ликийском) противопоставление смычных фонем по глухости — звонкости изменилось в противопоставление по дифференциальному признаку напряженности (придыхательности) и ненапряженности (непридыхательности). Это противопоставление, передаваемое в хеттской клинописи различием между сдвоенным и несдвоенным написанием соответствующих согласных в интервокальном положении, точно соответствует в большинстве случаев древнему индоевропейскому различению глухих и звонких, ср., например, хеттск. *uitti* 'в году' (индоевроп. **uet-*, родственно русск. *ветхути*) и хеттск. *uitti* 'в воде' (индоевроп. **ued-*, родственно русск. *вода*). Древним звонким придыхательным обычно соответствуют в хеттском языке фонемы, передаваемые (как и отражения древних звонких непридыхательных) посредством несдвоенного написания, ср., например, хеттск. *ne-pi-iš* 'небо', дринд. *nábhas*, греч. *νεφος* (индоевроп. **nébhos*). Это общее правило отражения индоевропейских смычных в интервокальном положении, однако, иногда нарушается; поэтому можно говорить только о статистическом преобладании сдвоенных написаний для фонем, восходящих к индоевропейским глухим.

Поскольку древние звонкие придыхательные графически не отличаются от древних звонких, хеттский язык в письменный период его истории можно отнести к числу тех индоевропейских языков, где древняя индоевропейская система с тройным противопоставлением глухих, звонких и звонких придыхательных (типа **t:*d:*dh*) сменилась системой, противопоставляющей только два класса смычных фонем. В хеттском языке (как и в тохарских) уменьшение возможностей различения смычных фонем осуществилось после действия процессов палатализации, благодаря которым увеличились различительные возможности спирантов и аффикат. Соображения типологического характера позволяют думать, что судьба придыхательных в древних индоевропейских языках была связана с наличием или отсутствием фонемы типа *h*; в этом отношении хеттский язык занимает особое положение.

ние, так как в нем звонкие придыхательные совпали с древними звонкими, несмотря на то что *h* сохранялся.

Наличие в хеттской (и общеанатолийской) фонологической системе фонемы *ḫ* является наиболее важным архаизмом, делающим изучение этой системы исключительно ценным для реконструкции общеиндоевропейской фонологической модели. В хеттском языке (и, по-видимому, в других анатолийских) *ḫ* с фонетической точки зрения может быть определено как заднеязычный спирант. Это доказывается, в частности, анализом заимствований и передачи иноязычных собственных имен, например, греческого названия ахейцев, где хеттск. *ḫḫ* (в *Ἀχχίῆαα-*) передает греч. *χ* (= *kh*). Такое же соответствие греч. *χ* и хеттск. *ḫ* можно предположить и по отношению к греческому (гомеровскому) *ἰχθύρ* 'кровь богов', которое, очевидно, было заимствовано из анатолийских языков, ср. выше. Определение хеттского (и общеанатолийского) *ḫ* как заднеязычного спиранта согласуется с тем, что в хеттском и в особенности в других анатолийских языках наблюдаются колебания между *k* и *ḫ*. В хеттском языке такие колебания (например, дат.-мест. пад. ед. ч. *kilamni* 'портику' и параллельная форма *hīlamni*) носят единичный характер. Но развитие *k* > *ḫ*, т. е. образование *ḫ* в результате спирантизации *k*, регулярно происходило в палайском и лувийском языках, ср. палайск. *aḫu-* 'пить': хеттск. *eku-* 'пить'; лувийск. *šaḫuitara-* 'закономерный', 'правильный': хеттск. *šakuḫaššara-* и т. п. Вместе с тем в хеттском и других анатолийских языках известны и обратные случаи развития *ḫ* (> *k*): ср. хеттск. *ḫamešant-* 'весна' и вторичный вариант *ḫameskant-*, лувийск. *aḫḫa* 'как', 'когда' (ср. хеттск. *mahhan*) и лик. *ēke, ŋke* и т. п. Сходные колебания между так называемой «ларингальной» фонемой **H* (или «ларингальными» фонемами), из которой развилось хеттск. *ḫ*, и заднеязычной смычной фонемой **k* можно предположить и по отношению к другим древним индоевропейским диалектам. Так объясняется, в частности, соответствие хеттск. *ḫaštai-* 'кость', лувийск. *ḫašša* 'кости' (с отражением начального «ларингального»), с одной стороны, и русск. *кость* (и родственных слов других славянских языков) с отражением начального *k*, с другой стороны. Развитие ларингального **H* в *k* предполагается также и в тохарских языках.

Эти факты показывают, что не только хеттск. *ḫ* и соответствующие ему фонемы в других анатолийских языках, но и индоевропейская «ларингальная» фонема **H* (или «ларингальные» фонемы) противопоставлялись заднеязычному смычному в качестве спирантов. В хеттской клинописи достаточно отчетливо проводилось различие между *ḫ*, писавшимся несдвоенно, и *ḫḫ*, писавшимся сдвоенно; поэтому можно бы-

ло бы предположить, что противопоставление спирантов $h:hh$ соответствовало противопоставлению смычных $k:kk$. Но различие между h и hh , с фонологической точки зрения, не было самостоятельным, так как выбор одной из двух этих единиц можно предсказать, зная характер предшествующего гласного. Несдвоенное h появляется после e (например, mehur 'время'), сдвоенное hh — после a (например, пецаhh- 'обновлять'). В других индоевропейских языках хеттскому сочетанию eh может соответствовать долгое \bar{e} (например, хеттск. теh- в теhur соответствует *mē- в русск. мерить, месяц, готск. mel 'время' и т. п.); хеттскому сочетанию ahh может соответствовать долгое \bar{a} (например, -ahh- в пецаhh- соответствует суффикс *-ā- в греческ. ῥεᾶν, латинск. novāre и т. п.). Поэтому в хеттск. h и hh можно видеть отражение исчезнувших в других индоевропейских языках фонем, из сочетаний которых с предшествующим кратким гласным произошли долгие гласные, согласно теории, впервые высказанной (задолго до открытия хеттского языка) Ф. де Соссюром и позднее получившей название «ларингальной теории». По ларингальной теории, индоевропейские ларингальные не только влияли на долготу (т. е. количество) предшествующего гласного, но и определяли его качество: исчезнувшие ларингальные фонемы вызвали появление гласных a и o из более древнего первоначального гласного e . Поэтому в хеттск. hh , появляющемся после a , можно было бы видеть отражение такой ларингальной фонемы, которая меняла качество гласного, а в хеттск. h , появляющемся после e , можно было бы видеть отражение такой ларингальной фонемы, которая не влияла на качество гласного. Однако если и принять эту гипотезу, то нужно допустить, что в хеттском языке влияние фонемы, развившейся в hh , на качество соседнего гласного имело место еще в дописьменный период его истории. Поэтому с синхронической точки зрения не h и hh определяют характер соседнего гласного, а, наоборот, выбор одного из двух вариантов фонемы h/hh определяется качеством предшествующего гласного. Иначе говоря, если в дописьменный период существовали две «ларингальные» фонемы, то в языке письменных памятников они слились в одну фонему (хотя в некоторых случаях, когда h и hh различаются вне зависимости от предшествующего гласного, можно, по-видимому, обнаружить следы их более древних фонологических различий). Если в хеттском языке h и hh еще различаются графически, то в лувийской клинописи (и в иероглифическом письме) их различие не передается (очевидно, это связано с устранением фонологических различий между e и a , совпавшими в лувийском в a), ср. лувийск. paḥur: хеттск. paḥhur 'огонь'.

Согласно некоторым вариантам ларингальной теории, для дописменного периода истории хеттского (и других анатолийских языков) следует реконструировать не две, а большее количество ларингальных фонем⁸. Часть этих фонем исчезла в хеттском языке бесследно, другие отразились косвенным образом. Нет ничего невозможного в допущении, согласно которому хеттск. *h(hh)* было последним представителем целой группы фонем, позднее исчезнувших (и лишь частично отраженных в *h'hh*). В пользу этой гипотезы говорят аргументы, свидетельствующие о том, что и само хеттск. *h'hh* находилось на пути к исчезновению. Эта фонема изолирована в хеттской фонологической системе, где она противопоставляется только *k* и *kk* (как компактный непрерывный компактным прерывным), *š* (как компактный непрерывный некомпактному непрерывному) и *r* (как компактный без признака гласности компактному с признаком гласности). Можно думать, что в более древней фонологической системе ларингальные обладали связями и с рядом других фонем, в частности с сонантами, с которыми они могли иметь общие черты (характерно, что распределение хеттск. *h* в некоторых отношениях еще сходно с распределением носовых и плавных). Изменение парадигматических отношений ларингальных было связано и с уменьшением их синтагматических возможностей сочетаний с другими фонемами. Очевидно, что в хеттском языке «ларингальные» сохранились не во всех тех позициях, где они были возможны в дописменный период: в частности, ларингальные исчезли внутри морфемы в позиции перед последующим смычным и после смычного (исключение составляют только заимствования и слова ономастопозитического характера). Возможно, что в некоторых случаях в слове с редуцированным гласным ларингальный в хеттском (как и в древнеиндийском) вокализовался и превращался в *i*: таково, по-видимому, происхождение *i* в словах типа *innaraçatar* 'жизненная сила' (родственно лувийск. *annarummi-* 'сильный', греч. *ἀντήρ*, дринд. *nar* 'муж') и в корневых морфемах ряда глаголов типа *dai-*, *tiša-* 'ставить'; менее вероятна гипотеза о том, что хеттск. *a* в начале слова может восходить к ларингальному. В других позициях (в частности, в начале слова и в середине слова после сонорных или *š* и перед *u* и *š*) ларингальный сохранялся в виде *h(h)* в хеттском и других анатолийских языках, в чем заключается их существенное отличие от многих других индоевропейских языков (за исключением армянско-

⁸ В последней работе на эту тему предлагается реконструировать восемь ларингальных фонем, см.: J. Puhvel, *Hittite evidence for Indo-European laryngeals*, — «Evidence for laryngeals», Austin, Texas, 1960, p. 171.

го — и, возможно, албанского, — также сохранившего ларингальный в начале слова). Однако сравнение с лувийским языком показывает, что и в начале слова в некоторых случаях *h* исчезало в хеттском языке, ср. лувийск. hišhija 'связывать': хеттск. išhija (дринд. syāti). Начало исчезновения *h* в середине слова можно проследить по письменным памятникам хеттского языка: так, наряду с формой ešhar, išhar 'кровь' (лувийск. ašhar-) в текстах встречается и форма eššar (ср. аналогичное соответствие лувийск. šh и хеттск. šš в параллельных формах лувийского и хеттского названий птицы, используемой при гаданиях оракулов: лувийск. iparušša-, хеттск. iparušši-). Исчезновение *h* в некоторых формах обнаруживается и в других анатолийских языках. Таким образом, хотя хеттский и другие анатолийские языки являются наиболее надежными источниками для реконструкции ларингальных, нельзя думать, что в этих языках индоевропейские ларингальные сохранились без существенных изменений. В то же время следует подчеркнуть, что данные самих анатолийских языков не позволяют реконструировать большое число ларингальных фонем; такая реконструкция может быть оправдана только сопоставлением с другими индоевропейскими языками, причем выбор минимального числа ларингальных диктуется соображениями простоты описания.

Реконструкция нескольких ларингальных фонем для общеиндоевропейского может основываться, в частности, на предположении о симметричности системы „ларингальных“ спирантов и противопоставленных им „гуттуральных“ (палатальных, велярных и лабиовелярных) смычных. В общеиндоевропейской фонологической системе существовало противопоставление заднеязычных (велярных) смычных (**k*, **g*, **gh*) и палатальных смычных (**ċ*, **ǵ*, **ǵh*). Это противопоставление отражено и в анатолийских языках, так как в них древний палатальный в положении перед *u* отражается как *š*, ср., хеттск. šuna-, šunna- 'наполнять(ся)', лувийск. šuna-, иероглиф. suna-, палайск. šuna-, дринд. švayati, греч. σῦνω; хеттск. šuppi- 'чистый': дринд. šubhra- 'чистый'; иерогл. ašuwā- 'лошадь': дринд. ašva-, иероглиф. šuwān- 'собака': дринд. š(u)wā- (чтение начала иероглифических слов со знаком š спорно) и т. п. Для определения относительной хронологии спирантизации **ċ* перед *u* в анатолийских языках особенно существенно наличие этого явления в иероглифическом слове šurna- 'рог' (родственно русск. серна, литовск. stirna и т. п.). В этом слове *u* не унаследовано от индоевропейского, а развилось при специфическом для некоторых анатолийских диалектов превращении слогового сонанта **r* в *ur* (ср. отражение аналогичного процесса в хеттск. gurtāš 'крепость',

родственном русск. город, нем. Garten, ср. также урартск. burgana 'крепость', очевидно заимствованное из анатолийского, ср. готск. baurgs 'башня, укрепленное место', галльск. -briga, догреч. πύργος, индоевроп. корень *bhergh-. В клинописном хеттск. karayar 'рог', родственном иерогл. šurna 'рог', представлена другая огласовка корня, вследствие чего в этом слове древний палатальный не спирантизовался, так как это происходило только в позиции перед *и*. Таким образом, можно предполагать, что ассимиляция палатального осуществилась на протяжении истории анатолийских диалектов в период, следующий за диалектальным изменением *ɾ > и.

В хеттском и других анатолийских языках противопоставление заднеязычных (велярных) и палатальных нейтрализовалось еще в дописьменный период во всех позициях, кроме как перед *и*. Поэтому отражение этих фонем в анатолийских языках можно сравнить с отражением этих фонем в тех индоевропейских диалектах centum (греческом и латинском), где палатальный и непалатальный различаются только в положении перед *и*. Однако в греческом и латинском языках сочетание палатального и *и* может совпадать с лабиовелярным. Между тем в хеттском языке, где сочетания заднеязычного и *и*, по-видимому, еще не превратились в лабиовелярные (в отличие от обычных языков centum), сочетание палатального и *и* не совпало с лабиовелярными и развилось в сочетание двух фонем: š + *и*. Таким образом, эта особенность хеттского и других анатолийских языков может быть объяснена промежуточным положением этих языков между языками centum типа латинского, где сочетание палатального и *и*, отличное от сочетания велярного с *и*, отождествлялось с лабиовелярными, и языками satem типа древнеиндийского, где сочетание палатального с *и* развилось в сочетание двух фонем (ср. дринд. aśva-, иерогл. ašuwā-, латинск. equus 'лошадь'). Можно думать, что позиция перед *и* была позицией наиболее четкого различения фонем типа *k — *ḱ. Поэтому в одних языках (называемых языками centum) в этой позиции *k обособляется в особую лабиовелярную фонему (тогда как в других позициях *k и *ḱ смешиваются), а в других языках (в частности, в анатолийских) *ḱ в этой позиции превращается в спирант (тогда как в других позициях ḱ* и *k смешиваются).

С языками satem, в которых осуществилась ассимиляция палатальных, анатолийские языки сближаются не только в фонологическом, но и в фонетическом характере сочетаний, отражающих группу «палатальный + *и*» (где в хеттском языке палатальная фонема отождествлена с древним *s). Вместе с тем в анатолийских языках встречаются отдельные

слова, где *z* развилось из палатального и не в положении перед *u*, ср. хеттское *šaša-* 'заяц' (?), родственное дринд. *šasa-* 'заяц' (с ассимиляцией из **šasa*), сакск. *sahe*, пашту *soe* (*soyah*), древневерхненем. *haso*, прусск. *sasins* 'заяц'. Но эти слова, по-видимому, следует считать заимствованиями из диалекта, где палатальный превратился в спирант не только в положении перед *u*, но и в других позициях (в то же время *šaša-* не может быть заимствованием из арийского, так как арийский палатальный в хеттской клинописи передавался через *z*, а не через *š*).

Анатолийские языки можно считать южным продолжением обширной группы индоевропейских диалектов, являющихся переходными между языками *centum* и теми диалектами *satəm*, которые осуществили ассибиляцию палатальных. Эти языки содержат как аномальные слова с осуществившейся ассибиляцией палатальных не только перед *u*, но и в других позициях (например, хеттск. *šaša-*), так и аномальные слова, в которых не осуществилась ассибиляция палатального перед *u*. Среди этих последних особый интерес представляет клинописное хеттск. *zama(n)kur* 'борода', родственное дринд. *šmašru* 'борода'. Отсутствие ассибиляции палатального перед *u* в хеттском вполне согласуется с данными других — балканских и балтийских — диалектов переходной зоны: ср. албанск. *mjekër* 'борода' и литовск. *smākras*. Очевидно, такая фонетическая трактовка данного слова объединяла все диалекты этой зоны в отличие от арийских.

Совпадение отражения древнего палатального в диалектах балканской и балтийской переходной зоны и в анатолийских языках можно отметить и в латышск. *kupa* 'сука', словинск. *kunǎ* 'сука', иллир. или фрак. *Καν-δαου* ('душител ь пса') и лид. *Καν-δαούλης* ('душител ь пса', название, по внутренней структуре совпадающее с именем древнеирландского героя Кухулина, названного «собакой Кулана», после того как он в детстве убил эту собаку; иллирийско-фракийские и лидийское собственные имена, очевидно, восходят, как и сказание о Кухулине, к мифу, общему для ряда индоевропейских племен). Различие между лид. *Καν-* 'собака' и иерогл. *šuwān-* 'собака' полностью аналогично различию между клинописным хеттск. *karayar* 'рог' и иерогл. *šurna-* (ср. родственные русск. *корова* и *серна*; литовск. *kārṓė* 'корова' и *stirna* 'серна' и т. п.): в обоих случаях спирантизация древнего палатального в иероглифическом (лувийском) объясняется наличием *u*, отсутствующего в соответствующих словах хетто-лидийской группы анатолийских диалектов.

То обстоятельство, что в анатолийских языках различаются перед *u* древние велярные и палатальные, тогда как группы «гutturальный + *u*», возможно, еще не превратились

в лабиовелярные, служит веским аргументом в пользу предположения о вторичном (диалектном) характере лабиовелярных и о большей древности палатальных, возводимых к общеиндоевропейскому. Исходя из предположения о наличии системных отношений между гуттуральными и ларингальными, можно было бы предполагать, что в эпоху, когда в анатолийских языках еще существовали противопоставленные друг другу палатальные (**ǵh*, **ǵ*, **k̥*) и велярные (**gh*, **g*, **k*), с палатальными соотносился ларингальный **H*₁ (> хеттск. *ḫ*), не менявший тембра *e*, а с велярными соотносился ларингальный *H*₂ (> хеттск. *ḫḫ*), вызывавший появление тембра *a* у соседнего гласного. В то же время, поскольку лабиовелярные как отдельные фонемы еще не существовали, представляется маловероятным предположение о том, что имелись лабиоларингальные фонемы: в хеттском языке в соответствующих словах засвидетельствовано сочетание *ḫ* с последующей фонемой *u*, например, в хеттск. *laḫḫu-* 'лить', лувийск. *laḫḫu-* 'смыть (?)', родственном латинск. *lavō* 'мою', где предполагается отражение индоевропейской лабиоларингальной фонемы. Иначе говоря, предполагаемым лабиоларингальным и лабиовелярным языков *centum* в анатолийских языках соответствуют не отдельные фонемы, а комбинации заднеязычных (смычных или спирантов) с последующей фонемой *u*.

Характерной особенностью хеттских сонорных — плавных и носовых — является то, что эти четыре фонемы находятся попарно в частичном распределении, т. е. плавные — *l* и *r* — и носовые — *m* и *n* — могут быть объединены в плавную архифонему и носовую архифонему. Эта черта хеттской фонологической системы в целом может рассматриваться как архаизм, отражающий общеиндоевропейское состояние, хотя сохранению этого архаизма в хеттском способствовали некоторые специфически хеттские (или общеанатолийские) нововведения.

Отсутствие фонемы *r* в позиции после пробела, т. е. в начале слова, очевидно, восходит к возможностям, заложенным во всех древних индоевропейских диалектах, где число слов с начальным *r* было очень ограничено (к ним принадлежат такие термины, возможно, отражающие более поздний этап развития индоевропейской социальной структуры, как дринд. *rāj-*; лат. *rēx*, ирл. *rí* 'царь'; в хеттском и других анатолийских языках эти термины не отражены, и не исключено, что они, строго говоря, не были общеиндоевропейскими). В хеттском языке эта фонологическая черта могла быть усилена благодаря воздействию неиндоевропейских языков Малой Азии, где начальное *r* отсутствует. В хеттском наряду с полным отсутствием слов с начальным *r* обнаруживается увеличение роли *l* в начале слова. С этим можно связать,

в частности, специфически хеттское развитие ($n > l$), иногда носящее диссимилятивный характер, например, в хеттск. *laman* 'имя': латинск. *nōmen*, дринд. *nāma* 'имя' (ср. потерю назализации в других анатолийских языках: иерогл. *atimai(n)*, лид. *ētams* 'имя'), ср. также хеттское запретительное отрицание *le*: лувийск. *niš*, лик. *ni*, сопоставимое с индоевропейским отрицанием **ne* (ср. хеттск. *natta* 'не', иерогл. *na*, лик. *ne*). Аналогичное изменение ($d > l$) в начале слова (очевидно, связанное с чередованием в неиндоевропейских анатолийских словах типа *tabarna: labarna*) обнаруживается в лувийском, ср. лувийск. *la-* 'брат': хеттск. *da-*, иерогл. *da-*. В иероглифическом лувийском — в отличие от клинописного лувийского — в сходных условиях имело место развитие $d > r$ (ротацизм), благодаря которому в этом языке возникают слова с начальным r -, невозможные во всех остальных анатолийских языках, ср., например, иерогл. *ruuan* 'прежде' (: хеттск. *tuuan* 'там').

Преобладание l над r в клинописном хеттском языке обнаруживается не только в начале слова, но и в других позициях. Из двух вариантов суффикса имени деятеля *-tara-* и *-tal(l)a-*, различавшихся лишь фонетически, в хеттском языке предпочтение отдается второму варианту (с плавным l); сходным образом суффикс *-ul* в значении суффикса отвлеченных имен более употребителен, чем параллельный суффикс *-ur*. Точно так же иероглифический суффикс *-tal-* в иерогл. *antatali-* 'внутренний' (образовано от *anta-* 'в') соответствует суффиксу *-ter* в латинск. *inter*, авест. *antar*². В конце слова r в анатолийских языках (как, возможно, и в некоторых диалектах общеиндоевропейского языка) было неустойчиво. В хеттских текстах встречаются параллельные формы типа *hatreššar* 'послание' (суффикс *-eššar*, основа *hatrai-* 'писать') и *hatrešša* (с утратой конечного r); в лувийском регулярно встречаются соответствующие формы с суффиксом *-ešša* (без конечного r). Неустойчивость конечного r в анатолийских языках напоминает об отражении сходной черты в древнеиндийском и некоторых других индоевропейских языках: дринд. *mātā* 'мать': латинск. *māter* и т. п. Однако остается не вполне ясным, в какой степени данное явление было чисто фонетическим, а не морфологическим, так как отсутствие суффиксального r наблюдается всегда в одних и тех же именных формах (чаще всего в именительном падеже единственного числа). Но в целом можно утверждать, что в хеттском языке в большей степени, чем в других древних индоевропейских языках, отразилась статистическая ограниченность r , восходящего (как и l) к одному из двух основных вариантов общеиндоевропейской плавной фонемы **l/r*.

Можно думать, что носовые *m* и *n* также восходят к вариантам одной общеиндоевропейской носовой фонемы **m/n*, но в хеттском языке различия между этими фонемами нейтрализуются только в конце слова и в позиции перед *š* (которое в этих случаях обычно изменяется в *z*). Использование *n* в качестве представителя носовой архифонемы в позиции перед пробелом (т. е. в конце слова) было общеанатолийским явлением (ср., например, общеанатолийское окончание вин. пад. ед. ч. *-n*; перед *p*, однако, выступает *-m*; ср. выше о *halkim pianzi*, а также лувийск. *zam-pa*); сохранение конечного *m* основы в иерогл. *takam-* 'земля(?)' (хеттск. *tegan*, *dag(a)n* 'земля'), очевидно, объясняется переходом этого слова в другой тип основ (но значение этого слова не выяснено окончательно). Использование *n* в качестве представителя той же архифонемы перед *s* в окончаниях множественного числа (лувийск. *-nz-* из **-ns-*, хеттск. *-nz-* из **-ns-* в местоименном склонении) может быть сопоставлено с аналогичными явлениями в других древних индоевропейских языках (некоторые исследователи считают развитие **ms > ns* общеиндоевропейским). Сохранение группы *mš* в лувийск. *hamša* 'внук', при хеттск. *hanza* (в сочетании *hašša hanzašša* 'внук и правнук(?)', 'потомство') может объясняться наличием гласного после *m* в более древней форме этого слова, ср. иерогл. *ham(a)sa-*.

Отличием хеттских сонорных (носовых и плавных) от индоевропейских фонем, из которых они произошли, было то, что в общеиндоевропейском эти фонемы функционировали и в качестве неслоговых (как носовые и плавные в хеттском), и в качестве слоговых. В хеттском языке индоевропейские слоговые носовые и плавные отражаются в виде комбинаций гласного *a* (в редких случаях *u*, ср. выше хеттск. *gurtas*) с последующим неслоговым сонорным. Гласный *a* в этих комбинациях (*an*, *ar* и т. п.) может быть возведен, с фонетической точки зрения, к индоевропейскому редуцированному гласному. Однако вероятно, что фонологически комбинации редуцированного гласного (т. е. представителя древней гласной архифонемы **e/o* в безударных слогах) с сонантом в определенный период трактовались как одна фонема (слоговой аллофон сонанта); поэтому превращение слогового аллофона такой фонемы в двухфонемное сочетание разрушило параллелизм между носовыми и плавными, с одной стороны, и сонантами *i* и *u*, с другой стороны. Возможно, что к этой системе сонантов примыкали и индоевропейские ларингальные, но в хеттском языке они сохранились в виде *h/hh* только в тех позициях, где были неслоговыми, тогда как слоговой вариант ларингальной фонемы мог совпасть с *i* (или с *a*, хотя последнее предположение менее вероятно).

О наличии тесных связей между носовыми сонантами и сонантом *и* свидетельствует нейтрализация противопоставления неслогового аллофона *ц* и носового *т* в позиции после *и* слогового, где в определенных условиях (в частности, при наличии последующего *п*) в хеттском языке в качестве представителя архифонемы *ц/т* выступает носовой *т* (так, глагольное окончание 1-го л. мн. ч., обычно выступающее в виде *-цеп*, после глагольных основ на *и* часто выступает в виде алломорфа *-теп* и т. п.). Это явление (если оно не вызвано чисто графическими чередованиями клинописных знаков, передающих *т* и *ц*) может быть сопоставлено с аналогичными общиндоевропейскими чередованиями **ц* и **т* (в частности, в глагольных и местоименных формах 1-го л. дв. ч. и мн. ч., ср. также соответствие хеттского глагольного окончания 1-го л. ед. ч. *-ти* и лувийск. *-цй*).

Окончательное разрушение индоевропейской системы сонантов, еще отражающейся в хеттских чередованиях *и/ц*; *й/к*, и в сочетаниях типа *иц*, *йк* (ср. *rr*, *nn* и т. п.) перед гласным *а*, происходит в дописьменный период истории хеттского языка благодаря монофтонгизации дифтонгов (**ei > e*, например, *e*-из индоевроп. **ek-* в форме *e-ku* 'приходи!'). Позднее, благодаря переходу *e > i* фонема *i* начинает противопоставляться прежде всего гласному *а* и поэтому нарушается параллелизм между *и* и *i*.

По ларингальной теории возникновение различий между *e* и *а* во многих случаях объясняется влиянием соседнего ларингального, менявшего качество гласного. Однако в хеттском языке сохранились несомненные свидетельства чередования *e* и *а* (из индоевроп. **o*), никак не связанного с воздействием ларингальных (ср. параллельные формы типа *haštai-* 'кость': *hešta*, где отражается древний качественный аблаут **δ*: **ē*). В хеттской фонеме *а* совпало отражение индоевропейского **δ*, чередовавшегося с **ē*, и отражения таких комбинаций древнего индоевропейского редуцированного гласного (т. е. представителя гласной архифонемы **e/o* в безударных слогах) с другими фонемами, которым в некоторых индоевропейских языках соответствует гласный **ā*, отличный от **δ*. Хеттск. *а*, которому соответствует **ā*, а не **δ* в языках, проводящих различие между **ā* и **δ*, засвидетельствовано только в позиции после ларингального перед сонантом (тип хеттск. *har-ki-* 'белый': греч. *ἀργυ-*), а также в словах с особой синтаксической функцией (наречия-последологи типа хеттск. *appa*: греч. *ἀπό*) или же в именах родства, совпадение которых в разных индоевропейских языках может объясняться типологическим, а не генетическим сходством (тип хеттск. *atta-* 'отец'). Поэтому можно думать, что в хеттском (как, очевидно, и в общиндоевр.) не существовало фонемы **ā*, отличной от **δ*.

Особенности хеттской графики не дают возможности с уверенностью судить о наличии или отсутствии в хеттском языке количественных противопоставлений гласных. Однако представляется возможным, что в некоторых формах (в частности, в собирательных формах ср. р. на *-ār* типа *uddār* 'слова', см. выше) была отражена «ступень растяжения» **ō* индоевропейского краткого гласного **ō*, еще не совпавшая фонологически с результатами развития группы «краткий гласный + ларингальный» (именно это совпадение привело к возникновению или упрочению фонологической категории долгих гласных в других индоевропейских языках).

Ступень растяжения **e* индоевропейского краткого гласного **e* можно предполагать в хеттском корневом слове *ki-ir* (*gi-ir*) 'сердце', тождественном по происхождению греч. **ἦρ*, прусск. *seyr*. В пользу гипотезы об отражении ступени растяжения **e* в односложных корневых словах можно привести корневое имя *uid-* 'вода', которому соответствует лувийск. *uid-* (при обычном соответствии хеттск. **e* краткое: лувийск. *a*); можно было бы думать, что хеттск. и лувийск. *i* восходит здесь к долготу **e*.

Долгие гласные, встречающиеся лишь в небольшом числе таких форм, были статистически ограничены, и точное определение их роли в фонологической системе оказывается затруднительным. По-видимому, хеттский язык может быть охарактеризован как язык, находившийся еще лишь на пути к возникновению фонологических различий по долготе и краткости.

Таким образом, хеттская фонологическая система может быть выведена из более древней системы, которая представлена на схеме 3. Отличия этой системы от той, которая реально отражена в языке хеттских текстов (схема 2), обнаруживаются не столько в инвентаре фонем (отличающемся лишь в левой части, представляющей систему шумных), сколько в описанных выше правилах отображения единиц исходной системы на единицы системы хеттского языка, так как одна и та же хеттская фонема может быть отображением ряда индоевропейских фонем.

Поскольку хеттская графика не позволяет восстановить особенности хеттского ударения, поневоле крайне гипотетическими должны оставаться все предположения об его истории. Из исследования морфонологических чередований можно сделать вывод о том, что в хеттском, как и в других анатолийских языках, отразилось индоевропейское монотоническое ударение, вызывавшее редукцию безударных гласных (ср. ниже о формах типа *kuenzi* 'он бьет' — *kunanzi* 'они бьют' с редукцией корневого гласного *e* в древнем безударном слоге). Наличие сильного фразового ударения на первом слове можно предполагать потому, что за этим словом обыч-

но следовал целый комплекс энклитик, что можно связать с соответствующими общеиндоевропейскими закономерностями; однако эти факты относятся скорее к синтаксической фонологии, чем к фонологии слова, в пределах которого реализовалось древнее индоевропейское ударение.

Возможно, что для синхронического и диахронического исследования хеттского ударения могут оказаться существенными результаты анализа хеттской метрики. Отчетливые ритмические закономерности были предположены в эпосе об Улликумми, самое название которого (идеограмма *SIR* 'песнь', хеттское чтение *išhamai-* 'песнь', ср. дринд. *sāman* 'песнь', важное для доказательства наличия индоевропейских истоков названия хеттских метрических текстов) заставляет думать о наличии таких закономерностей. Если пытаться разбить текст этого эпоса на строки, соответствующие синтаксическим единицам, то окажется, что большинство строк содержит от 12 до 17 слогов, причем в каждой строке имеются обычно четыре таких слова, которые предположительно могли нести ударение. Кроме того, встречаются существенно более краткие строки размером от 4 до 10 слогов с двумя или тремя ударными словами; сходные краткие строки можно выделить и в некоторых других хеттских текстах, где вероятно наличие ритмической структуры. Ритм «Песни об Улликумми» мог испытать на себе влияние ритма хурритского оригинала поэмы (а, может быть, и аккадского четырехударного эпического стиха), но подобно тому как в выборе слов при переводе могли отразиться древние особенности индоевропейской мифологической традиции (ср. выше о термине *kunkunuzzi*), так и ритм поэмы мог в известной мере продолжать индоевропейскую метрическую традицию эпического десяти-, двенадцати- и двенадцатисложника, отраженного в «Ведах», древнегреческом стихе (возможно, и в некоторых заголовках микенских табличек линейного письма Б, где вероятно паронимический размер, сходный с древнейшим стихом греческой народной поэзии), славянском и кельтском стихе. Во всех названных индоевропейских метрических системах, а также и в германской, наблюдается чередование длинных и кратких строк, сходное с соответствующими метрическими явлениями в хеттском эпосе. Для сопоставления с хеттской четырехударной строкой особенно интересен германский эпический стих, где в каждой строке имеются четыре основных слова, причем (как и в хеттском) глагол обычно занимает конечное положение. Возможность сопоставления хеттского стиха с германским и с метрическими общеиндоевропейскими формами подтверждается разительными смысловыми совпадениями соответствующих текстов. Так, в древнегерманских поэтических текстах обнаруживаются точные соответ-

ствия хеттским текстам заклинаний от злых языков типа ŠA DINGIR. *Līkar-pī-in ag-ga-an-ta-aš ḫa-tu-ga-tar ŠA DUMU. LÚ. GĀL. LU-ma-aš-ši-kán pa-an-ga-u-ḫa-aš i-da-lu-un EME-an da-aš-ki-mi* 'и его (ее) я избавляю от гнева богов, страха мертвых и от дурного языка (злоречия) всего человечества (всего множества людей)'. Точно такие же тексты, где избавление от языка многих людей (толпы) следует за избавлением от других бед, известны на лувийском языке, что уже делает вероятным их общепантолийский — и тем самым индоевропейский — характер (ср. лувийск. *taparu tatarriyaman ḫirun mašašin EME-in* 'злоба (?), проклятие, клятвопреступление, язык толпы' в сходном ритуальном тексте). Тем более поразительно сходство с этими хеттскими и лувийскими текстами древнеанглийского метрического текста заговора (заклинаний), где за абстрактными словами, по смыслу соответствующими указанным хеттским и лувийским отвлеченным существительным *and wið andan and wið ðeminde* ('и со злом и с забвением'), следует дословно совпадающая с хеттской и лувийской магическая формула *and wið pa micēlan mannes tungan* 'с языком многих людей' (где дрэнгл. *micela* — является, с индоевропейской точки зрения, синонимом хеттск. *panku*-). Подобные сакральные формулы обладали необычайной устойчивостью, связанной, в частности, и с прочностью соответствующих метрических форм. Поэтому сравнительное исследование таких хеттских текстов, в которых могла отражаться индоевропейская традиция, может много дать и для исследования истории хеттской метрики, в свою очередь связанной с еще неясной нам историей хеттского ударения и структуры слога и слова в хеттском языке.

6. МОРФОНОЛОГИЯ

Каждая хеттская морфема может быть представлена в виде последовательности фонем (и соответствующей последовательности графем), выбор которых в пределах данной формы частично определяется правилами морфонологии (соответственно морфографологии) хеттского языка. На сочетания фонем в пределах морфемы положены ограничения, благодаря чему оказывается возможным описать правила структуры морфем. Большинство корневых морфем, выделяемых с точки зрения живых словообразовательных отношений, являются односложными; основы других типов (двусложные и в особенности трехсложные) в некоторых случаях могли члениться на односложный корень и аффикс, который не выделяется нами ввиду недостаточного полного знания хеттского словообразования (в частности, в глагольных двусложных основах на *u* можно предполагать наличие гла-

гольного суффикса *-и*, который еще мог быть живым). Значительное число двусложных и трехсложных основ заимствовано из других языков Передней Азии и могло еще выступать в качестве иноязычных элементов (т. е. в качестве элементов иноязычной морфонологической системы, существовавшей с собственно хеттской). Дальнейшие замечания о фонологической структуре морфем относятся преимущественно к исконной части словаря, т. е. к морфемам с индоевропейской этимологией; фонологическая структура заимствований при этом не учитывается.

Односложные корневые морфемы могут содержать от одной до четырех фонем. Однофонемные корневые морфемы встречаются лишь в ограниченном числе глаголов (*и-* 'видеть', чередующееся с двусложным алломорфом той же морфемы *au-*; *i-* и *e-* в формах повелительного наклонения *i-t* 'иди!', *i-tten* 'идите!', *e-hu* 'сюда!', 'приходи!' и т. п.) и личных местоимений (местоим. 3-го л. ед. ч. *a-* и т. д.); этим структура корневых морфем в хеттском языке (как и во многих других языках) отличается от структуры словообразовательных аффиксов (типа именных суффиксов *-i*, *-u*, *-l* и т. п.) и окончаний (типа *-i* в глаголе и имени), которые часто состоят из одной лишь фонемы. В отличие от однофонемных двухфонемные морфемы часто выступают как в качестве лексических (корневых), так и в функции грамматических морфем. С точки зрения статистики морфем в тексте (а не в системе) особенно важен тип двухфонемных морфем, состоящих из сочетания гласного (V) с последующим согласным (C), так как к этому типу VC принадлежат такие употребительные глагольные корни, как *es-* 'быть', *es-* 'сидеть', 'садиться', *ed-* 'есть', *ar-* 'достигать', *ep-* 'хватать', 'захватывать', *ak(k)-* 'умирать' и т. д. Из именных основ к этому типу принадлежат алломорфы трехфонемных морфем с чередованиями типа *ais-* 'рот': *iš-*; к этому же типу принадлежит ряд именных окончаний и словообразовательных суффиксов. Значительно реже встречаются в качестве корневых двухфонемные морфемы типа CV, т. е. «согласный + гласный» (например, *ki-* 'лежать'), но к этому типу принадлежит значительное число окончаний (например, глагольное окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. *-zi* и ряд других глагольных окончаний), словообразовательных суффиксов (например, *-ri* в имени существительном), глагольный префикс *pe-*, а также многие союзы (*ni* 'и', энклитика *-ia* 'и'), частицы (возвратная частица *za*) и другие грамматические морфемы, выступающие в качестве свободных форм (т. е. служебные слова).

Трехфонемные односложные корневые морфемы в основном принадлежат к двум типам: CVC («согласный + глас-

ный + согласный», весьма распространенный тип морфем), например *luk-* 'светать', и VRT («гласный + сонорный, обозначаемый символом R, + шумный согласный, обозначаемый символом T»), например, *arp-* (в основе *arp-ıqant-* 'тягостный', 'неблагоприятный'), VSH («гласный + согласный *š-*, обозначаемый символом S, + согласный *h*, обозначаемый символом H»), например, корень *ešh-* в слове *ešh-ar* 'кровь'. Четырехфонемные односложные корневые морфемы принадлежат к следующим основным типам: CVRT («согласный + гласный + сонорный + шумный»), например, *tarh-* 'побеждать', TRVC («шумный + сонорный + гласный + согласный»), например, *kıen-* 'ударять', STVC («согласный *š* + шумный + гласный + согласный»), например, *(i)škal(l)-* 'раскалывать', CVST («согласный + гласный + согласный *š* + шумный»), например, *kašt-* 'голод'. Пятифонемные односложные корневые морфемы принадлежат к типу STVRT («согласный *š* + шумный согласный + гласный + сонант + шумный согласный»), например, *(i)špand-* 'совершать жертвенный обряд, жертвенное возлияние'.

Особенностью хеттских корневых морфем типа (T)VRT («тяжелых корней», т. е. морфем, оканчивающихся сочетанием «гласный + сонант + шумный согласный») является то, что в них гласный (V) всегда выступает в виде *a* и поэтому морфологические чередования гласных в корнях этого типа невозможны. В корнях других типов и в аффиксах могут иметь место чередования гласных, т. е. гласный (V) может быть переменной, принимающей несколько значений (обычно два). В хеттском языке осуществляются следующие морфологические чередования: 1) гласный (V) может принимать значения *e* и *a*, например, в формах глагола *eš-* 'быть', 3-е л. ед. ч. наст. вр. *eš-zi*, 3-е л. мн. ч. наст. вр. *aš-anzi*; 2) гласный (V) может принимать значения *e* и 0 (отсутствие гласного), например, в формах глагола *kıen* 'бить', 3-е л. ед. ч. наст. вр. *kıen-zi*, 3-е л. мн. ч. наст. вр. *kun-anzi*; 3) гласный (V) может принимать значения *a* и 0 (отсутствие гласного), например, *aiš* 'рот', дат. пад. ед. ч. *išši* 'рту'. Выбор одной из двух возможностей каждый раз определяется морфологическими категориями, выражаемыми в данной форме.

Структура хеттских корневых морфем позволяет сделать некоторые выводы относительно строения индоевропейских корней, к которым восходят соответствующие хеттские морфемы. Большинство хеттских корневых морфем с индоевропейской этимологией принадлежит к типу SVC («согласный + гласный + согласный»), где гласный (V) обычно представлен в виде *e*, которое может чередоваться с *a* (1 тип морфологических чередований) или с нулем (2 тип морфологических чередований). Отступление от этого общего

правила наблюдается только в корнях, начинающихся или кончающихся $h < *H$. В таких корнях (например, *lah-* в глаголе *lahh-u-* 'лить') обычна огласовка *a*, что, несомненно, связано с воздействием соседнего ларингального на гласный. Первоначально огласовка корней этого типа могла не отличаться от огласовки корней с корневым гласным *e*, как показывает сравнение хеттск. *lahhu-* с редуцированной основой *lelhuца-*, где в слове удвоения отражен гласный *e*. Однако в некоторых изолированных случаях в корнях с начальным ларингальным может быть отражена огласовка *e*, например, в форме *hešta-*, родственной *haštai-* 'кость' (ср. также социальный термин *hippara-*, где $i < *e$, очевидно, чередуется с *a* в родственном слове *happira-* 'селение', 'община'). Чередование *e:a* (из индоевроп. $*e:*o$) в корнях этого типа показывает, что не во всех морфемах *e* изменялось в *a* (индоевроп. $*o$) под действием предшествующего ларингального. Эти случаи объясняются либо наличием двух разных ларингальных, из которых только один изменял тембр *e*, либо сохранением *e* под действием морфологических факторов. В основах, родственных хеттскому *hešta-*, *haštai-*, все индоевропейские языки обнаруживают огласовку $*o$; чередование $*e:*o$ сохранилось только в хеттских формах, тогда как в остальных языках название «кости» стало изолированным словом, утратившим словообразовательные связи с другими элементами словаря.

Состав согласных фонем, входящих в корни типа CVC, где V может принять значение *e*, не подчиняется никаким ограничениям, кроме действующего во всех древних индоевропейских языках закона, по которому корень не мог одновременно начинаться и оканчиваться на индоевропейскую смычную звонкую непридыхательную. Но другой предполагаемый общиндоевропейский закон, по которому корень не может начинаться и кончаться одним и тем же согласным, в хеттском языке не соблюдался во всех корневых морфемах, так как этому закону противоречит строение хеттского корня *šeš-* 'покоиться', 'спать', имеющего соответствие в лув. *šaš-* и в дриид. *sas-*.

Согласно гипотезе, выдвинутой А. Кюни и Э. Бенвенистом, все древние индоевропейские корни принадлежали к типу «согласный + гласный + согласный», однако в хеттском языке этот тип корневых морфем с индоевропейской этимологией является статистически преобладающим, но не единственным. Сравнительно широко представлен также тип корней CVRT («согласный + гласный + сонант + шумный согласный»), где конечный шумный согласный нельзя выделить в качестве отдельного морфологического элемента с помощью словообразовательного анализа. Существенным пред-

ставляется то, что соотношение начального и конечного согласного в непроезвонных основах типа CVRT аналогично соотношению начального и конечного согласного в корнях типа CVC, так как к часто встречающемуся подтипу «индоевропейский смычный звонкий придыхательный + гласный + индоевропейский смычный звонкий придыхательный» (например, **dhebh-* в хеттск. *ter-u-* 'маленький', дринд. *dabh-ra-*; **dhegh-* в хеттск. *tegan-* 'земля', греч. $\chi\theta\acute{\omega}\nu$ и т. п.), который соответствует указанному выше закону, в структурном отношении близок так же часто встречающийся тип «индоевропейский смычный звонкий придыхательный + гласный + сонант + индоевропейский смычный звонкий придыхательный» (например, **bhergh-* в хеттск. *park-u-* 'высокий', дринд. *brh-ant-*; **bhengh-* в *panku* 'целый', дринд. *bahu-*). Следовательно, можно думать, что в обоих этих типах индоевропейских корневых морфем действовали одни и те же морфонологические законы. В хеттском языке различие между «легкими» корнями с одним конечным согласным и «тяжелыми» корнями с конечной группой «сонант + шумный согласный» определяет огласовку корней в прилагательных на *-u* и *-i* и в глаголах: при огласовке *a* в «тяжелых» корнях (например, *pank-u-* 'целый', *palh-i-* 'широкий'; *ṣanḥ-* 'стремиться') в аналогичных формах, образованных от «легких» корней, обнаруживается огласовка *e*, например, *ter-u-* 'маленький', *mckk-i-* 'многочисленный', *cek-* 'желать' (при этом в глаголе часто наблюдается чередование *e:a* внутри парадигмы). Противопоставление тяжелых и легких корней существенно и для объяснения ряда морфонологических явлений в других древних индоевропейских языках; потому это противопоставление можно возвести к достаточно древней эпохе.

Представленные в хеттском языке индоевропейские четырехчленные корневые морфемы типа CVRT («тяжелые» корни) и типа TRVC характеризуются убыванием звучности в конечной группе согласных, следующей за корневым гласным, и возрастанием звучности в начальной группе согласных, предшествующей корневому гласному. При этом индоевропейские корни типа «согласный + гласный + сонант + ларингальный» (например, хеттск. *ṣanḥ-* 'стремиться' и *tarḥ-* 'побеждать', соответствующие корням с так называемыми «долгими сонантами» в древнеиндийском и других индоевропейских языках) являются разновидностью корней типа «согласный + гласный + сонант + шумный согласный», т. е. CVRH является разновидностью CVRT. Точно так же индоевропейские корни типа «ларингальный + сонант + гласный + согласный» являются разновидностью корней типа «шумный согласный + сонант + гласный + согласный», т. е. HRVC является разновидностью TRVC. Из этого следует, что

индоевропейский ларингальный был шумным согласным (как и хеттск. *h*), т. е. Н является разновидностью Т. Однако возможность сочетания спиранта *š* (из индоевроп. *s) с *h* (из индоевропейского ларингального *Н) в исходе корневых морфем типа *ešh-* (например, в *ešh-ar* 'кровь') заставляет предположить, что *š* и *h* не были фонемами одного подкласса, так как сочетание двух фонем одного подкласса в пределах индоевропейского корня не допускалось.

Морфонологические чередования гласных в хеттском языке отражают (иногда в существенно преобразованном виде) индоевропейский качественный и количественный аблаут. Качественное чередование **e*:**o* в именных формах наблюдается в таких случаях: как *kištant-* 'голод' (где **e* > *i*) : *kašt-* 'голод'; *ped-an* 'место' : *paša-* 'нога' (ср. греч. *πέδος*; *πόδες*); *hešta-*: *haštai-* 'кость'; *yatar* 'вода', род. пад. ед. ч. *yet-en-aš*, им.-вин. пад. мн. ч. *uid-ar* 'воды' (где *i* может восходить к **e* долготу, ср. выше о *uid-* 'вода'), ср. *tekan* 'земля', род. пад. ед. ч. *tagnaš* (где чередование *e:a* также используется для различения основы им.-вин. пад. ед. ч. и основы косвенных падежей, но конкретное распределение гласных по основам различно от того, что наблюдается в парадигме хеттского названия «воды» (табл. 9). Огласовка **o* > *a* в *šaš-ta* 'ложе' < **sos-to-* при *e* в глаголе *šeš-* 'покоиться', 'спать' закономерна для индоевропейских отглагольных имен существительных на *-to*, ср. греч. *φάρμακ-*: *φάρμακ-* и т. п. В некоторых древних отглагольных производных именах только хеттский язык и тохарские сохранили древнюю огласовку **e*, ср. хеттск. *neku-* 'вечер': *neku* 'смеркаться', кучанск. *nekciye* 'вечером' при огласовке **o* в родственном названии «ночи» (русск. *ночь*, нем. *Nacht* и т. п.) во всех других индоевропейских языках, утративших глагол, от которого образовано это слово (ср. выше о сохранении огласовки *e* в хеттск. *hešta-* при обобщении огласовки **o* в названиях «кости» в других индоевропейских языках).

Чередование *e:a* в парадигмах некоторых хеттских глаголов также может быть связано с индоевропейским качественным чередованием **e*:**o*. В частности, такое объяснение предлагалось применительно к хеттским глаголам спряжения на *-hi* типа *šak-* 'знать' и *ar-* 'достигать', где в древнехеттских текстах огласовка *a* в формах единственного числа (2-е л. наст. вр. *šakti*, 1-е л. прош. вр. *šaggahhun*, ср. 1-е л. прош. вр. *arhḫun* и т. п., табл. 4) противопоставлена огласовке *e* в формах множественного числа (2-е л. наст. вр. *šekteni*, 1-е л. прош. вр. *šekkuen*, ср. 1-е л. прош. вр. *erḫen* и т. п., — табл. 4). Древность этой огласовки подтверждается данными истории хеттского языка, так как в новохеттских текстах закономерное распределение огласо-

Чередования гласных в глаголах II спряжения на *-hi*

Форма	Огласовка <i>a</i> (единственное число)	Огласовка <i>e</i> (множественное число)
2-е лицо настоящего времени (изъявительное наклонение)	<i>ša-ak-ti</i> (<i>ša-a-ak-ti</i>)	<i>še-ik-te-ni</i>
1-е лицо прошедшего времени (изъявительное наклонение)	<i>ša-ag-ga-aḥ-ḥu-un</i>	<i>še-ik-ku-e-en</i>
	<i>a-ar-aḥ-ḥu-un</i>	<i>e-ru-u-en</i>
3-е лицо прошедшего времени (изъявительное наклонение)	<i>a-ar-ʾaš</i>	<i>i-e-ri-ir</i>
2-е лицо повелительного наклонения	<i>ša-a-ak</i> (<i>ša-ki</i>)	<i>še-ik-tin</i>

вок по формам разных чисел нарушается; его следует признавать архаизмом. Сходное чередование **o* в формах единственного числа и огласовки **e* (или степени редукции, позднее замененной ступенью **e*) в формах множественного числа наблюдается в формах перфекта в других индоевропейских языках; поскольку хеттское II спряжение (на *-hi*) и формы перфекта (в особенности в единственном числе) в других индоевропейских языках могут быть возведены к одному источнику, вполне вероятно сопоставление огласовки **o* форм единственного числа перфекта и огласовки *a* в глаголах хеттского II спряжения.

В целом ряде других хеттских глагольных и именных форм чередование *e:a* по происхождению связано не с качественным, а с количественным индоевропейским чередованием. Это объясняется прежде всего тем, что гласный, отражавший степень редукции (или нулевую ступень), в некоторых типах корней (в частности, в тяжелых корнях) совпал с *a*, который в той же позиции (и в других позициях) мог восходить к индоевроп. **o*. Это же совпадение ступени **o* и нулевой ступени было связано со стабилизацией огласовки тяжелых корней, где стал возможным только гласный *a*. Можно предполагать, что с индоевропейским гласным *e* в ступени редукции следует сопоставить не только *a* в тяжелых корнях, но и *a* в ряде корней типа VC («гласный + согласный»). Глаголы спряжения на *-mi*, образованные от корневых морфем этого типа, обнаруживают регулярные чередования огласовки *e* в формах единственного числа, например, *eṣ-zi* '[он] есть' (3-е л. ед. ч.), и огласовки

a в формах множественного числа, например, *aš-anzi* 'они суть' (3-е л. мн. ч. наст. вр.). Глаголы спряжения на *-mi*, образованные от корневых морфем других структурных типов, в тех же формах обнаруживают регулярные чередования огласовки *e* в единственном числе и нулевой огласовки во множественном числе. Происхождение этого последнего чередования из индоевропейского количественного аблаута доказывається полным тождеством таких форм, как хеттск. *kuenzi* '[он] бьет, поражает': дринд. *hánti*, хеттск. *kunanzi* '[они] бьют': дринд. *ghánti* (индоевропейское чередование **g^{wh}én-ti*: **g^{wh}n-ónti*). Поскольку с синхронной точки зрения чередование *ešzi*: *ašanzi* в хеттском языке совершенно аналогично чередованию *kuenzi*: *kunanzi*, естественно предположить, что *a* в формах множественного числа играет роль нулевой ступени огласовки (или ступени редукции). Эта гипотеза подтверждается и сравнением с другими анатолийскими языками, где, как и в хеттском языке, начальный гласный в формах множественного числа глаголов этого типа передается в клинописи без повторения согласного в отличие от форм множественного числа (см. формы 3-го л. ед. ч. и мн. ч. повел. накл., приведенные в табл. 5). Пол-

Таблица 5

Чередование гласных в глаголах I спряжения на *-mi*

Я з ы к	Единственное число, 3-е лицо повелительного наклонения	Множественное число, 3-е лицо повелительного наклонения
Хеттский	<i>e-eš-du</i> 'да будет [он]'	<i>a-ša-an-du</i> 'да будут [они]'
	<i>ku-en-du</i> 'да поразит [он]'	<i>ku-na-an-du</i> 'да поразят [они]'
Лувийский	<i>a-aš-du</i> 'да будет [он]'	<i>a-ša-an-du</i> 'да будут [они]'
Палайский	<i>a-aš-du</i> 'да будет [он]'	<i>a-ša-an-du</i> 'да будут [они]'
Древнеиндийский	<i>astu</i> 'да будет [он]'	<i>santu</i> 'да будут [они]'
	<i>hántu</i> 'да поразит [он]'	<i>ghnántu</i> 'да поразят [они]'

ный параллелизм форм во всех индоевропейских языках Малой Азии заставляет видеть в этом графическом явлении отражение древнего общеанатолийского явления; сопоставление с индоиранскими языками (дринд. *astu* 'да будет':

santu 'да будут') указывает на общеиндоевропейский характер количественного чередования.

Соответствие хеттского *a* в корнях типа *eš-* и нулевой ступени огласовки корня в других языках характерно и для неличных форм глаголов этого типа, как и для отглагольных имен. В хеттских формах *verbum infinitum*, в отглагольных именах на *-(a)tar* и в некоторых других именных формах, вовлеченных в систему глагола, обязательной была огласовка *a* в корнях типа *eš-* при нулевой ступени огласовки в корнях типа *kuen-*, ср., с одной стороны, *ad-atar* от *ed-* 'есть', с другой стороны, *kun-atar* от *kuen* 'бить', 'поразить'. Для сравнения с родственными языками особенно показательна огласовка причастий, восходящих к древним отглагольным именам на *nt-*. Хеттское причастие *ašant-* 'сущий', 'истинный' (от *eš-* 'быть') точно соответствует по значению ведийскому причастию *sant-*, где корень *as-* (< **es-*) выступает в нулевой ступени огласовки (ср. также соответствие хеттск. *ašandu*: дринд. *santu*, табл. 5, и аналогичное хеттск. *aššu-* 'хороший' при дринд. *su*, ср. греч. *εὖς* 'хороший'). Хеттское *adant-* 'съеденный', 'съевший' (причастие от **ed-* 'есть', не дифференцированное в отношении залога) родственно общеиндоевропейскому названию «зуба», в котором в одних языках корень выступает в нулевой ступени (дринд. *dant-*, латинск. *dens* и т. п.), тогда как в других языках обнаруживается так называемый протетический гласный: греч. *ὀδον*, армянск. *atamn*. Этот протетический гласный можно сравнить с начальным *a* в хеттск. *adant-* [ср. также аналогичное соответствие между хеттск. *am-*, иерогл. (*á*) *m-* в личном местоимении 1-го л. ед. ч., армянск. *im* и греч. (*ε*)*με*]. В хеттск. *laman*, соответствующем греч. *λόφος* и армянск. *anun* с таким же протетическим гласным, начального *a* нет, но оно отражено в родственном иерогл. *atimai(n)-* (ср. лид. *ētams?*) Таким образом, хеттск. (и общепантолийск.) *a*, соответствующее нулевой ступени огласовки корня в других родственных языках, можно сравнить с протетическим гласным в греческом и армянском. Согласно тому варианту ларингальной гипотезы, по которому предполагается наличие исчезнувшего ларингального во всех корнях типа VC (такие корни благодаря этому возводятся к более древнему типу SVC), протетический гласный (и гласный *a* в указанных хеттских корнях) восходит к древнему ларингальному (или к комбинации ларингального с редуцированным гласным). Однако эти явления можно объяснить, и не прибегая к ларингальной гипотезе, предположив лишь, что в корнях типа VC ступень редукции гласного могла отождествиться с одной из гласных фонем, сохранявшихся в данной системе. В

частности, в хеттском языке ступень редукции в корнях типа VC, как и в тяжелых корнях, была отождествлена с гласной фонемой *a*. Поэтому индоевропейское количественное чередование *e:O* (нуль) в глаголах на *-mi* в хеттском языке преобразовалось в чередование *e:a* (ср. обратное развитие в древнеиндийском, где индоевропейское качественное чередование *e:o* заменилось новым количественным чередованием *a:ā*). Таким образом, сходство между спряжениями на *-mi* и на *-hi* в отношении чередования гласных *e:a* в этих спряжениях оказывается результатом позднейшего развития. В глаголах на *-mi* это чередование восходит к индоевропейскому количественному чередованию, причем древней является лишь огласовка *e* в единственном числе, тогда как в глаголах на *-hi* чередование *e:a* восходит к индоевропейскому качественному чередованию, причем древней является огласовка **o > a* в единственном числе. В новохеттский период древняя система чередований подвергается перестройке, приводящей к частичной утрате различий между двумя типами спряжений, но в древних текстах эти различия еще достаточно отчетливы.

Количественные чередования типа *kuenzi:kunanzi* (и аналогичные им чередования типа *ešzi:ašanzi*) в общиндоевропейский период были связаны с различиями в месте ударения: корень, на который падало ударение, имел огласовку *e* (например, хеттск. *kuenzi*, дринд. *hánti*, индоевроп. **g^{wh}én-ti*), тогда как безударный корень находился в нулевой ступени или ступени редукции (например, хеттск. *kunanzi*, дринд. *ghnánti*, индоевроп. **g^{wh}n-ónti*). Иначе говоря, правила порождения индоевропейских форм должны предполагать такие циклические операции, при которых за расстановкой ударений следует автоматическая редукция гласных в безударных корневых слогах. Пресобразование древних количественных чередований показывает, что в личных формах глагола они были архаизмами, постепенно устранявшимися в процессе развития хеттского языка. Древнее различие между формами с огласовкой **é* и формами с нулевой огласовкой сохраняется всего отчетливее в таких изолированных архаичных формах, как *it* 'иди!' и *e-hu* 'приходи'. В древних индоевропейских языках есть две формы 2-го л. ед. ч. повел. накл. от глагола **ei-ji-* 'идти'. Одна форма представляет собой древнюю основу в ступени огласовки **e* с нулевым суффиксом (латинск. *ī < *ei*); к этой основе на протяжении истории отдельных языков могли присоединиться окончания различного происхождения (хеттск. *e-hu*, литовск. *ei-ki*). Другая форма представляет собой сочетание основы в нулевой ступени огласовки с частицей **dhi* (дрхеттск. *-ti* в окончании *-hu-ti* медиопассива, *-t* в новохеттских формах): дринд. *i-hí*,

Формы повелительного наклонения от индоевропейского корня *ei-/i-
'идти'

Языки	Основа в ступени огласовки *e	Основа в нулевой ступени огласовки (+ частица dhi)
Общеиндоевропейское состояние Индоиранские	*ei	*i (-dhi) дринд. i-hi авест. i-ði
Греческий Хеттский Балтийские Латинский	(ēē)-ei e (-hu) литовск. eĩ-k (i) ĩ	ĩðt i-t

греч. ἴθι, хеттск. *it*. Соотношение двух типов образования формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения представлено на табл. 6. В хеттском языке две эти формы включались в парадигмы двух разных производных глаголов (*it* в парадигму глагола *rai-* 'идти'; *ehu-* в парадигму глагола *ца-* 'приходить'), причем между ними существовали и залоговые различия (*it* являлось активной формой в отличие от медиопассивного *ehu*). Эти обстоятельства, как и чисто фонетические факторы (монофтонгизация *ei > e), способствовали консервации следов индоевропейского количественного аблаута в этих формах.

Для установления относительной хронологии развития количественных чередований в хеттском языке очень показательны соотношения между двумя типами глаголов с суффиксом *-es. К первому типу принадлежали глаголы спряжения на -mi, где корень имеет нулевую огласовку, а суффикс — огласовку *e, например, *lukk-eš-* 'рассветать', *park-eš-* 'подниматься'; об общеиндоевропейском характере этого типа свидетельствует отраженный в хеттском общеиндоевропейский глагол *цеш-* 'одевать', который, с этимологической (но не с синхронической) точки зрения, делится на корень *u- + суффикс *-es. Ко второму типу принадлежат глаголы на -s- спряжения на -hi, где корень имеет огласовку *e, а суффикс — нулевую огласовку, например, *ed-s-* > *ez-* (от *ed-* 'есть'), ср. основу *ter-s-*, представленную в ряде отглагольных производных (ср. *ter-u-* 'маленький') и т. п. Это закономерное соотношение показывает, что в хеттском языке сохранились древние индоевропейские двучленные основы, где огласовка корня (в свою очередь определявшаяся древ-

ним местом ударения) автоматически определяла огласовку суффикса (ср. аналогичные биномы, исследованные на материале индоевропейского именного словообразования Э. Бенвенистом). Но это правило соблюдалось лишь в наиболее древних отглагольных производных на *-eš-*, но не в отыменных производных на *-eš-*, возникших в более поздний период. Таким образом, и глагольное формообразование и глагольное словообразование свидетельствуют о постепенном отмирании количественного аблаута.

С этим же можно связать то, что из двух форм древних именных биномов хеттский язык, как правило, сохраняет лишь одну, например, *taru* < **dór-u* 'дерево' и *genu* < **gén-u* 'колено'. Во многих из этих биномов, которые в хеттском языке стали уже неразложимыми, сохраняется древний тип связи огласовки корня с огласовкой суффикса, но уже не в качестве действующего принципа, а как мертвый архаизм. Более отчетливые следы количественных чередований обнаруживаются при скоплении нескольких именных суффиксов, в особенности в именном склонении, ср., например, чередование *-atar* (суффикс формы им.-вин. пад. ед. ч.) : *-ann* < **-atn* (в формах косвенных падежей, где к этому суффиксу присоединяются падежные окончания, в связи с чем гласный суффикса редуцируется), например, им.-вин. пад. ед. ч. *rapratar* 'ритуальное осквернение', род. пад. ед. ч. *raprannaš*. В хеттском языке отражено противопоставление имен существительных на *i* и на *u* (типа *aššu* 'благо'), которые не имеют количественных чередований в суффиксе, предшествующем окончанию, и имен прилагательных на *i* и на *u* (например, *aššu* 'хороший'), которые обнаруживают количественные чередования в этом суффиксе, ср., с одной стороны, *aššu* 'благо', род. пад. *aššuyaš*, с другой стороны, *aššu* 'хороший', род. пад. *aššayaš* (с чередованием *u:au* в основообразующем суффиксе прилагательного). Сходное противопоставление двух типов основ на *i* и на *u* наблюдается и в других индоевропейских языках; хеттские факты представляют особый интерес для выяснения относительной хронологии развития прилагательных как особого класса имен, характеризовавшегося указанной формальной приметой.

Возможно, что отражение количественных чередований в именном склонении следует предполагать в парадигмах корневых имен типа *kir* 'сердце' (ср. *pir* 'дом'), где основа им.-вин. падежа (и местного падежа, равного чистой основе) имеет, вероятно, долгий гласный (ср. выше об интерпретации *kir* как **kēr*), а формы косвенных падежей имеют корневую огласовку *a*, ср. дат.-мест. пад. *kardi* (ср. *parni*), где *a* может восходить либо к нулевой ступени, либо к ступени **o* (табл. 9). Аналогичные количественные чередования,

где наряду с основной ступенью (**o* > *a*) или нулевой ступенью (совпавшей в хеттском со ступенью **o*) участвует ступень «растяжения» (**ō* долгое), можно предполагать в суффиксе -*ar*, ср. выше о формах типа *uddar* 'слово'.

В хеттских корневых морфемах, которым в других индоевропейских языках соответствуют корни с долгим гласным в основной ступени огласовки, согласно ларингальной гипотезе следует предполагать сочетание краткого гласного **ē* (или **ō*) с последующим ларингальным; чередования, в которых участвует этот краткий гласный, не должны отличаться от тех чередований, в которых участвуют краткие гласные в других корнях. К числу таких корней принадлежит индоевропейский корень со значением 'ставить, класть' (дринд. *dhā-* < **dhe-*, греч. τίθημι), представленный в хеттском языке в глаголе *te-*. В нулевой ступени огласовки этот корень выступает в итеративной форме *zikk-* = [t-sk], ср. итератив. *azzik-* = [at-sk] от *ed-* 'есть' и т. п. (нулевая ступень огласовки или функционально соответствующая ей огласовка *a* была характерной для итеративных форм на -*šk*). Следовательно, в нулевой ступени огласовки этот корень выступает с полным отсутствием гласного, как и корни типа SVC. Согласно тому варианту ларингальной гипотезы, который возводит все индоевропейские корни к типу SVC, хеттск. *te-* восходит к более древнему **dheft-*. Однако обращает на себя внимание то, что долгие гласные обнаруживаются в таких корнях типа CV, где за гласным корня в древности следовал ларингальный глагольный суффикс, ср. хеттские формы типа *tehhi* 'кладу', *tehhu* '[я] клал' (*i* в основе *dai-*, выступающей в некоторых формах, где отсутствует *h*, можно было бы считать другим отражением того же ларингального). Поэтому появление долгого гласного в корнях типа CV можно было бы объяснить воздействием исчезнувшего ларингального, который не входил в состав корня, а был суффиксом глагольной формы. Иначе говоря, фонологическое развитие типа **eH* > *e* имело место не в пределах корня, а на стыке двух древних морфем, граница между которыми утрачивалась при падении ларингальных; хеттский язык еще сохраняет эту границу в тех формах, где ларингальный отражается как *h*.

Фонологические изменения, осуществившиеся на стыках морфем, привели к появлению ряда явлений типа внутренне-го сандхи (т. е. морфологического перекодирования последовательностей фонем на стыках морфем), которые были отмечены выше. К этим явлениям относится изменение последовательности «носовая фонема + s» в последовательность *nz*, ср. алломорф -*zira* именной основы -*šera*, выступающий в формах типа *Daganzira-*, см. выше, ср., с

одной стороны, *dagan* 'земля' (где *n* восходит к носовой архифонеме **N*), с другой стороны, *Ḥantašera-* („канесийское“, т. е. хеттское, имя бога, образованное от *ḥant-* 'лоб'). К явлениям внутреннего сандхи относится также и изменение $\mu > m$ в глагольных и отглагольных формах в позиции после конечного *u* предшествующей морфемы.

На стыке двух морфем в именных формах обнаруживается два однотипных ассимилятивных изменения последовательностей фонем: акцессивное сочетание **kt* изменяется в *tt*, ср. *lutta-* 'окно' < **luk-ta-*; группа **tn* изменяется в *nn*-, ср. *-nn-* < **-t-n-* в формах существительных на *-atar* типа *rap-rannaš*, род. пад. от *rapratar* (отсутствие этого изменения в форме *ḥuitnaš*, род. пад. от *ḥuitar* 'животный мир' и в слове *udne* 'земля' показывает, что это изменение осуществлялось лишь в определенных морфологических условиях). Изменения **kt* > *tt* и **tn* > *nn* с фонологической точки зрения могут объясняться возросшей ролью сдвоенных (геминированных или напряженных?) согласных, возникших в хеттском языке после передвижения типа **t* > *tt*. В морфонологическом и морфологическом отношении эти изменения представляют интерес как примеры фузии, сравнительно редко обнаруживающейся в хеттском словообразовании и формообразовании, где господствует принцип раздельноморфности, напоминающий наличие четких границ между морфемами в агглютинативных языках.

Как отмечалось выше, использование сдвоенных согласных для объединения элементов, сочетаемых в речевой последовательности, обнаруживается, видимо, и в комплексах энклитик, которые, вероятно, характеризовались одним общим ударением на первом слове предложения, ср. сходные удвоенные написания тохарских местоименных энклитик и типологические параллели во французских и итальянских местоимениях. В этих комплексах, которые также можно сравнить с агглютинативными последовательностями морфем, фонологический облик отдельных энклитик регулировался в зависимости от облика соседних элементов: так, частица, вводящая прямую речь, выступает в виде двух алломорфов (*цаг* и *ца*) в зависимости от того, следует ли за ней гласный или согласный. Наличие таких правил позволяет считать комплекс энклитик единым целым с фонологической точки зрения.

7. МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ

Грамматический класс имени, в который входят подклассы имен существительных, имен прилагательных и местоимений, с морфологической точки зрения, характеризуется

обязательностью выражения в именных словоформах грамматических значений, относящихся к категориям падежа, числа и рода.

Категория рода образуется противопоставлением двух элементарных грамматических значений-граммем: граммемы одушевленного (несреднего) рода и граммемы неодушевленного (среднего) рода. Категория числа образуется противопоставлением двух элементарных грамматических значений-граммем: граммемы единственного числа и граммемы множественного числа. Категория падежа в новохеттском языке образуется противопоставлениями шести элементарных грамматических значений-граммем: именительного падежа, винительного падежа, родительного падежа, дательного-местного падежа, отложительного падежа и творительного падежа. В древнехеттском языке падежная система, по-видимому, была семичленной (а не шестичленной, как в новохеттском), так как сохранились следы более древнего противопоставления направительного-дательного падежа (*Ḫattuša* 'к Хаттусасу') и местного падежа (*Ḫattuši* 'в Хаттусасе'), позднее слившихся в дательном-местном падеже, в связи с чем древние формы направительного падежа стали выступать либо как факультативные варианты дательного-местного падежа, либо как застывшие наречные выражения. В древнехеттском языке наряду с семью падежами в собственном смысле слова (именительным, винительным, родительным, направительным, местным, отложительным и творительным) имелась звательная форма. В отличие от падежей, выражающих отношения между словами в предложении (и соответствующими внеязыковыми предметами в некоторой описываемой ситуации), звательная форма используется для выражения отношений между участниками акта речевого общения (т. е. для описания самой ситуации, в которой происходит общение). В новохеттском языке звательные формы нарицательных имен и местоимений встречаются только в архаичных текстах (например, *išpa-mi* 'о господин мой' - в эпическом сочинении), в других же случаях в той же функции используется форма именительного падежа. Звательные формы собственных имен пережиточно сохраняются, как и в некоторых других индоевропейских языках, но, по-видимому, становится возможным их употребление в функции других падежей, что можно объяснить отчасти также и смешением хеттских звательных форм собственных имен с омографичными аккадскими формами, использованными в различных падежных функциях в креолизованных новохеттских письменных текстах. В новохеттский период количество падежных форм, различающихся в парадигме имени, уменьшается до шести.

Противопоставления шести граммем новохеттских падежей можно описать в терминах трех различительных признаков: периферийности-непериферийности, направленности-ненаправленности, объемности-необъемности. Признак периферийности отличает предметы, которым приписывается побочная роль в высказывании, от основных (непериферийных) предметов в высказывании. Этот признак характеризует дательный-местный, отложительный и творительный падежи, объединяемые в группу периферийных (или конкретных) падежей в отличие от основных (непериферийных), к которым относятся именительный, винительный и родительный падежи. Признак направленности отмечает направление на предмет (винительный и дательный-местный падежи) или от предмета (отложительный падеж); отсутствием этого признака характеризуются именительный, родительный и творительный падежи. Признак объемности характеризует участие предмета в высказывании в том или ином объеме (родительный и дательный-местный падежи). Каждая из шести граммем падежей может быть описана как набор трех признаков, принимающих положительные (+) или отрицательные (-) значения; при этом для непериферийного родительного и периферийного дательного-местного падежей признак периферийности является избыточным (0), так как они отличаются от всех других падежей двумя признаками (табл. 7).

Таблица 7

Матрица отождествления граммем падежей

Признак	Граммема					
	имени- тельный	вини- тельный	роди- тельный	датель- ный- местный	отложи- тельный	твори- тельный
Периферийность	—	—	0	0	+	+
Направленность	—	+	—	+	+	—
Объемность	—	—	+	+	—	—

В определенных синтаксических условиях противопоставления граммем падежей по этим признакам могут нейтрализоваться, благодаря чему падежи, отличающиеся одним признаком, в известных позициях оказываются взаимозаменяемыми. Именительный и винительный падежи, характеризующиеся общими признаками непериферийности и необъемности, противопоставляются только по признаку направленности, наличествующему у винительного падежа, но не у именительного. Две хеттские конструкции *nan attas̄ k̄uenzi*

‘[и] его отец убивает (бьет)’ и *naš attan kuenzi* ‘[и] отца убивает’ отличаются тем, что в первом случае именительный падеж (*attaš*) указывает только на основной предмет высказывания без каких-либо дополнительных признаков, тогда как во втором случае винительный падеж (*attan*) сигнализирует направленность действия на основной предмет высказывания. Направленность, которая сигнализируется винительным падежом, может быть, в частности, конкретной направленностью в пространстве, когда в винительном падеже выступают существительные, обозначающие направление движения, при глаголах движения (например, *pai* ‘идти’). Именительный падеж, не обозначающий никаких дополнительных грамматических признаков предмета, уже в древних хеттских словарных списках использовался в функции основной словарной формы существительного, что было возможно именно потому, что в нем выражается минимальное количество признаков, указывающих на синтаксические связи предмета. Противопоставление именительного и винительного падежей по признаку направленности устраняется в сочетаниях с глаголами типа *irmališa* ‘заболеть’, *ištark* ‘болеть’, где имя существительное, обозначающее больного, может выступать как в именительном падеже, так и в винительном.

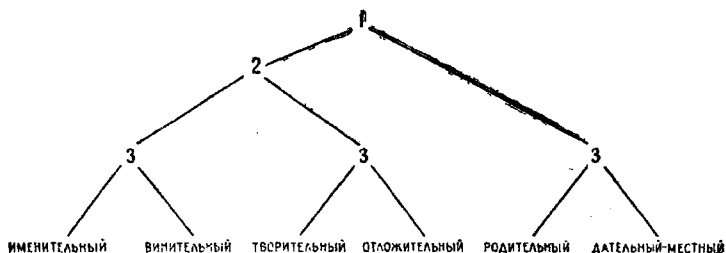
Именительный и родительный падежи, характеризующиеся общими признаками ненаправленности и периферийности, противопоставляются только по признаку объемности, наличествующему у родительного падежа, но не у именительного. Это противопоставление устраняется в широко распространенных конструкциях, где родительный падеж, образованный от отвлеченного имени существительного (например, от *yaštul* ‘грех’) или от глагольного имени существительного (например, от *raħhuuar* ‘почитание’), выступает в функции, в точности соответствующей функции именительного падежа от соответствующих имен деятеля (например, родительный падеж *yaštulaš* ‘греха’ означает ‘человек греха’ = ‘грешник’, родительный падеж *naħhuwaš* ‘почитания’ означает ‘тот почитания’ = ‘тот, кто оказывает почтение’, и т. п.). Противопоставление по признаку объемности между родительным и винительным падежами устраняется в характерных для хеттского языка конструкциях, где два винительных падежа используются для обозначения целого и части этого целого, на которую распространено действие (партитивная аппозиция), например, *antuħšan aiš arħa ħuittij-at* ‘и [он] человеку рот закрыл’ (букв. ‘человека — вин. пад. *antuħšan* — рот — вин. пад. *aiš*’). В конструкциях с партитивной аппозицией винительный падеж слова, обозначающего часть от целого, используется в функции, соответствующей

функции объемного родительного падежа. Винительный и дательный-местный падежи, характеризующиеся общим признаком направленности, противопоставляются по признаку объемности, который наличествует у дательного-местного падежа, но не у винительного (противопоставление по признаку периферийности является избыточным, так как оно автоматически выводится из противопоставления по признаку объемности). Это противопоставление по признаку объемности устраняется в случаях использования винительного падежа в функции винительного пути, где возможно параллельное употребление дательного-местного падежа (например, в сочетании с глаголами типа *rai-* 'идти'). Дательный-местный и отложительный падежи, характеризующиеся общими признаками направленности и периферийности, противопоставляются по признаку объемности, наличествующему у дательного-местного падежа, но не у отложительного. Это противопоставление может устраняться в конструкциях с прилагательными, выражающими степени сравнения, где наряду с дательным сравнения используется отложительный сравнения. Дательный-местный и родительный падежи, характеризующиеся общим признаком объемности, противопоставляются по признаку направленности, который наличествует у дательного-местного падежа, но не у родительного (противопоставление по признаку периферийности является избыточным, так как оно автоматически выводится из противопоставления по признаку направленности). Это противопоставление может устраняться в конструкциях, служащих для выражения принадлежности, где наряду с дательным притяжательным используется родительный притяжательный (ср., однако, ниже о различиях между этими конструкциями). Отложительный и творительный падежи, характеризующиеся общими признаками периферийности и необъемности, противопоставляются по признаку направленности, который наличествует у отложительного падежа, но не у творительного. Это противопоставление устраняется в случаях обозначения орудия или средства действия, когда отложительный и творительный падежи в хеттском языке регулярно оказываются взаимозаменяемыми. Часть указанных выше случаев нейтрализации (синкретизма) падежных противопоставлений легко может быть описана с помощью дерева грамем (схема 4), построенного так же, как дерево фнеем (схема 1). Значение каждого падежа опознается с помощью алгоритма, последовательно проверяющего один за другим их различительные признаки. В позициях нейтрализации значение падежа может быть установлено не за три (или два) шага, а за два (или один) шаг. Так, в притяжательных конструкциях оказывается существенной только проверка на признак объемности, но не

на признак направленности, существенный для различения родительного и дательного-местного падежей в других конструкциях. Во всех позициях, где оказывается несущественным признак направленности, соответствующие пары падежей (именительный и винительный при глаголах типа *ištark-* 'болеть', творительный и отложительный при выражении орудия действия, родительный и дательный-местный в притяжательных конструкциях) выступают в качестве факультативных вариантов одной архиграммы (на схеме 4 каждая из этих архиграмм изображается узлом дерева, помеченным числом 3).

Схема 4

Дерево граммем падежей

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 1 — объемность
- 2 — периферийность
- 3 — направленность

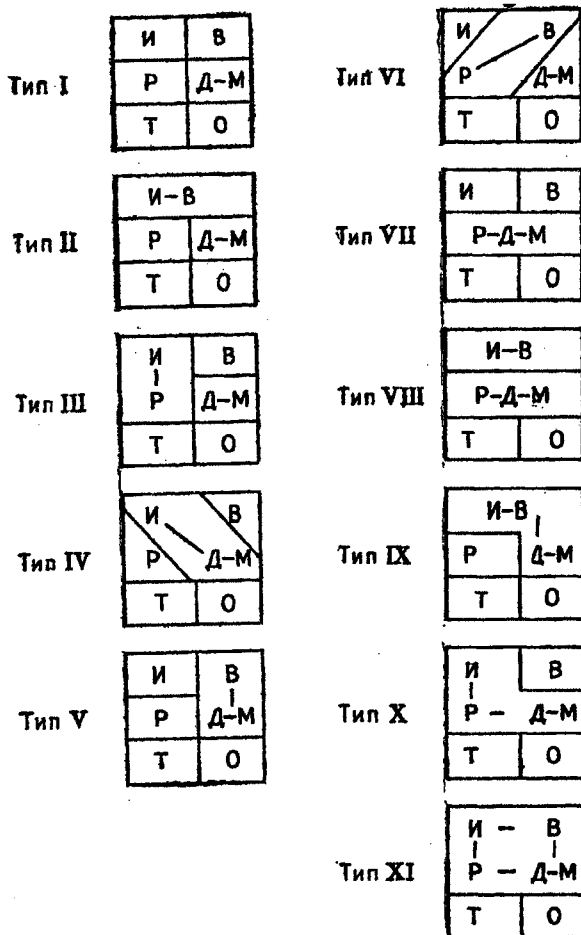
В конкретных именных парадигмах могут выражаться не все указанные выше противопоставления между граммемами имени, так как некоторые из этих противопоставлений нейтрализуются в зависимости от типа склонения данного конкретного слова (в отличие от указанных выше случаев нейтрализации противопоставлений значений, вызываемых определенными синтаксическими условиями, здесь речь идет о чисто морфологической нейтрализации противопоставлений конкретных форм). Наименее отчетливо формально выражено противопоставление граммем рода, так как оно проявляется только в формах именительного и винительного падежей: в именах среднего рода противопоставление именительного и винительного падежей устраняется в отличие от имен одушевленного рода, где именительный падеж регулярно противопоставляется винительному в единственном числе, но не во множественном, где они часто смешиваются. Родовые различия формально выражены также у немногочисленных

существительных, образующих формы родительного падежа на *-an*, которые возможны только у слов несреднего рода. В новохеттских текстах наблюдаются многочисленные колебания в роде имен существительных, причем отмечается переход некоторых древних имен среднего рода (например, *geni* 'колено') в класс слов несреднего (одушевленного) рода и обратно — переход имен одушевленного рода (*şiyatt* 'день') в класс слов среднего рода.

Различие между единственным и множественным числом устраняется в формах именительного-винительного падежа существительных среднего рода типа *çıştul* 'грех', *kurur* 'вражда', *zankilatar* 'возмещение', *uppeşşar* 'посылка', *pir* 'дом', прилагательных типа *kurur* 'враждебный', хотя от некоторых имен этого типа (с основой на *-r* или *-l*) можно образовывать не только формы именительного падежа множественного числа с нулевым суффиксом (омографичные по отношению к формам именительного падежа единственного числа), но и формы с суффиксом именительного падежа множественного числа *-i* (типа *kururi*, *uppeşşari*). Омография форм единственного и множественного числа у указанных существительных среднего рода (на *-l* и *-r*) может быть сопоставлена с тем, что в хеттском языке, как и в других древних индоевропейских, формы множественного числа существительных среднего рода (даже тогда, когда морфологически они отличаются от форм единственного числа) синтаксически трактуются как формы единственного числа, т. е. сочетаются с формами единственного числа глагола или притяжательного местоимения, ср. конструкции типа *çidar şeşzi* 'воды (т. е. все то количество ритуально чистой воды, о котором шла речь) будут покориться' (*şeşzi* — ед. ч., *çidar* — мн. ч.), *uddar-mit* 'слова мои' (*uddar* — мн. ч., *mit* — ед. ч.). Устранение различий между единственным и множественным числом отмечается не только у имен среднего рода. Почти у всех имен (за исключением нескольких слов, имеющих фонетически обусловленные формы родительного падежа единственного числа на *-ş*) противопоставление единственного и множественного числа устраняется в формах родительного падежа. У всех имен противопоставление единственного и множественного числа устраняется в формах творительного и отложительного падежей. Таким образом, регулярно различие граммем числа проводится только в формах винительного и дательного-местного падежей (а также в формах именительного падежа во всех типах имен, кроме основ на *-r* или *-l*).

Максимальное количество падежей — шесть — в новохеттском языке различается в парадигмах единственного числа атематических имен существительных и прилагательных оду-

шевленного рода на *-u*; *-t*; *-nt* (типа *hūtant-* 'весь'), а также в парадигмах единственного числа указательных местоимений (схема 5, тип I). Противопоставление именительного и винительного падежей (различающихся по признаку направленности) устраняется во всех парадигмах имен среднего

рода (где в единственном числе в именах типа *uttar* 'слово', *aiš-* 'рот' сохраняются все другие падежные различия), в парадигме единственного числа фразеологического сочетания *hašša hanzašša* 'внук и правнук (?), потомство' и в том ва-

рианте парадигмы множественного числа указательных местоимений, где совпадают формы именительного и винительного падежей (схема 5, тип II). Характерное для этого (II) типа именных парадигм противопоставление единой формы именительного-винительного падежа всем остальным падежам особенно отчетливо обнаруживается в многочисленных и продуктивных именах гетероклитического типа, где основа именительного-винительного падежа на *-r* противопоставляется основе на *-n*, от которой образуются все остальные падежные формы (табл. 9). Противопоставление именительного и родительного падежей (различающихся по признаку объемности) устраняется в парадигмах единственного числа тематических имен существительных одушевленного рода на *-a*- типа *antuḥša* 'человек' и в парадигмах единственного числа нескольких древнехеттских имен на *i* типа *Taruḥšuš* 'Тарухсус' (собственное имя), тип III. Противопоставление именительного и дательного-местного падежей (различающихся по признакам направленности, объемности и периферийности) устраняется в том варианте парадигмы личного местоимения 1-го лица единственного числа, где форма именительного падежа *igga* используется в функции дательного-местного падежа (схема 5, тип IV). Точно так же противопоставление винительного и дательного-местного падежей (различающихся по признакам объемности и периферийности) устраняется в парадигме личного местоимения 2-го лица множественного числа и в том варианте парадигмы личного местоимения 2-го лица единственного числа, где форма винительного падежа используется в функции дательного-местного падежа (схема 5, тип V). Противопоставление винительного и родительного падежей (различающихся признаками направленности и объемности) устраняется в парадигме единственного числа нескольких существительных, образующих архаичные формы родительного падежа единственного числа на *-an* [типа *Labarnan* 'Лабарны (хеттского царя)'], омографичные по отношению к формам винительного падежа (на *-n*) от тематических основ на *-a*- (например; *Labarna-n* от *Labarna-*), — схема 5, тип VI. Противопоставление родительного и дательного-местного падежей (различающихся по признакам периферийности и направленности) устраняется во всех парадигмах множественного числа существительных и прилагательных (кроме нескольких существительных, образующих родительный падеж множественного числа на *-an*), но при этом у многих имен одушевленного рода сохраняется различие между всеми остальными падежами (схема 5, тип VII). Одновременное устранение различий, с одной стороны, между именительным и винительным падежами (тип I), с другой стороны, между родительным и дательным-местным падежами (тип VII) наблюдается

в парадигмах множественного числа всех имен среднего рода и тех имен несреднего рода, у которых во множественном числе совпадают формы именительного и винительного падежей (схема 5, тип VIII). Устранение различий между именительным, винительным и дательным-местным падежами наблюдается в парадигмах единственного числа имен среднего рода на *-ai* типа *haštai-* 'кость', в тех вариантах парадигм единственного числа имен среднего рода на *-i-* типа *huçaši-* (название каменного культового предмета), *šuppi-* 'чистый', где формы именительно-винительного падежа и дательного падежа омографичны, в том варианте парадигмы слов *pir* 'дом' и *kir* 'сердце', где форма дательного-местного падежа единственного числа образуется посредством нулевого суффикса, и в тех вариантах парадигм личных местоимений 1-го лица единственного числа, 1-го лица множественного числа и 2-го лица множественного числа, где совпадают формы именительного, винительного и дательного-местного падежей (схема 5, тип IX, ср. типы II, IV и V). Устранение различий между именительным, родительным и дательным-местным падежами наблюдается в тех вариантах парадигм множественного числа существительных одушевленного рода типа *atta-*, где форма именительного падежа типа *attaš* совпадает с формой родительного-дательного-местного падежа (схема 5, тип X, ср. типы III, IV и VII). Устранение различий между именительным, винительным, родительным и дательным-местным падежами наблюдается во всех тех парадигмах множественного числа имен одушевленного рода, где в функции именительного и винительного падежей используется форма на *-aš*, омографичная по отношению к форме родительного-дательного-местного падежа (схема 5, тип XI). Следует отметить, что во всех указанных случаях нейтрализации (типа II—XI) граммы творительного и отложительного падежей не участвуют; вместе с тем противопоставление этих двух граммем друг другу морфологически никогда не устраняется (о возможности синтаксической нейтрализации этого противопоставления, позволяющей объединить эти два падежа, ср. выше). Эти факты можно рассматривать как свидетельство, говорящее в пользу особого места творительного и отложительного падежей среди других падежей.

Указанные выше правила морфологической нейтрализации противопоставлений граммем определяют ограничения, наложенные на возможные сочетания граммем в пределах одной морфемы именного склонения. Каждая морфема именного склонения служит одновременно для выражения нескольких граммем; при этом обычно каждая морфема кодируется несколькими алломорфами (флексиями), которые выбираются в зависимости от типа основы (табл. 8). В некоторых случаях

Морфемы склонения имен существительных и прилагательных

№ морфемы	Граммемы			Морфы (флексий)	Условия выбора морфа
	род	число	падеж		
I	О	Е	И	№ 1 (-š)	Все основы Основа на гласный
II	О	Е	В	{ № 2 (-n) № 3 (-an)	
III	С	Е	И—В	{ № 2 (-n) № 4 (0)	Основа на согласный Основа на -а- (тематические) Все остальные основы (атематические)
IV	О—С	Е	Р	{ № 5 (-š) № 6 (-aš)	Основа на -а Все остальные основы (атематические)
V	О	Е—М	Р	№ 7 (-an)	Основа по списку
VI	О—С	Е	Д—М	№ 8 (-i)	Все основы, кроме основ на -l Основа по списку Основа на -i Основа на -i и основа по списку
				№ 9 (-ai)	
				{ № 10 (-a) № 11 (0)	
VII	О—С	Е—М	О	{ № 12 (-az) № 13 (-anza)	Все основы Основа по списку
VIII	О—С	Е—М	Т	№ 14 (-it)	Все основы Основа по списку
				№ 15 (-ta)	
IX	О	М	И	№ 16 (-eš)	Все основы Основа по списку Основа по списку
				№ 17 (-uš)	
				№ 18 (-aš)	
X	О	М	В	№ 17 (-uš)	Все основы Основа по списку Основа по списку
				№ 16 (-eš)	
				№ 18 (-aš)	
XI	С	М	И—В	№ 19 (0)	{ Прилагательные на -а- (тематические) Существительные на -i-, -e-, -r-, -l-
				№ 20 (-a)	
				№ 21 (-i)	
XII	О—С	М	Р—Д—М	№ 5 (-š)	Основа на -а (тематические) Все остальные основы (атематические)
				№ 6 (-aš)	

(например, в именительном падеже множественного числа одушевленного рода) правила выбора оставляют возможность построения нескольких дублетных форм от одной и той же основы, что характерно для ненормализованной грамматики хеттского языка. Для построения конкретных

форм необходимо учитывать морфологические правила перекодирования сочетания последней фонемы (или группы фонем) основы и флексии (алломорфа) именного склонения: конечный согласный основы *-t* в сочетании с флексией № 1 перекодируется в *z*, конечная группа согласных *-nt-* в сочетании с флексией № 4 (и в сочетании с другими нулевыми флексиями) перекодируется в *-n* (т. е. группа *-nt* упрощается в *-n* в исходном положении), конечная фонема *-i* перед флексией № 7 (и в сочетании с другими флексиями, начинающимися с гласного) перекодируется в группу *-ij-* (аналогично этому *-u* перекодируется в *-uɟ-*), причем *i* может исчезать в интервокальном положении, и т. п.

При синтезировании хеттских именных форм следует использовать не только правила, определяющие выбор соответствующей флексии, но и правила, определяющие выбор одной из нескольких возможных основ. У многочисленных и продуктивных существительных гетероклитического типа и у некоторых других существительных регулярно проводится различие между основой именительного-винительного падежа и основой косвенных падежей (табл. 9). При построении родительного и дательного-местного падежей прилагательных на *-u-* и *-i-* основа выступает в ступени чередования *-au-*, *-ai-* (в отличие от именительного падежа, где основа выступает в ступени *-u-*, *-i-*). При построении тех же падежей от имен существительных на *-ai-* наблюдается обратное распределение ступеней чередования: ступень *-i-* в родительном и дательном-местном падежах противопоставляется ступени *-ai-* в именительном падеже, ср. существительное *hašt-ai-* 'кость' (им. пад.), *hašt-ij-aš* 'кости' (род. пад.); прилагательное *šupp-i-* 'чистый' (им. пад.), *šupp-aj-aš* (род. пад.). При построении форм имен существительных на *-i-* и *-u-* в именительном падеже основа выступает в ступени *-i-*, *-u-* (как и у прилагательных), но в родительном и дательном-местном падежах основа выступает в ступени *-i-*, *-u-*, ср. существительное *ašš-u* 'добро', 'благо', род. пад. *ašš-uɟ-aš*; прилагательное *ašš-u* 'добрый', 'хороший', род. пад. *ašš-au-aš*. Здесь чередование гласных служит единственным морфологическим средством различения существительных и прилагательных. Так же только посредством чередования гласных различаются некоторые формы единственного и множественного числа именительного-винительного падежа имен существительных среднего рода типа *uatar* 'вода' — *uidar* 'воды'. Хеттская графика делает затруднительным выявление всех подобных случаев: если в противопоставлении *uatar* 'слово' — *uddar* 'слова' наличие количественного чередования гласных в основообразующем элементе (*-ar* в ед. ч., *-ār* во мн. ч.) достаточно вероятно (ср. выше), то в формах

**Распределение основ именительного-винительного
и косвенных падежей**

№	Тип образования	Основа именительного-винительного падежа	Основа косвенных падежей
1	Гетероклитические имена среднего рода на <i>-r/-n-</i>	<i>ešha-r</i> 'кровь'	<i>-ešha-n-</i> (род. пад. <i>ešhan-aš</i>)
1а	Гетероклитические имена с чередованием гласных в основообразующем элементе <i>-(a)r/-(e)n-</i>	<i>ħann-ešš-ar</i> 'суд' <i>paħħu-r,</i> <i>paħħuq-ar</i> 'огонь'	<i>ħanneš-n-</i> <i>paħħuen-, paħħun-</i> (род. пад. <i>paħħuen-aš</i>)
1б	Гетероклитические имена с сингармоническим чередованием гласных в корне и в основообразующем элементе <i>ar/-en</i>	<i>uət-ar</i> 'вода' (огласовка корня <i>a < *o</i>)	<i>uət-en-</i> (род. пад. <i>ueten-aš</i> ; огласовка корня <i>*e</i>)
1в	Гетероклитические имена на <i>-(a)tar/-(a)nn(*tn)</i>	<i>paṣr-atar</i> 'состояние ритуальной оскверненности'	<i>paṣr-ann-</i> (род. пад. <i>paṣrann-aš</i>)
2	Гетероклитические имена на <i>-0/-n-</i> (одушевленный род с различением именительного и винительного падежей)	<i>ħara-</i> 'орел' (им. пад. <i>ħara-š,</i> виш. пад. <i>ħara-n</i>)	<i>ħaran-</i> (род. пад. <i>ħaran-aš,</i> виш. пад. <i>ħaran-an</i>)
2а	Имя среднего рода на <i>-0/-n-</i> с чередованием гласных в корне	<i>pir</i> 'дом' (дат.-мест. пад. <i>pir;</i> огласовка корня <i>i</i>)	<i>par-n-</i> (род. пад. <i>parn-aš,</i> дат.-мест. пад. <i>parn-i;</i> огласовка корня <i>a</i>)
3	Имя среднего рода на <i>-0/-d-</i> с чередованием гласных в корне	<i>kir</i> 'сердце' [дат.-мест. пад. <i>kir;</i> огласовка корня <i>i(*e)</i>]	<i>kar-d(-l)-</i> (род. пад. <i>kard-l-aš,</i> дат.-мест. пад. <i>kard-i;</i> огласовка корня <i>a</i>)
4	Имя среднего рода с чередованием гласных в корне и в основообразующем элементе	<i>tekan</i> 'земля' (огласовка корня <i>*e</i>)	<i>tagn-</i> (род. пад. <i>tagn-aš;</i> огласовка корня <i>a</i>)
5	Имя среднего рода с чередованием гласных в корне	<i>aiš</i> 'рот'	<i>iš(š)-</i> (род. пад. <i>išš-aš</i>)

типа *utne* 'страна' — мн. ч. *utnē* 'страны' (ср. также дат.-мест. пад. ед. ч. *utni*) можно предполагать либо количественное чередование, либо неразличение форм именительного-винительного падежа единственного и множественного числа, часто встречающееся у хеттских существительных среднего рода. Поэтому точное описание некоторых хеттских именных парадигм оказывается затруднительным; другим существенным препятствием, зависящим уже не от характера письменности, а от ограниченного числа письменных памятников и от их характера, является отсутствие многих форм в текстах. Иногда само это отсутствие можно считать достаточно показательным: так, едва ли можно считать случайностью то, что от многих существительных неизвестны формы творительного и отложительного падежей (ср. выше о других данных, свидетельствующих в пользу мнения об особом характере этих падежей). В других случаях неполнота засвидетельствованных парадигм объясняется чистой случайностью; число слов, для которых парадигма засвидетельствована полностью, ограничено (табл. 10).

Таблица 10

Примеры именных парадигм
(*humant*-'всякий', 'каждый'; *uttar* 'слово', 'дело')

№ морфемы склонения	Форма	№ морфа
I	<i>humanz(a)</i>	№ 1
II	<i>humantan</i>	№ 3
III	<i>human</i>	№ 4
IV	<i>humandaš</i>	№ 6
V	—	—
VI	<i>humanti</i>	№ 8
VII	<i>humantaz(a)</i>	№ 12
VIII	<i>humantet</i>	№ 14
IX	<i>humanteš</i>	№ 16
IX	<i>humantuš</i>	№ 17
X	<i>humantuš</i>	№ 17
X	<i>humanteš</i>	№ 16
XI	<i>humanta</i>	№ 20
XI	<i>humanti</i>	№ 21
XII	<i>humandaš</i>	№ 6

№ морфемы склонения	Форма	№ морфа
III	<i>uttar</i>	№ 4
IV	<i>uddanaš</i>	№ 6
VI	<i>uddani</i>	№ 8
VII	<i>uddanaz(a)</i>	№ 12
VII	<i>uddananza</i>	№ 13
VIII	<i>uddanit</i>	№ 14
VIII	<i>uddanti</i>	№ 15
XI	<i>uddar</i>	№ 19
XII	<i>uddanaš</i>	№ 6

При построении форм местоимений следует обращаться к списку алломорфов, частично отличающемуся от списка алломорфов склонения имен существительных и прилагательных (табл. 11). Для местоименного склонения особенно существенным является различие основ, от которых об-

Морфы местоименного склонения, отличающиеся от морфов склонения существительных и прилагательных

а) Флексии (конечные морфы, находящиеся в исходе слова)

№ морфемы	Морфы	Условия выбора алломорфа
I	№ 22 (-k)	Основы личных местоимений 1-го л. ед. ч. (u-, amtu-) и 2-го л. ед. ч. (zi-, iu-)
II	№ 22 (-k)	Основы личных местоимений 1-го л. ед. ч. (amtu-) и 2-го л. ед. ч. (tu-)
III	№ 23 (-t)	Основы притяжательных, указательных и вопросительных местоимений, кроме основ по списку
IV	№ 24 (-e) № 25 (-el)	Основы по списку Основы личных, указательных и вопросительных местоимений
VI	№ 22 (-k)	Основы личных местоимений 1-го л. ед. ч. (u-, amtu-) и 2-го л. ед. ч. (iu-)
IX	№ 24 (-e)	Основы указательных местоимений
XIIa (только род. пад. мн. ч.)	№ 25 (-el)	Основы личных местоимений мн. ч.

б) Морфы, предшествующие флексиям

№ морфемы	Морфы	Условия выбора алломорфа
II (и VI)	№ 27 (-u-)	Основы личного местоимения 1-го л. ед. ч. и основы указательных местоимений; в энклитических местоимениях выступает как окончание
VII (и IV, XIIб) VI	№ 28 (-ed-)	Основы личных местоимений
	№ 28 (-ed-)	Основы указательных и вопросительных местоимений
XIIa	№ 29 (-an-) № 26 (-enz-)	Основы указательных местоимений и личного местоимения 2-го лица мн. ч.

разуются разные падежные формы (ср. выше о гетероклитических именах и именах с чередованием гласных). Некоторые местоименные формы строятся с агглютинативной техникой соположения суффиксов: конечному суффиксу (окончанию) может предшествовать суффикс, присоединяющийся к основе местоимения, например, вин. пад. *amtu-u-k* 'меня', где окончанию *-k* предшествует основообразующий элемент *-u-* (ср. тот же элемент в форме *app-u-n* 'того',

Распределение основ именительного и косвенных падежей
личных местоимений

Местоимение	Основа именительного падежа	Основа косвенных падежей
1-го л. ед. ч.	Им. пад. <i>u-(k)</i>	<i>amm-</i> (род. пад. <i>amm-el</i>)
1-го л. мн. ч.	<i>u-</i> Им. пад. <i>u-(eš)</i>	<i>anz-</i> (род. пад. <i>anz-el</i>)
2-го л. ед. ч.	<i>zi-</i> (им. пад. <i>zi-k</i>)	<i>tu-</i> (род. пад. <i>tu-el</i>)
<i>šum-</i>		
2-го л. мн. ч.	Им. пад. <i>šum-eš</i> (<i>šum-aš</i>)	род. пад. <i>šum-el</i> (<i>šum-enzan</i>)

Таблица 13

Пример местоименной парадигмы

№ морфемы	Ф о р м а	№ морфа
I	<i>ammuk</i> 'я'	№ 27+№ 22
I	<i>uk</i>	№ 22
II	<i>ammuk</i>	№ 27+№ 22
IV	<i>ammel</i>	№ 25
VI	<i>ammuk</i>	№ 27+№ 22
VI	<i>ukk(a)</i>	№ 22
VIIa (ед. ч.)	<i>ammēdaz</i>	№ 28+№ 12
IX	<i>yeš</i> 'мы'	№ 16
X	<i>anzaš</i>	№ 18
XIIa (род. пад. мн. ч.)	<i>anzel</i>	№ 25
XIIb (дат.-мест. пад. мн. ч.)	<i>anzaš</i>	№ 6
VIIb (мн. ч.)	<i>anzedaz</i>	№ 28+№ 12

вин. пад. ед. ч.). Основообразующие алломорфы этого типа иногда встречаются не только в винительном и дательном-местном падежах единственного числа и отложительном падеже (табл. 11, б), но и в некоторых других формах (ср., например, форму дат.-мест. пад. мн. ч. *k-ed-aš*, где алломорф № 28 предшествует алломорфу № 6). Для личных местоимений в хеттском, как и в других индоевропейских языках, характерен частичный супплетивизм (табл. 12 и 13). Некоторые местоимения характеризуются такими особенностями образования отдельных (иногда пережиточных) форм, которые носят единичный характер и поэтому могут фиксироваться в словаре, а не в морфологических таблицах. Сме-

шение местоименных форм с формами, нормальными для прилагательных, отмечается в парадигме местоимения *tamai-* 'другой' и числительного со значением «один» (возможное чтение *ašma-*). На примере местоименной парадигмы (табл. 13) можно убедиться в том, что морфемы (отлож. пад. ед. ч. и отлож. пад. мн. ч.—VII, род. пад. мн. ч. и дат.-местн. пад. мн. ч.—XIIa и XIIб), не различающиеся в парадигмах имен существительных и прилагательных, различаются в парадигмах личных (и некоторых других) местоимений. Вместе с тем категория рода, существенная для имен существительных и прилагательных, не имеет морфологического значения в личных местоимениях, где отражаются противопоставления лиц, объединяющие личные местоимения с глаголом.

Креолизованный характер хеттских письменных текстов сказывался на особенностях образования именных форм. У многих хеттских собственных имен в результате взаимодействия древних звательных форм (с нулевым суффиксом у основ на *-a-*, *-i-*, *-u-* и с суффиксом *-e* у основ на *-u*) и аккадских форм этих имен выработались несклоняемые формы (типа *Hattušili* 'Хаттусили', *Arimna* 'Аринна'), обычно употреблявшиеся не только в тех частях текстов, которые писались по-аккадски (например, в заглавиях), но и в собственно хеттских текстах, где несклонявшимся собственным именам, однако, обычно предшествовали идеограммы, т. е. шумерограммы (например, KUR 'страна') или детерминативы. В новохеттских текстах, где особенно заметно влияние лувийского и отчасти хурритского языков, некоторые лувийские и хурритские формы выступают в качестве дублетов хеттских форм. При этом, как это обычно для креолизованных языков с двумя планами выражения при одном плане содержания (*langue à deux termes*, по Л. В. Щербе), хеттские и лувийские (или хурритские) формы выступают в качестве равноправных алломорфов одной и той же морфемы (например, хурритское окончание направительного падежа *-ta* в хеттизированной форме *-ti* используется в словах хурритского происхождения в качестве алломорфа морфемы VI, в которой сочетаются грамматические значения дательного-местного падежа и единственного числа). Эти нововведения, отмечающиеся лишь в части новохеттских текстов и касающиеся лишь грамматических способов выражения, не затрагивали самой системы грамем, в основном унаследованной от достаточно древней эпохи.

Двучленное противопоставление грамем единственного и множественного числа в хеттском языке согласуется с данными всех других древних индоевропейских языков Малой Азии, которые позволяют реконструировать грамматическое противопоставление двух чисел для общепанатоллийского.

В хеттском языке (но не в других анатолийских языках) сохранились возможные следы форм двойственного числа. К ним можно отнести форму мн. ч. *šakuwa-* 'глаза' (родственно готск. *saiw-an* 'видеть', ср. хеттск. *šakuwa-* 'видеть'), которая встречается не только в функции именительного-винительного падежа множественного числа, но (в тексте придворных анекдотов), по-видимому, и в функции некоторых других (косвенных) падежей (дательного-местного в одном из древнейших текстов). Такое недифференцированное употребление формы, которая может восходить к двойственному числу, соответствует тому, что на основании данных других индоевропейских языков можно предположить отсутствие различных форм разных падежей двойственного числа в общеиндоевропейском.

Можно думать, таким образом, что хеттские формы множественного числа типа *šakuwa* 'глаза' (ср. *geniwa* 'колени') происходят из форм двойственного числа, ср. типологически сходное развитие в славянских и некоторых других индоевропейских языках (русские формы множественного числа на *-а* и т. п.); эти формы по окончанию (*a*, возможно, и по функции) сопоставимы с древними собирательными существительными среднего рода.

Характерной особенностью хеттского именного склонения является относительно слабая развитость парадигмы множественного числа по сравнению с парадигмой единственного числа: во множественном числе отсутствуют особые формы творительного и отложительного падежей (за исключением нескольких личных местоимений; различающих супплетивные основы единственного и множественного числа), нейтрализуется противопоставление дательного-местного и родительного падежей, причем формы родительного падежа (архаичная флексия № 7 и флексия № 6) в обоих числах совпадают; наконец, во множественном числе часто наблюдается смешение именительного и винительного падежей. Часть этих явлений (в частности, смешение именительного и винительного падежей) должна быть объяснена как нововведение, но эти нововведения были связаны со слабой развитостью парадигмы множественного числа, унаследованной еще от общеанатолийского (как показывает сравнение с другими анатолийскими языками). Вторичный характер падежей множественного числа особенно отчетливо обнаруживается в лувийском языке, где все формы множественного числа одушевленного рода образуются от вторичной основы с суффиксом *-nz-* (с исторической точки зрения ее можно было бы объяснить как сочетание **-N-s-*: носового суффикса, представленного алломорфом в виде носовой архифонемы, с индоевропейским показателем множественного числа **-s-*, ср. хеттский

и палайский им. пад. мн. ч. од. р. -eš). Следы сходного построения форм множественного числа обнаруживаются в древнехеттских формах местоимений типа род. пад. мн. ч. *šum-enz-an* (где за алломорфом № 26, см. табл. 11, б, следует окончание № 7, не являющееся специфическим для множественного числа, ср. совершенно аналогичное построение лувийской формы *malšašsa-nz-an* 'магических ритуалов', где лувийский показатель множественного числа -nz- можно сравнить с алломорфом № 26 в хеттских местоименных формах множественного числа). Именно в парадигме множественного числа наблюдаются наибольшие расхождения между анатолийскими языками, что позволяет предположить поздний характер образования некоторых форм множественного числа. Хеттские и палайские формы именительного падежа множественного числа (хеттский алломорф № 16, совпадающий с палайским -eš), винительного падежа (хеттский алломорф № 17 и алломорф № 18, совпадающий с палайским -aš), дательного-местного падежа (хеттский алломорф № 6, совпадающий с палайским -aš) содержат индоевропейский показатель множественного числа -s, который в лувийском отражен только в основообразующем элементе $z < *s$ (после носового в группе -nz- < *Ns-, ср. выше), а в иероглифическом лувийском пока вообще не обнаружен: ср. лувийск. им. пад. мн. ч. од. р. -nz-i, иерогл. лувийск. -ai, лувийск. вин. и дат. пад. мн. ч. од. р. -nz-a, иерогл. лувийск. -ai; лувийск. отлож.-твор. пад. мн. ч. -nz-ati, иерогл. лув. -ati (в иероглифическом, как и в клинописном хеттском, совпадает с формой отложительно-творительного единственного числа). Очевидно, развитие форм множественного числа в лувийской группе диалектов пошло по пути, существенно отличающемуся от развития хетто-палайских (по-видимому, более архаичных) форм; лувийские нововведения, вероятно, можно связать либо с воздействием местоименных форм (ср. лувийск. и иерогл. -i и хеттские формы с алломорфом № 24: иерогл. *apaī*, хеттск. *ape*), либо с воздействием форм ср. р. (ср. формы им.-вин. пад. ср. р. с хеттским алломорфом № 20, совпадающим с лувийской и палайской формами на -a). Общеанатолийская форма им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. на -a, безусловно, не является единственной, которую следует реконструировать для общеанатолийского, так как сравнение с другими индоевропейскими языками подтверждает значительную древность форм с алломорфом № 19 (нулевым), совпадающих с формами единственного числа, а формы с алломорфом № 21 сопоставимы с окончаниями од. р. на -i в лувийской группе и хеттскими местоименными окончаниями (алломорф № 24, где -e, соответствующее иерогл. -ai, можно возвести к более древнему дифтонгу на -i, ср. ме-

стоименные формы на *-i* в других индоевропейских языках). Эта пестрота форм множественного числа среднего рода и факты хеттского синтаксиса, говорящие о трактовке этих форм как форм единственного числа (ср. аналогичные явления в других индоевропейских языках), подтверждают гипотезу об отсутствии специальных форм множественного числа у индоевропейских имен среднего рода (общеанатолийские и индоевропейские формы на *-a* < **uH* можно рассматривать как собирательные). Применительно к именам несреднего рода анатолийские языки позволяют достоверно реконструировать только индоевропейские формы с показателем *-s-*, который выступает в агглютинативных сочетаниях типа лувийск. *-nz-*, хеттск. *-uš* (алломорф вин. пад. мн. ч. № 17, где *-u-* можно сравнить либо с носовым **u > *un > u*, либо с алломорфом № 27, ср. окончание вин. пад. мн. ч. *-ьl* в славянских языках, которое можно было бы возвести к **-ūs*, как и соответствующие балтийские формы). Этот показатель в древнейшую индоевропейскую эпоху мог быть словообразовательным суффиксом (как и показатель собирательных форм среднего рода, позднее развившихся в формы множественного числа); в ту эпоху значение множественного (как и двойственного) числа могло быть деривационным (а не реляционным, как в хеттском), ср. деривационную роль **-s-* в основе косвенных падежей личного местоимения 2-го л. мн. ч. *-anz-* < **№-s-* < **n-s-*. Хеттский и другие анатолийские языки сохранили следы этого состояния в большей степени, чем другие древние индоевропейские языки, однако все древние индоевропейские языки отличаются меньшей развитостью парадигмы множественного числа по сравнению с парадигмой единственного числа и прозрачностью агглютинативной структуры падежей множественного числа типа вин. пад. мн. ч. **-n-s*, **-ā-s*, им. пад. **-e-s* и т. п. (ср. хеттск. *-e-š*, *-u-š*, *-a-š*, лувийск. *-nz-* < **-N-s-* и т. п.).

Неразвитость парадигмы множественного числа представляет интерес не только для выяснения относительной хронологии возникновения и развития грамматического противопоставления чисел, но и для решения аналогичной задачи по отношению к падежам. Падежи, не имеющие особых форм во множественном числе, — отложительный и творительный — во многих других отношениях стоят особняком. Они засвидетельствованы далеко не от всех (даже наиболее употребительных) имен, не участвуют в морфологических нейтрализациях противопоставлений падежных форм (схема Б), а при синтаксических нейтрализациях противопоставлений падежных значений (схема 4) взаимодействуют только друг с другом. Эти падежи не имеют соответствий в палайском языке, где засвидетельствованы общие с хеттским архаич-

ные черты склонения (см. выше), а в лувийском и иероглифическом хеттском этим падежам соответствует одна форма творительного-отложительного падежа на *-ati* (лик. *-edi*). Эта форма в лувийских языках может быть сопоставлена с соответствующими ей формами в хеттском не только по значению, но и по составу фонем в алломорфах (хеттские алломорфы № 12, 13, 14, 15); так как и в лувийском, и в хеттском имеется отражение переднеязычного, смычного (ср. также хеттский алломорф № 28, находящийся точное соответствие в лувийском местоименном *-at-*). Однако остается неясным, в какой мере можно свести к одному источнику хеттские окончания творительного и отложительного падежей и соответствующую по значению лувийскую форму. Вместе с тем отсутствие соответствующей формы в палайском и изолированное положение этих форм в хеттской парадигме имени не позволяют включить творительный и отложительный падежи в реконструированную общепалайскую именную парадигму. Этот вывод подтверждается и сравнением с другими древними индоевропейскими языками, где соответствующие формы возникали из сочетаний наречного характера во время самостоятельного развития отдельных индоевропейских языков (ср. стлат. *-ōd* и т. п.). Сходное предположение весьма вероятно и по отношению к анатолийским формам отложительного и творительного падежей.

Падежи, обладающие особыми формами во множественном числе, — именительный и винительный — регулярно различаются и в единственном числе. Форма именительного падежа единственного числа одушевленного рода на **-s* (хеттский алломорф № 1, палайск. *-š*, лувийск. *-š*, иерогл. *s*, лид. *-š*) является общепалайской и общеиндоевропейской, так же как и противопоставленная ей форма винительного падежа единственного числа одушевленного рода на **N* (хеттские алломорфы № 2 и 3, палайск. *-n*, лувийск. *-n*, иерогл. хеттск. *-n*, ср. лид. *-v*), совпадающая с формой именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода основ на **-o-* (хеттский алломорф № 2, морфема III). Совпадение двух указанных форм в общеиндоевропейском объясняется существованием в более древнюю эпоху грамматического противопоставления падежной формы на **-N*, выступавшей в функции неэргативного падежа (падеж объекта переходного глагола и субъекта непереходного глагола), и формы на **-s*, выступавшей в функции эргатива. Эта гипотеза позволяет объяснить и сходство индоевропейских окончаний именительного и родительного падежей, так как в языках с противопоставлением эргатива и неэргатива эргатив выступает в функции родительного падежа. Указанные предположения, выдвинутые еще до открытия данных хетт-

ского языка, находят в них подтверждение, так как в хеттском языке форма родительного падежа у основ на *-a-* (алломорф № 5) совпадает с формой именительного падежа (алломорф № 1). В то же время осуществляется синтаксическая нейтрализация противопоставления именительного и родительного падежей, благодаря которой родительный падеж выступает в функции именительного (ср. выше об употреблении форм типа род. пад. *ḫaštulaš* 'греха' в функции 'человек греха = грешник', где родительный падеж можно рассматривать как способ образования падежа деятеля от основы среднего рода, не имеющей обычно этого падежа, ср. ниже об аналогичной функции суффикса *-ant*). Само это явление можно считать достаточно древним, хотя его распространению могло способствовать и влияние аккадского синтаксиса. Эти факты хеттского языка позволяют предположить, что в анатолийских языках еще не осуществлялась окончательно дифференциация именительного и родительного падежей, развившихся из древнего эргатива; при этом в хеттском отсутствие самостоятельной формы родительного падежа обнаруживается у тематических основ на *-a- < *o-*, которые и в других индоевропейских языках не имеют древней формы родительного падежа.

Отсутствие дифференцированных форм родительного падежа подтверждается сравнением с другими анатолийскими языками, где в лувийской группе родительный падеж на *-s*, сравнимый с хеттскими (и еще не вполне ясными палайскими) формами, имеется только в иероглифическом лувийском, но и в этом языке параллельно с ним в функции родительного падежа используются формы прилагательных с суффиксом *-asa-, -asi-*. В лувийском и ликийском языках родительный падеж на *-s* отсутствует (за исключением нескольких лувийских форм), и в его функции используются только прилагательные на *-ašši-* (>лик. *-ahi, -ehi*, лик. В *-esi*), которые можно сравнить с тохарскими прилагательными на *-šše, -ši* и славянскими прилагательными на **-sk-* (типа русск. *человеческий*). Эти лувийские (клинописные, иероглифические и ликийские), тохарские и славянские формы используются прежде всего в функции родительного принадлежности, который и в других древних индоевропейских языках выражается формами прилагательных, а не падежными формами имени. В хеттском языке имеется небольшое число прилагательных на *-ašša-* (типа *ḫantašša-* от *ḫant-* 'лоб'), родственных иероглифическим формам на *-asa-* (и ликийским на *-ah(e) < *asa-*), поэтому исходный пункт развития можно считать общим для всех анатолийских языков (хотя в палайском в сходной функции, по-видимому, выступают формы на *-ik-*, ср. выше о функциональном сходстве анатолийских форм на *-šš-* с фор-

мами на *-sk- в других индоевропейских языках). В функции, близкой к функции суффикса прилагательных -ašši-, в лувийском языке выступает суффикс -alli-; ср. лувийск. maššanašši- 'божеский' (лик. mahanahi от основы лик. maha-(na-) < лувийск. maššan-) и maššanali- 'божественный', ср. хеттск. šiunali-, лидийск. θiuvališ 'божественный'; в лидийском прилагательные на -li служат заменой родительного падежа. Сходные образования на -l известны в иероглифическом (huhatal- 'дедовский') и палайском (Šaušh-allaš от хурритского имени богини Šauška- с палайским изменением k > b, ср. в точности аналогичное лувийское Šauskašši-) и поэтому могут быть признаны общеанатолийскими. К этим образованиям на -l с притяжательным значением могут быть возведены хеттские местоименные формы родительного падежа (алломорф № 25), о происхождении которых из прилагательных могут свидетельствовать такие формы, как app-el-az, где алломорф № 25 выступает в качестве основообразующего элемента, за которым следует окончание отложительного падежа; хеттск. app-el- функционально соответствует лувийск. ap-assi (>лик. ehbi, иерогл. apasaji-), ср. также лидийский косвенный падеж на -λ. Относительно поздний характер распространения местоименных форм на -l подтверждается хеттскими текстами, в которых можно проследить, например, вытеснение древнехеттской формы родительного падежа šum-enz-an более новой формой šum-el 'вас'. Сходные притяжательные формы на -l обнаруживаются и в других индоевропейских языках (так, хеттскую форму at-tala- 'отцовский' оказывается возможным сравнить с немецким Adel 'дворянство', 'благородное происхождение', возводимым к германскому *apala- 'отцовский'). В особенности показательно наличие местоименных форм типа латинск. tali-s, русск. толь(ко), которые можно сравнить с хеттскими местоименными формами на -el; однако сходные формы на -el есть и в языке хатти. То обстоятельство, что формы родительного падежа не только имен, но и местоимений носят явно вторичный характер, согласуется с гипотезой об отсутствии особой формы родительного падежа в общеанатолийском.

Особое место занимают формы родительного падежа с алломорфом № 7, безразличные по отношению к противопоставлению чисел, но встречающиеся только у основ одушевленного рода. О древности этих падежных форм свидетельствует как то, что они встречаются у существительных только в древнехеттских текстах, так и то, что с помощью того же окончания -an образованы древнехеттские изолированные формы родительного падежа местоимений m-an 'моих' (встречается только в одном древнехеттском тексте XVII в.),

sum-enz-an 'вас' (ср. выше о вытеснении этой древней формы). Местоименные формы типа *šum-enz-an*, *ap-enz-an* (ср. параллельное *ap-ed-aš*, где за алломорфом № 28 следует алломорф № 6) с показателем *-enz-an*, где алломорфу № 7 предшествует алломорф № 26, можно сравнить с лувийскими формами типа *malḥašša-nz-an* (от *malḥašša-* 'магический ритуал', ср. выше), где алломорфу *-an* предшествует показатель множественного числа *-nz-*. Это подтверждает безразличность самого окончания *-an* к различению чисел, ср. также возможность образования в древнехеттском форм на *-an* как в единственном числе [*Labarnan* 'Лабарны (хеттского царя)'], так и во множественном числе (*Šiunan* 'богов'), и отсутствие показателя множественного числа *-s-* в этом окончании *-an* < **ōm*. Объяснение этих хеттских форм и родственных им форм родительного падежа на **ōm* в других индоевропейских языках как пережитков партитивных форм собирательных имен подтверждается не только сравнением с родственными латинскими образованиями типа *vostrum* 'вас' (*pars vostrum* 'часть всех вас' в отличие от *pars vestri* 'часть каждого из вас', ср. дрхеттск. *šumenzan ṚMEŠ-man pankur-šmit* 'вас — *šumenzan* — моих — *man* — подданных, весь род ваш'), но и фактами хеттского синтаксиса. Хеттское окончание № 7 (*-an*) формально совпадает с окончанием винительного падежа № 3, что согласуется и с соответствующими фактами в других индоевропейских языках. Поэтому для объяснения этого окончания родительного падежа представляется целесообразным сослаться на нейтрализацию противопоставления родительного и винительного падежей при партитивной аппозиции в хеттском (см. выше) и в других индоевропейских языках. Соображения типологического характера делают вероятным предположение, что специальные формы с партитивным значением явились результатом более позднего развития, а конструкции с партитивной аппозицией (где часть и целое формально не различаются) им предшествовали (относительно слабой выраженностью партитивных отношений в хеттском языке можно объяснить и наличие выработавшихся, возможно, под аккадским влиянием, специальных древнехеттских конструкций, выражающих отношения целого и части с помощью постановки притяжательных местоимений типа *kel meneššit* 'этого — лицо его'). Таким образом, можно объяснить не только формальное сходство партитивного родительного падежа на *-an* и винительного падежа, но и то, что формы этого партитивного падежа образовывались только от слов одушевленного рода, от которых только и мог образовываться винительный падеж на **-m* (древние формы среднего рода не имели окончания **-m*, которое было перенесено на тематические основы среднего

рода в результате позднейшего развития). Следовательно, можно предположить, что при преобразовании древнего индоевропейского противопоставления эргатива на *-s* и неэргатива, имевшего у основ одушевленного рода показатель **-m* (или — в исходе слова — носовую архифонему **-N*), эргатив стал выступать в некоторых случаях в функции родительного падежа деятеля, а неэргатив основ одушевленного рода мог использоваться в функции партитивного родительного падежа (который в древности сам по себе никогда не обозначал деятеля).

Исходя из предположения о постепенном преобразовании двучленной парадигмы, противопоставляющей эргатив на *-s* и неэргатив с носовым показателем, следует признать весьма древним тип склонения хеттских существительных одушевленного рода, противопоставляющих именительный падеж единственного числа на *-š* [например, *hara-š* 'орел', ср. палайск. *haraš* (?)] и основу всех остальных падежей на *-n* (*haran-*, формально совпадает с формой вин. пад. *hagan*, ср., однако, форму вин. пад. *hara-n-an*, см. табл. 9, тип. 2). Такой же тип склонения широко представлен в тохарских языках, где, как и в хеттском, противопоставление среднего и несреднего родов еще может быть отчетливо прослежено в парадигме имени. В парадигме имени одушевленного рода, имеющей такую структуру, противопоставляются именительный падеж (древний эргатив) и все остальные падежи, образующиеся от древней формы неэргатива; при этом в хеттском языке родительный падеж образуется с помощью окончания на *-s* (т. е. древнего окончания эргатива) от основы на *-n*, т. е. от древней формы неэргатива (в тохарских языках родительный падеж еще обнаруживает следы своего эргативного происхождения, так как в тохарском А он образуется не от основы на *-n*). Возможно, что этот же показатель *-n*-основы косвенных падежей используется (в сочетании с показателем множественного числа *-s*) в лувийских формах множественного числа, образующихся от основы на *-nz* (< **-N-s*-, ср. индоевропейские формы винительного падежа множественного числа на **-N-s*), ср. хеттские формы множественного числа на *-n* от основ типа *hara-n-* и лидийск. мн. ч. на *-v*. Тип гетероклитических имен среднего рода, который в хеттском языке еще является живым и продуктивным, объединяется с именами типа *haraš* 'орел' (*haranaš* 'орла') в том отношении, что в обоих типах все косвенные падежи (кроме винительного) образуются от основы на *-n* (см. табл. 9, типы 1 и 2а). Но в среднем роде именительный и винительный падежи не различались, поэтому самый принцип противопоставления форм на *-s* и на *-n*, лежащий в основе построения парадигмы имени одушевленного

рода, в среднем роде отсутствует. Сравнение таких языков, как хеттский, где имеется четкая парадигма гетероклитических имен среднего рода, с такими языками, где (как в лувийском) чередование суффиксов *-r/-n* наблюдается только в словообразовании (но не в словоизменении), подтверждает гипотезу, по которой парадигма гетероклитического имени типа *ḫatar* 'вода' (род. пад. *ḫeten-aš*) была образована по образцу парадигмы типа *ḫaraš* (род. пад. *ḫaran-aš*) путем совмещения в одной парадигме разных слов, произведенных от одного и того же корня посредством разных суффиксов (ср. в хеттском языке такие словообразовательные дублеты, как *ḫaršar* 'голова', родственное латинск. *cerebrum*, и *ḫaršan-*, родственное, по-видимому, дринд. *širšan-*). Эта гипотеза подтверждается тем, что в хеттском языке имеются и другие парадигмы имен среднего рода, в которых основа именительного-винительного падежа противопоставляется основе косвенных падежей, но это противопоставление осуществляется не с помощью чередования *-r/-n*, а другими способами (табл. 9, типы 3, 4, 5, ср. тип 2а). Эти парадигмы могли сформироваться не ранее, чем оформились в качестве отдельных падежей родительный и другие косвенные падежи. В то же время сходство строения гетероклитических парадигм в таких языках, как хеттский, древнеармянский, греческий, древнеиндийский и оскско-умбрские, показывает, что их формирование (а, следовательно, и формирование родительного и некоторых других косвенных падежей) нужно отнести к общиндоевропейской эпохе. В хеттском языке этот тип именных парадигм сохранился лучше, чем в других индоевропейских языках, — отчасти потому, что в хеттском к гетероклитическому типу принадлежали продуктивные классы отглагольных имен, в том числе основы на *-(a)tar*, где благодаря фонетическому развитию **-tn->nn-* агглютинативный тип построения суффиксов *-(a)tar/*-(a)t-n-* сменился фузионным *-(a)tar/(a)nn-* (табл. 9, тип 1в). Вместе с тем в хеттском (и, по-видимому, в других анатолийских языках, в частности, в лувийском) можно видеть и следы таких гетероклитических образований, которые не объединены в одной парадигме; иногда в них можно усмотреть остатки разрушившейся именной парадигмы, в других же случаях налицо формы, которые никогда не объединялись в одну парадигму (ср. выше о формах *ḫaršar* и *ḫaršan-*; возможно, что так же следует рассматривать и дублетные формы на *-r* и на *-n* в других индоевропейских языках, например германские названия «огня» типа готск. *fōn*, дрингл. *fūr*, ср. хеттск. *paḫhun-*, *paḫ-ḫur-*, — табл. 9, тип 1б). На вторичный характер гетероклитических парадигм указывают также такие изолированные формы на *-r* гетероклитических имен, которые могут упот-

реоляться в функции дательного-местного (косвенного) падежа, например, *tehur* '[vo] время' (алломорф № 11). В такой же функции могут использоваться и формы именительного-винительного падежа других хеттских имен среднего рода, различающих основы именительного-винительного и косвенного падежей (табл. 9, типы 2а и 3). Это свидетельствует о том, что различению этих основ предшествовало такое состояние, когда они не различались и в функции именительного, винительного и дательного-местного падежей могла использоваться одна форма.

Такой же вывод может быть сделан и на основании анализа местоименного склонения, где алломорф № 22 (имеющий соответствия в германских, венецком и некоторых других языках, но отсутствующий в других анатолийских, ср. хеттск. *attuk* 'я' и формы иерогл. *ati*, лик. *ѐти*, лид. *ати*) и алломорф № 27 в личном местоимении 1-го лица (и в энклитических личных местоимениях) выступают в нерасчлененной форме именительного дательного-местного падежа. По отношению к алломорфу № 27 можно предполагать, что он в общеанатолийском имел функцию винительного падежа, ср. хеттск. *tu-k* 'тебе', палайск. *tu* (ср. хеттск. энклитическое местоимение 2-го л. ед. ч. *-du*): хеттск. *zi-k* 'ты', палайск. *ti*, ср. также хеттские формы винительного падежа указательных местоимений типа *app-u-n* (ср. именной вин. пад. мн. ч. *-u-š*). Но, по видимому, этот суффикс в общеиндоевропейском использовался в нескольких образованиях, имеющих лексический характер, и поэтому он имел скорее деривационное, чем реляционное значение (например, в общеиндоевроп. *t-u-*, где, с общеиндоевропейской точки зрения, значение винительного падежа отсутствует, но противопоставление форме *t-* имеет место).

Формы имен среднего рода и местоимений, которые могут использоваться одновременно в функции именительно-винительного и косвенных падежей, представляют интерес для проверки гипотезы о существовании дофлективной эпохи в развитии общеиндоевропейского, когда чистая основа («неопределенный падеж») функционировала в качестве универсальной формы/имени (к этой последней можно отнести и морфологические типы, выявляемые в словосложении в хеттском и других индоевропейских языках, где имеет место соположение чистых основ без окончаний, например, в хеттских сложных словах типа *da-iuga-* 'двугодовой', 'двухлеток'). Вместе с тем существование форм дательного-местного падежа с чистой основой (алломорф № 11) в хеттском и других индоевропейских языках позволяет выяснить происхождение окончаний дательного-местного падежа на *-ai* (алломорф № 9) и *-i* (алломорф № 8). Хеттские формы дательного-местного падежа с нулевым окончанием от основ на *-i* (и *-ai*),

находящие соответствие в лувийском и палайском, как и соответствующие формы в других индоевропейских языках, позволяют думать, что окончания *-ai* (в древнехеттском), *-i* были выделены в результате переразложения форм основ на *-i(-ai)* с чистой основой и перенесены на другие типы основ. В новохеттском языке для образования форм дательного-местного падежа от основ на *-i* использовалось окончание *-a* (алломорф № 10), сравнимое с окончанием древнехеттского направительного падежа; соответствующее окончание *-a* от основ на *-i* обнаруживается и в лувийском и в палайском, причем в палайском (но не в лувийском) имеются формы направительного падежа на *-a* типа ^{URU}*Libzina* 'к городу Лихцина', отличающиеся (как и аналогичные древнехеттские формы) от форм дательного падежа на *-i*. Происхождение этих форм на *-a* остается еще не вполне ясным, но сравнение с наречными формами на *-a* в хеттском и на **-δ* в других индоевропейских языках позволяет возвести их к общиндоевропейским формам со ступенью растяжения чистой тематической основы. В местоименном склонении во всех анатолийских языках для образования форм дательного-местного падежа используется особый тип основы, где окончанию предшествует хеттск. *-ed-* (алломорф № 28), лувийск. *-at-*, иерогл. *-at-*, ср. хеттск. дат.-мест. *ap-ed-an-i*, лувийск. *apati*, иерогл. *(a)pati*. Тот же суффикс в хеттских местоимениях предшествует и окончанию отложительного падежа, что свидетельствует о формальном объединении местоименных падежей с местными (локальными)⁸ значениями (но во множественном числе этот элемент *-ed-* может предшествовать и окончанию родительного падежа: *ap-ed-aš*). Таким образом, дательный-местный падеж, некоторые формы которого восходят к наиболее архаичным типам дофлективных чистых основ, в позднейший период сближается с теми падежами, которые развились позднее других падежей из образований полунаречного типа.

Число форм, различавшихся (во время существования особой звательной формы и направительного падежа, отличного от местного) в древнехеттской парадигме, соответствует числу падежей в древних индоевропейских языках с развитыми восьмичленными системами падежей. Но как данные самих анатолийских языков, так и сравнение с другими индоевропейскими заставляют считать, что часть этих падежей возникла уже в процессе истории хеттского языка, хотя конечный результат развития оказывается близким к падежным системам других древних индоевропейских языков. Индоевропейская падежная система, следовательно, в значительной степени не была унаследована отдельными языками, а выра-

батывалась в них по сходным путям. В хеттской падежной системе обнаруживаются напластования разных эпох:

1. Следы дэфлективной эпохи, отразившейся в употреблении чистых основ существительных среднего рода (в частности, дательного-местного падежа с нулевой флексией).

2. Пережитки противопоставления эргатива и неэргатива.

3. Изолированные архаичные парадигмы одушевленного рода, противопоставляющие падеж на *-s основе на *-n-, от которой образуются остальные падежи.

4. Возникшие по типу этих парадигм гетероклитические парадигмы среднего рода, которые оформились не раньше, чем сложился самостоятельный родительный падеж (из древнего эргатива).

5. Поздние падежные образования типа отложительного и творительного падежей, позднее составившие одну группу с дательным-местным падежом.

Древнейшие противопоставления в парадигме имени (в частности, различие эргатива и неэргатива) связаны с противопоставлением одушевленного и неодушевленного родов. В хеттском это разграничение постепенно несколько ослабевает, наблюдаются колебания в роде имен существительных. Эти колебания отчасти связаны с тем, что устраняются семантические основания древней родовой классификации: так, переход названия «дня» *siyatt-* в класс имен среднего рода можно связать с тем, что это слово перестает быть названием бога дневного света (ср. родственное лувийск. *tatiš tiyaz* 'отец — бог солнца', сохраняющее одушевленный род древнего индоевропейского имени бога дневного света), так как в хеттском языке в той же функции стало употребляться заимствование из языка хатти *İstanuš* 'бог солнца'. Более четкое различие форм среднего и несреднего рода имеется в местоименной парадигме, где используются специальные показательные иненительного-винительного падежа среднего рода, в частности алломсрф № 23, имеющий соответствия во всех без исключения анатолийских языках (в лидийском языке этот элемент *-i->-d- был обобщен на все имена среднего рода в отличие от имен несреднего рода с показателем -š, ср. противопоставление индоевропейских местоимений одуш. р. *so-, ср. р. *to, хеттск. союз *ta*). Ни в хеттском, ни в других анатолийских языках нет оснований для реконструкции грамматического противопоставления женского и неженского (мужского) рода; формы на *-sor- для обозначения лиц женского пола используются для выражения чисто деривационного значения.

Следует отметить, что противопоставление мужского и женского рода в хеттском не выражается и лексически — местоимениями (в отличие, например, от современного ан-

глийского, утратившего грамматический род, но сохранившего соотношение местоимений с родами); полное отсутствие грамматического различия родов можно было бы сравнить с тем, что и в смежной системе знаков — в хеттской мифологии — обнаруживается нейтрализация противопоставления некоторых богов и богинь, т. е. одно и то же божество выступает и как бог и как богиня. Из того, что в хеттском языке использовались те морфологические способы (чередования), которые в других языках употреблялись для выражения противопоставления мужского и женского рода, еще не следует, что женский род был утрачен: значительно проще было бы предположить, что в хеттском и в других индоевропейских языках были унаследованы одни и те же типы чередований, использовавшиеся для выражения тех грамматических различий, в частности родовых, которые формировались в каждом данном языке.

8. МОРФОЛОГИЯ ГЛАГОЛА

Грамматический класс глагола с морфологической точки зрения характеризуется обязательностью выражения в личных глагольных словоформах грамматических значений, относящихся к категориям лица, числа, времени, наклонения и залога; в неличных глагольных формах (именах), т. е. в инфинитиве, глагольном имени, супине и причастии, противопоставления этих значений нейтрализуются.

Категория лица образуется противопоставлением трех элементарных грамматических значений-граммем: 1-го, 2-го и 3-го лица; лексическим (а не морфологическим) способом те же значения выражаются в основах личных местоимений. Категория числа, образующаяся противопоставлением значений единственного и множественного числа, является общей для глагола и имени. Категория времени образуется противопоставлением двух элементарных грамматических значений-граммем: граммы настоящего времени и граммы прошедшего времени. Категория наклонения образуется противопоставлением двух граммем: граммы изъявительного наклонения и граммы повелительного наклонения. Категория залога образуется противопоставлением двух граммем: граммем актива и медиопассива. Вместе с тем в хеттском языке формируется противопоставление актива и пассива (пассива переходных глаголов и активного состояния непереходных), которое отличается от более древнего противопоставления актива и медиопассива как по значению, так и по аналитической форме выражения пассива (в отличие от синтетического выражения более древней категории медиопассива). В хеттском языке формируются также аналитические формы

выражения категории предшествования (образуемой противопоставлением значений неперфективности и перфективности) и категории зачинательности (образуемой противопоставлением значений зачинательности и незачинательности). К числу вновь формирующихся категорий относится и категория вида, образуемая противопоставлением значений длительности (имперфективности или итеративности) и недлительности; в отличие от других новообразований в хеттской глагольной системе категория вида выражается не аналитическим, а синтетическим способом, т. е. в пределах одной словоформы (посредством присоединения суффикса *-šk*) и в этом смысле является чисто морфологической (тогда как способы выражения пассива, перфективности и зачинательности находятся на границе морфологии и синтаксиса, так как в них используются аналитические сочетания двух глагольных словоформ). Но категория вида сближается с другими указанными новообразованиями в том отношении, что правила построения всех этих форм были еще не полностью грамматикализованными; их можно рассматривать поэтому отчасти как явления, свойственные письменной хеттской речи (или даже некоторым ее жанрам), но не хеттскому языку в целом, грамматика которого вообще отличалась малой упорядоченностью (ср. многообразии дублетных форм, выше отмечавшееся при описании морфологии имени и еще более характерное для морфологии глагола). Особенно тесно связанными между собой оказываются противопоставления перфективности и неперфективности, с одной стороны, имперфективности и неимперфективности, с другой стороны. В хеттских текстах можно обнаружить противопоставления трех форм: нейтральной в видовом отношении формы⁹, например, *erzi* 'он схватывает, берет' (или 'он возьмет'), имперфективной формы, например, *appiškizzi* 'он хватает, берет' (длительное, итеративное или повторное действие) и перфективной формы, например, *arpan harzi* 'он взял'; эти три формы соотносятся друг с другом так же, как современные английские *he takes — he is taking — he has taken* (отличие значения хеттских длительных — итеративных форм от английских состоит в том, что хеттские формы могут обозначать либо итеративность — длительность повторяющихся действий во времени, либо наличие одинаковых объектов или субъектов действия в пространстве, так как имеют либо собственно итеративно-дуративное, либо дистрибутивное значение). Так же, как и в английском языке (и во многих других языках) эти противопоставления мо-

⁹ Ср. В. В. Иванов и В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960, стр. 98—99; J. Kuryłowicz, *L'appophonie en Indo-européen*, Wrocław, 1956, стр. 26.

гут реализоваться как в плане настоящего времени, так и в плане прошедшего времени, ср. хеттск. *epta* 'он схватил', *ep-piškkit* 'ему случилось брать', *appan hartā* 'он брал'; англ. *he took, he was taking, he had taken*. В плане будущего времени это противопоставление в хеттском (и во многих других языках) не реализуется, так как в хеттском языке нет грамматического отличия настоящего и будущего времени; неперфективные формы настоящего времени часто употребляются в функции эмфатического будущего при обещаниях, повелениях, увещеваниях. Но в функции, отчасти сходной с функцией будущего времени (а отчасти с функцией косвенных наклонений типа желательного) в других языках, в хеттском языке используются конструкции, выражающие зачинательное значение; показательно, что зачинательные конструкции образуются от имперфективных форм, т. е. значения зачинательности и имперфективности выражаются в одной и той же конструкции (ср. использование английской длительной формы от полувспомогательного глагола *to go* 'идти' в зачинательных конструкциях типа *he is going to do* 'он собирается сделать' и аналогичное сочетание хеттского полувспомогательного глагола *dai* 'ставить', 'класть' с суффиксом длительной формы основного глагола в зачинательной конструкции типа *eššūyan dai* 'он собирается сделать', ср. также особенности сочетания видовых значений со значением будущего времени в русском и других языках). Зачинательные аналитические конструкции, становление которых можно проследить по хеттским текстам, не являются вполне установившимися грамматическими формами и находятся на грани фразеологизма (ср. грамматическую функцию указанной английской зачинательной конструкции); характерно, что в некоторых хеттских текстах эта конструкция графически оформляется как одно слово. Перфективные и пассивные формы в большей мере могут быть включены в парадигму глагола. Наконец, имперфективные формы в новохеттском языке встречаются существенно чаще других элементов этой вторичной системы глагольных форм; они могут быть образованы практически от любого глагола. Тем не менее и в имперфективных формах обнаруживаются следы их происхождения от форм с чисто деривационным значением (постепенное распространение этих форм можно проследить уже по древнейшим хеттским текстам); это проявляется, в частности, в том, что от имперфективной основы на *-šk-* может быть образована полная парадигма глагола (без ограничений на сочетаемость имперфективности с глагольными граммемами), т. е. имеется вторичное (производное) спряжение: от имперфективных основ не образуются только неличные формы инфинитива, т. е. в инфинитиве снимаются и видовые различия

(хотя встречаются инфинитивные перфектные конструкции). Вместе с тем показательно, что от некоторых глаголов со «статическим» значением (где корень сам по себе выражает значение, близкое к имперфективности) имперфективные формы не образуются; иначе говоря, статические глаголы являются лексической позицией, в которой противопоставление длительности — недлительности нейтрализуется. Такой же синтаксической позицией для этого противопоставления была отрицательная конструкция. Таким образом, в морфологии глагола целесообразно отделять категории, еще не ставшие морфологическими (или шире — грамматическими) в собственном смысле слова, от перечисленных выше категорий, образующихся противопоставлениями глагольных граммем, выражаемых в глагольной парадигме.

Парадигма глагола в хеттском (как и в некоторых других древних индоевропейских языках) характеризуется симметричностью, так как ограничения, наложенные на сочетаемость граммем, весьма немногочисленны. Важнейшим из них является то, что противопоставление настоящего и прошедшего времени снимается в повелительном наклонении. В повелительном же наклонении не встречается форма 1-го лица множественного числа, но остается неясным, можно ли говорить здесь об особенностях системы или же данная форма случайно оказалась не засвидетельствованной в текстах. Из морфологических нейтрализаций противопоставлений граммем, обусловленных использованием одного и того же морфа для выражения разных сочетаний граммем, следует отметить нейтрализацию противопоставления изъявительного и повелительного наклонения во 2-ом лице множественного числа актива и в некоторых формах медиопассива (где форма прошедшего времени изъявительного наклонения совпадает с формой повелительного наклонения). Синтаксическая нейтрализация противопоставления двух наклонений имеет место в конструкциях с запретительной частицей *le*, где обычно в функции повелительного наклонения (т. е. для выражения архиграммы повелительного-изъявительного наклонения) используется форма настоящего времени изъявительного наклонения: аналогичное употребление этой формы имеет место и в утвердительных предложениях в законах. В большинстве глаголов (кроме некоторых глаголов I спряжения) имеет место морфологическая нейтрализация противопоставления 2-го и 3-го лица единственного числа прошедшего времени. Лексическая нейтрализация залоговых противопоставлений имеет место во многих глаголах, имеющих либо только форму актива, либо только форму медиопассива.

Особенностью многих хеттских глагольных словоформ является их частично агглютинативное строение, благодаря ко-

Морфы спряжения глагола

а) Флексии (конечные морфы, находящиеся в исходе слова)

№ сочетания граммем (ср. табл. 15)	Граммемы					Морфы (флексии)	Условия выбора морфа
	лицо	число	время	залог	наклонение		
I—VI	—	—	Н	—	И	№ 1 (-i)	Все глаголы в активе, кроме глаголов II спряжения с основой на -i (по списку), и глаголы в медиопассиве после морфа № 29
III	3	Е	Н	А	И	№ 2 (-a)	Глаголы II спряжения с основой на -i (по списку)
VIII—XI	—	—	П	А	И	№ 3 (0)	Все глаголы после морфов № 15, 16, 19, 20
VII	1	Е	П	А	И	№ 4 (-un)	Глаголы I спряжения с основой на согласный и остальные глаголы после морфов № 14 и 21
VIII—IX	2—3	Е	П	А	И	{ № 5 (-ta) № 17 (-t)	Глаголы по списку Глаголы I спряжения по списку
XII	3	М	П	А	И	№ 6 (-ir)	Все глаголы
XIII, XV, XVII, XXXII, XXXIV	—	—	—	—	П	№ 7 (-u)	Все глаголы после морфов № 22, 23, 24, 25, 29
XIV и XVI	2	Е-М	—	А	П	№ 8 (0)	Все глаголы после морфа № 20 и глаголы I и II спряжений по списку после других морфем
						№ 9 (-i)	Глаголы I и II спряжений по списку
						№ 10 (-t)	Глаголы I спряжения по списку
XIX, XXI, XXIV— XXVI, X XXI	—	—	—	М	—	№ 11 (-ti)	Все глаголы (факультативно)
XXIV— XXIX, XXXIII	—	—	П	М	И-П	№ 12 (-t)	Все глаголы (факультативно)

с) Морфы, находящиеся либо перед флексиями, либо в исходе слова

№ сочетания граммем (ср. табл. 15)	Граммемы					Морфы (флексии)	Условия выбора морфа
	лицо	число	время	залог	наклонение		
I	1	Е	Н	А	И	№ 13 (- <i>m</i> -)	Глаголы I спряжения
I и VII	1	Е	Н-П	А	И	№ 14 (- <i>h</i> -)	Глаголы II спряжения
II и VIII	2	Е	Н-П	А	И	№ 15 (- <i>š</i> -) № 16 (- <i>t</i> -)	Глаголы I спряжения и глаголы II спряжения перед морфами № 3 и 5 Глаголы II спряжения перед морфом № 1
III	3	Е	Н	А	И	№ 17 (- <i>z</i> -) № 18 (0)	Глаголы I спряжения Глаголы II спряжения
IV и IX	1	М	Н-П	А	И	№ 19 (- <i>čen</i> -) № 19a (- <i>men</i>)	Все глаголы, кроме основ на - <i>и</i> - Глаголы с основой на - <i>и</i> (по списку)
V, XI, XVI	2	М	Н-П	А	И-П	№ 20 (- <i>ten</i> -)	Все глаголы
VII	1	Е	П	А	И	№ 21 (- <i>n</i> -)	Глаголы I спряжения с основой на гласный
IX	3	Е	П	А	И	№ 15 (- <i>š</i> -)	Глаголы II спряжения перед морфами № 3 и 5
XIII	1	Е	—	А	П	№ 22 (- <i>all</i> -) № 23 (- <i>ll</i> -)	Все глаголы с основой на согласный Все глаголы с основой на гласный
XV	3	Е	—	А	П	№ 24 (- <i>t</i> -) № 25 (0)	Глаголы I, спряжения Глаголы II спряжения
XVII и XXXIV	3	М	—	—	П	№ 26	Все глаголы
VI	3	М	Н	А	И	(- <i>a(n) ta</i> -)	Все глаголы
XVIII	1	Е	Н-П	М	И-П	№ 27 (- <i>a(n)z</i> -) № 28 (- <i>ha/ha</i> -)	Все глаголы
XVIII, XX, XXIII, XXX, XXXII, XXXIV	—	—	—	М	—	№ 29 (- <i>la/r</i> -)	Все глаголы перед флексией № 7 после морфов № 28, 24, 25, 26 и глаголы по списку перед флексией № 1 после морфов № 28, 25, 34, 24
XIX и XXV	2	Е	Н-П	М	И	№ 30 (- <i>ta</i> -)	Все глаголы
XX и XXVI	3	Е	Н-П	М	И-П	№ 24 (- <i>t</i> -) № 31 (- <i>a</i> -)	Глаголы I спряжения Глаголы II спряжения
XXI и XXVII	1	М	Н-П	М	И	№ 32 (- <i>yasta</i> -)	Все глаголы
XXVII и XXVIII	2	М	Н-П	М	И	№ 33 (- <i>duma</i> -)	Все глаголы

№ сочетания граммем (ср. табл. 15)	Граммемы					Морфы (флекси)	Условия выбора морфа
	лицо	число	время	залог	наклонение		
XXII и XXIX	3	М	Н-П	М	И	№ 26 (-ant-)	Все глаголы
XXV и XXVI	2—3	Е	П	М	И	№ 34 (-a-)	Глаголы II спряжения перед морфами № 11, 12
XXXI	2	Е	—	М	П	№ 35 (-hi-)	Все глаголы

торому для синтезирования (и для анализа) этих форм (так же как и по отношению к хеттским местоимениям и тем именам, которые различают основы разных падежей) следует пользоваться двумя таблицами суффиксов: таблицей суффиксов, всегда выступающих в качестве окончаний, т. е. конечных морфов словоформы, и таблицей суффиксов, которые могут выступать либо перед окончанием, либо (если в данной форме за ними не должны следовать окончания) в функции окончаний (табл. 14). Поскольку граммемы, выражаемые суффиксами, находящимися в таблицах 14а и 14б, частично совпадают (т. е. хеттское глагольное словоизменение не характеризуется полной моносемией суффиксов), для синтеза требуемой формы необходимо выбрать те суффиксы из первой и второй таблиц, у которых совпадают или могут быть совмещены выражаемое с их помощью граммемы. Некоторые суффиксы выступают в алломорфах, для выбора которых требуется иметь дополнительные сведения о глаголе, в частности, знать, к какому из двух основных спряжений принадлежит глагол (см. табл. 14); противопоставление спряжений наблюдается, однако, не во всех формах (оно отсутствует во множественном числе и в ряде форм 2-го лица единственного числа, а также во многих формах медиопассива). Вместе с тем в текстах наблюдается смешение спряжений на *-ti* (I спряжения) и на *-hi*, благодаря которому от одного и того же глагола могут быть образованы разные формы (по I и II спряжениям), в связи с чем в новохеттском языке происходит смешение или устранение и некоторых древних типов чередований (ср. выше). Число дублетных форм увеличивается также благодаря тому, что многие окончания (в частности, медиопассивные, морфы № 11 и 12, сочетание морфов № 29 и № 1 и т. д.) носят факультативный характер и могут присоединяться или не присоединяться случайным образом (т. е. для синтеза таких форм можно

указывать лишь вероятность присоединения окончания к предшествующему морфу). От многих глаголов известны также дублетные формы с суффиксом *-iḷa-*, предшествующим окончаниям и не имеющим ясного деривационного значения; правила появления этого суффикса еще не установлены, хотя можно предполагать, что он использовался для выражения видовых значений (в пользу этого говорит то, что суффикс *-iḷa-* не использовался обычно при глаголах, имевших суффикс длительного вида *-šḷk-* или носовые аффиксы, использовавшиеся также для выражения видовых значений). В этом случае формы с *-iḷa-* можно было бы рассматривать как своего рода вторичное (производное) спряжение, подобное спряжению глаголов с суффиксом *-šḷk-*. Нерегулярности парадигм некоторых хеттских глаголов способствуют также и появление в креолизованных новохеттских текстах целого ряда лувийских форм, которые образуются не только от лувийских, но и от хеттских глаголов. В то же время (как и по отношению к именной парадигме) некоторые потенциально осуществимые формы в текстах встречаются крайне редко. Поэтому примеры глаголов с достаточно регулярными и полными парадигмами (табл. 15) весьма редки.

Таблица 15

Пример глагольной парадигмы

а) Спряжение (в активе) глагола *iḷa-* 'делать' (спряжение на *-mi*)

№ сочетания граммем	Граммемы					Словоформа	Морфы
	лицо	число	время	залог	наклонение		
I	1	Е	Н	А	И	<i>iḷa-mi</i>	№ 13 + № 1
II	2	Е	Н	А	И	<i>iḷa-š-i</i>	№ 15 + № 1
III	3	Е	Н	А	И	<i>iḷa-z-i</i>	№ 17 + № 1
IV	1	М	Н	А	И	<i>iḷa-ḡen-i</i>	№ 19 + № 1
V	2	М	Н	А	И	<i>iḷa-ten-i</i>	№ 20 + № 1
VI	3	М	Н	А	И	<i>iḷa-nz-i</i>	№ 27 + № 1
VII	1	Е	П	А	И	<i>iḷa-n-un</i>	№ 21 + № 4
VIII	2	Е	П	А	И	<i>iḷa-t</i>	№ 5
IX	3	Е	П	А	И	<i>iḷa-t</i>	№ 5
X	1	М	П	А	И	<i>iḷa-ḡen</i>	№ 19 + № 3
XI	2	М	П	А	И	<i>iḷa-tten</i>	№ 20 + № 3
XII	3	М	П	А	И	<i>ier</i>	№ 6
XIII	1	Е	—	А	П	<i>iḷa-ll-u</i>	№ 23 + № 7
XIV	2	Е	—	А	П	<i>iḷa</i>	№ 8
XV	3	Е	—	А	П	<i>iḷa-dd-u</i>	№ 24 + № 7
XVI	2	М	—	А	П	<i>iḷa-tten</i>	№ 20 + № 3
XVII	3	М	—	А	П	<i>iḷa-nd-u</i>	№ 26 + № 7

б) Спряжение (в активе) глагола *teta* 'говорить'
(спряжение на *-hi*)

№ сочетания граммем	Словоформа	Морфы
I	<i>teta-hh-i</i>	№ 14+ № 1
II	<i>teta-tt-i</i>	№ 16+ № 1
III	<i>teta-i</i>	№ 18+ № 1
IV	<i>teta-yen-i</i>	№ 19+ № 1
V	<i>teta-ten-i</i>	№ 20+ № 1
VI	<i>teta-nz-i</i>	№ 27+ № 1
VII	<i>teta-hh-un</i>	№ 14+ № 4
VIII	<i>teti-š-ta</i>	№ 15+ № 5
IX	<i>teta-š</i>	№ 15+ № 3
X	—	—
XI	<i>teti-š-ten</i>	№ 15+ № 20
XII	<i>tetir</i>	№ 6
XIII	<i>teta-ll-u</i>	№ 23+ № 7
XIV	<i>teti</i>	№ 8
XV	<i>teta-u</i>	№ 25+ № 7
XVI	<i>teti-š-ten</i>	№ 15+ № 20
XVII	<i>teta-nd-u</i>	№ 26+ № 7

в) Спряжение (в медиопассиве) глагола *kiš* 'становиться'
(спряжение на *-hi*)

№ сочетания: граммем	Граммемы					Словоформа	Морфы
	лицо	число	время	залог	наклонение		
XVIII	1	Е	Н	М	И	<i>kiš-haha-r-i</i>	№ 14+ № 29+ № 1
XIX	2	Е	Н	М	И	<i>kiš-ta-ti</i>	№ 30+ № 11
XX	3	Е	Н	М	И	<i>kiš-ar-i(kiš-a)</i>	№ 31+ № 29+ № 1 (№ 31)
XXI	1	М	Н	М	И	—	—
XXII	2	М	Н	М	И	—	—
XXIII	3	М	Н	М	И	<i>kiš-anda-r-i</i> (<i>kiš-anda</i>)	№ 26+ № 29+ № 1 (№ 26)
XXIV	1	Е	П	М	И	<i>kiš-haha-t</i>	№ 14+ № 12
XXV	2	Е	П	М	И	<i>kiš-ta-t</i>	№ 30+ № 12
XXVI	3	Е	П	М	И	<i>kiš-a-t</i>	№ 31+ № 12
XXVII	1	М	П	М	И	<i>kiš-yašta-t</i>	№ 32+ № 12
XXVIII	2	М	П	М	И	<i>kiš-dumma-t</i>	№ 33+ № 12
XXIX	3	М	П	М	И	<i>kiš-anda-t</i>	№ 26+ № 12
XXX	1	Е	—	М	П	—	—
XXXI	2	Е	—	М	П	<i>kiš-hu-t</i>	№ 35+ № 5
XXXII	3	Е	—	М	П	<i>kiš-a-r-u</i>	№ 31+ № 29+ № 7
XXXIII	2	М	—	М	П	<i>kiš-dumma-t</i>	№ 33+ № 12
XXXIV	3	М	—	М	П	<i>kiš-anta-r-u</i>	№ 26+ № 29+ № 7

При образовании глагольных форм следует учитывать правила морфнологических чередований, определяющих ступень гласного корня (табл. 4 и 5, ср. табл. 6). Эти чередования, вполне закономерные в древних текстах, становятся, однако, менее регулярными в текстах новохеттского периода. Морфнологические правила следует учитывать и при синтезировании конкретных словоформ из сочетаний основы с суффиксами, ср., в частности, устранение акцессивной группы фонем *-kt-* в парадигме глагола *ħark-* 'иметь', выступающего в виде алломорфа *ħar-* перед окончаниями, начинающимися с *-t-*, а затем, по аналогии, и перед другими окончаниями, начинающимися с согласного (ср. отнесение глагола со значением «иметь» к числу «неправильных» глаголов в большом числе языков).

Особое место в глагольной парадигме занимают неличные (именные) формы, сохраняющие следы тесной связи с системой имени. От каждого хеттского глагола могут быть образованы формы причастия, которое не дифференцировано в залоговом отношении и принимает обычно активное или пассивное значение в зависимости от переходности глагола; формы инфинитива, с которым соотносятся формы глагольного имени и герундия (т. е. родительного падежа глагольного имени) и форма супина; суффиксы инфинитива, глагольного имени и герундия выбираются в зависимости от типа глагольной основы (табл. 16; в глаголах I спряжения с чередованиями гласных при присоединении суффиксов № 36, 38, 40, 43 корень выступает в нулевой ступени или ступени *a*). Причастие

Таблица 16

Суффиксы неличных форм глагола

Название формы	Суффиксы глаголов I спряжения с чередованием гласных в корне и глаголов II спряжения по списку	Суффиксы остальных глаголов I спряжения и всех глаголов II спряжения
Инфинитив	№ 36 (- <i>anna-</i>)	№ 37 (- <i>uʒanzl</i>)
Глагольное имя (им.-вин. пад.)	№ 38 (- <i>atar</i>)	№ 39 (- <i>uʒar</i>) (- <i>umar</i> от основ на <i>-u</i>)
Род. пад. глагольного имени (герундий)	№ 40 (- <i>ann-aš</i>)	№ 41 (- <i>uʒ-aš</i>)
Супин Причастие		№ 42 (- <i>yan</i>) № 43 (- <i>/a/nt-</i>)

(если только оно не входит в аналитические конструкции с перфективным значением, где в сочетании с вспомогательным глаголом *hark-* 'иметь' всегда используется форма им.-вин. пад. ср. р. причастия на *-an*, например, *appan harzi* 'взял') изменяется так же, как имена с основой на *-nt-*, т. е. присоединяет обычные именные окончания (изменение причастия происходит и в аналитических конструкциях с пассивным значением, образуемых сочетанием изменяемых форм причастия с вспомогательным глаголом *eṣ-* 'быть'). Инфинитив не изменяется, но в тех случаях, когда необходимо употребить инфинитив в именительном (винительном) падеже, вместо него выступает глагольное имя (например, в словарях, где аккадские инфинитивы регулярно переводятся хеттскими глагольными именами). Глагольное имя, соотносящееся с инфинитивом, имеет обычно только два падежа: именительный-винительный и родительный (от глагольных имен с суффиксом № 39 известно и несколько других падежных форм, но они встречаются крайне редко). Изолированное положение неличных форм в парадигме глагола вызывается как тем, что причастие и глагольные имена имеют падежные формы, так и тем, что в неличных формах нейтрализованы все противопоставления граммем глагола. С именной системой менее тесно связаны формы инфинитива с суффиксом № 37 и супин (использующийся только в аналитических конструкциях с зачинательным значением), так как аналогичные чисто именные формы не встречаются; глагольное имя с суффиксами № 39 и № 41 также отличается от имен в узком смысле слова необычностью типа образования, основы родительного падежа (на *-i-* без *-r*, имеющегося в именительно-винительном падеже). Наоборот, причастие, инфинитив с суффиксом № 36 и соответствующее ему глагольное имя с суффиксами № 38 и 40 непосредственно связаны с омонимичными чисто именными формами. Хеттское причастие на *-nt-* сохраняет явные следы своего происхождения из именных основ с суффиксом *-nt-*, широко представленным в хеттских существительных и прилагательных (ср. выше о связи ступени редукции в хеттских причастиях и индоевропейских именах на **-nt-* типа названия «зуба»). Однако превращение глагольного имени на **-nt-* в причастие следует предположить уже для общепалеоанатолийского, так как соответствующие причастные формы есть и в других анатолийских языках: в палайском языке, который и в этом отношении ближе к хеттскому, чем к другим анатолийским, причастие на *-nt-*, по-видимому, может выступать и в активном и в пассивном значении, тогда как в лувийском наряду с активным причастием на *-nt-*, образующимся от непереходных глаголов, имеется медиопассивное причастие на *-mi* от переходных глаголов (ср. использование

такого же причастия на *-mi* в иероглифических лувийских конструкциях типа *Tarhundati tatarāmis aiāru* 'да будет он проклят Тархундом', где форма творительного падежа на *-ati* обозначает деятеля при пассивном причастии). В лидийском языке наряду с причастием настоящего времени на *-(n)s̄* [*<*-nt-s(ʔ)*, ср. хеттск. им. пад. ед. ч. причастий на *-nz<*-nt-s*] имеется пассивное причастие на *-toš* (ср. формы причастий на *-to-* в других индоевропейских языках). В хеттском языке особые формы пассивных причастий неизвестны, но сохранились индоевропейские суффиксы, из которых развились причастия на *-m-* в лувийском (хеттский именной суффикс *i-ma*, — табл. 17, № 8) и на **-to-* в лидийском (хеттск. *-ta-* в *šaš-ta* 'ложе' от *šeš-* 'спать', ср. выше). Различия между анатолийскими диалектами в данном случае находят параллель в различиях между целыми индоевропейскими диалектными группами: лувийские медиопассивные причастия на *-m-* соответствуют балтийско-славянским, и армянским причастиям на **-mo-*, лидийские формы можно сравнить с индоиранскими, балтийско-славянскими, германскими и италокельтскими причастиями на **-to-*. Наконец, недифференцированность в залоговом отношении хеттского причастия на **-nt-* находит параллель в старолатинских, литовских, тохарских и германских причастиях, в особенности в древнеисландском поэтическом языке, где, как в хеттском и палайском, активные причастия на *-nd<*-nt-* могут быть образованы только от переходных глаголов. Все эти факты могут быть объяснены тем, что в общеиндоевропейском еще отсутствовали причастия как таковые и имелся лишь ряд отглагольных имен, вовлекавшихся в глагольную парадигму уже на протяжении истории отдельных диалектов (в том числе анатолийских). К числу таких общеиндоевропейских отглагольных имен принадлежали также имена на **-lo-*, в хеттском языке представленные лишь несколькими формами типа *arnuāla* (от *arnu-* 'водить', употребляется, очевидно, как название введенных военнопленных-рабов), но в лидийском давшие, по-видимому, особые формы прошедшего времени (ср. точную аналогию в славянских языках и параллельные явления в тохарских); эти формы в лидийском могут быть связаны и с формами имени на *-l* типа хеттских местоименных форм на *-el* [ср. соотношения: *-š: -l: -el(:-n)* в хеттском местоимении и *-š:d: -l* (*: -v*) в лидийском имени], ср. возможную связь хеттских форм на **-lo-* с притяжательными прилагательными на *-l* (ср. выше о лид. *-ali*).

Вовлечение отглагольных имен в парадигму глагола очень отчетливо прослеживается также и в случае отглагольного имени на *-atar* (род. пад. *-ann-aš*), дательный падеж которого на *-anna* превратился в инфинитив уже на про-

тяжении истории хеттского языка (ср. лидийск. инфинитив на *-av*). Обособлению этой формы способствовало то, что в новохеттском языке дательный-местный падеж от гетероклитических существительных на *-atar* (типа *papratar*, см. выше, таб. 9, тип 1в) образовывался всегда с помощью флексии *-i*, тогда как инфинитив на *-anna-a* строится с помощью древнехеттского окончания *-a*. Относительная хронология возникновения инфинитива на *-ann-a* может быть дана на основании того, что он возник в ту эпоху, когда (в древнехеттском языке) существовало различие падежа на *-a* (дательного или направительного) и падежа на *-i* (местного) и вместе с тем были еще живыми чередования гласных в основах глаголов I спряжения (так как инфинитивная форма на *-anna* первоначально характеризовала только глаголы данного типа). После вовлечения инфинитива на *-anna* в глагольную парадигму связанные с ним формы отглагольного имени стали функционировать в функции, близкой к глагольной, ср. такие параллельные тексты: *ta-a-na-aš har-kan-na-aš na-aš har-ak-du* 'и если он заслуживает гибели (предикативное употребление герундия на *-ann-aš*, род. пад. отглагольного имени *hark-atar*, глагол *hark-* 'гибнуть'), то пусть он погибнет' и *a-pa-a-aš-ta-mi har-kan-na ša-an-ah-ta* 'он же старался меня погубить' (инфинитив *hark-anna*). Использование герундия в предикативной функции (*-aš harkannaš* 'он гибели' = 'он заслуживает гибели') объясняется характерным для хеттского языка использованием родительного падежа в функции именительного, которое может быть объяснено как переосмысленный архаизм (ср. выше). Двухпадежная парадигма отглагольного имени, соотносящаяся с формой на *-ann-a*, также может рассматриваться как архаизм, сохранившийся благодаря отрыву этой парадигмы от других именных форм. Это предположение подтверждается сравнением с параллельными формами (с суффиксами, образованными от основы на *-u-*), где используется уникальный для хеттского языка способ чередования основ на *-r* (в им.-вин. пад.) и нулевой основы (в род. пад.). Такая двухпадежная парадигма могла образоваться в период, когда формировались другие хеттские парадигмы имени, где различными способами выражается противопоставление основ именительного-винительного и родительного падежей (ср. выше, табл. 9 и комментарии к ней). Архаичность отглагольного имени на **u-e/or*, соотносящегося с именем на **-u-*, подтверждается фактами тохарских языков, где абсолютивы на **-ue/or* образуются от причастий на *-u-*. Тот же суффикс *-u-* можно выделить в суффиксе № 37 (*-uṣanzi*), для объяснения древней функции которого особенно ценны зачинательные конструкции, где длительная форма полувспомогательного глагола *zikk-* (от *dai-* 'ста-

вить', 'класть') сочетается с формой на *-uʒanzi*, а также конструкции, где форма на *-uʒanzi* имеет значение цели. Эти случаи подтверждают гипотезу о происхождении *-uʒanzi* из (дательного-) местного падежа (на *-i*) от основ на *-uʒant-* которые соотносились с основами на *-uʒar* так же, как греческие суффиксы гетероклитических имен в греческих парадигмах, где основа именительного-винительного падежа на *-r* противопоставлена основе косвенных падежей на *-nt-* (в конечном счете родственной причастию на *-nt-*). Следует отметить, что как по отношению к суффиксу *-a* в *-ann-a*, так и по отношению к суффиксу *-i* в *-uʒanz-i* нельзя утверждать с достоверностью, что эти суффиксы уже имели падежное значение (а не значение полунаречных показателей в именных основах) в ту эпоху, когда формировались эти инфинитивные формы. Иначе говоря, можно было бы думать что эти инфинитивные формы произошли из полунаречных форм, которые примыкали к двухпадежной системе имени, но не входили в нее. Очевидным является происхождение неличной глагольной формы из древней 'чистой основы, использовавшейся в функции местного или «неопределенного» падежа, по отношению к суффиксу *-uʒan*, использование которого в сочетании с глаголом *dai-* 'ставить', 'класть' (ср. выше о параллельных конструкциях с *zikk-*) аналогично употреблению дательного или местного падежей с глаголами того же значения в славянских и других индоевропейских языках. Форма на *-uʒan* может восходить как к форме на **-uʒe/ont* (так как группа *-nt* упрощается в исходе слова, ср. *-uʒanz-i* < **-uʒonti*), так и к чистой основе на **-uʒe/on* (ср. лувийские, иероглифические лувийские и палайские инфинитивы на *-un-a*, лик. *-ne*); показательно, что единственный архаичный пример образования этой формы не от длительной глагольной основы (и в значении, еще отличном от позднейшего зачинательного) в древнехеттском мифе о змии имеет точное соответствие в индоиранских инфинитивах на *-van-*: дрхеттск. *tarḥ-uʒan* (от *tarḥ-* 'победить'), дринд. инфинитив *turván-e* (вед. *turvan* 'победа'), параллельная форма отглагольного существительного *tarḥ-uʒar* соответствует авест. *ta^urvar-*. Как в хеттском, так и в индоиранском можно проследить связь этих именных форм с глагольной основой на *-u-* (хеттск. *tarḥ-u-*, ср. выше об имени бога *Tarḥu-nt-*), которая в хеттском постепенно выходит из употребления (основа на *-u-* этого же типа иногда встречается и в других неличных формах, обычно не имеющих *-u-*, ср. причастие *ḥuiš-ḡ-ant-* и отглагольное имя *ḥuiš-ḡ-atar*, герундий *ḥuiš-ḡ-anna-š* от глагола *ḥuiš-* 'жить' и т. п.). Таким образом, весь этот класс неличных форм глагола возник (в хеттском, как и в древнеиндийском, древнеиранском, тохарском и других род-

ственных языках) из гетероклитических именных основ на *-r/-n* (которые чередовались с чистой основой без показателей *-r, -n*).

В новохеттский период удельный вес неличных глагольных форм в текстах усиливается благодаря распространению аналитических конструкций с причастиями (пассив и перфективные конструкции) и супином (зачинательные конструкции) и увеличению числа конструкций с инфинитивами, глагольными именами и герундием. В этом смысле новохеттская глагольная система напояинает скорее глагол в современных западноевропейских языках, а не в языке типа древнегреческого или древнеиндийского. Начало изменения древней глагольной системы в хеттском языке можно связать с распространением длительных глаголов на *-šk-*, т. е. с формированием новых видовых противопоставлений. Глаголы с суффиксом *-š(š)-*, функционально соответствующие хеттскому *-š(k)-*, имеются в лувийском (и иероглифическом лувийском); древность этого типа глаголов подтверждается и наличием глаголов на *-š(k)-* в палайском. В лувийском, как и в новохеттском языке, длительные формы могут быть образованы от любого глагола, но остается еще неясным, в какой мере включение длительных форм в парадигму можно считать унаследованным от общеанатолийского, а не результатом параллельного развития (сходная проблема встает и по отношению к тохарским языкам, где употребление сходных форм с теми же суффиксами весьма сходно с тем, что наблюдается в хеттском и лувийском). В пользу последнего предположения говорит то, что длительные формы еще не были столь употребительны в эпоху, когда создавалась древнейшая надпись царя Анигтаса, хотя они уже встречаются в завещании Хаттусилиса I. Можно предположить, что хеттский, лувийский и тохарские языки унаследовали от эпохи диалектной общности не существование целого продуктивного класса глаголов на **-s(k)-*, а только условия, способствовавшие превращению этих глаголов в средство продуктивного словообразования, а позднее формообразования. Именно такой процесс можно проследить в истории итеративов на *-x-* в ионийском диалекте греческого языка, где независимость экспансии этих форм от параллельных явлений в тохарских и анатолийских языках весьма вероятна. После того как длительные формы в хеттском языке включились в глагольную парадигму, древние соотношения между индоевропейскими глагольными формами, выражавшими видовые и временные соотношения, должны были существенно преобразиться.

Анализ истории хеттской глагольной парадигмы облегчается отмечавшимся выше симметричным характером этой

парадигмы, напоминающим своей стройностью (но отнюдь не самими деталями построения) структуру санскритской парадигмы. Впечатление этой стройности возникает прежде всего благодаря формам с отчетливым агглютинативным строением, в которых используются такие морфы, как № 1 и 7, ср. особенно наглядное их соединение с морфом № 29 (*r-i-*: *r-u* и т. п.) в формах медиопассива. Почти все формы настоящего времени актива можно рассматривать как образованные посредством сочетания морфа № 1 с теми же суффиксами, которые выступают в формах прошедшего времени. В этом смысле хеттский язык сходен с такими древними индоевропейскими языками, как древнегреческий и древнеиндийский, где последовательно проводится различие первичных окончаний (на *-i*, хеттский морф № 1) и «вторичных»; «первичные» с точки зрения синтезирующей грамматики (как и с диахронической точки зрения) можно рассматривать как производные от так называемых «вторичных». Этот параллелизм первичных и вторичных окончаний нарушается из-за действия фонетических законов в формах 3-го лица, где в хеттском, но не в других анатолийских языках, палатализованное **t'* перед *i* дает *z* (хеттск. 3-е л. ед. ч. *-zi*: лувийск. и палайск. *-ti*, хеттск. 3-е л. мн. ч. *-nzi*: лувийск. и палайск. *-nti*), из-за чего морф № 17 отличается от морфа № 24, морф № 27 — от морфа № 26. Точно так же в формах 1-го лица фонетически обусловлено развитие конечного **-m* (ср. первичное *-m-i*) > **-N* > *-n* в исходе слова; не вполне ясно происхождение гласного *-u-*, появляющегося перед этим носовым в исходе слова, ср. аналогичное *-un* (при **-m* в других индоевропейских языках) в винительном падеже единственного числа (где, однако, возможно и сравнение с местоименным винительным падежом на *-u*). Появление *-un* в двух этих окончаниях можно было бы объяснить развитием слоговых сонантов в группу «*u* + сонант» (ср. выше об изолированных хеттских примерах типа *gurtas*), т. е. можно было бы предположить развитие **-m* > **N* > *-un*, но *-u-* в форме 1-го лица единственного числа можно связать и с окончанием 1-го лица множественного числа *-uen-* (морф № 19; соотношение *-uen-*: *-un* типично для количественного чередования гласных, ср. хеттск. *kuen-*: *kun-*: и т. п.), ср. также *-u-*, появляющееся в лувийском окончании 1-го лица единственного числа настоящего времени *-u-i*, соответствующем хеттскому *-mi*, и лидийское окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени *-u/-v* при окончании прошедшего времени *-u*: хеттск. *-un*. Окончание *-un*, которое в глаголах I спряжения с основой на согласный является единственной приметой 1-го лица прошедшего времени, в глаголах II спряжения присоединяется к харак-

терному для них морфу № 14, а в глаголах I спряжения с основой на гласный присоединяется к предшествующему морфу № 21, восходящему, по-видимому, к тому же вторичному окончанию **-m > *N > -n* (если написание *-n* не следует понимать как чисто графическое явление, аналогичное рассмотренным выше двояким написаниям типа *-n*, *-h* и т. п.). Распределение морфов, предшествующих окончанию *-n*, подтверждает его происхождение из вторичного окончания I спряжения; во II спряжении это окончание было перенесено в результате позднейшего развития. Исходя из соотношений в пределах парадигмы хеттского глагола, такой же вывод можно сделать и по отношению к другим окончаниям II спряжения, образовавшимся в результате перестройки группы древних глагольных форм II спряжения по типу окончаний I спряжения. Окончание настоящего времени *-h* так же соотносится с окончанием прошедшего времени *-h* во II спряжении, как соответствующие окончания *-m* и *-(n)* в I спряжении. После выделения морфов № 1 и 4 в этих окончаниях I спряжения выявляется морф № 14, который легко может быть отождествлен с морфом № 28 в окончаниях 1-го лица единственного числа медиопассива. Точно так же морф № 16, характеризующий II спряжение в отличие от I спряжения, и связанный с ним морф № 5 оказываются сравнимыми с морфом № 30 во 2-м лице медиопассива. Морф № 2 (появляющийся только в группе глаголов II спряжения с основой на *i*, подобно тому как направительный падеж на *-a* сохраняется только в именных основах на *-i*) тождествен морфу № 31 в окончаниях 3-го лица единственного числа медиопассива (в других окончаниях 3-го лица ед. ч. II спряжения и медиопассива можно предположить нулевое окончание, предшествовавшее окончаниям, образовавшимся по типу окончаний спряжения на *-m*). Таким образом, в результате внутренней реконструкции удается восстановить путь развития парадигмы единственного числа хеттского настоящего времени, где симметричное противопоставление двух спряжений, двух времен и двух залогов сложилось благодаря преобразованию двух серий глагольных форм: I спряжения, различавшего два времени, и II спряжения, совпадавшего с медиопассивом. Становление медиопассивных глагольных форм с приметой *-r* (морф № 29) удается проследить по данным хеттских текстов, где формы с приметой *-r* и без этой приметы выступают в качестве дублетных. Выводы, сделанные благодаря внутренней реконструкции, подтверждаются при сравнении хеттских данных с фактами других анатолийских языков, где хеттским формам II спряжения на *-h* и *h* медиопассива на *-h* соответствуют лувийские и иероглифические лувийские формы прошедшего времени на *-ha* [формы одного из (южно) анатолий-

ских диалектов с таким окончанием часто встречаются в некоторых новохеттских текстах, где их иноязычный характер указывается с помощью глоссового клина], ср. также ликийское прошедшее время на *-ya*. Это подтверждает то, что противопоставление настоящего и прошедшего времени в спряжении на *-hi* является новообразованием, характерным только для хеттского языка, но не для лувийского. Наоборот, в I спряжении хеттские противопоставления форм настоящего и прошедшего времени в единственном числе находят точное соответствие в палайском [3-е л. палайск. наст. вр. *-ti*; 3-е л. прош. вр. *-t*, ср. также во 2-м л. наст. вр. палайск. *-si* при лувийском 2-м л. прош. вр. *-š* (?)], во множественном числе различия между спряжениями на *-mi* и *-hi* не проводятся, что можно объяснить отсутствием множественного числа у той древней группы форм, которая развилась в хеттское спряжение на *-hi* и медиопассив. Следовательно, хеттские окончания 1-го и 2-го лица множественного числа с их регулярным противопоставлением первичных и вторичных окончаний бесспорно следует отнести к спряжению на *-mi*. При этом, однако, в хеттском языке формы множественного числа нельзя считать столь же однородными, как формы единственного числа спряжения на *-mi*, так как в 3-м лице выступает окончание № 6 (*-ir*), не являющееся вторичным по отношению к окончанию *-anz-i* (морф № 26 + № 1); соответствующее вторичное окончание *-ant-* обнаруживается в хеттских формах медиопассива на *-ant-a* (морф № 26) и в соответствующих лувийских и палайских формах 3-го лица прошедшего времени на *-anta*. Хеттское же окончание 3-го лица множественного числа прошедшего времени *-ir* (соотносящееся с формами на *-ant-*, *-anz* так же, как именной суффикс гетероклитических имен *-r* с суффиксом *-nt' > -nz-* в хеттском инфинитиве) находит соответствие в палайской форме 3-го лица единственного числа настоящего времени медиопассива *kitar* 'лежит' (ср. хеттское *kittari* и *kitta*, где сравнение с палайским делает особенно ясным вторичный характер форм на *-r-i*). Из этих фактов следует, что во множественном числе различие между разными сериями древних глагольных форм не проводилось отчетливо.

Описанная картина, реконструированная на основе данных анатолийских языков, находит точное соответствие в других древних индоевропейских языках. Хеттское I спряжение на *-mi*, противопоставляющее формы с первичными и вторичными окончаниями, соответствует той серии индоевропейских форм (образованных от «длительных» корней), где возможно было различие первичных и вторичных окончаний (в точности совпадающих с общеанатолийскими). Характерно, что индоевропейские корневые (атематические) глаголы, при-

надлежащие к числу «длительных», в хеттском языке относятся к спряжению на *-mi* (**es-* > хеттск. *eš-* 'быть', **ed-* > хеттск. *ed-* 'есть', **g^when-* 'бить' и т. п.). Хеттское II спряжение на *-hi*, часть хеттских форм медиопассива и лувийские формы прошедшего времени типа форм на *-ha* восходят к другой серии индоевропейских глагольных форм, от которой происходят индоевропейский перфект и некоторые формы медиопассива, явившиеся во всех древних индоевропейских языках результатом новообразований. Это доказывается сравнением совпадающих окончаний: хеттские морфы № 14 и № 28 и соответствующие им лувийские и иероглифические формы на *-ha* (и ликийская форма на *-χa*) соответствуют окончанию 1-го лица единственного числа перфекта **-Ho*, к которому восходят окончания перфекта типа дринд. *-ā*, греч. *-α* и т. п., хеттские морфы № 16 и 5 и связанный с ним морф № 30 соответствуют окончанию 2-го лица единственного числа перфекта **tHo*, к которому восходят дринд. *-tha*, греч. *-θα* и т. п.; хеттские морфы № 2 и 31 соответствуют окончанию 3-го лица единственного числа перфекта, к которому восходят дринд. *-a*, греч. *-ε* и т. п. Особых форм множественного числа для древнейших форм перфекта реконструировать не удается, что согласуется с отсутствием множественного числа в реконструированном прототипе хеттского II спряжения. Огласовка корня (хеттск. *a*) в древних формах единственного числа форм перфекта и II спряжения совпадает (сходная огласовка *e* в позднее образовавшихся формах множественного числа может быть не унаследованным архаизмом, а результатом параллельного новообразования).

Медиопассив в древних индоевропейских языках развивался благодаря взаимодействию двух серий форм, из которых одна развилась в хеттское I спряжение и спряжение длительных корней в других индоевропейских языках, другая — в хеттское II спряжение и перфект в других индоевропейских языках. На основе взаимодействия форм типа **-mi* и **-Ho* могли возникать либо формы медиопассива, в которых за элементом, характерным для первой серии форм, следует элемент, характерный для второй серии форм (например, греч. 1-го лица ед. ч. *-μαι* или 3-го лица ед. ч. *-ται*, ср. греч. *κεῖ-ται*, дринд. *še-te*, хеттск. *ki-tta* 'лежит'), либо формы, где за элементом, характерным для второй серии форм, следовал элемент, характерный для первой серии форм (например, хеттск. *-hari*). Из хеттских окончаний медиопассива к первому типу принадлежат морфы № 30 (где выделяется элемент *-t-*, общий с I спряжением, и элемент *-a* < **-o*, общий с окончаниями второй серии индоевропейских форм типа **-tHo*) и № 26 (где выделяется *-ant-*, сводимое к одной праформе с окончанием I спряжения, и тот же элемент

-а < *-о). Ко второму типу (где первым по порядку является элемент, характерный для II спряжения) в хеттском медиопассиве принадлежат морфы № 28, 30, 31 (совпадающие соответственно с морфами № 14, 16 и 2); при этом можно было бы предположить, что морфы № 31 и № 2 являются по происхождению не особыми окончаниями, а основообразующими элементами чистой основы глагола (этот вывод подтверждается как тем, что в хеттском во всех основах глаголов II спряжения, кроме основ на -i, окончанию № 1 в 3-м лице единственного числа предшествует чистая основа, так и аналогичным употреблением чистой основы в ряде форм 3-го лица единственного числа в других индоевропейских языках). Поскольку основа второй серии индоевропейских глагольных форм, выступающая без окончания в хеттских формах 3-го лица единственного числа настоящего времени медиопассива, является тематической (ср. тематический гласный *-о- в показателях 1-го и 2-го лица *H-о, *t-H-о), эту серию можно сопоставить и со спряжением тематических глаголов, позднее получающим широкое развитие во многих индоевропейских языках. Окончание -ō в 1-м лице единственного числа настоящего времени тематических глаголов можно объяснить из сочетания тематического гласного *-ō с последующим показателем *-H-, характерным для второй серии глагольных форм, ср. -ō- в греч. σπένδω 'совершаю жертвенное возлияние' и -aḥḥ- (из *-ō-H-) в родственном хеттском šipand-aḥḥ-i 'совершаю жертвенное возлияние', прош. вр. šipand-aḥḥ-un (ср. также хеттский класс глаголов на aḥḥ-, соответствующий глаголам на -a в других языках, первоначально принадлежавших ко II спряжению, но затем перешедших в I спряжение, благодаря чему показатель -ḥḥ- сохранился во всех лицах). Удлинение гласного, вызванное исчезнувшим ларингальным показателем *H этой серии форм, наблюдается не только в формах на *-oH-, но и в корневых глаголах типа хеттск. te-ḥḥ-i 'кладу', da-ḥḥ-i 'беру', которые соответствуют «недлительным» («аористическим») корням на долгий гласный типа дринд. dhā-, дргреч. *dā-.

Хеттское противопоставление корневых глаголов на -mi типа eš-mi и глаголов на -ḥi типа te-ḥḥi находит точное соответствие в различении корневых длительных глаголов, противопоставляющих первичные и вторичные окончания, и корневых «аористических» глаголов, от которых в принципе невозможно образование форм с первичными окончаниями, в индоевропейских языках греческо-арийской диалектной группы. Наличие в «Ведах» изолированных форм, образованных от dhā- и dā- с первичными окончаниями, может рассматриваться как свидетельство того, что «Веды»

еще отражают неустойчивость в спряжении этих глаголов, вызванную тем, что они перешли в первую серию индоевропейских глагольных форм после распада второй серии форм (типа хеттского спряжения на *-hi*). Иначе говоря, в древности эти глаголы не имели ни первичных, ни вторичных окончаний, а спрягались по типу глаголов с показателем **H*, исчезновение которого вызвало удлинение корневого гласного в большинстве форм этих глаголов (но ср. отдельные формы, отражающие краткий корневой гласный). Таким образом, распад этого типа глагольных форм оказывается возможным датировать эпохой падения ларингалных; хеттский язык, частично сохранивший ларингалные, в большей мере сохранил и древние особенности данного типа глаголов. Можно думать, однако, что и в хеттском языке по фонетическим причинам ларингалный показатель исчез в ряде форм, например, после согласного в окончании **-t-H-o* 2-го лица единственного числа медиопассива, ср. сохранение *-h* в сложной форме *-h-u-ti* < **H-u-dhi* (древнехеттская агглютинативная форма 2-го л. ед. ч. медиопассива повелительного наклонения). Падение ларингалных, начавшееся уже и в анатолийских языках, было хронологически связано с радикальным преобразованием индоевропейской глагольной парадигмы, в результате которого многие формы, в древности связанные друг с другом (формы типа спряжения на *-hi*, перфекта, медиопассива, тематических глагольных основ на **-o-H*, позднейших глагольных основ на долгие гласные и связанных с ними претеритальных форм корней типа **do-H* 'дать' > хеттск. 'брать'), оказались разобщенными.

Для объяснения описанных формальных соотношений в парадигме индоевропейского, анатолийского и хеттского глагола необходимо учесть, что формы перфекта и медиопассива в древних индоевропейских языках часто имеют сходное грамматическое значение. Этой серии форм, для которой можно предположить древнее пассивное значение, была противопоставлена серия форм, различавших первичные и вторичные окончания (причем элемент *-i*, хеттское окончание № I, можно считать древним показателем особых видовых форм типа, например, английских длительных имперфективных форм). Противопоставление двух основных серий индоевропейских глагольных форм (пассивной и активной) можно сопоставить с противопоставлением двух падежей (эргатива и неэргатива) и двух родов (среднего — в древности пассивного — и несреднего — в древности активного), которое может быть реконструировано в индоевропейском имени для той же весьма древней эпохи. Этот параллелизм глагольных и именных образований подчеркивается неразличением чисел в парадигмах пассивного глагола и пассивного имени, про-

тивопоставленных сериям активных форм с более развитыми парадигмами (т. е. с различием чисел, падежей — эргативного и неэргативного — в имени, видовых форм в глаголе). При дальнейшем развитии индоевропейской морфологической системы во многих древних диалектах происходит симметричное разрастание парадигм, причем благодаря взаимодействию двух серий форм возникают промежуточные формы (типа хеттского спряжения на *-hi* и медиопассива), сочетающих характеристики обеих древних серий. В хеттском языке разложение древней глагольной системы могло быть ускорено благодаря распространению новых способов выражения имперфективности (глаголов на *-šk-*), выражения медиальности посредством возвратной частицы *za*, появлению аналитических пассивных конструкций и т. п.

Многие факты в системе хеттского глагола следует объяснить не как архаизмы, унаследованные от этой древней системы, а как новообразования, отчасти общие с другими индоевропейскими диалектами. К числу таких новообразований принадлежат формы 2-го и 3-го лица единственного числа прошедшего времени глаголов на *-hi* с морфом № 15. Этот морф, появляющийся у некоторых хеттских глаголов и в окончаниях 2-го лица множественного числа прошедшего времени (совпадающих со 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения, см. табл. 15,6, сочетания граммем VIII, XI и XVI), является, вероятно, древним словообразовательным (а не формообразовательным) элементом глаголов с основой на *-s-*; чистая основа на *-s-* совпадала с формой, имевшей вторичное окончанием *-s-*, что могло послужить исходным пунктом развития форм на *-s-*. При становлении временных форм (отсутствовавших в общеиндоевропейском) для образования 2-го и 3-го лица единственного числа прошедшего времени спряжения на *-hi* была использована чистая основа на *-s-*, к которой иногда присоединялось окончание № 5, характерное первоначально для 2-го лица (ср. морф № 16 в спряжении на *-hi* и морф № 30 в медиопассиве), но перенесенное затем и на 3-е лицо, благодаря тому что в некоторых глагольных формах этого типа не различались 2-е и 3-е лицо. О достаточной древности таких форм говорят параллельные формы с элементом *-s-* в древнеиндийском (прекатив), тохарском, латинском, фригийском и славянских языках и формы сигматического аориста, возникшие на основе таких форм в целом ряде древних индоевропейских языков. Однако к общеиндоевропейскому периоду можно возвести не конкретные формы, различающиеся между собой, а лишь условия, способствовавшие их возникновению. То же самое можно сказать и о тех хеттских медиопассивных формах, которые содержат морф № 29.

Начало формирования этих (медиопассивных) окончаний можно отнести еще к той эпохе, когда сохранялись связи между анатолийскими и другими индоевропейскими диалектами (кельто-италийским, тохарскими, фригийским), в которых, как и в хеттском, в качестве отличительной характеристики медиопассивных форм начинает использоваться показатель *-r*. Исходным пунктом для развития этих форм следует считать формы типа палайск. *kittar* (ср. выше), соответствующие, с одной стороны, хеттским формам медиопассива на *-ri* типа *kittari* и аналогичным формам медиопассива на **-tor* в указанных индоевропейских диалектах, с другой стороны, хеттским формам 3-го лица множественного числа прошедшего времени на *-ir*, соответствующим формам на *-r*, употребляющимся в аналогичной функции 3-го лица множественного числа перфекта в других древних индоевропейских языках. Параллелизм *-r: -nt-*, обнаруживающийся в окончаниях 3-го лица множественного числа (прошедшего времени) в анатолийских языках, подтверждает гипотезу об именном происхождении форм на *-r* (как и форм на *-nt-*, ср. хеттские именны, причастные и инфинитивные формы на **-nt-*). 3-е лицо, отличающееся по своей семантике от других лиц (так как оно не обозначает участников акта речи), во многих древних индоевропейских диалектах выражается формами чистой основы; во множественном числе, а иногда и в единственном числе это может быть основа отглагольного имени.

С семантической точки зрения, такое функционирование форм на *-r* соответствует употреблению архаичных родственных форм в пассивно-безличном значении в кельто-италийских языках, ср. также хеттский безличный медиопассив типа *akkiškittari* 'умирают' (описание массовой смерти в молитвах Мурсилиса во время чумы; точно соответствует немецкой конструкции *es stirbt sich* в аналогичном описании коллективной смерти в «Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge» Рильке). Такая глагольная форма по существу соответствует предикативному отглагольному имени, употребленному безлично (= 'здесь имеет место умирание'). Поэтому происхождение форм на **-tor* типа палайск. *-tar*, хеттск. *-tar-i* можно связать с распространением именных отглагольных основ с суффиксом **-t^e/or*. Показательно, что изоглосса, связывающая диалекты с формами 3-го лица единственного числа настоящего времени медиопассива типа **-tor*, совпадает с изоглоссой, связывающей те же диалекты с формами имен на **-t^e/or* типа хеттск. *i-tar* (от *i-* 'идти', ср. лувийск. *i-* 'идти'), латинск. *i-ter*, тохарск. А *ytar*. Можно думать, что в древнейшем состоянии этих диалектов отглагольные имена на **-t^e/or* могли функционировать в качестве чистой основы, заменяющей формы 3-го лица. Это естественно привело к

переосмыслению элемента *-t* в данных формах, который был сопоставлен с *t* в первичных и вторичных окончаниях 3-го лица единственного числа, откуда легко объяснить возникновение по аналогии форм на **-ntor* (хеттск. *-antari*, лувийск. *-ntari*) и дальнейшее распространение показателя *-r*, вовлеченного в парадигму глагола посредством присоединения к нему других глагольных окончаний, на другие формы (в хеттском языке *-r* всегда выступает в соединении либо с показателем настоящего времени *-i*, либо с показателем повелительного наклонения *-u*). Последние этапы этого процесса по-разному осуществляются в различных индоевропейских анатолийских диалектах; формы на *-ri* и формы без *-ri* остаются дублетными и в самих хеттских текстах.

В хеттском языке (но не в других анатолийских и индоевропейских) в качестве другого показателя некоторых форм настоящего времени медиопассива используется морф № 11, который можно было бы рассматривать как сочетание показателя настоящего времени *-i* (ср. морф № 1) с предшествующим *-t*, выступающим с нулевым окончанием в качестве показателя прошедшего времени медиопассива (ср. формы греческого пассива аориста на *-th-*, сопоставлявшиеся с санскритскими медиальными окончаниями на *-th-* и германским денгальным суффиксом претерита слабых глаголов). Морф № 11 может появляться и в настоящем и в прошедшем времени (где он выступает в качестве дублета показателя *-t*): это, по-видимому, можно объяснить тем, что в нем могло совпасть окончание настоящего времени, содержащее элемент *-t* (морф № 1), и окончание повелительного наклонения (и позднее прошедшего времени) *-dhi*, сохранившееся в древнехеттских формах повелительного наклонения медиопассива на *-hu-ti* (2-е л. ед. ч.), *duma-ti* (2-е л. мн. ч.), ср. тождество форм 2-го лица множественного числа актива повелительного наклонения на *-ten* (лувийск. *-tan*) и 2-го лица множественного числа актива прошедшего времени *-ten*.

Хеттские глагольные (как именные) формы множественного числа датируются сравнительно более поздней эпохой, чем наиболее архаичные окончания единственного числа. Это становится ясным не только из-за расхождений между формами на *-nzi* и *-nta-* в настоящем времени и формами на *-r* в прошедшем времени (ср. выше об их именном происхождении), но и потому что, за исключением этих форм 3-го лица, находящихся параллели почти во всех древних индоевропейских языках, другие формы имеют соответствие лишь в некоторых диалектах. В 1-м и 2-м лице множественного числа актива можно (в морфах № 19 и 20) предполагать вторичное присоединение элемента *-n* (хеттск. *-n*) к показателю 1-го лица с элементом *-u-*, чередующимся с *-m-* в 1-м лице единственного

и множественного числа (ср. выше) и соответствующим *-i-* в лувийском окончании 1-го лица единственного числа *u-i* (ср. выше о возможной связи его с хеттск. *-u-* в *-u-n*, которое, однако, иногда сопоставляют с *-u-* в некоторых индоевропейских перфектных формах 1-го л. ед. ч.), и к сказателю 2-го лица с элементом *-t-*, соответствующим аналогичному элементу во второй серии индоевропейских глагольных форм (ср. также местоименные основы с элементами *m/u-* и *t-* в 1-м и 2-м лице). Такая же структура обнаруживается в греческих формах 1-го лица на *-ρευ* и в медиопассивном *-ρᾶν*, ср. тохарск. А *mār* (чередование *-n:-r* как в имени?); параллельная форма *-ρες* (ср. хеттское личное местоимение *u-eš*) находит соответствие в первом элементе хеттского агглютинативного медиопассивного окончания *-uāš-ta-ti* (морф № 32). Во 2-м лице параллельные формы обнаруживаются в дринд. *tha-na*, *ta-na*. В других языках в формах 1-го и 2-го лица множественного числа обнаруживаются те же элементы *m-* и *t-*, но без последующего *-n*. Форма 2-го лица множественного числа медиопассива [хеттский морф № 33, соответствующий лувийскому окончанию *-tuwa-r(i)*] имеет соответствия в индоиранских языках: дринд. *dhvam* («вторичное» окончание, соответствующее хеттскому), *dhve* («первичное» окончание, ср. лувийск.), авест. *dūm*, *daem*, *duye*.

Особенно прозрачной агглютинативной структурой обладают хеттские окончания повелительного наклонения, где легко вскрываются принципы построения таких специфически хеттских новообразований с элементом *-u* (№ 7), как 1-е лицо единственного числа *haša-r-u* (ср. *haša-r-i* в наст. вр.). Древнейшими формами с этим элементом являются формы 3-го лица на *-t-u* (ед. ч.) и *-nt-u* (мн. ч.), имеющие точные соответствия в лувийском, иероглифическом лувийском, ликийском, палайском и индоиранских языках (ср. выше об стражении древних индоевропейских чередований гласных в этих формах, ср. табл. 4). Но сравнение с другими индоевропейскими диалектами показывает, что и эти формы возникли на основе форм с окончаниями *-t-* и *-nt-* в результате диалектных нововведений, ср. аналогичные формы типа старолатинск. *-tōd*, дринд. *tat*, греч. *-τω* и т. п., где элемент *-u-* отсутствует. Собственно анатолийским нововведением было, вероятно, различие форм I и II спряжений в 3-м лице императива; в особенности это, очевидно, применительно к медиопассиву, где первоначально различие этих форм было невозможно, но в хеттском языке последовательно проводится в настоящем и прошедшем времени (в том числе и во 2-м лице благодаря отмеченному выше совпадению форм 2-го и 3-го лица) и в императиве. Здесь особенно наглядно обнаруживается то симметричное разрастание глагольной парадигмы (с заполнением пу-

стых клеток новообразованиями), которое позволяет сопоставить хеттскую парадигму с санскритской. По образцу более древних форм актива *-tu:-ntu* и форм настоящего времени на *-ri, -tari, -ntari* строятся характерные для хеттского и лувийского (и иероглифического лувийского) формы медиопассива повелительного наклонения на *-gu, -targu, -ntargu*. Общей для хеттского и лувийского является также форма 1-го лица единственного числа актива повелительного наклонения на *-l-u* (морфы № 22 и 23), где можно видеть соответствие глагольным именам на *-l* в анатолийских языках (ср. выше об их развитии в личные формы на *-l* в лидийском). Именное происхождение форм на *-lu-* делается в особенности вероятным из-за огласовки *a* в *ašallu*, типичной для именных форм, и из-за существования изолированных форм от *eš-* 'быть' — *ešlu-t* и *ešli-t*, ср. лидийские формы на *-li-* и хеттские типа *dalugnu-l-* 'возможность удлиниться' (?), но ср. параллели в балтийском: латышские формы 1-го л. ед. ч. опатива на *-ļu*, старолитовский императив *esle* 'esto', *esliui*, прусск. *-lai*. Вторичный элемент *-r* отсутствует в древнехеттском окончании **H-u-dhi* > *-huti* > новохеттск. *-hut*, где представлено древнее окончание индоевропейских форм повелительного наклонения **-dhi* (ср. его отражение в форме *it*, табл. 6), ср. также архаичную форму *e-hu* (табл. 6), где окончание **-H-u* присоединено к более древней чистой основе. С индоевропейской точки зрения именно формы чистой основы характеризуют повелительное наклонение, объединявшееся по этому формальному признаку со звательной формой имени, с которым повелительное наклонение имеет и общие семантические черты. По существу повелительные формы чистой основы глагола в столь же малой степени могли считаться в общиндоевропейский период особыми формами наклонения, в какой звательные формы чистой основы имени могли считаться падежами. Никаких следов других наклонений в хеттском языке не сохранилось; для передачи значений, соответствующих сослагательному наклонению, используются сочетания форм изъявительного наклонения с частицей *tan*. В этом проявляется сочетание архаизмов и нововведений, характерное для грамматики хеттского языка, сохранившего такие архаизмы, как отсутствие развитой системы наклонений, именно потому, что в нем возникали синтаксические новообразования, свойственные аналитическому языку.

9. СИНТАКСИС

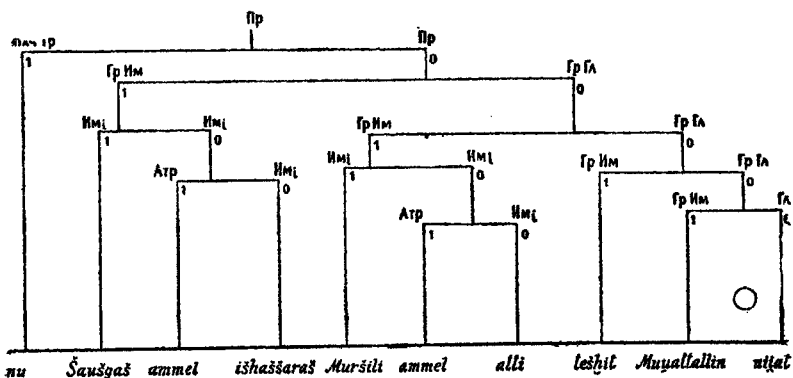
Правила построения хеттского простого предложения могут быть пояснены с помощью следующей элементарной модели, которая не исчерпывает всего многообразия возможных

синтаксических конструкций, но иллюстрирует принципы структуры некоторых из них. Используются символы Пр (предложение), Нач Гр (начальная группа), Гр Э (группа энклитик), С (союз), Гр Им (группа имени), Им₁ (именная форма, выражающая *i*-тое сочетание граммем), Атр (атрибут), Гр Гл (группа глагола), Гл (глагол), ПГр (предикативная группа), Св (связка), Н (наречие). Для порождения простых предложений используются правила вида (1) Пр → (Нач Гр) Пр (читается: «переписать символ, обозначающий предложение, символами, обозначающими сочетание начальной группы с предложением»); (2) Нач Гр → С (Гр Э); (3) Пр → (Гр Им) (Гр Гл), (4) (Гр Им) → Им₁ Им₂; (5) Им₁ → Атр Им₂; (6) (Гр Гл) → (Гр Им) (Гр Гл).

Придавая переменным, используемым в этих правилах, значения конкретных хеттских словоформ (С → *nu* и т. п.) или нулевые значения (Гр Э → 0), можно получить предложение типа того, процесс порождения которого изображен деревом на схеме 6: *nu Saušgaš ammel išhaššaraš Muršili ammel*

Схема 6

Дерево простого предложения

atti tešhit Muwatallin uījat '(и) [хурритская Иштар] Саускас, моя госпожа, Мурсилису — моему отцу во сне (посредством сна) Муваталлиса послала' (см. Приложение I). Каждый узел дерева соответствует применению одного из перечисленных выше правил или тех правил, по которым переменным придаются значения конкретных словоформ; каждая словоформа является конечным узлом дерева. Если по правилу один символ переписывается двумя, то соответствующие узлы дерева (согласно методу, предложенному Ингве) снабжаются числовыми индексами: узел, соответствующий правому сим

волу, снабжается индексом *O*, узел, соответствующий левому символу, — индексом *I*. Складывая индексы, приписанные ветвям дерева, ведущим к каждой словоформе, можно определить глубину предложения¹⁰, т. е. максимальное число символов, которое требуется хранить во временной памяти устройству (человеку или автомату), строящему предложение. Как видно из схемы 6, глубина хеттских простых предложений этого типа не превышает 2 (что соответствует данным, полученным для английского и некоторых других языков). Из приведенного примера видно, что в хеттском предложении глагол (*uijat* в данном предложении) может выступать в качестве четырехместного предикатного слова, связанного одновременно с четырьмя предметными словами-существительными (*Sauškaš, Murš.li, tešhit, Muqattallin*). Отношения между этими предметными словами выражены морфологически — падежными словоформами (соответственно именительного, дательного-местного, творительного и винительного падежей), их порядок не фиксирован жестко, но все они должны предшествовать глаголу, с которым они связаны. Схема 6 представляет интерес также и в том отношении, что предложения данного типа (где субъект часто предшествует объекту и объект — предикатному слову) удовлетворяют условию проективности, т. е. прямые линии, соединяющие узлы дерева с их проекциями на прямую реального предложения (т. е. с конечными узлами), нигде не пересекаются. Это условие, однако, удовлетворяется далеко не во всех хеттских предложениях, что связано с особой ролью Нач Гр (начальной группы, функционирующей в качестве аналога крайней левой скобки в логической записи высказывания). Начальная группа образуется в новохеттских текстах чаще всего из союза *ni* (ср. приведенное выше предложение), за которым может следовать группа энклитик [правило (2), см. выше]. Группа энклитик строится согласно правилам (7) Гр Э → Э₁ Э₂ Э₃ Э₄; (8) Э₁ → *-ca(r)* (энклитическая частица, указывающая на косвенную речь, выступает в двух морфологических вариантах, так как перед начальным гласным следующей энклитики используется вариант *car-*); (9) Э₂ → (Мест Э₁ | Мест Э₂) (анафорические местоименные энклитики, для которых индивидуально, т. е. лексически, фиксирован порядок возможных сочетаний: допускается, например, группа *-aš-ši*, т. е. им. пад. од. р. мест. 3-го л. ед. ч. + дат.-мест. пад. мест. 3-го л. ед. ч., но обратный порядок в группе *-šmaš-an*, т. е. дат.-мест. пад. мест. 3-го л. мн. ч. + вин. пад. од. р. мест. 3-го л. ед. ч.); (10) Э₃ → *-za-* (возвратная энклитическая ча-

¹⁰ V. H. Yngve, *A model and an hypothesis for language structure*, — «Proceedings of the American philosophical society», vol. 114, № 5, October 1961, p. 450.

стица, соответствующая русскому *себе* и видоизменяющая также значение некоторых глаголов); (11) Э₄ → --kan /-šan (находящиеся в дополнительном распределении энклитические частицы, использующиеся для обозначения пространственных отношений при сочетаниях наречий-превербов с глаголами движения и некоторыми другими глаголами, а также, по-видимому, и для передачи значений видового характера). Применяя данные правила, можно получить группу типа *ни-цаг-аš-ši-za-kan*; такие развернутые сочетания энклитик (или сочетание *ни* хотя бы с одной или двумя энклитиками) очень часто встречаются в начале предложений в новохеттских текстах. Предложения, в которых за союзом *ни* не следовало бы ни одной энклитики, встречаются сравнительно редко.

Уже из данных выше кратких характеристик энклитических частиц можно сделать вывод, что они непосредственно связаны с глаголом или с наречием-превербом; однако группа энклитик всегда находится в начале хеттского предложения, а глагол согласно синтаксическим нормам занимает последнее место в предложении (исключения составляют только предложения с инверсией и бессоюзные предложения, где глагол является единственным неэнклитическим словом), причем наречие-преverb обычно непосредственно предшествует глаголу. Хеттское предложение с развернутыми энклитическими группами может быть непроективным, так как синтаксически наиболее тесно связанные между собой слова оказываются отделенными друг от друга почти всеми остальными словами предложения (например, субъектом, если он обозначается существительным, а не энклитик й). Такая разорванная синтаксическая структура вызывается скоплением в начале предложения энклитических частиц, указывающих на основные пространственные и субъектно-объектные отношения глагола; фонологически и графически эта начальная группа частиц оформляется как отдельное слово (функционально ее можно было бы сравнить с префиксальными комплексами приглагольных субъектно-объектных показателей в инкорпорирующих языках типа абхазского и с начальной группой логических символов в бескомочной логической записи Лукаевича). Обычно начальная группа, фонологически и графически оформляющаяся как отдельное слово, в новохеттских текстах вводится союзом *ни*, который по морфонологическим правилам внутреннего сандахи, действующим в пределах этой группы, может перекодироваться в *п*-перед начальным *-a-* следующей местоименной энклитики: *ни-aš* > *n-aš*; *ни-an* > *n-an* (в древнехеттских текстах как одно слово пишется сочетание союза *ни* с любым следующим словом.) В случае, если союз *ни* (или другие союзы, выступающие в сходной функции) в начале предложения отсутствует, первым словом начальной группы могут оказаться другие слова

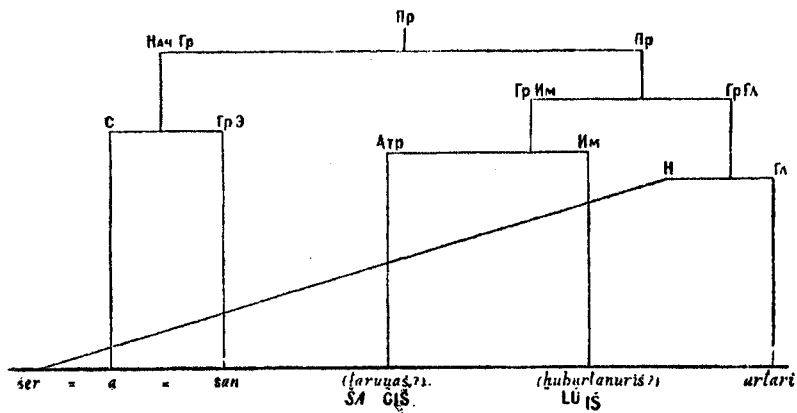
предложения, например наречие, отрицание, существительное и глагол (если он является единственным неэнклитическим словом в бессоюзном предложении).

Характерной особенностью хеттских глагольных предложений является то, что глагольная группа часто образуется сочетанием наречия-преверба с глаголом: (12) (Гр Гл) → Н(Гр Гл). Во многих случаях это явление находится на границе между синтаксисом и словообразованием, так как сочетание преверба с глаголом часто становится фразеологическим; в особенности показательно то, что от такого фразеологического сочетания как от единого целого оказывается возможным иногда образовывать производные слова, например имя деятеля *ḫantitiija-talla-* 'донэщик', образованное от сочетания *ḫanti tiija-* 'донести', ср. название родства *antiḫant-* 'зять' (из *anda-iḫant-* 'внутри входящий' от сочетания *anda ija-*, объясняемого существованием у хеттов брака *errebu*, при котором молодой человек вступал в дом родителей жены). В этом смысле показательным может быть сравнение с современным английским языком, где некоторые сочетания глаголов с предлогообразными наречиями (*preposition-like adverbs*) типологически очень близки к хеттским, ср. возможность образования производных типа англ. *to look on* → *on-look-er* и т. п. Хеттские наречия-превербы являются послелогообразными, т. е. каждое из них (если оно не употребляется в застывшем фразеологическом сочетании) может выступать одновременно в трех функциях: наречия, преверба (превращающегося постепенно в префикс глагола) и послелога. От сочетания *anda ija-* 'внутри входить' оказывается возможным образовывать приведенное выше имя родства, встречающееся уже в древнехеттских текстах (в документе Телепинуса и в хеттских законах), тем не менее это сочетание нельзя считать неразложимым целым, так как в новохеттских текстах оно часто используется в конструкциях, где *anda(n)* одновременно является и наречием-превербом и послелогом, ср., например, *I.NA URU Kar-ga-miš an-da-an i-ja-aḫ-ḫa-at* 'в город Кархемыш я вошел' (*andan* соотносится с предшествующим существительным *Kargamiš* как послелог и с последующим глаголом *ija-* как наречие-преверб). Свобода сочетаний типа *anda ija-* доказывается тем, что между послелогообразным наречием и глаголом может находиться существительное, входящее в глагольную группу, например, *nu I.NA URU A-ri-ip-ša-a an-da-an za-aḫ-ḫi-ja i-ja-an-ni-ja-nu-un* 'И к городу Арипса для боя я шел' (*andan*, связанное с существительным *Aripša* как послелог, отделено от глагола *ija-* существительным *zaḫḫija* 'для боя'). Если наречие-преверб оказывается первым словом предложения и вводит начальную группу энклитик, то между наречием и глаголом помещают-

ся все остальные слова предложения, ср. *šer-a-ššan ŠA GIŠLÚIŠ artari* 'и наверху возница из дерева стоит' (за наречием-превербом *šer-* 'над' следует энклитический союз *-a-* 'и' и энклитическая частица *-ššan*, соотносящаяся с превербом и с глаголом *ar-* и придающая им особое пространственное значение). Такие максимально разорванные рамочные конструкции, делающие предложение непроективным (схема 7), в хеттском языке встречаются достаточно часто.

Схема 7

Простое предложение с рамочной конструкцией

Наряду с глагольными предложениями рассмотренных типов в хеттском языке широко распространены именные предложения, которые строятся согласно правилам: (13) Пр → (Гр Им)(Пр Гр); (14) Пр Гр → (Гр Им)(Св). Связка (Св) принимает значения конкретных словоформ глагола *eš-* 'быть' в прошедшем времени (например, *išmerijaš ešun* 'я был придворным со званием конюха') и в некоторых формах повелительного наклонения и значение нуля (Св → 0) в формах настоящего времени (например, *Hattušili MÜ.KAM^{III}A maninkuanteš* 'у Хаттусилиса годы укорочены', т. е. 'Хаттусилису осталось мало жить') и в некоторых формах повелительного наклонения, ср. русские именные конструкции типа *он был придворным, он должен быть придворным, он — придворный*. Определительные конструкции типа *aššuš attaš* 'добрый (хороший) отец' могут рассматриваться как результат трансформации именного предложения, имеющего (в настоящем времени) структуру Им₁ Им₂ (*attaš assuš* 'отец добр'). Из таких именных предложений определительные конструк-

ции получаются посредством применения оператора перестановки слов, так как в новохеттских определительных конструкциях определение обычно предшествует определяемому: (15) $Им'_i Им''_i \rightarrow Им''_i Им'_i$. Согласование всех граммем имен, входящих в одну определительную конструкцию, характерно не только для группы «прилагательное + существительное» (типа *aššuš attaš*), но и для конструкции «существительное + существительное» типа приложения (ср. примеры типа *Saušgaš išhaššaraš* 'Саускас-госпожа', *Muršili atti* 'Мурсилису-отцу') и партитивной аппозиции (ср. о ней выше, в разделе о морфологии имени). Исключение составляют новохеттские атрибутивные конструкции с родительным падежом имени или местоимения, выступающего в качестве препозитивного определения (например, *ammel atti* 'моему отцу', где атрибут *ammel* является родительным падежом личного местоимения 1-го лица). Определительные конструкции с согласованием граммем имени (например, *ammedaz kiššaraz* 'моей рукой', букв. 'мною-рукой', партитивная аппозиция) и конструкции с родительным падежом атрибута (например, *ammel kiššaraz*) выступают в качестве равноценных способов (в архаичных текстах, например, поэтических, в качестве третьего возможного способа выражения определительного отношения может использоваться конструкция с постпозитивным притяжательным местоимением, например, *keššaraz-met*, где творительный падеж притяжательного местоимения согласуется с отложительным падежом имени согласно нормам древнехеттской грамматики).

Число таких равноценных способов выражения одного и того же синтаксического отношения определяет гибкость языка; характерно, что в поэтических текстах, где для воплощения определенного поэтического замысла (поэтической модели) при заданных формальных ограничениях необходимо максимальное использование гибкости языка, в хеттском (как и в других языках) употребляются некоторые синтаксические приемы, отсутствующие в текстах других жанров (ср. выше о конструкциях с постпозитивными притяжательными местоимениями). В некоторых хеттских текстах наличие таких равноценных языковых способов выражения одного и того же смысла используется как прием, позволяющий создать видимость логического обоснования (или развития) мысли посредством тавтологического комбинирования равнозначных (синонимических) конструкций. Так, в приводившемся выше утверждении *man-aš ha-kannaš n-aš harakdu* 'и если он заслуживает гибели, то пусть он погибнет' сочетаются два равноценных грамматических способа выражения долженствования: именное предложение с предикативным употреблением герундия (*aš ha-kannaš*) и глагольное пред-

ложение с глаголом в форме повелительного наклонения — *aš ḥarakdu* (ср. аналогичное использование таких чисто языковых квазимотивировок в современных языках, например, в следующей фразе из книги Ф. Кафки «Der Prozess»: *Ich bin zum Prügeln angestellt, also prügle ich*).

Равноценные синтаксические способы выражения одного и того же смысла могут рассматриваться как такие конструкции, которые выводятся одна из другой с помощью трансформаций, сохраняющих смысл: например, именное предложение типа МГ (местоимение + герундий) выводится из глагольного предложения типа М Гл_{пов} (местоимение + глагол в форме повелительного наклонения) путем преобразования личной формы глагола в соответствующую неличную: (16) Гл_{пов} → Г: *ḥarakdu* → *ḥarkannaš*; для осуществления этой трансформации не требуется никакой дополнительной грамматической информации, так как герундий не согласуется с другими словоформами в предложении. Помимо значительного числа таких трансформаций, сохраняющих смысл, при порождении хеттских простых предложений могут использоваться трансформации, использующие оператор изменения смысла, например, отрицательная трансформация. Отрицательная трансформация в хеттском языке осуществляется посредством постановки отрицательного слова (чаще всего *natta*, обозначаемого на письме посредством аккадского *UL*) перед глаголом в глагольном предложении (при этом отрицательное слово вставляется между глаголом и наречием-превербом, которое предшествует глаголу). В именном предложении отрицательное слово может быть поставлено на первое место (перед энклитической группой): из утвердительного именного высказывания типа *n-aš ḥuišannaš* 'он будет долго жить' С (Мест Э)Г, т. е. сочетание *ni* и энклитического местоимения *-aš* с герундием *ḥuišannaš*, род. пад. от *ḥuišatar*, основа *ḥuiš-* 'жить', прич. *ḥuiš-ant-*) образуется отрицательное *natta-aš ḥuišannaš* 'он не будет долго жить'. В высказываниях со значением запрета в качестве отрицательного слова выступает *le*, которое находится в дополнительном распределении с *natta* и может рассматриваться как вариант отрицания, обусловленный запрещающим контекстом.

В хеттском языке обнаруживается соответствие не только монадической (унарной) логической операция-отрицанию, но и некоторым диадическим (бинарным) логическим операциям, т. е. логическим связкам. Значение, соответствующее логическому отношению конъюнкции, в новохеттском языке выражается посредством энклитического союза *-a-/ja-* 'и', связывающего однородные слова или однородные предложения, или союза *ni* 'и', связывающего однородные предложе-

ния (но одновременно *ni* в новохеттском языке используется и в другой функции — сигнала начала предложения, аналогичного крайней левой скобке в логической записи, ср. выше); в древнехеттском языке в функции, аналогичной роли новохеттского *ni*, использовались союзы *ta* 'и' и *šu* 'и'. Значение, соответствующее логическому отношению неразделительной дизъюнкции, в хеттском языке выражается посредством союза *našma* 'или'; значение, соответствующее логическому отношению разделительной дизъюнкции, в хеттском языке выражается посредством союза *naššu...našma* 'либо... либо', ср. *naššukan LÚKUR aruṣ kuindu našmakan LÚKUR aruṣ kunandu* 'либо враг их должен убить, либо врага они должны убить'. Значение, соответствующее логической импликаци; выражается посредством союза *tan* 'если' (дрхеттск. *takku* 'если'). Однако соответствие между указанными хеттскими союзами и логическими связками является весьма нестрогим, так как эти же союзы имеют ряд других употреблений, не соотносимых непосредственно с перечисленными логическими отношениями (например, *ta* 'и' в древнехеттском содержит указание на местоименный объект при глаголе).

При построении хеттских сложных предложений простые предложения соединяются союзами (хотя — в особенности в древнехеттских текстах — возможно бессоюзие); для новохеттских текстов характерно соединение целой длинной последовательности простых предложений посредством союза *ni* 'и', начинающего каждое из них. При образовании сложноподчиненных предложений с союзами *tanḥan* 'когда' (дрхеттск. *tān* 'когда'), *tān* 'если' и некоторыми другими союзами союз ставится в начале первого предложения; союз *kuit* 'так как' ставится после любого неконечного слова первого предложения (т. е. после любого слова, кроме глагола); союзу *kuitman* 'в то время как' и некоторым другим союзам может предшествовать союз *ni* (играющий в этом случае только роль крайней левой скобки). При построении относительных предложений совершаются следующие преобразования простых предложений, связываемых обычно посредством повторяющегося союза *ni*: а) в первое предложение вставляется относительное местоимение *kui-* 'который', выступающее либо как определение при существительном, с которым оно согласуется, либо как эквивалент отсутствующего существительного (иначе говоря, *kui-* является результатом преобразования прилагательного или существительного); б) во второе предложение вставляется местоименно-указательный элемент (например, *ara-* 'тот' или энклитическое местоимение), который может выступать в двух аналогичных функциях (т. е. также является либо ре-

зультатом преобразования прилагательного, либо результатом преобразования существительного). Пусть первому преобразованию а) подвергается простое предложение *ki-kan tuppi kaš DUB. ŠAR-aš ḫalzai* 'эту табличку (с клинописью) этот писец читает (вслух)'; после преобразования это предложение превращается в *ki-kan tuppi kuiš DUB. ŠAR-aš ḫalzai* букв. 'эту табличку который писец читает' (т. е. *kaš DUB.ŠAR- aš* → *kuiš DUB. ŠAR-aš*). Второму преобразованию б) подвергается предложение (*nu*) ⁴*UTU-uš DUB.ŠAR-an paḫṣataru* '(и) бог солнца да охранит писца' → (*n-*) *-an* ⁴*UTU-uš paḫṣataru* '(и) его да охранит бог солнца' (энклитическое анафорическое местоимение 3-го л. вин. пад. ед. ч. од. р. *-an* является результатом преобразования вин. пад. ед. ч. од. р. *DUB.ŠAR-an* 'писца'). Тогда в результате соединения этих двух преобразованных предложений можно построить предложение *ki-kan tuppi kuiš DUB. ŠAR-aš ḫalzai n-an* ⁴*UTU-uš paḫṣataru* букв. 'эту табличку который писец читает, его да охранит бог солнца' (т. е. 'бог солнца да охранит того писца, который читает табличку'). При соединении двух простых предложений, из которых порождается сложное относительное предложение, существенно отождествление того существительного, которое определяется (или заменяется после преобразования) относительным местоимением в первом предложении (существительное *DUB. ŠAR-as* 'писец' в приведенном примере), и того существительного, которое определяется (или заменяется после преобразования) местоименно-указательным элементом во втором предложении (*DUB.ŠAR-an*, 'писца' → *an* 'его' в приведенном примере). Эта логико-семантическая задача (отождествления или различения разных существительных по их предметной соотносительности) близка к той, которая во многих современных языках решается с помощью употребления определенного артикла (выполняющего, однако, и ряд других функций). Хеттское относительное местоимение отчасти также и выполняет функции артикла: относительное местоимение *kui-*, стоящее в предложении на первом месте после начального союза, не указывает на какой-либо конкретный предмет, известный из предшествующего контекста, тогда как местоимение, не стоящее на первом месте, указывает на определенный предмет (примером является приведенное выше предложение, где относительное местоимение, стоящее на третьем месте; функционально соответствует определенному артиклю, потому это местоимение в данном предложении и целесообразно считать результатом преобразования указательного местоимения *kaš* 'этот'). Таким образом, в хеттском языке имелось артиклеобразное средство выражения тождества и различия предметов, обозначенных

лексически тождественными существительными, что можно считать одной из черт, сближающей хеттский с современными западноевропейскими языками. Однако такое употребление в хеттском языке характерно не только для определенного относительного местоимения (которое можно рассматривать как результат преобразования прилагательного), но и для относительного местоимения *kui-* в таких предложениях, где оно является результатом преобразования существительного, ср. в хеттских законах различие между неопределенным употреблением *kuiš* в сочетании *kuiš paprizzi* '[тот неизвестный человек], который осквернит...' и определенным употреблением *kuiš* в сочетании *paprizzi kuiš* '[тот самый человек], который осквернит' (в последнем случае определенное местоимение, которое не может стоять на первом месте, следует за глаголом, потому что предложение состоит всего из двух слов).

Хеттские относительные предложения гораздо менее строго организованы, чем аналогичные предложения в современных языках. Об этом свидетельствует возможность нагромождения нескольких начальных предложений с *kui-*, соотносящихся с местоименно-указательным элементом только в последнем предложении, и обратное явление: возможность наличия нескольких местоименно-указательных элементов в последующих предложениях, соотносящихся с *kui-* в начальном предложении. Показательно и встречающееся в ряде случаев различие граммем, выражаемых в относительном местоимении и соотносящемся с ним местоименно-указательном элементе (т. е. их неполное грамматическое согласование), а также постановка других предложений между двумя составными частями сложного относительного предложения (т. е. рамочное построение сложного предложения). Способы синтаксической организации сложных предложений постепенно выработывались на протяжении истории литературного хеттского языка, о чем свидетельствует хотя бы уже более широкое употребление бессоюзия в древнехеттских текстах. Но сравнение с другими анатолийскими языками показывает, что относительное местоимение **kui-* (**kua-*) было общеанатолийским, ср. хеттск. *kuiš*, лувийск. *kuiš*, иерогл. *hwa-s* < **kua-s* (чтение начального знака в иероглифическом хеттском слове еще остается не вполне ясным), лик. *ti*, лид. *piš* или *k^w iš*, ср. также лид. *kud*, сравнимое, с одной стороны, с хеттск. *kuṣatt*, лувийск. *kuṣati(n)* 'где', с другой стороны, со стел. кѹдѣ, русск. где и т. п. Общеанатолийское относительное местоимение позволяет установить еще одну изоглоссу, которая связывает анатолийские языки с кельто-италийской и тохарской языковыми областями (ср. выше об аналогичных изоглоссах, устанавливаемых благода-

ря анализу форм медиопассива на *-r* и производного от глагола *i*- типа хеттск. *i-tar*). В греческо-арийской и балтийско-славянской группе восточно-индоевропейских диалектов сходную функцию выполнял элемент **-iō*, который в общеиндоевропейском был средством установления синтаксических связей между словами и конструкциями, ср. хеттский и палайский энклитический сочинительный союз *-ia* (*-a* в позиции после согласного), соответствующий тохарскому А энклитическому союзу *-uo* (ср. также следы аналогичного энклитического употребления *-io-* в литовском). Использование элемента **-iō* в функции энклитического союза «и» в хеттском и тохарском (и в роли относительного местоимения в некоторых восточно-индоевропейских диалектах) соответствует употреблению **-k^we* (латинск. *-que*, дринд. *ca* и т. п.) в качестве такого же энклитического союза при употреблении родственного **k^wi-* в роли относительного местоимения. В хеттском следы аналогичного энклитического **-k^we* сохранились только в неопределенном местоимении *kuiški* 'некий', ср. лувийск. *kuišha*, иерогл. *kuisha*, лик. *ti-ke*, ср. латинск. *quisque*, но в лувийском энклитический союз *-ha* 'и', тождественный элементу *-ha* в *kuišha*, может восходить к такому же элементу **-k^we*, как латинск. *-que*. Таким образом, в анатолийских языках сохранились следы двух серий элементов: **-iō-* и **k^w-*, использовавшихся в общеиндоевропейском для построения сложных синтаксических единств. Сходство функций **iō-* в индоиранских (и отчасти балтийско-славянских) языках и относительного местоимения *kui-* в анатолийских языках усиливается потому, что *ya-* < **iō-* в индоиранских языках выполняет не только функции относительного местоимения, но и функции артиклеобразного синтаксического указателя, сходные с отмеченными выше функциями *kui-* в хеттском (с этими синтаксическими явлениями связано и происхождение форм прилагательных с элементом *-iō-* в балтийских и славянских языках, где синтаксическая позиция элемента *-iō-* в древнейших конструкциях может быть соотнесена с позицией *kui-* в аналогичных хеттских сочетаниях). Диалектные сходства в синтаксических явлениях этого типа являются особенно показательными, так как по самой своей функции они не могут быть архаизмами, унаследованными от общеиндоевропейского периода.

К числу синтаксических средств, вырабатываемых по мере развития более сложных форм общения (в том числе и литературных), принадлежат не только способы организации таких объединений предложений, как относительные, но и языковые средства обозначения отношения между данным сообщением и другим сообщением (ср. различные формы передачи косвенной речи, несобственной прямой речи и т. п.

в современных литературных языках). Хеттский язык использует с этой целью энклитическую частицу *-ца-/-цаг* 'де', 'мол', общую для хеттского, лувийского и палайского языка. Эта общеанатолийская частица (в древнехеттских текстах употребляющаяся с меньшей регулярностью, чем в новохеттских) происходит от глагола, который в хеттском языке представлен в производном *cerija* 'звать' (греч. *εἶρω*), а в палайском — в корневом глаголе *cer-* 'звать' (ср. русские частицы *де* и *мол*, происходящие из аналогичных форм).

Именные предложения, широко распространенные в хеттском языке, находят соответствия в других древних индоевропейских языках, где, как и в хеттском, именные предложения (в отличие от глагольных) часто используются для утверждения наличия у предмета качества или состояния и для изложения общих истин, ср., например, хеттск. *l — aš l — edani menaḥḥanda le idaluš* 'один по отношению к другому да не будет плохим'. Но частое употребление именных предложений в диалогической речи в хеттском (как и в других древних индоевропейских языках) может служить косвенным доводом, говорящим в пользу их вторичного происхождения. К общеиндоевропейскому типу бессвязочного именного предложения могут быть возведены, по-видимому, только отдельные хеттские архаичные конструкции без связки, сохранившиеся в качестве вводных обозначений времени. Предложения же со связкой (Св) сформировались в гораздо более позднюю эпоху благодаря тому, что индоевропейский глагол **es-* 'существовать', 'быть истинным' приобрел функцию связки (соответствующую роли логического предиката) наряду с древним лексическим значением (соответствующим функции логического квантора существования или же логическому значению истинности), еще отраженным в таких производных, как причастие (прилагательное на *-nt-*): хеттск. *ašant-* 'суший', 'истинный', дринд. *sant-* 'суший', 'истинный', ср. хеттск. *eš-ri* 'образ', 'существо' (где соотношение между суффиксами *-r-: -nt-* делает вероятной древность этих производных основ). Хеттский язык отражает состояние, когда **es-* (хеттск. *eš-*) уже использовалось в функции связки, но не в формах настоящего времени, где связка была нулевой (Св → 0). С диахронической точки зрения это является архаизмом, так как хеттские именные предложения в настоящем времени могут восходить к более древнему бессвязочному типу (хотя с синхронической точки зрения в них обнаруживается не отсутствие связки, а нулевая связка). Использование глагола *eš-* 'быть' в функции связки сделало возможным появление аналитических пассивных конструкций с этим глаголом, которые, в свою очередь, повлекли за собой формирование аналитических конструкций, выражающих пред-

шествование с помощью глагола *ħark-* 'иметь' (ср. типологические параллели в латинском, древних германских и других языках). Взаимосвязь перфектных конструкций с глаголом *ħark-* 'иметь' и пассивных конструкций с глаголом *eš-* 'быть' в хеттском языке подтверждается тем, что *eš-* в определенных контекстах выступает еще как лексический синоним *ħark-*. В хеттском языке сохранились еще древние способы выражения обладания посредством сочетания глагола *eš-* 'быть', 'существовать' с дательным притяжательным в глагольных предложениях типа *tuqqa UL kuitki ešzi* 'у тебя ничего нет', ср. параллели этой конструкции в других древних индоевропейских языках. Хеттский глагол *ħark-* 'держатъ', 'иметь' стал использоваться для выражения обладания в относительно более позднюю эпоху; в этом смысле он может быть сопоставлен с испанским *tener* 'иметь', 'держатъ'. Но если в испанском языке существует два глагола «иметь» (*haber:tener*), из которых один используется в грамматической, а второй — в лексической функции (ср. аналогичное различие в разговорном английском между *to have* и *to have got*, японск. *iru* и *motte iru*), то в хеттском языке глаголы *eš-* и *ħark-* использовались одновременно в обеих функциях (и некоторые описательные конструкции с *ħark-* можно истолковывать не как перфективные, а как такие, где *ħark-* переводится «держатъ»), причем сферы употребления глагола *eš-* и глагола *ħark-* частично пересекаются. Возможность синхронного преобразования, сохраняющего смысл [*tuqqa UL kuitki ešzi* → (*zik*) *UL kuitki ħarši*], с диахронической точки зрения, свидетельствует о том, что глагол *ħark-* заменил глагол *eš-* в части контекстов (сначала лексических, а затем и грамматических).

В отличие от конструкций с дательным притяжательным, который использовался при глаголе «быть» в глагольных предложениях для обозначения обладания, конструкции с родительным притяжательным обозначали принадлежность и могли употребляться в именных предложениях, например, *kuella GUD-uš UDU-uš* 'кому бы ни принадлежали быки и овцы'. Позднее развитие родительного принадлежности в анатолийских языках доказывается фактами, указанными выше, при анализе морфологии имени. Характерно, что древнехеттские формы притяжательных местоимений (типа *atti-mi* 'отцу моему'), где значение принадлежности выражено лексически, только в новохеттский период вытесняются конструкциями типа *ammel atti*, где то же значение выражено формой родительного падежа (о том, что это грамматическое значение происходит из более древнего деривационного, свидетельствуют формы типа *damm-eli-n* 'другого', где к притяжательной основе местоимения на *-eli-* присоединяется

окончание винительного падежа -n). С поздним развитием в хеттском языке родительного притяжательного можно связать и сохранение партитивной аппозиции, т. е. конструкций типа *ammedaz kiššaraz* (буквально 'мною рукой' = 'моей рукой'), где отношение части и целого формально никак не выражено (что имеет типологические параллели во многих архаичных семиотических системах и может быть сравнено с явлениями древней логики партиципации). Благодаря партитивной аппозиции сочетание двух имен существительных соответствует той же синтаксической формуле ($Им_1$ $Им_2$, см. выше), что и сочетание «прилагательное + существительное»; это можно рассматривать как синтаксический архаизм, унаследованный от эпохи, когда прилагательное и существительное не различались. Различие этих двух классов слов в хеттском языке проводится лишь в некоторых типах основ (на -i- и на -и-, где для этого используются чередования гласных в формах именительного и родительного падежей, см. выше); в целом же дифференциация прилагательных и существительных в хеттском языке проводится значительно менее отчетливо, чем в тех индоевропейских языках, которые развили противопоставление трех грамматических родов, по которым могут изменяться прилагательные (но не существительные, так как существительное обладает фиксированной характеристикой рода). Хеттский язык показывает, что начало формирования противопоставления прилагательных и существительных относится еще к эпохе до возникновения различий между мужским и женским родом (внутри древнего одушевленного), но это противопоставление оставалось еще не вполне оформленным, в частности из-за недоразвитости конструкций с родительным падежом имени существительного и сохранения партитивной аппозиции. Возможность выбора одного из нескольких синонимичных способов выражения отношения атрибутивности, таким образом, объясняется сосуществованием явлений, относящихся к разным эпохам.

Хеттское глагольное предложение обнаруживает целый ряд весьма архаичных черт, важных для реконструкции общеиндоевропейской схемы глагольного предложения. Использование наречий в тройной функции как превербов, связанных с глаголом, как наречий и как послелогов, связанных с существительными, в точности соответствует тому, что обнаруживается в других древних индоевропейских языках, где (как, например, в греческом и древнеиндийском) превербы часто оказываются уже тесно связанными с глаголами (ср. выше о хеттском). Отличие хеттского от некоторых других языков заключается в том, что элементы с этой тройной функцией в таких языках, как греческий, предшествуют связан-

ному с ними имени (т. е. используются как предлоги), а в хеттском следуют за именем (т. е. являются послелогами). Однако в лувийском языке наряду с послелогами в качестве предлога используется элемент этого типа *anpan* 'под', соответствующий ликийскому предлогу *ēnē*; о развитии наречий в предлоги в ликийском свидетельствует также ликийский предлог *hri* 'для', 'над', соответствующий хеттскому послелогу *šer*, лувийск. *šarri*. Сравнение хеттских наречий с лувийскими показывает, что система этих наречий была унаследована от общеанатолийского (табл. 19); многие ее элементы могут быть возведены и к общеиндоевропейскому. Но особенно важно то, что в результате анализа синхронных соотношений в хеттском языке можно установить происхождение из падежных форм тех наречий, которые в других индоевропейских языках потеряли уже всякую связь с парадигмой имени, так как соответствующие существительные были утрачены. Так, греч. *ἀντι*, дринд. *anti*, латинск. *ante* 'перед' в хеттском языке соответствует наречие *hanti* 'отдельно', 'раздельно', 'особо', по происхождению являющееся формой дательного-местного падежа от существительного *hant-* 'лоб', 'передняя сторона', хотя уже и в хеттском языке семантическая связь между этими словами прерывается; древнее значение сохранено в сложном послелоге *mana-hhanda* 'перед', 'напротив', 'по отношению к' (от *mane-* 'лицо' + *handa*, ср. англ. *in front of*, франц. *en face de*), ср. *handa* 'таким образом', которое может рассматриваться как древняя форма направительного падежа на *-a* (ср. палайск. *hanta*, греч. *ἀντα*). Различение форм на *-i* и на *-a*, характерное для хеттских форм типа *hant-i*, *hant-a* (ср. хеттск. и лувийск. *šarra*: лувийск. *šarri*), позволяет утверждать, что они превратились в изолированные адвербиальные формы еще тогда, когда различались местный падеж на *-i*- и направительный падеж на *-a*, которому в наречиях других индоевропейских языков соответствует **-ō* (по-видимому, ступень растяжения тематического гласного чистой основы). Возможно, что по отношению к общеанатолийскому (и тем более по отношению к общеиндоевропейскому) противопоставление форм на *-i*:*-a* < **-ō* следует рассматривать не как различие падежей, а как противопоставление полунаречных форм, образованных от имени существительного.

В парадигме общеанатолийского существительного, к которому можно возвести хеттск. *šer* 'над', лувийск. *šarri*, лик. *hri*, хеттск. *šara*, лувийск. *šarra*, можно обнаружить чередование корневого гласного **e* в древней форме именительного-винительного падежа единственного числа **ser-* и нулевой ступени (или ступени *a*) в основе косвенных падежей *s(a)r-*,

что совпадает с наиболее архаичным типом противопоставления двух основ в парадигме имен среднего рода типа *pir* 'дом', *kir* 'сердце' (см. табл. 9, типы 2а и 3), ср. также аналогичные чередования в родственных наречиях других индоевропейских языков. Исконный именной характер слов типа *šer-* подтверждается и тем, что в хеттском и других анатолийских языках имеется целый ряд именных основ, образованных от этих слов с помощью древних индоевропейских именных суффиксов, ср. слова с суффиксом *-zzi* (< **-tjo-*) типа *hantezziya-* 'передний', 'первый' (от *hant-*), *šarazi-* 'верхний' (лик. *hrzzi*) и т. п., *katt-era-* 'нижний', образованное посредством суффикса **-ero-* от основы наречия *katta(n)* 'под', 'вниз' и т. п. Дальнейшее образование адвербиальных падежных форм от этих основ было возможно в хеттском языке и в более позднюю эпоху, ср. формы типа *aralza* 'извне', отложительный падеж от основы, давшей *arha* 'вне', *kattanda* от *katta(n)* (с окончанием творительного падежа *-nda*) и т. п.

Именное происхождение хеттских послелогов подтверждается тем, что в древнехеттских текстах вместо сочетаний личного местоимения с послелогом используется сочетание наречия-послелога, функционирующего в роли существительного среднего рода, с последующим притяжательным местоимением: ср. *piran-tet* 'перед тобой' (букв. 'перед твой'), *piran-šet* 'перед ним', *piran-šemet* 'перед ними', где в качестве древнехеттского существительного выступает слово, родственное лувийск. *parran*, иерогл. *paran*, ср. также хеттск. *para*, лувийск. *pari*, иерогл. *paraji*, лик. *pere*, греч. *παρα*, *πέρι*, латинск. *prae*, *per*, русск. *про-*, *пра-* и т. п. Сходным образом хеттск. *katta(n)* 'под', родственное греч. *κάτα* 'вниз', в древнехеттском языке выступает в конструкциях *katti-mi* 'подо мной', *katti-ti* 'под тобой', *katti-ši* 'под ним' (сочетание дат.-мест. пад. ед. ч. существительного *katta* + дат.-мест. пад. ед. ч. притяжательных местоимений 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч.). Эти хеттские конструкции с энклитическими притяжательными местоимениями напоминают спрягаемые (слитно-местоименные) предлоги в древнеирландском, где к предлогам присоединяются энклитические местоимения. Возможно, что это сходство является не только типологическим, так как другие сходства в употреблении местоименных энклитик в хеттском и ирландском объясняются развитием древних синтаксических норм, унаследованных от индоевропейского.

Скопление энклитик в агглютинативных комплексах в начале хеттского предложения, напоминающее агглютинативные цепочки аффиксов в хеттских словоформах, имеет точное соответствие в других анатолийских языках. В лувийском,

как и в хеттском, выделяется несколько позиционных классов энклитик: хеттскому классу Э₁ [частица косвенной речи *-ца(r)*], см. выше] соответствует лувийская энклитика *-ца-*, занимающая аналогичное место в начальном комплексе энклитик; хеттскому классу Э₂ (местоименным энклитикам) соответствует третий лувийский позиционный класс (внутри которого энклитики винительного падежа находятся на втором месте, как в хеттских сочетаниях типа *-šmaš-an*); хеттскому классу Э₃ (возвратной частице *za*) соответствует второй лувийский класс (возвратная частица *ti*, ср. иероглифическое *ti*; общехетто-лувийский характер возвратной частицы представляет интерес для выяснения истории анатолийского медиопассива); хеттскому классу Э₄ соответствует лувийский пятый класс, к которому относятся энклитики *-tar*, *-tta*, ср. иероглифическое *ta*; в четвертый лувийский класс энклитик входит энклитика *-кица*, возможно связанная с основой относительного местоимения (ср. палайскую энклитику *-кица*). В новохеттском и лидийском, отчасти и в других поздних анатолийских языках (в иероглифическом лувийском и ликийском), начальные комплексы энклитик являются синтаксической нормой, тогда как в древнехеттском и палайском (возможно, отчасти и в лувийском) встречаются и предложения без начальных энклитических комплексов. Поэтому не лишено вероятия предположение, что распространению энклитических комплексов в новохеттском и лувийском языках могло способствовать (в качестве катализатора) воздействие хурритского языка, где аналогичные агглютинативные комплексы «ассоциативных» синтаксических суффиксов играют важную роль в предложении. Однако, если хурритское влияние и сыграло некоторую роль в усилении удельного веса этого явления, то основы его несомненно были индоевропейскими (ср. выше о некоторых особенностях употребления форм имени, объясняемых особенностями индоевропейского синтаксиса, но получивших распространение под аккадским влиянием).

Постановка энклитик на втором месте в предложении была характерна для всех древних индоевропейских языков, но наиболее точное соответствие хеттским комплексам обнаруживается в кельтских языках, где аналогичные сочетания приставок с местоимением, инфигированным между приставкой и глаголом, получили необычайно широкое развитие. Для доказательства общности происхождения этих явлений важно то, что хеттские союзы, вводящие начальные комплексы энклитик, родственны кельтским приставкам, которые присоединяются к глаголам только для того, чтобы служить опорой для инфигированных местоимений: новохеттский союз *ni* соответствует ирландской приставке *no-*, древнехеттский

союз *ta* — ирландской приставке *do-* (**to-*; в конечном счете этот элемент родствен местоимению, ср. его употребление в древнехеттском). Хеттский союз *mān* 'если' (ср. дрхеттск. *mān* 'когда', лувийск. *mān*, палайск. *mān* 'если', 'когда'), который вводит комплексы энклитик, можно сравнить с ирландским *tá* 'если', которое может сочетаться с инфигированными местоимениями. Общеиндоевропейским источником для этих кельтских и хеттских конструкций являются более древние сочетания типа: «наречие + энклитики + ... + глагол». Хеттское *ni* сохраняет еще следы двух функций: более новой — союз «и» — и более древней — наречия «ныне» (ср. *kinipit* 'сейчас' из *ki* + *nip*, лувийск. *nānīp*, палайск. *ni* 'и', 'сейчас', ср. родственное греч. *νῦν*, русск. *ныне* и т. п.). Можно предположить, что и другие хеттские союзы, вводящие местоименные комплексы, восходят к наречиям (ср. *n* в *mān*, характерное для наречий именного происхождения типа *kāt-tan*). Таким образом, с диахронической точки зрения хеттские предложения с начальным союзом (например, *ni*, см. схему 6) и с начальным наречием (схема 7) восходят к одному типу. В древнеирландском тип такого хеттского предложения воспроизведен в пределах одного глагольного слова: хеттскому начальному союзу-наречию соответствует начальная приставка, хеттскому комплексу энклитик — инфигированное местоимение, хеттскому конечному глаголу — глагол, следующий за инфигированным местоимением. Точно так же хеттскому предложению с начальным комплексом *ni-ši* 'и ему' в литовском языке соответствуют приставочные возвратные глаголы типа *ni-si-austi* (ср. также аналогичные конструкции с частицами *ne-*, *be-*, *te-* за которыми в литовском языке следует возвратное местоимение, предшествующее глаголу, и латышские глаголы, начинающиеся с *da-si-*). Употребление сочетания приставки с энклитикой, сходное с хеттским сочетанием наречия с энклитикой, обнаруживается и в старолитовских прилагательных, где после приставки *pa-* перед именной основой может выступать *-io-*, соответствующее хеттской энклитике *-ja*, ср. лувийский союз *pa-* в начале комплекса энклитик и старолитовские глаголы типа *pa-mi-gailies*.

В хеттском и других анатолийских языках (как и во многих других древних индоевропейских языках, например, в древнеиндийском, а также в языках, где конечные формы глагола безударны, как в греческом, или не участвуют в аллитерациях, как в древнегерманских, и т. п.) глагол обычно занимает последнее место в предложении. Поэтому, согласно общеиндоевропейскому закону, по которому энклитики стоят на втором месте в предложении, в хеттском языке энклитики могли следовать за глаголом только в

случае, если он был единственным неэнклитическим словом в бессоюзном предложении, ср., например, в документе Теллепинуса *pañdū-ça-za* 'да идут-де себе [они]', в хеттских законах *šaktaizzi-an* 'он ухаживает за ним'. Такие случаи в хеттском языке в точности соответствуют суффигованию местоимений в кельтских и диалектных литовских (жемайтских) глагольных формах, а также в тохарском глаголе.

Эти факты делают вероятным предположение, что местоименные энклитики в древнейшую эпоху могли следовать за словом любого класса, если оно находилось на первом месте в предложении, в том числе за именем, к которому восходит в конечном счете наречие. В связи с этим представляет интерес то, что древнехеттские энклитические притяжательные местоимения, присоединявшиеся к именам и к наречиям-последологам, в 1-м и 2-м лице обнаруживают несомненное сходство с глагольными показателями (вторичными окончаниями) I спряжения *m-* и *t-*: хеттск. притяж. мест. 1-го лица ед. ч. од. р. *m-iš*, ср. р. *m-et*, мн. ч. од. р. *m-eš*, 2-го лица *t-iš*, *t-et* (3-е лицо представляется менее архаичным как по своей семантике, так и потому, что в нем обнаруживается показатель множественности: ед. ч. *š-*: мн. ч. *š-m-*, тогда как в двух первых лицах число в самой основе не выражено, что явно свидетельствует об архаизме форм). Можно было бы предположить, что присоединение таких энклитических элементов к чистой основе, занимавшей первое место в предложении, привело к возникновению глагольных вторичных (а затем и первичных) окончаний. Таким образом, некоторые архаичные черты хеттского синтаксиса, возможно, позволяют проникнуть в период становления глагольных флексий.

10. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В отличие от рассмотренных выше морфем, выражающих обязательные для данного класса слов грамматические значения, словообразовательные морфемы носят менее обязательный характер. Деривационные значения связаны с грамматикой лишь постольку, поскольку они относят слово к тому или иному грамматическому классу (например, имени или глагола) и тем самым определяют набор обязательных для него грамматических значений. Но сам по себе этот набор грамматических значений (выраженных соответствующими морфемами) достаточен для отнесения слова к тому или иному классу без помощи каких-либо словообразовательных средств (их необязательность делает спорным предположение о наличии в таких случаях нулевого суффикса): так, значения, выраженные в каждой словоформе су-

существительного *çett-* 'год' или глагола *'ed-* 'есть', сами по себе достаточны для отнесения данного слова к классу существительных. Такое отнесение слова к грамматическому классу (части речи) без помощи положительных словообразовательных морфем (или «нулевое» словообразование по другой терминологии) в хеттском языке достаточно широко представлено в классе глаголов, где имеется значительное число корневых глаголов, и очень слабо развито в классе имени, где число корневых имен весьма мало. Почти каждое хеттское существительное имеет хотя бы один (а часто и больше, чем один) суффикс, показывающий, что существительное относится к классу имен. Функция словообразовательного аффикса (т. е. деривационное значение) может ограничиваться отнесением слова к классу имен, но при этом может выражаться и некоторое дополнительное деривационное значение, независимое от значения основы, к которой присоединяется аффикс. При наличии в хеттском языке значительного числа синонимичных словообразовательных аффиксов, часть которых представлена немногочисленными словами с не всегда ясным значением, установление тонких смысловых различий между этими аффиксами оказывается весьма затруднительным; поэтому легче бывает указать тип деривационного значения, чем конкретное значение. Выбор одного из многих синонимичных аффиксов, соотносящихся с данным типом деривационного значения, иногда определяется грамматической характеристикой основы (например, глагольной или именной); к которой присоединяется словообразовательный аффикс имени (табл. 17), но наряду с этим часто бывает нужным учитывать и индивидуальные лексические особенности слова. В некоторых случаях удается установить семантические различия между близкими типами деривационных значений, выразившихся посредством различных суффиксов (например, *-atar*, — табл. 17, № 1, — и *-eš-šar*, — табл. 17, № 6), но эти различия при некоторых основах нейтрализуются, например в параллельных производных от прилагательного *palḥ-i-* 'широкий', *palḥ-atar*, *palḥ-aššar* и *palḥ-ašti* 'ширина', 'широта' (табл. 17, № 5), ср. также *çašt-ai-* (№ 2) и *çašt-ul* 'грех' (№ 10) и т. п. Наличие целого ряда таких дублетов-синонимов, не различающихся по употреблению, свидетельствует о нерегулярности словообразования, значительно превосходящей отмеченную выше неупорядоченность системы словоизменения имени (т. е. склонения).

Глагольное словообразование (табл. 18) существенно отличается от именного относительной бедностью словообразовательных суффиксов и тем, что выражаемые этими суффиксами значения более близки к грамматическим (ср. вклю-

Именное словообразование

Тип деривационного значения	Способы выражения	Условия выбора данного способа (грамматический класс основы, видоизменяемой при словообразовании)	Примеры
I. Отвлеченные имена и имена действия	<p><i>-atar</i> (№ 1) при наличии полной парадигмы имени (на <i>-ann-</i> в косв. падежах)</p> <p><i>-ai</i> (№ 2)</p> <p><i>-att</i> (№ 3)</p> <p><i>-a-</i> (№ 4) од.р. и ср. р.</p> <p><i>-ašti</i> (№ 5)</p>	<p>Глагол, прилагательное, редко существительное</p> <p>Глагол</p> <p>Глагол</p> <p>Глаголы по ограниченному списку</p> <p>Прилагательные</p>	<p><i>rapr-atar</i> 'осквернение', 'ритуальная нечистота' (<i>raprai-</i> 'осквернить')</p> <p><i>qašt-ai</i> 'грех', 'вина' (<i>uaštai-</i> 'грешить')</p> <p><i>aniḷatt-</i> 'действие' (<i>aniḷa-</i> 'действовать')</p> <p><i>harga-</i> од. р. 'погибель' (<i>ḥark-</i> 'гибнуть'); <i>naḥḥan</i> ср.р. 'почитание, боязнь' (<i>naḥ-</i> 'бояться')</p> <p><i>palḥ-ašti-</i> 'ширина' (<i>palḥ-i-</i> 'широкий')</p>
Ia. Отвлеченные имена и имена действия с оттенком эффекта (результата), цели и орудия действия	<p><i>-eššar</i> (№ 6), <i>-ešn-</i> в косвенных падежах</p> <p><i>-ešḥa</i>, <i>-ašḥa-</i> (№ 7)</p> <p><i>-ima</i> (обычно при редупликации корня) (№ 8)</p> <p><i>-zel</i> (№ 9)</p> <p><i>-(u)l</i> (№ 10a)</p>	<p>Глагол, прилагательное, редко существительное</p> <p>Глагол</p> <p>Глагол</p> <p>Глагол</p> <p>Глагол, прилагательное</p>	<p><i>ḥatr-eššar</i> 'известие' (<i>ḥatrai-</i> 'писать')</p> <p><i>uniḥašha-</i> 'украшение' (<i>uniḥai-</i> 'украшать')</p> <p><i>lalukk-ima-</i> 'свет', 'теплота' (<i>luk-</i> 'светать')</p> <p><i>šarnik-zel-</i> 'возмездие', 'возмещение' (<i>šarni(n)k-</i> 'возмещать')</p> <p><i>ašš-u-l</i> 'добро' (<i>aššu-</i> 'добрый', 'хороший')</p>

Тип деривационного значения	Способы выражения	Условия выбора данного способа (грамматический класс основы, видоизменяемой при словообразовании)	Примеры
Ia.	<p><i>-ur</i> (№ 11)</p> <p><i>-ri</i> (№ 12)</p> <p><i>-ta</i> (№ 13)</p> <p>Редупликация (№ 23а) с огласовкой <i>a</i> второго слова</p>	<p>Глагол, прилагательное</p> <p>Глагол</p> <p>Глагол (изолированные случаи)</p> <p>Глагол (изолированные случаи по списку)</p>	<p><i>anlur</i> 'обряд' (<i>anija-</i> 'действовать')</p> <p><i>etri</i> 'еда' (<i>ed-</i> 'есть')</p> <p><i>šaš-ta</i> 'ложе' (<i>šeš-</i> 'отдыхать', 'спать')</p> <p><i>temal</i> 'крупа' (<i>malla-</i> 'молоть')</p>
II. Название орудия действия	<p><i>-ul</i> (№ 10)</p> <p><i>-uzzi</i> (№ 14) (иногда с редупликацией корня)</p> <p><i>-alli</i> (№ 15)</p> <p><i>-kla</i> (№ 16)</p>	<p>Глагол</p> <p>Глагол</p> <p>Существительное</p> <p>Глагол (изолированные случаи)</p>	<p><i>šešar-ul</i> 'сито' (<i>šešarija-</i> 'просеивать через сито', 'процеживать')</p> <p><i>Kunkunuzzi</i> 'Кункунуци, имя чудовища Уликумми — каменного убийцы' (<i>kuen-</i> 'бить', 'убивать')</p> <p><i>hul-all</i> 'веретено' (ср. <i>hula-na-</i> 'шерсть')</p> <p><i>aku-kla</i> название сосуда (<i>eku-</i> 'пить')</p>
III. Имя деятеля	<p><i>-talla</i> (№ 17)</p> <p><i>-tara</i> (№ 18)</p>	<p>Глагол</p> <p>Глагол (изолированные случаи)</p>	<p><i>uškiškatala-</i> 'дозорный' (<i>uškišk-</i> длит. от <i>au-</i>, <i>ušk-</i> 'видеть')</p> <p><i>ueš-tara</i> 'пастух' (<i>ueš-ija-</i> 'пасти')</p>

Тип деривационного значения	Способы выражения	Условия выбора данного способа (грамматический класс основы, видоизменяемой при словообразовании)	Примеры
III.	<i>-ala</i> (№ 19)	Глагол, существительное	<i>arkamiġala-</i> 'музыкант, играющий на <i>arkami</i> '
IV. Название лица женского пола	<i>-šara</i> (№ 20)	Существительное	<i>išha-ššara-</i> 'госпожа' (<i>išha-</i> 'госпожа')
V. Собирательное имя существительное	<i>-(a)nt-</i> (№ 21)	Существительное	<i>antuššann-ant-</i> 'население' (<i>antuššatar</i> , основа косв. пад. <i>antušš-ann-</i> 'человечество')
	<i>-atar</i> (№ 1)	Существительное	<i>antušš-atar</i> 'человечество' (<i>antušša-</i> 'человек')
VI. Прилагательное	<i>-u-</i> (№ 22)	Корень глагола с суффиксом типа <i>-eš-</i> или <i>-ni-</i>	<i>park-u-</i> 'высокий' (<i>park-eš-</i> 'становиться высоким', <i>barg-anu-</i> 'делать высоким')
	<i>-i-</i> (№ 23)	Корень глагола с суффиксом типа <i>-eš-</i>	<i>danku-i-</i> 'темный' (<i>danku-eš-</i> 'делаться темным')
	<i>-(a)nt-</i> (№ 21)	Прилагательное	<i>irmala-nt-</i> 'больной' (<i>irmala-</i> 'больной')
	<i>-u-ant-</i> (№ 22+21)	Глагол, существительное	<i>kišt-uçant-</i> 'голодный' (<i>kašt-</i> 'голод')
VIa. Прилагательные, обозначаю-	<i>-ala-</i> (№ 24)	Существительное, прилагательное	<i>genzuġ-ala-</i> 'дружественный' (<i>genzu</i> 'склонность'); <i>atta-la-</i> 'отцовский' (<i>atta-</i> 'отец')

Тип деривационного значения	Способы выражения	Условия выбора данного способа (грамматический класс основы, видоизменяемой при словообразовании)	Примеры
щие отношение, и притяжательные прилагательные	-ašša- (№ 25)	Существительные — названия частей тела	Ḥantašša- эпитет (имя) божества (ḥant- 'лоб')
	-ili(i)- (№ 26)	Существительные, прилагательные, наречия	karu-ili- 'прежний' (karu 'прежде')
VIб. Прилагательные, обозначающие происхождение	-um(a)n- (№ 27)	Существительные	Ḥattuš-umna 'из Хаттуса' (Ḥattuš-aš)
VIв. Прилагательные сравнительные и обозначающие социальные отношения	-izzi(ia)- (№ 28)	Основы наречий-последлогов	ḥantezziia- 'передний', 'главный' (ḥant- 'перед', 'лоб')
	-era- (№ 29)	Основа наречия katta 'под'	katt-era- 'нижний'
VII. Наречия (прилагательные, используемые при глаголах)	-illi (№ 26)	Существительные	ḥatt-illi 'по-хаттски' (Ḥatti 'Хатти')

чение длительных глаголов на -šk- в парадигму глагола в новохеттский период); характерно, что и из именных суффиксов грамматическими становятся показатели неличных форм глагола. Немногочисленность глагольных суффиксов компенсировалась развитостью системы наречий-превербов (табл. 19), которые могли образовывать сложные единства типа *piran arḥa pai-* 'отходить прочь от кого-нибудь', передающие сложные пространственно-видовые оттенки действия (ср. аналогичное соотношение между ролью суффиксов в классе имен и префиксов в классе глаголов во многих

Глагольное словообразование

Тип деривационного значения	Способы выражения	Условия выбора данного способа (грамматический класс основы, видоизменяемой при словообразовании)	Примеры
I. Длительность— Ia. Длительность— итеративность— распределительность (применительно ко множеству одинаковых действий, субъектов или объектов)	- <i>anna-</i> (№ 30) - <i>šk-</i> (№ 31) - <i>šša-</i> (№ 32) редупликация (№ 336) с нулевой огласовкой или огласовкой <i>a</i> второго слога	Глагол Глагол Глаголы по списку Глагол	<i>ija-anna-</i> 'маршировать', 'идти походом' (<i>ija-</i> 'идти') <i>akkušk-</i> 'попивать' (<i>eku-</i> 'пить') <i>ešša-</i> 'делать' (<i>ija-</i> 'делать') <i>lelihuai-</i> 'лить' (во много предметов) (<i>lahucai-</i> 'лить')
II. Каузативность	- <i>ni-</i> (№ 34) инфикс - <i>n(in)-</i> (№ 35)	Глагол Глагол	<i>harg(a)ni-</i> 'губить' (<i>hark-</i> 'гибнуть') <i>har-nin-k-</i> 'губить'
III. Приобретение данного качества под влиянием воздействия субъекта	- <i>ahh-</i> (№ 36) - <i>ni-</i> (№ 34)	Прилагательное Прилагательное (часто на - <i>u-</i>)	<i>šarazzi-ahh-</i> 'делать более высоким' (<i>šarazzi-</i> 'верхний') <i>ter-ni-</i> 'унижать' (<i>ter-u-</i> 'маленький')
IV. Приобретение данного качества	- <i>eš-</i> (№ 37)	Прилагательное (часто на - <i>i-</i> и на - <i>u-</i>)	<i>danku-eš-</i> 'темнеть' (<i>danku-i-</i> 'темный')
V. Глагольность как таковая	- <i>ija- ai-</i> (№ 38)	Имя существительное	<i>lamn-ija-</i> 'называть' (<i>lamn-</i> 'имя')

других древних и новых индоевропейских языках, а также особенно показательную параллель с немецкими глаголами с *hin-, herab-* и т. п.). От некоторых сочетаний глаголов с превербами образовывались отглагольные имена, например, *appa appatar* 'повторное приобретение' (от *appa er-* 'вновь захватывать'), что показывает значительную степень спаян-

Таблица 19

Приставки и наречия-превербы¹

Хеттские наречия-превербы или приставки	Перевод без частицы <i>-kan</i>	Пример	Значение в сочетании с частицей <i>-kan</i>	Соответствие в лувийском	Соответствие в иероглифическом лувийском	Соответствие в лийском
<i>anda (n)</i> 'в'	'(опять) в(нутри)'	<i>anda allap-ahh-</i> 'плюнуть в кого-либо'	'в', 'к'	<i>anda</i>	<i>a (n) da</i>	<i>nte²; ntepi</i>
<i>arha</i> 'прочь'	'(обратно) домой'	<i>arhu pai-</i> 'идти прочь'	'прочь'; 'из'	—	<i>arha</i>	<i>eri (?)</i>
<i>ser</i> 'над'	'над'; 'для'	<i>ser allapahh</i> 'плюнуть на что-нибудь'	—	<i>šarri</i>	НАД ³ - <i>ta</i>	<i>hri, hrppi</i>
<i>šara</i> 'вверх'	'опять вверх'	<i>šara allapahh-</i> 'плюнуть вверх'	'вверх'	<i>šarra</i>	НАД ³ - <i>ta</i>	
<i>katta (n)</i> 'под'	'опять вниз'	<i>katta allapahh-</i> 'плевать вниз'	'вниз'	предлог <i>annan</i>	ПОД ⁴ - <i>ta</i> (=kà-ta?)	предлог <i>enē</i>
<i>piran</i> 'перед'		<i>piran huçat-</i> 'идти, бежать вперед'		<i>parran</i>	<i>paran</i>	—
<i>para</i> 'вперед'	'дальше вперед'	<i>para allapahh-</i> 'выплюнуть'	'вперед'; 'наружу'	<i>pari</i>	<i>para/i</i>	<i>pere</i>
<i>appa (n)</i> 'назад'	'назад'	<i>appan pai-</i> 'идти сзади'	'прочь'	<i>appa (n)</i>	<i>apa (n)</i>	<i>erñ</i>
<i>u-</i> 'сюда'		<i>uda-</i> 'принести'		<i>au-</i>		
<i>pe-</i> 'туда'		<i>peda-</i> 'отнести'				

¹ При составлении таблицы использована таблица в статье E. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien*; — «Bulletin de la société de linguistique de Paris», t. 53, 1958, fasc. 1.

² Соответствующий преверб имеется и в карийском (по В. В. Шеворошкину).

³ Иероглифическая хеттская идеограмма со значением 'над'.

⁴ Иероглифическая хеттская идеограмма со значением 'под'.

ности этих сочетаний. Тем не менее тройственная синтаксическая функция наречий-превербов-последелогов в большинстве случаев препятствовала их окончательному превращению в связанные (несвободные) морфемы; исключение составляет только пара соотносительных приставок *u:-pe-* (табл. 19), а также преверб *açan*, встречающийся только в комбинациях типа *açan katta*. Глагольные суффиксы (как и некоторые именные) могли легко комбинироваться друг с другом; вместе с тем глагольные суффиксы (табл. 18) свободно сочетались с именными (табл. 17). Поскольку на сочетания деривационных значений в пределах одного слова не было наложено строгих ограничений, число суффиксов в хеттском слове могло быть достаточно большим, ср. такие производные, как *u-ški-ški-tall-atar* 'охрана', где за корнем следует четыре суффикса — два глагольных (дважды повторяющийся суффикс *-šk-*) и два именных, или *aš-and-ul-atar* 'гарнизонная служба'. Возможность ясного анализа словообразовательных отношений в агглютинативных последовательностях живых (продуктивных) суффиксов облегчает задачу такого же анализа хеттских суффиксов с исторической точки зрения (ср. выше об агглютинации в хеттских суффиксах словоизменения).

Многие хеттские именные суффиксы являются результатом слияния двух (а в редких случаях — трех) древних индоевропейских словообразовательных элементов (табл. 20). Происхождение многих именных суффиксов из слияния элементов типа **-e/or-*, **-e/on-*, **-e/os-*, **-e/ot-* и т. п. легко устанавливается на основе фактов самого хеттского языка, ср. чередование основы именительного-винительного падежа на *-ess-ar-* и основы косвенных падежей на *-eš-n* (табл. 9, тип 1a), доказывающее сложный характер суффиксов *-ešš-ar-*: *eš-n*, словообразовательные соотношения типа *ašš-u-*: *ašš-u-l* (табл. 17, № 22 и 10a), *pank-u-* ('целый', 'собрание'): *pank-u-r* ('род'), которые свидетельствуют о сложном характере суффиксов *-u-l* (табл. 17, № 10a и 10), *-u-r* (табл. 17, № 11) и т. д. Ограничения, наложенные на эти сочетания древних суффиксальных элементов, определяются преимущественно правилами морфонологического строения индоевропейского слова (отсутствие сочетаний плавных, сочетаний плавных с носовыми фонемами и т. д.). В этих пределах индоевропейские аффиксы сочетались достаточно свободно, хотя в хеттском языке можно обнаружить отсутствие некоторых сочетаний, имеющих в других древних индоевропейских языках: в хеттском отражены сочетания типа **-t-er*, **-t-en-*, **-n-t-*, но нет сочетания **-r-t* (ср. ведийские гетероклитические существительные типа *yaç-r-t* 'печень'). Все элементы, из сочетаний которых сложились именные суффиксы; являются

о общеиндоевропейскими. В хеттских существительных (в отличие от прилагательных) они иногда уже не выделялись, ср. существительные типа *gen-u-* 'колено', *tar-u-* 'дерево', где в хеттском (как и в других индоевропейских языках) древний основообразующий элемент *-u-* сросся с корнем, тогда как в прилагательных типа *pank-u* основообразующее *-u-* легко выделяется (ср. хеттск. *pang-arit* 'целиком', 'целой массой', соотносившееся с *pank-u-* и т. п.).

Сочетания суффиксов превращались в целые сложные суффиксы уже во время диалектного развития, так как ряд существительных со сложными суффиксами в хеттском языке совпадает с аналогичными существительными в отдельных группах индоевропейских диалектов, ср. соответствие хеттск. *i-tar* (от *i-* 'идти') в латинском и тохарском, совпадение хеттск. *dalug-ašti* 'длина' (от *daluk-i* 'длинный'), польск. *dlugość*, чешск. *dlouhost* (ср. также хеттск. *palh-ašti* и типологически сходное русск. *пол-ость*, где суффикс *-ость* однако, не является исконным восточнославянским), совпадение именных производных на **-u-er, *-u-en* от *tarh-* 'побеждать' (ср. выше о супине этого глагола) в хеттском и индоиранском (последний случай представляет особый интерес, потому что производное на *-nt* от основы *tarhu-* было общеанатолийским именем бога грозы, ср. выше) и т. д.

Каждый суффикс, получившийся в результате сочетания древних суффиксальных элементов, может подвергаться тематизации, т. е. присоединению тематического гласного **-o-*. Тематизованные суффиксы, хронологически более поздние, в хеттском языке характеризуют прежде всего прилагательные (которые и по особенностям словообразования обнаруживают свое позднее происхождение) и имена деятеля, ср. соотношение *-atar: -tara-* (табл. 17, № 1 и 8), *-zil-* (табл. 17, № 9, ср. палайск. и лувийск. *-til-*): *-talla-* (табл. 17, № 17) и аналогичное *-eššar* (табл. 17, № 6): *-ššara-* (табл. 17, № 20); последнее соотношение особенно отчетливо обнаруживается в случае *šupp-eššar* 'чистота': *šupp-eššar-a-* 'девственница' (от *šupp-i-* 'чистый').

Именное словообразование в других анатолийских языках, насколько его можно восстановить по скудным сохранившимся лексическим данным, было сходно с хеттским, ср. хеттск., лувийск. и иерогл. лувийск. суффикс *-at(t)*, табл. 17, № 3, общеанатолийский суффикс лиц женского пола *-sara-* (лувийск. *-sri-*), хеттские и лувийские суффиксы прилагательных с элементами *-l-* (табл. 17, № 24 и 26) и *-ss-* (табл. 17, № 25), которые в лувийском характеризуются специфически лувийским основообразующим именным элементом *-i-* (*-ašši-*, *-ali-* и т. п.), хеттский суффикс, обозначающий происхождение, *-umar* (табл. 17, № 27) < **-uṣan*, и лувийск. *-uṣan*. Характерное для

Происхождение именных суффиксов

Первый элемент	Второй элемент									
	0	-(e)г-	-(e)л-	-e(п)-	-(e)л-	-(e)и-	-(e)п-	-(e)л-	-(e)с-	*-o->хеттск. -a-
-(e)г-	Табл. 9, тип. 1	—	—	—	Табл. 17, № 12	е ^h а ^h -ги 'слезы' ца ^h а-ги 'источник'	—	—	—	Табл. 17, № 18, 20, 28
-(e)л-	Табл. 17, № 10а	—	—	—	Табл. 17, № 15, 26	—	—	Табл. 17, № 9	—	Табл. 17, № 16, 17, 18, 24
-(e)п-	Табл. 9, тип. 1, 2, 3	—	—	—	—	—	—	Табл. 17, № 21; Табл. 16, № 43	—	була-па- 'шерсть'
-(e)л-	Табл. 17, № 2 и 23	—	—	—	—	—	табл. 17, № 8	—	—	Табл. 17, 28
-(e)и-	Табл. 16, № 41, Табл. 17, № 22	Табл. 17, № 11; Табл. 16, № 39	Табл. 17, № 10а	Табл. 17, № 20, Табл. 16, № 42, 37	—	—	—	Ср. табл. 17, № 14	—	—
-(e)м-	—	—	—	Табл. 17, № 22	—	—	—	—	—	Табл. 17, № 8

Первый элемент	Второй элемент										
	0	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	-(e)ʹ-	*-o->кэггс.-а-
-(e)t-	Табл. 17, № 3	Табл. 17, № 1, 17; табл. 16, № 38	Табл. 17, № 17, ср. табл. 17, № 16 (*te)	Табл. 17, № 1; табл. 16, № 36, 40	Табл. 17, № 5; ср. № 14, 28	—	—	—	—	—	Табл. 17, № 13
-(e)s-	—	Табл. 17, № 6, 20	—	Табл. 17, № 6	—	—	—	—	Табл. 17, № 5	—	Табл. 17, № 25
*-o-	Табл. 17, № 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

хеттского языка предпочтение к производным на *-l* при соответствующих производных на *-r* в других индоевропейских языках (хеттские имена деятеля на *-talla-* при *-tara-* в двух изолированных словах и **-ter* во всех других языках, кроме славянских) находит соответствие в иероглифическом лувийск. *antatali* 'внутренний' (от *anta-*, хеттск. *anda-*, — табл. 19), соответствующем латинск. *in-ter*, авест. *an-tar²* (в анатолийских языках *anda-* соответствует функционально латинск. *in*, ср. также хеттские производные от *anda anturja-*, *andurza* с элементом *r*). Но вместе с тем в других анатолийских языках обнаруживаются некоторые сложные суффиксы, которые могут быть выведены по табл. 20, но в хеттском языке отсутствуют: ср., например, лувийск. *-man* в *tatarija-man* 'проклятие' (ср. лувийский суффикс медиопассивных причастий на *-m-*, хеттск. *-ima*, — табл. 17, № 8, — и родственные формы на *-m-* и **-men* в других индоевропейских языках). Существенным отличием лувийского языка от хеттского является то, что хеттский продуктивный суффикс гетероклитических отвлеченных имен существительных *-atar* (*-ann-*, табл. 17, № 1) в лувийском (не имеющем гетероклитического склонения) отсутствует. В его функции в лувийском выступает суффикс *-hi(t)* неизвестного происхождения (сравнение с хеттским ларингальным суффиксом *-ha-*, выделяемым в сложном именном суффиксе *-es-ha-*, не дает никаких оснований для достоверных выводов). Полный параллелизм этих суффиксов подчеркивается тем, что они присоединяются к родственным словам хеттского и лувийского языков при образовании отвлеченных производных от прилагательных и существительных, ср., например, хеттск. *idalay-atar* 'зло' (от *idal-u-* 'плохой'); лувийск. *attuyala-hi* 'зло' (от *attuyal-i-* 'плохой' с характерным для лувийского суффиксом *-i-*). Такие случаи, как лувийск. *zida-hi* (отвлеченное от *zili* 'мужчина'), можно было бы считать кальками соответствующих хеттских существительных типа *LÜ-natar* 'мужественность'. Однако хеттские собирательные отыменные существительные на *-atar* являются в свою очередь кальками коллективных форм языка хатти (ср. хеттск. *antuhš-atar* 'человечество' от *antuhša-* 'человек' и коллективную форму в хатти *ca-zari-un* от **zari-* 'человек'). Поэтому и в хеттских формах на *-atar* и в лувийских на *-hi(t)* можно видеть следы воздействия неиндоевропейских языков (не исключено, что и сам суффикс *-hi(t)* был заимствован в лувийском из одного из этих языков). Следует отметить, однако, что собирательное значение, сложившееся у хеттских форм на *-atar* под влиянием форм с префиксом *ca-* (*ci-* / *pi-*) со значением неопределенного множества в языке хатти, не привело к возникновению нового деривационного значения в хеттском языке, так как соответствующее значение имелось

уже у суффикса *-nt-* (табл. 17, № 21, ср. его собирательное значение не только в хеттском, но и в других индоевропейских языках, в частности, в названиях времен года: хеттск. *gimm-ant-*: дринд. *hemantá-* 'зима' и т. п.). Поэтому и оказалось возможным образование таких существительных, как *antuhša-nn-ant* 'население', где за новым собирательным суффиксом *-nn-(atar)* следует старый суффикс с тем же значением *-ant* (причем *-ant* имеет здесь дополнительную функцию превращения имени среднего рода в имя одушевленного рода, играющее роль грамматического субъекта переходного глагола). Набор основных типов деривационных значений, как и главные способы их выражения, в хеттском языке в основном совпадает с тем, что было характерно и для других древних индоевропейских языков.

Однако по сравнению с другими древними индоевропейскими языками в хеттском языке мало распространены корневые имена (без положительных суффиксов), которые в других индоевропейских языках ближе всего стоят к глаголам (корневым) и, может быть, отражают эпоху неразличения имени и глагола. Исчезновение изолированных архаичных корневых имен, в редких случаях встречающихся в хеттских текстах, можно проследить по памятникам, где слова типа *gim-* 'зима', *mid-* 'вода' вытесняются производными типа *gimm-ant-*, *uat-ar*.

Из архаичных способов индоевропейского именного словообразования в хеттском (и, по-видимому, в других анатолийских языках) весьма редко встречается словосложение. Сложные слова древних типов, в которых первое имя имеет форму чистой основы, засвидетельствованы лишь в качестве некоторых собственных имен (типа *Suppi-luli-*) и в виде отдельных изолированных терминов — скотоводческих (*da-iuga-* 'двухлетний', ср. дринд. вед. *tri-yuga-* 'время, охватывающее три периода жизни') и религиозных (*Dagan-zipa* 'Дух Земли'; *pattar-palhi-* букв. 'ширококрылая', название птицы в текстах гадааний, ср. аналогичный тип сложных слов, называемых «перевернутыми *bahuvrīhi*», с последовательностью «определяемое + определяющее» в тохарских, кельтских и древних германских языках). В сложном слове *appa-šiyatt-* 'будущее' (букв. 'после, обратно + день') в качестве первого элемента выступает наречная основа *appa-*, ср. проникновение родственного элемента «па-» в именное словообразование в славянских языках (однако в хеттском это сложное слово может быть пережитком эпохи, когда *appa-* выступало в функции существительного, ср. дрхеттск. *appan-šamet* 'позади них' с притяж. мест. *-šmet*); остается неясным второй элемент в соответствующем сложном слове *apa-sā-wa-ti* 'в будущем' в иероглифическом лувийском (по фонетическим причинам этот элемент не может быть исконно родственным хеттск. *šiyatt-*). В других древних индоевро-

пейских языках словосложение встречается гораздо чаще, но и в них сложные слова ограничены преимущественно специальными областями лексики (такими, как собственные имена и названия профессий, широко представленные сложными словами в греческих крито-микенских текстах линейного письма В). Особая лексическая роль сложных слов делает вероятной гипотезу о том, что в них могли отразиться архаичные черты индоевропейской грамматики дофлективной эпохи (и, во всяком случае, эпохи, предшествовавшей выделению особого класса прилагательных). С этой точки зрения, в словах типа *pattar-palhi-* можно было бы видеть окаменевшие сочетания, эквивалентные бессвязочному именному предложению (*крыло-широкое*). Образование сложных слов новых типов на основе синтаксических сочетаний живого языка наблюдается в таких хеттских примерах, как название зятя *antijant-* (из *anda ijant-*), прилагательное *qizzapant-* 'старый' < **zet-s-pant-* 'год + ушедший' и т. п.

Редупликация в именном словообразовании встречается в сочетании с суффиксацией, ср. тип *Kunkun-uzzi* (табл. 17, № 14) и *lalukk-ima-* (табл. 17, № 8). В первом случае (*kunkun-* от корня *kuen-*) имеет место интенсивная редупликация, находящая соответствие в других анатолийских и индоевропейских языках (распространению этого типа удвоения в хеттском и палайском могло способствовать наличие типологически сходного явления в языке хатти); ср. также встречающийся в хеттском и в других анатолийских языках (в частности, в палайском) тип редупликации *qar-i-qar-ant-* 'горящий' (от глагола *qar-*), соответствующий интенсивной редупликацией в индоиранском. Во втором случае (*lalukk-* от *luk-*) наблюдается обычная редупликация, которая в сочетании с типичной огласовкой индоевропейского перфекта встречается в *temal-* (табл. 17, № 33а). В других индоевропейских языках редупликация этого второго типа характеризует прежде всего глагольные формы перфекта, но в хеттском спряжении на *-hi-*, соответствующем перфекту, встречаются лишь отдельные следы редулицированных форм, например, *tema-*, *temma-* 'говорить' (с ассимиляцией *-tm-* < **-mn-*, ср. лувийск. *tam-tana-* 'говорить'), греч. перфект μέμολα. Использование глагольной редупликации для выражения видового значения (дуративно-дистрибутивного) наблюдается в нескольких хеттских глаголах типа *ceqak-* 'требовать' (много раз множество предметов, от *cek-* 'требовать'), *lehuqai-* 'наливать (в несколько сосудов)' [противопоставлено в том же тексте *lahuqai-* 'лить (в один сосуд)', — табл. 18, № 33б]. Но в дубликатах тех новохеттских текстов, в которых употреблены эти глаголы, используются синонимичные формы на *-šk-*: *cekišk-* выступает параллельно с *ceqak-* в разных вариантах анналов

Мурсилиса II. О древности редуцированных форм свидетельствует не только тип их образования (ср. *цѣцак-* и дринд. *vavaš-*, *leḥḥai-* и греч. причастие *λελουμένος* у Гомера), но и то, что аналогичный способ выражения значения длительного вида посредством редупликации засвидетельствован в других анатолийских языках. Лувийская редуцированная форма типа *lala-* (итеративно-дуративная форма от *la-* 'брат') соответствует по своему значению хеттской форме типа *da-šk-* от *da-*. Точно так же хеттскому противопоставлению *laḥḥai-: leḥḥai-* соответствует аналогичное различие в иероглифическом лувийском между *sarḫi/a-* 'приносить в жертву (одного барана)' и редуцированной формой с длительно-распределительным значением *sasarḫa-* 'приносить в жертву (многих баранов)'. В лувийском языке редупликация в некоторых глаголах сочетается с присоединением суффикса *-šš-*, соответствующего по своей функции хеттскому *-šk-*: лувийск. *pipiša-* (соответствует хеттск. *pešk-* от *pai-* 'давать'); в хеттском встречаются также единичные примеры редуцированных форм на *-šk-* (типа дрхеттск. *kukkurešk-* 'увечить', 'уродовать'). Но в новохеттский период редуцированные глаголы с длительно-распределительным значением были почти полностью вытеснены синонимичными глаголами на *-šk-* (табл. 18, № 31).

Наряду с глаголами на *-šk-* в хеттском языке имелась небольшая группа синонимичных глаголов на *-šša-* (табл. 18, № 32), ср. синонимичные длительные (дуративно-дистрибутивные) формы с этими суффиксами *ḫalze-šk-* и *ḫalze-šša-* (от *ḫalzai-* 'звать'). Аналогичная пара суффиксов *-šk-* и *-š-* имелась в палайском языке, ср. хеттск. *azzik-* (<**at-sk-*), палайск. *azzikk-* и хеттск. *pešk-*, лувийск. *pipi-šša-*, палайск. *pi-ša-*. В лувийском эти два суффикса совпали в *-šš-*, так как **sk* > *-šš-* в лувийском, ср. также итеративные глаголы на *-s-* в иероглифическом лувийском и ликийском. История этих двух параллельных классов глаголов в анатолийских языках совершенно аналогична судьбе глаголов с родственными суффиксами *-sk-* и *-s-* в тохарских языках, где в кучанском сохранились оба класса, совпавшие в одном классе по фонетическим причинам в тохарском А. Сравнение с тохарскими языками и другими индоевропейскими показывает, что **-sk-* может быть возведено к сочетанию суффикса **-s-* с глагольным суффиксом **-k-*, который известен в ряде индоевропейских языков, а в хеттском отразился в глаголах типа *sark-* 'поднимать(?)' (ср. *šer* 'над', *šara* 'вверх'). По-видимому, тот же древний элемент *k* следует выделить в хеттских глаголах с носовым инфиксом (табл. 18, № 35), где этот инфикс почти всегда предшествует *-k-* (то же и в тохарских языках).

Носовой инфикс с точки зрения общендоевропейского состояния был не инфиксом, а суффиксом, предшествовавшим другому суффиксу. Поэтому суффикс *-nu-* (табл. 18, № 34), ср. лувийск. *-nu-*, можно рассматривать как сочетание такого же носового элемента с последующим суффиксом *-u-*, что подтверждается соотношениями типа *ter-n-u-* 'унижать': *ter-u-* 'маленький'; *huiš-nu-* 'оживлять': *huiš-u-* (см. выше); хеттск. *arnu-* (дринд. *ṛ-no-mi-*, греч. *ῥρ-νυ-μι*) соотносится с **(o)ṛ-u-* в других индоевропейских языках. Тот же носовой элемент, очевидно, содержится и в суффиксе *-annai-* (табл. 18, № 30), ср. лувийск. *-anija-*. Особенностью носовых аффиксов являлось то, что в хеттском (как и в ряде других древних языков — тохарских, древнеиндийском) они часто соединялись в одной словоформе с суффиксом **-s(k)-*, ср. хеттские глаголы на *-nešk-* (*-annai-* + *-šk-*), *-nušk-*, присоединение *-šk-* к глаголам с носовым инфиксом. Возможность сочетания этих аффиксов, по-видимому, была связана с близостью их значений: видовое значение длительности в глаголах на *-nešk-*, *-nušk-* кодировалось дважды, ср. избыточное повторение суффикса *-šk-* в глаголах типа *duškišk-* 'радоваться', *šeškišk-* 'спать' (этот тип образования также находит соответствие в тохарском, ср. кучанск. *yaskask-* 'заставлять просить' и т. п.).

С глаголами на *-s-* по происхождению связан суффикс *-eš-*, первоначальной функцией которого было образование глагольных основ на *-eš-* от глаголов (глаголы на *-eš-* спряжения на *-mi* отличались от глаголов на *-šša-* спряжения на *-hi* огласовкой, см. выше, в разделе о морфонологии). В хеттском языке сохранились единичные глаголы этого типа, например, *lukk-eš-* 'светать' (: *luk-* 'светать'), ср. кучанское *luku-*, принадлежащее к классу глаголов на *-s-*, родственных хеттским глаголам на *-šša-*. При исчезновении соотносившегося с глаголом на *-eš-* корневого глагола прежние словообразовательные соотношения менялись. Это легко видеть на примере глагола *parkeš-* 'стать высоким' (встречающегося один раз в поэтическом тексте — в «Песне об Улликумми»), ср. синонимичный глагол *park-ešk-* в том же тексте. Наличие этих двух глаголов предполагает существование корневого глагола, родственного тохарскому *park-* 'подниматься', дринд. *brh-ant-* и т. п. Но поскольку в хеттском языке этот непрямой глагол отсутствовал, *park-eš-* начало соотноситься с прилагательным *park-u-* 'высокий'. В наиболее архаичных глаголах этого типа суффикс *-eš-* присоединяется еще непосредственно к корню, в позднейших производных *-eš-* стал присоединяться к основе прилагательного, ср. *idalau-eš-* 'стать плохим, злым' (от *idalu-* 'злой') и новообразование *pargau-eš-* (от *park-u-*). С преобразованием древнего типа глаголов на *-eš-* связано было и появление форм 2-го лица и 3-го лица множественного

числа с элементом *-s-* перед окончанием (см. выше), ср. форму 3-го лица единственного числа *park-iš-ta*, где *-iš-* легко могло быть переосмыслено как часть окончания. В некоторых глаголах на *-s-* этот формант сросся с корнем (ср. *arš-* 'течь', лувийск. *arš-*, дринд. *arš-* от *ar-*).

Если для глаголов на *-ni-* и *-eš-* значение, связанное с приобретением некоторого свойства, едва ли можно возводить к общиндоевропейскому, то в отношении глаголов с ларингальным суффиксом **-oH-* > *-ahh-* (табл. 18, № 36) древность этого значения удостоверяется совпадением таких словообразовательных отношений, как хеттск. *neca-* 'новый': *necahh-* 'обновлять', греч. *νεος*: *νεειν* 'заново пропахивать', латинск. *novus* (*novos*): *novare* и т. п. Данный пример показывает, что, с общиндоевропейской точки зрения, суффиксальным можно признать только ларингальный **-H-*, присоединившийся к тематической основе **neco-*. Представляется вполне вероятным предположение, что это **-H-* может быть по происхождению тождественно ларингальному показателю второй серии глагольных форм (т. е. хеттского II спряжения), хотя в позднейший период хеттские глаголы на *-ahh-* обычно спрягались по типу спряжения на *-mi* (с частыми отклонениями, встречающимися и у других глаголов). Для выяснения истории этого класса глаголов особый интерес представляют такие изолированные архаизмы, как глагол *armahh-* 'оплодотворять' (без возвратной частицы *-za*); 'быть беременной' (с *za*; ср. *arma-* 'месяц', *irma-* 'больной'), спрягающийся по обоим спряжениям (3-е л. ед. ч. наст. вр. *armahh-i*, 1-е л. ед. ч. прош. вр. *armahh-un*). Можно думать, что глаголы II спряжения в древности обладали особыми семантическими особенностями, сближавшими их с медиопассивом: в этот период ларингальный показатель **-H-* мог использоваться для обозначения какого-либо качества или состояния или перехода в это качество или состояние. Позднее древнее значение глаголов этого класса стерлось, так как разделение по спряжениям стало чисто формальным, но характерно, что от ряда «статических» глаголов II спряжения, обозначающих состояние, не образуются длительные формы на *-šk-*. В глаголах на *-ahh-* можно было бы видеть следы этого же древнего значения ларингального показателя.

Хеттские отыменные глаголы на *ija/ai-* (табл. 18, № 38), родственные лувийским отыменным глаголам на *-i-*, включают ряд производных от именных основ на *-i* (*ueš-i-* 'пастбище': *ueš-ija-* 'пасти' и т. п.), а также производные от других типов именных основ, имеющие соответствия в других языках (*laman-ija-* 'называть по имени', имеющее точные соответствия в греческом и германских языках и др.). Вместе с тем в хеттском имелось и значительное количество

отглагольных образований на *-ija-*, точная функция которых до настоящего времени не определена (ср. выше). Этот глагольный суффикс претерпел во многих хеттских формах существенные фонетические изменения (ср. формы на *-e-*, *-je-* и др. с этим же суффиксом) и в то же время отличается значительно меньшей отчетливостью грамматического значения, что затрудняет его исследование.

Хеттские превербы, являющиеся одним из основных средств глагольного словообразования в новохеттский период, соответствуют превербам, используемым в той же функции в других анатолийских языках (табл. 19); большинство их является общим у хеттского языка со многими индоевропейскими диалектами. Две соотносительные глагольные приставки (*u-* и *re-*), используемые в хеттском языке, находят точное соответствие в аналогичных парах славянских и балтийских языков: хеттская пара глаголов *uca-* 'прийти' и *rai-* 'идти' в конечном счете соответствует русск. *уйти: пойти*. Хеттский язык позволяет проследить постепенное превращение этих двух морфем в связанные, так как наряду с глаголами типа *rai-* в нем имеются конструкции, где *re* выступает как самостоятельный послелог, а наряду с приставкой *u-* сохраняется еще преверб *uca-*, родственный этой приставке и употребляющийся только в сочетании с другими превербами. Однако вместе с тем корневой глагол *i-* 'идти', еще сохраняющийся в лувийском, в хеттском языке вытеснен приставочным глаголом *rai-* 'идти', причем изолированная форма повелительного наклонения от *i-* включена в парадигму этого глагола; в глаголе *rai-* 'давать' приставку можно выделить уже только на основании этимологических соображений (ср. тохарск. *ai-*). Это позволяет думать, что использование *re-* в качестве глагольной приставки началось еще в дописьменный период истории хеттского языка. Развитие глагольного словообразования с помощью превербов, превращающихся в приставки, можно связать с одновременным сужением глагольной суффиксации, уже не использовавшейся для выражения всех тех разнообразных деривационных значений, которые можно реконструировать применительно к индоевропейскому глаголу (ср. почти полное исчезновение таких классов глаголов, как глаголы на *-u* типа *tarḫ-u-*). Эта перестройка глагольного словообразования может быть соотнесена и с тем радикальным изменением, которое осуществляется в спряжении глагола благодаря включению в парадигму длительных видовых форм на *-šḫ-*, развитию аналитических пассивных и перфектных конструкций, использованию возвратной частицы *za* для передачи медиопассивного значения и развитию других аналитических средств выражения оттенков глагольных значений с помощью частиц типа *man*, *šan*, *kan* и т. п.

11. ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Модель мира, которая строилась в хеттском языке, некоторыми существенными чертами отличалась от тех моделей, которые известны в языках более поздних эпох. При этом модель, создаваемая посредством слов и часто непосредственно никак не связанная с моделируемым миром, еще почти совсем не отделялась от того, что моделировалось с ее помощью: об этом говорит значимость слов и заклинаний в хеттских религиозных текстах, а также объединение в одном слове *uttar* 'слово', 'вещь', 'дело', 'причина' тех смыслов, которые в более новых языках обычно разделяются и обозначаются разными словами (ср. также производное *uddan-ija-* 'заговаривать', 'заколдовывать', а также аналогичное хурритск. *tiyi-* 'слово', 'дело'). Роль словесных высказываний достаточно ясно видна уже в завещании Хаттусилиса I, который повелевает своему наследнику советоваться с собранием (панкусом) по поводу религиозных преступлений и того, что «кто-нибудь какое-нибудь слово скажет» (*uttar kuiški kuitki tezzi*, судя по контексту, имеются в виду, очевидно, преступные речи). Именно сознание религиозной и социальной ценности слова (в особенности написанного) способствовало написанию и сохранению многочисленных дошедших до нас хеттских текстов, в которых в словесной форме задавались правила поведения личности и коллектива. Большинство этих текстов носит религиозный характер, что позволяет с наибольшей полнотой исследовать соответствующую хеттскую лексику. Особенностью этих терминов является то, что они моделируют на самом деле не внешний мир, а религиозную модель этого мира и поэтому, с точки зрения современной логики, служат для обозначения концептов, не имеющих денотатов.

В системе новохеттских религиозных терминов ключевым был термин *fara handandatar* 'сверхъестественная правота' (идеограмма NIG.SI.SA-tar), 'божественное чудо', 'мана', которым обозначалась власть богов, проявляющаяся в чудесах и сообщаемая ими царям — их избранникам, благодаря этому приобретающим сверхъестественную правоту (с наибольшей ясностью эта концепция изложена в автобиографии Хаттусилиса III, которого наделила правотой его покровительница — богиня Иштар). В отличие от «вечных» (*uktureš*, ср. *karuñileš* 'стародавние') богов (*šičanneš* 'боги', идеограмма DINGIRMES) люди (*antuḫša-* 'человек', первоначально религиозный термин, заимствованный из языка хатти) совершают грехи (*paštul* 'грех', 'вина', синоним *paštai-*). Из-за грехов, совершенных человеком или его предками, он становится ритуально нечистым (*papratar* 'ритуальная оскверненность').

Оскверненному человеку угрожают беды, которые в ритуалах перечисляются в строго определенном порядке, указывающем на иерархию соответствующих религиозных понятий: «дурная нечистота» (*idalu papratar*), «колдовство» (*alqanzatar*), «гнев» (*karpi*-) богов, страх (*hatugatar*) мертвых (*akkant- 'мертвый'*, причастие от *ak-* 'умирать'), дурной язык всего человечества или панкуса (ср. выше о древней сакральной формуле, содержащей перечисление этих понятий). Для того чтобы очиститься (*šuppiš-ahh-* от прилагательного *šuppi-* 'чистый'), человек должен стать «господином (хозяином) ритуала» (*anniuraš išhaš*): для него жрец или жрица (*hašaya-* 'старая женщина') совершают жертвоприношение (*šipant-* 'совершать жертвоприношение') или обряд (*anniur* 'ритуал'). К многочисленным обязанностям жрецов относится изучение воли богов, которая может быть открыта посредством различных гаданий (*arijaššeššar* 'оракул'), имеющих сложную терминологию (частично хурритскую по происхождению), или во время сна (*tešhit*, твор. пад. от *tešha-* 'сон', религиозный термин, заимствованный из языка хатти), ср. *natzakan naššu tešhit uqallu našmat arijašešnaz handajattaru* 'и это либо пусть во сне я увижу, либо посредством оракула это будет установлено (открыто—*handai-*, связано с *para handandatar*)' (цитата о поисках причины гнева богов во время чумы из молитвы Мурсилиса II). Верховный жрец-царь участвует в совершении многочисленных обрядов и в религиозных праздниках, которые обозначаются специальными терминами, частично заимствованными из языка хатти. Среди собственно хеттских названий религиозных 'праздников особый интерес представляет термин EZEN *nuntarijašhaš* 'праздник быстроты' (от *nuntarnu-* 'спешить'), обозначающий торжества, связанные с зимним перерывом между военными походами. Во время этого перерыва царь должен был успеть быстро объехать культовые центры страны, чем и объясняется название праздника.

«Жрецы» (хеттск. *sankunni-* 'жрец', идеограмма LÚSANGA, термин происходит из формы с хурритским суффиксированным артиклем *-nni*, восходящей, в свою очередь, через аккадское *šangû* к шумерскому *sanga*) выступают в качестве особой социальной группы наряду с «воинами» (идеограмма ERÍNMEŠ, хеттск. *tuzzi-* 'войско'); между этими группами свободных и рабами (идеограмма ÍRMEŠ) промежуточное положение занимали NAMRAMEŠ 'рабы-военнопленные' (хеттск. *arnuqala-*, производное от *arnu-* 'приводить'; в качестве типологической параллели можно указать на рапануйский термин *kio*, обозначающий «побежденных врагов», «слуг», «земледельцев», подчиненных рапануйским жрецам *ivi-atua-*, знати — *ariki* и воинам — *matato*). Ввиду значения военных

походов в жизни хеттского общества военная терминология оказывается тесно переплетенной с социальной: ср. выше о связи дрхеттск. *pankuš* 'собрание' и *pankuš ERÎNMEŠ* 'целое войско' = 'собрание воинов'. Термины, имеющие явное придворное происхождение (например, GAL.GEŠTIN 'главный виночерпий'), используются в качестве военных титулов (ср. типологические параллели в европейской средневековой феодальной лексике и т. п.). Правитель пограничной области, носивший военный титул «хозяина пограничной службы» (*auriḫaš išḫaš*; *auri-* 'сторожевая служба' от *au-* 'видеть', ср. выше об *uškišk-atalla-tar*), в то же время исполнял и гражданские обязанности, ср. аналогичную роль правителя-вассала (*maniḫahh-atalla-* от *maniḫahh-* 'править'). Гражданские правовые отношения регламентировались с помощью разработанной юридической терминологии, ср. особенно важные термины: *šaḫḫan*, обозначающий повинности, отбываемые земледельцами, которые работают на землях, принадлежащих крупным собственникам, храмам или дворцу (царю), и *luzzi* — название повинности, связанной с исполнением общественных работ. Для исследования таких смысловых групп слов необходимо изучение их денотатов — соответствующих реалий.

При исследовании семантики хеттских слов существенно не только выяснение связей слов с внеязыковыми явлениями, моделируемыми с помощью этих слов (денотатами и концептами без денотатов), но и установление правил, по которым связываются смыслы слов в пределах предложения и целого текста. В хеттском языке (как, впрочем, и во многих современных языках) широко распространены способы тавтологического (избыточного) повторения одного и того же смысла, кодированного разными способами в одном и том же предложении (или тексте). Так, в автобиографии Хаттусилиса III (см. Приложение I) в двух предложениях, следующих друг за другом, одно и то же утверждение выражено двумя разными способами: 1) (*Ḫattušili*) MU.KAM^{HLA} *maninkuanteš* 'Хаттусилису) годы укорочены'; 2) *U.UL-ḫaraš TI-annaš* 'ему не жить (долго)'. Соединение таких синонимичных способов выражения одного и того же смысла служит заменой логического рассуждения (ср. выше об аналогическом использовании синтаксической синонимии).

Смысловое строение каждого хеттского предложения и текста определяется характером абстрактной лексики, употребляемой безотносительно к конкретной тематике данного текста (военной, религиозной, юридической и т. п.), ср. слова типа *eš-* (связка, глагол «быть, существовать»), *ḫark-* ('быть у кого-либо в собственности — иметь', ср. выше об отношении между *eš-* и *ḫark-* в хеттском языке), *pai-* ('дать — сделать так, чтобы у кого-либо что-либо было'), *da-* ('брать —

начать иметь то, что дают)¹¹ и т. п. Небольшая часть таких слов становится вспомогательными грамматическими элементами (*eš-*, *hark-*), другие же, оставаясь свободными лексическими единицами, тем не менее при объединении слов с конкретными или специальными значениями играют роль, аналогичную функции синтаксических средств. Некоторые из таких слов могут быть сопоставлены с кванторами в логике (ср. хеттск. *humant-* 'весь', выступающее в некоторых контекстах в качестве аналога логического квантора общности, ср. также выше об употреблении *eš-* и *hark-* как аналогов квантора существования). Как и синтаксические способы, соотносимые с логическими операциями (см. выше), эти абстрактные слова в хеттском языке по своей семантике имеют много общего с аналогичными явлениями в других языках мира. Иначе говоря, несходство хеттской языковой модели мира с более новыми моделями определяется не этими словами, а более специальной лексикой.

В области специальной лексики наблюдается наибольшее число расхождений и у хеттского языка с другими индоевропейскими. Среди наиболее употребительных неспециальных слов с абстрактными значениями (как и среди связанных с ними употребительных слов обиходного конкретного словаря неспециального характера) значительное число восходит к индоевропейскому наследию или к эпохе связей хеттского языка с другими группами индоевропейских диалектов. Но особенности употребления некоторых из этих унаследованных слов в хеттском языке иногда отличаются от того, что наблюдается в других языках. Так, к упомянутой группе глаголов со значениями «иметь — давать — брать» относятся хеттск. *eš-* 'быть', 'существовать' (общеанатолийск. и общиндоевроп. **es-*); *hark-* 'иметь', 'держатъ' (ср. латинск. *arceō* 'запирать', 'содержать'); *rai-* 'давать' (из сочетания приставки *pe-* с глаголом, родственным тохарск. *ai-* 'давать'); *da-* 'брать' (лувийск. *la-* 'брать'; отличается на один смысловой различительный признак от родственных слов других языков со значением «давать»; латинск. *dō*, русск. *дать* и т. п.); *ep-* 'хватать', 'брать' (дринд. *āp-*, латинск. *aptus* и т. п.); *ar-nu-* 'добывать' (дринд. *ṛ-no-mi*, греч. ῥ-νυ-μι), ср. также *cek-* 'требовать' (дринд. *vaś-*, греч. *ἑκ-ών* 'добровольный'). Изменения древних соотношений в этой группе слов, по-видимому, были связаны прежде всего с изменением значения глагола «давать», получившего в хеттском языке значение «брать»; это изменение можно было

¹¹ Ср. об анализе слов этого типа: А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, *О принципиальном использовании смысла при машинном переводе*, — сб. «Машинный перевод», М., 1961, стр. 19; E. Benveniste, «Être et avoir» dans leurs fonctions linguistiques, — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», t. 55, 1960, fasc. I.

бы сопоставить с возможным преобразованием архаичных форм обмена (типа полинезийских), регулировавших имущественные отношения у носителей индоевропейских диалектов (новые формы этих отношений отражены в хеттских терминах *šahhan* и *luzzi*). Иначе говоря, изменение значения глагола «давать», по-видимому, связано не с его абстрактным значением, а с теми специализированными употреблениями, которые отражены в дринд. *dātrá* 'доля', 'дар', греч. *δατρώ* и т. п. Следует заметить, однако, что аналогичные замены типа «дать — брать» могут иметь место в истории речи одного человека (ребенка или афатика) по причинам, аналогичным тем, которые вызывают замену противопоставленных друг другу фонем. В пользу наличия чисто языковых причин изменения группы глаголов, в которую входили глаголы *hark-* и *eš-*, говорит также их постепенное превращение во вспомогательные глаголы.

Глагол *eš-* 'быть', 'существовать' входит также в смысловую группу глаголов *hues-* 'жить', 'существовать' (дринд. *vā-sati* 'обитает', готск. *wisan* 'быть', 'существовать'), *mer-* 'исчезать', 'отмирать' (латинск. *morior*, русск. *умирать* и т. п.), *kuen-* 'бить', 'убивать' (дринд. *ghan-*, индоевроп. **g^{wh}en-*), *ak-* 'умирать' (выступает в качестве супплетивного пассива к *kuen-*; соответствия в других индоевропейских языках недоверны), *hark-* 'гибнуть' (ирл. *org-*, армянск. *harkan-em*, ср. хеттск. *harg-anu-* 'губить') и т. п. Соотношение между медиопассивным *ak-* и активным глаголом I спряжения *kuen-* аналогично соотношению между медиопассивным *kiš-* 'становиться' (ср. латинск. *gerō*, индоевроп. **ges-*) и активным *ija-* 'делать' [лувийск. *aia-*, иерогл. хеттск. *aia-*, тохарск. *ya(m)-*] и медиопассивным *ki-* 'лежать' (палайск. *ki-*) и активным *dai-* 'ставить' (лид. *θα-*); в этом последнем случае древность этих соотношений подтверждается аналогичными соотношениями между родственными греческими глаголами. В этих фактах можно было бы видеть подтверждение древности статических или пассивных глаголов II индоевропейского спряжения, отличавшихся не только грамматически, но и лексически от соответствующих активных глаголов I спряжения, хотя в хеттском и греческом эти отношения уже затемнены из-за появления форм медиопассива I спряжения, к которым относится хеттск. *kitta(ri)*, греч. *κείται*.

Глаголы типа *ki-* 'лежать' входят в смысловую группу, к которой принадлежат глаголы *ar-* 'встать' (латинск. *orior*, греч. *ὄρθο*), *eš-* 'сидеть' (дринд. *ās-←*es-*), *pai-* 'идти' (из приставки *pe+i-*, ср. лувийск. *i-* 'идти'), *ija-* 'идти' (дринд. *yā* и т. п.), *nal-* 'вести', 'направлять', 'поворачивать' (дринд. *nayati*). Особенностью этих глаголов, обозначающих конкретное положение или перемещение человека в пространстве, является то, что они служат также основой для описания

целого класса абстрактных отношений, основанных на пространственных (ср. аналогичное использование наречий-превербов и прилагательных с «физическими» значениями типа *daluki* - 'длинный'). В этом смысле представляет интерес то, что в иероглифическом хеттском (лувийском) письме глаголы этого типа (как и глаголы типа «давать») часто обозначаются посредством изображения человеческих жестов (ср. аналогичные явления в других иероглифических системах письма, дающие основание для того, чтобы сопоставить их с языком жестов). Таким образом, глаголы с абстрактными значениями оказываются связанными с лексикой, которая относится к человеческому телу (ср. также группу глаголов говорения: *meta-*, *çeriia-*, *dai-*, *tar-*, *lamnija-*, *kalleš-* 'звать' с индоевропейскими этимологиями).

Из названий частей тела хеттский язык сохранил некоторые индоевропейские названия (*hir*, *hard-* 'сердце', *pata-* 'нога', *keššar-* 'рука' и др.), заменив другие заимствованиями или новообразованиями: при унаследованном названии «рта» *alš* (латинск. *os*) появилось новое название «губ» *puri*, напоминающее картвельское название «рта» (дргуз. *p'iri*, мегр. *p'łji*), названия «глаз» (*sakuça-*) и «уха» (*ištamana-*) были образованы от соответствующих хеттских глаголов (*šakuça-* 'видеть', ср. готск. *salwan* 'видеть', хеттск. *ištam-aš-* 'слышать', имеющее соотвествия в семито-хамитских языках). Архаичность хеттской лексики обнаруживается применительно к названиям явлений природы (ср. хеттск. *uid-*, *uadar* 'вода', *hap-* 'поток', ср. дринд. *ap-*, *paħhur* 'огонь', *tekan* 'земля', *nepiš* 'небо', *luk-* 'светать', *neku-* 'смеркаться', *neku-* 'вечер', имеющие индоевропейские этимологии) и некоторым названиям животных (*hartagga-* 'медведь', где только хеттский язык позволяет реконструировать фонетический облик слова, видоизмененного при устраниении сочетания согласных, ср. греч. *ἄρκτος*, дринд. *rksas*, латинск. *ursus*; *hara-(n-)* 'орел', *ulipp-ana-* 'волк' (?) с *p* < **k^w*, как в итальянских и германских названиях волка и др.).

Иначе обстоит дело с теми терминами, которые в той или иной мере связаны с социально-экономической структурой общества и его мировоззрением и меняются вместе с изменением культуры (к числу таких культурных терминов относятся и некоторые числительные, например 4, хеттск. *meu-*, лув. *taça*, с соответствием в иероглифическом лувийском). И здесь хеттский язык сохранил древние термины, позволяющие приблизительно определить относительную хронологию времен и отделения анатолийских языков от носителей других индоевропейских диалектов. Естественно, что в нем не могли сохраниться те термины, которые обозначают явления, отсутствовавшие у носителей этих диалектов в ту

эпоху. Так, из индоевропейских названий злаков в хеттском сохраняется только название «ячменя» еца-, находящее соответствие от древнеиндийского языка до кельтских. Сохранена терминология, относящаяся к «упряжи» (iugan 'ярмо', hišša- 'дышло', turija- 'запрягать', išmeri 'упряжь' с соответствиями в древнеиндийском и древнегреческом), но отсутствует коневодческая терминология, которая была позднее перенята хеттами из хуррито-арийской гибридной лексики Митанни. Имеется ряд индоевропейских терминов, относящихся к шерсти (hulana) и ее обработке (kiš- 'чесать'). Эти данные позволяют думать, что к эпохе отделения анатолийских диалектов индоевропейские племена обладали уже развитым скотоводством и только еще начинали осваивать земледелие и овладели начатками коневодства. В этой связи следует отметить, что в хеттских ритуалах и в молитве Муваталлиса (сохранившей отзвуки переселений хеттов), как и в гимнах «Авесты», название «пастуха» ueštara- (авест. vās-tar-) используется по отношению к богам, а «пастбище» (ueši-) — применительно к загробной жизни. В этом словоупотреблении можно видеть следы древнего использования слова *ues-tor-(o-) как социального термина. Из архаичных индоевропейских социальных терминов, отраженных в анатолийских языках, представляет интерес хеттск. arpu-, лувийск. arpuanni- 'несчастный', лик. erbbe, родственное русск. раб, ребенок и названиям «сироты», «обездоленного» в других индоевропейских языках (ср., с другой стороны, хеттск. happar 'цена', соответствующее названиям 'имущества' в других индоевропейских языках).

Особый интерес представляют имена родства, которые совпадают в большинстве анатолийских языков, но решительно отличаются от тех, которые имеются в других индоевропейских языках. Исключение составляют только такие слова, как hubba- 'дед' (с материнской стороны), имеющий соответствие и в анатолийских языках и в других индоевропейских. Совершенно очевидно, что в анатолийских языках отражена терминология, связанная со счетом родства по матери, следы которого обнаруживаются в древнехеттских текстах. Имена родства, характерные для других индоевропейских языков, характеризуются атематическим суффиксом *-ter, который в хеттском мог образовывать только имена среднего рода; большая архаичность этого состояния подтверждается тем, что в других родственных языках имена родства одушевленного рода на *-ter не имеют древнего именительного падежа на *-s (ср. отражение этого типа имен родства в хеттском названии кровного родства išhani-tarra-tar, ср. сходное сочетание двух суффиксов *-ter в латинском matertera).

Некоторые хеттские религиозные термины (mal dai- 'мо-

лить божество, принося ему жертву', ср. русское диалектное молишь 'закалывать барашка на религиозный праздник', šrand-, ср. греч. σπένδω 'совершать жертвоприношение') восходят к общеевропейскому. Но большинство новохеттских терминов отражает сложную историю хеттской религии, впитавшей черты хаттской, хурритской и других переднеазиатских религий. Именно эти специальные области словаря изобилуют иноязычными заимствованиями.

В хеттском языке есть ограниченное число переднеазиатских культурных бродячих (мигрирующих) терминов, относящихся к более общему обиходному словарю. Среди них наибольший интерес представляет хеттск. pir, parn- 'дом', имеющие соответствия (в том числе в производных от этого слова) в других анатолийских языках и в неиндоевропейских языках переднеазиатского языкового союза от хурритского до египетского. Трудность решения вопроса о происхождении этого хеттского слова усугубляется тем, что в нем обнаруживается архаичное чередование гласных (табл. 9), не позволяющее считать его заимствованием письменного периода. Дальнейшее исследование немногочисленных хеттских слов этого типа может представить интерес и для истории культуры.

Лексика хеттского языка имеет много общего со словарем других анатолийских языков, но сравнительное исследование наталкивается здесь на препятствия, вызываемые, во-первых, скудостью данных о лексике других анатолийских языков, во-вторых, тем, что хеттский язык мог оказать большое влияние на их семантику (тем более, что многие лувийские тексты переведены с хеттского, а иероглифические лувийские тексты писались под несомненным влиянием более древних хеттских образцов). Сами знаки «иероглифического хеттского» (лувийского) письма построены часто по образцу соответствующих клинописных хеттских знаков и хеттских слов (или словосочетаний). Так, хеттские термины типа šalli pēda- 'большое место = трон', šalli naštai- 'большой грех = эвфемистическое обозначение смерти царя', šalli haššatar 'большой род = царский род', šalli huššeli 'большое отхожее место = отхожее место, предназначенное для царя', где прилагательное šalli обозначает отношение к царю ('большой = царский'), имеют соответствующую передачу в хеттской клинописи посредством сложных идеограмм со знаком GAL 'большой' (É. GAL- 'дворец'), а в хеттском (лувийском) иероглифическом письме им соответствуют сложные иероглифы, над которыми стоит дугообразный знак со значением «большой». Точно так же использование знака со значением «голова» (иерогл. лувийск. harmahi) в значении «личность» в иероглифическом письме соответствует аналогичному упот-

реблению хеттской клинописной идеограммы SAG. DU. В таких случаях можно думать о возможности исследования креолизованной знаковой системы с одним планом содержания и четырьмя планами выражения — хеттской клинописью, хеттской (лувийской) иероглификой, хеттским устным языком и устным лувийским диалектом, зафиксированным в иероглифических текстах. Но при частом совпадении означаемых сторон знаков при двух последних системах обнаруживаются тем не менее существенные различия между означающими. Так, иероглифическое хеттское (лувийское) прилагательное *tanami* соответствует клинописному хеттскому *panku-* в сочетаниях *pankuš ERİNMEŠ* 'целое войско' (= *tanami* + иероглиф «войско»), *panku udne* 'целая страна' (= *tanami* + иероглиф «страна»), тогда как хеттскому *panku-* 'собрание' в лувийской клинописных ритуалах соответствует *maja-šši* (притяжательное производное от *maja-* 'совершеннолетний', ср. хеттск. и палайск. *majant-* 'совершеннолетний'; эта этимология подтверждает то, что в собрание входили все совершеннолетние, способные носить оружие).

В некоторых случаях лексические расхождения между анатолийскими языками находят соответствие в расхождениях между другими индоевропейскими диалектами: хеттск. *daluki-*, соответствующему славянскому прилагательному с тем же значением (ср. выше о сходстве производных на *-*osti* от этих слов), и родственным прилагательным в других языках противостоит лувийск. и иерогл. лувийск. *arai* 'длинный', соответствующее тохарск. А. *aryu*, кучанск. *arts, aru-*. Исследование подобных лексических изоглосс подтверждает результат анализа фонологических, морфологических и синтаксических явлений: хеттский и другие анатолийские языки связаны пересекающимися пучками изоглосс с различными западными, восточными и промежуточными индоевропейскими диалектами. Это служит окончательным доказательством того, что хеттский и другие анатолийские языки следует рассматривать как продолжение одной из многих групп индоевропейских диалектов, постепенно отделившихся от других диалектов к III тысячелетию до н. э.

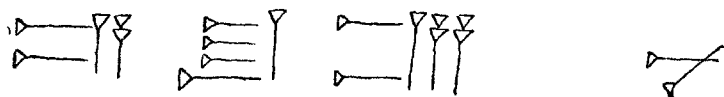
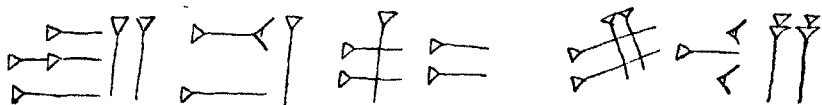
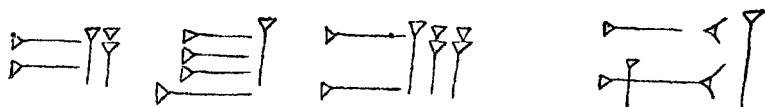
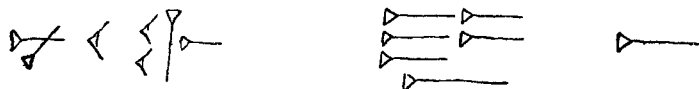
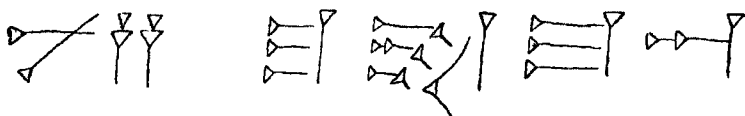
Весьма вероятно, что в близком будущем данные об анатолийской группе индоевропейских языков пополнятся благодаря новым открытиям. Согласно исследованиям В. В. Шеворшкина, к анатолийским языкам относится дешифрованный им карийский (на западе Малой Азии, VII—III вв. до н. э.); ср. карийское *sav-*, лидийск. *sav-* 'добро': хеттск. *aššu-* 'добро', *aššau-*, основа прилагательного 'хороший'; карийск. *mesne:* лик. *mašaina*, лув. *maššara* 'бог'; карийск. *kave*, лидийск. *kave* 'жрец'; карийские адъективные формы на -л и отмеченные выше хеттские, лидийские и другие анатолийские формы

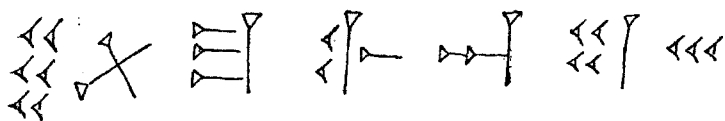
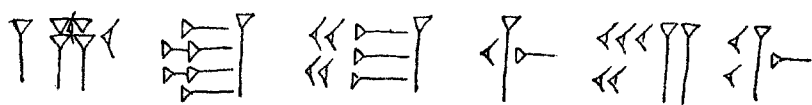
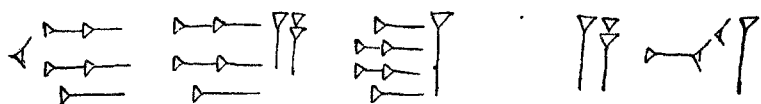
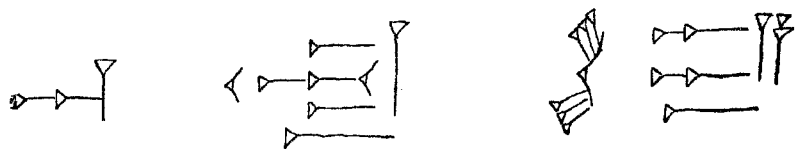
на -l- и т. п. Тем больший интерес представляют новые археологические открытия в Лидии и Карию (в том числе и вновь найденные надписи); благодаря раскопкам в Лидии археологи установили непрерывность развития от древнейшей эпохи до античности, соответствующую непрерывности языкового развития от хеттского языка к лидийскому. Все чаще высказываются гипотезы о том, что язык, родственник лувийскому, может скрываться в еще не прочитанных критских текстах линейного письма А. Эти гипотезы, как и вновь повторяющиеся предположения об анатолийском характере этрусского (где можно видеть соответствие тем же анатолийским формам на -l-, отмеченному выше специфически анатолийскому числительному «четыре» и др.), должны быть проверены в ходе ведущихся в настоящее время работ по дешифровке древних письменностей Средиземноморья (в частности, обследование этрусских текстов в США в настоящее время предпринято с помощью вычислительной машины).

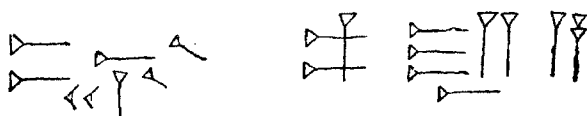
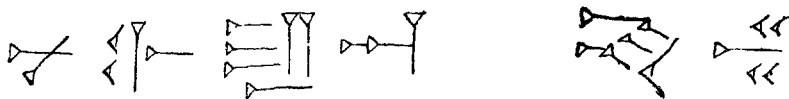
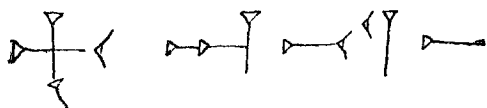
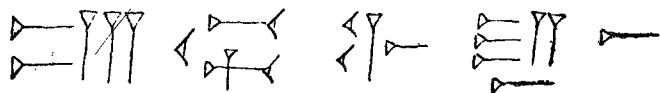
ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ХАТТУСИЛИСА III

А. Клинописный текст

Б. Передача знаков клинописного текста согласно их порядковым номерам в таблице I

20—35	14—12—16—3	20—29—34	37—4	6—26—33	24	40
36—35	6—26—33	20	3—46	38—13	1—18	48—9—25—15
1—22—13	45—12	48—42—11	43—13	29—10—13—5	1—18	
48—8—5—28—25—15—34	41—47	16—19—11—14—34—3—27—7				
30—32—34—23—4	44—3—18—4	20—34—23—3	2—17—31	21—		
23—1	21—1—10					

В. Транслитерация

*nu-za¹ ku-it-ma-an² nu-u-ya³ DUMU-aš⁴ e-šu-un⁵ ŠA KUŠ. KA.TAB ANŠU⁶-
za e-šu-un⁵ nu dIŠTAR⁷ GASAN⁸-IA⁹ A.NA¹⁰ ¹Mur-ši-li¹¹ A.BI¹². IA⁹
Ü-ti¹³ ¹NIR.GÁL-in¹⁴ ŠEŠ¹⁵-IA⁹ u-i-ja-at¹⁶ A.NA¹⁰ ¹Ha-at-tu-ši-li-ya¹⁷
MU.KAM¹⁸.A¹³ ma-ni-in-ku-ya-an-te-eš¹⁹ Ü.UL-ya-ra-aš²⁰ TI-an-na-aš²¹
nu-ya-ra-an²² am-mu-uk²³ pa-ra-a²⁴ pa-a-i²⁵*

Г. Условное чтение и транскрипция

1. *nu-za kuitman nuça X-laš ešun,*
2. *išmeri-laš-za ešun,*
3. *nu Saušgaš ammel išhaššaraš Mursili ar:mel atti tešhit Muçattalin ammel Y-nan uijať.*
4. *Hattusili-ya uittuš maninkuçanteš.*
5. *natta-çar-aš huišçannaš.*
6. *nu-çar-an ammuk para pať.*

Д. Перевод

(И) когда я еще был ребенком (и) был конюхом, Иштар, госпожа моя, к Мурсилису, отцу моему, посредством сна Муваталлиса, брата моего, послала (говоря): «Годы Хаттусилиса коротки; не жить ему. Отдай его мне».

Е. Примечания к тексту

- ¹ Начальный комплекс: союз *nu* + энклитика *za*.
- ² Временной союз «когда» (происходит из сложения *kuit* 'когда' + *tan* 'когда').
- ³ Наречие «еще».
- ⁴ Идеограмма DUMU 'ребенок', 'сын' или TUR 'маленький' (соответствующее хеттское слово кончалось на *-la-*, но полное чтение неизвестно) + окончание *-aš* (табл. 8, морф № 1).
- ⁵ Глагол-связка *eš-* + окончание *-un* (табл. 14, морф № 4).
- ⁶ Аккадская частица род. пад. ŠA + идеограмма KUŠ.KA.TAB + идеограмма ANŠU (+ энклитика *-za*); хеттское чтение всего написания — род. пад. *išmeri-laš (-za)* в функции '(человек) узды' = 'возница', 'конюх', придворное звание (от *išmeri-* 'узды' + окончание *-aš*, табл. 8, морф № 6; *išme-ri-* содержит суффикс *-ri-*, табл. 17, № 12; ср. хеттск. *išma-na-lla-* 'штальейстер' и греч. $\mu\alpha\varsigma$ 'узды').
- ⁷ Аккадская идеограмма, обозначающая богиню Иштар, в автобиографии Хаттусилиса III, по-видимому, читается в соответствии с хурритским именем этой богини *Saušgaš*.
- ⁸ Идеограмма «госпожа» (хеттское чтение *išhaššara-š*, образовано посредством суффикса лиц женского пола *-šara-* от основы *išha-* 'господин', 'хозяин', ср. родственное латинск. *erus* 'господин', 'хозяин' и армянское заимствование *išxan*).
- ⁹ Аккадское притяжательное местоимение IA 'мой', читается в новохеттских текстах как род. пад. личн. мест. 1 л. ед. ч. *amm-el*, см. табл. 13, морфема IV.
- ¹⁰ Аккадский предлог, по-хеттски не читается (соответствует значению дат.-местн. пад. в следующей хеттской словоформе).
- ¹¹ Табл. 8, морф № 11, присоединенный к основе на *-i* *Muršiliť* (здесь — собственное имя хеттского царя Мурсилиса II).
- ¹² Аккадский дат. пад. 'отцу', хеттское чтение — *atti* (окончание *-i-*, — табл. 8, морф № 8, — основа *atta-* 'отец', ср. аналогичные слова типа слов «детского» языка в других анатолийских языках — лувийск. *tati*, иерогл. лувийск. *tati*, лик. *tedi*, а также греч. $\alpha\tau\tau\alpha$ 'отец', готск. *atta*, латинск. *atta*, русск. *отец* < *отць* и хурритск. *attal* 'отец').
- ¹³ Хеттское чтение *tešhit*, *zašhit* 'посредством сна' (окончание *-it*, — табл. 8, морф № 14; основа *tešha-*, *zašhi-* заимствована из языка хатти как религиозный термин, обозначающий 'сон=откровение богов').
- ¹⁴ Хеттское чтение *Muçattalin* (окончание *-n*, — табл. 8, морф № 2;

основа *muṣattalli-*, в качестве нарицательного имени означает 'могущественный', образовано от элемента *muṣa-*, широко распространенного в лувийском и других анатолийских языках, ср. лувийск. *muṣattalli-* 'сильный', *muṣaddala-ḫi(t)* 'сила', иероглиф. эпитет бога грозы *muṣatallaḫi* 'сильный', *muṣa-*, *muṣa-* 'сила' и аккадское заимствование *mutallu* 'благородный', 'гордый'.

¹⁵ Хеттское чтение идеограммы «брат» полностью неизвестно, но окончанию предшествовало *-na-*, ср. лувийск. *nan-i-* 'брат', *nana-ḫri-* 'сестра', лик. *neni* 'брат' (?); 'сын или дочь сестры' (?).

¹⁶ Глагол *uḫa-* 'посылать' (по-видимому, из сложения с приставкой *u-*, — табл. 19), окончание *-t* (табл. 14, морф № 17); относительно структуры всего предложения см. схему 6.

¹⁷ Энклитика *-ya*, присоединенная к существительному *Hattušili* (см. выше, прим. 11, об аналогичной форме *Muršili*).

¹⁸ Идеограмма «год» (хеттское чтение *ḫiti- < ḫetti-*, ср. русск. *ветхий*, латинск. *vetus* и т. п.) + шумерское окончание множественного числа (вероятное хеттское чтение *-uḫ*, — табл. 8, морф № 17, морфема IX).

¹⁹ Окончание *-eš* (табл. 8, морф № 16, морфема IX), основа *man(in) kuṣant-* 'короткий', 'укороченный' (суффикс *-ant-*, — табл. 17, № 21, — ср. *maninku-* 'короткий', 'близкий', лувийск. *mannakuṣanna* > *mannakuṣana-* 'короткий', 'близкий', кучанск. *menk-i* 'недостающий', 'меньший', литовск. *meṭkas*).

²⁰ Энклитики *ḫar* 'де' + *aš* 'он' присоединены к отрицанию, написанному по-аккадски, хеттск. чтение *natta* 'нет' (ср. палайские отрицания *ni-t* с местоименным *-t* и *ni-ppa*, лидийск. *ni[d]*, иерогл. *na*, лик. *ne*, лувийское запретительное *ni-š*, лик. *ni*, общиндоевропейское **ne*).

²¹ Предикативное употребление герундия (хеттское чтение *ḫuiš-ḫ-annaš*, см. табл. 16, № 40, основа *ḫuiš-* 'жить', дринд. *vasati* 'существует', готск. *wisan* 'быть').

²² Союз *nu* + энклитики *ḫar* + *an* (вин. пад. ед. ч.).

²³ См. табл. 16, морфема VI.

²⁴ См. табл. 19.

²⁵ См. табл. 14а, № 18 (сочетание граммем XIV), глагол *paḫ-* 'давать'; общеанатолийский глагол, ср. ликийск. *pijete* < лувийск. *piḫatta* (иероглиф. *piḫa-*), лидийск. *bid* 'он дал', а также карийские имена типа *mesnabē* (= *msnb*), угаритское *mašna-pi* (= 'Бог-дан') и т. п.; (из приставки *pe-* + глагол **ai-* 'давать', ср. тохарск. *ai-* 'давать'); *para paḫ-* 'передать', 'отдать'.

АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Т. В. Гамкрелидзе, *Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности*, — «Вестник древней истории», 1959, № 1 (доказывается происхождение хеттской клинописи из северносирийского варианта староаккадской клинописи).
2. Т. В. Гамкрелидзе, *Хеттский язык и ларингальная теория*, — «Труды института языкознания АН Груз. ССР» (серия восточных языков), т. III, 1963 (дается подробный анализ данных хеттского языка; предполагается превращение двух ларингальных фонем в аллофоны одной хеттской фонемы).
3. В. В. Иванов, *Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении* (XXV Международный конгресс востоковедов; доклады делегации СССР), М., 1963 (происхождение хеттских суффиксов).
4. В. В. Иванов, *Очерк истории и культуры хеттов*, — в кн. К. В. Керам, *Узкое ущелье и черная гора*, М., 1962, содержащей популярный очерк истории хеттологии.
5. «Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии», М., 1961 (структура глагола в языке хатти, передвижение согласных в хеттском языке, история хеттской лексики и другие проблемы хеттологии).
6. И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, М., 1952 (единственная чисто описательная грамматика с подробным изложением морфологии и синтаксиса; имеется библиография основных работ до 1940 г., см. ниже 12).
7. K. Balkan, *Observations on the chronological problem of the kârum Kaniš*, Ankara, 1955 (хронология каппадокийских табличек и царя Аниттаса).
8. G. Bechtel, *The hittite verbs in-šġ-*, Ann Arbor, 1936 (рассматривается выражение длительного вида с помощью форм на -šġ-).
9. E. Benveniste, *La flexion pronominale en hittite*, — «Language», vol. 29, № 3, 1953 (архачные индоевропейские элементы в склонении хеттских местоимений).
10. E. Benveniste, *Etudes hittites et Indoeuropéennes*, — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris» (сокращенно BSL), 1954, t. 59, fasc. I (предполагается отражение в хеттских š и z двух индоевропейских фонем; предлагается ряд новых этимологий хеттских слов). См. ниже 40.
11. J. Friedrich, *Die hethitischen Gesetze*, Leiden, 1959 (лингвистический комментарий и новый перевод хеттских законов с параллельным хеттским текстом и словарем к ним).
12. J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, Bd I, Heidelberg, 1960 (новое издание книги, первое издание которой переведено на русский язык, см. выше, 6).

13. J. Friedrich, *Hethitisches Keilschrift-Lesebuch*, Bd. I und II, Heidelberg, 1961 (клинописная хеттская хрестоматия с комментариями).
14. J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952—1954; 1. Ergänzungsheft, 1957, 2. Ergänzungsheft, 1961 (подробный словарь, включающий все хеттские слова, полученные до настоящего времени истолкованные).
15. A. Goetze und H. Pedersen, *Muršiliš Sprachlähmung*, København, 1934 (перевод и комментарий к рассказу Мурсилиса об афазии; в словаре, приложенном к тексту, дан целый ряд индоевропейских этимологий хеттских слов).
16. A. Goetze, *The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia*, — «Language», vol. 29, 1953, № 3 (анатолийские имена богов в каппадокийских табличках).
17. A. Goetze, *Kleinasien* (2 Auflage), München, 1957 (основная работа по истории хеттской культуры).
18. O. R. Gurney, *The Hittites*, London, 1954 (популярный очерк истории и культуры хеттов).
19. H. G. Güterbock, *The song of Ullikummi*, — «Journal of cuneiform studies», vol. 5, 1951, № 6; vol. 6, 1952, № 1 (транслитерация и транскрипция — с разбивкой на метрические единицы, т. е. строки, — текста поэмы об Улликумми с переводом и комментарием).
20. W. H. Held, *The Hittite relative sentence*, — «Language dissertation», № 55, Supplement to «Language», 1957, v. 33, № 4, p. 2 (в диссертации изучены арктиксообразные функции хеттского относительного местоимения).
21. F. Hrozny, *Die Sprache der Hethiter*, 1 Lief., Leipzig, 1916, 2 Lief., 1917 (основная работа чешского ученого Грозного, дешифровавшего хеттские клинописные тексты и установившего индоевропейский характер их языка в 1915—1916 гг.).
22. A. Kammenhuber, *Studien zum hethitischen Infinitivsystem*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd II, Hft 1, 2, 3; Bd III, Hft 1, 3; Bd IV, Hft 1, 2, Berlin, 1954—1956 (подробный анализ системы неличных форм хеттского глагола).
23. A. Kammenhuber, *Esquisse de grammaire palaite*, — BSL, t. 54, fasc. 1, 1959 (очерк грамматики палайского языка и его сравнение с другими анатолийскими).
24. A. Kammenhuber, *Zur Stellung des Hethitisch-luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache*, — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd 77, Hft 1—2, 1961 (обзор известных к настоящему времени данных о связях хеттского языка с различными группами индоевропейских языков).
25. A. Kammenhuber, *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961 (капитальная монография, посвященная лингвистическому анализу хеттских текстов по коневодству).
26. H. Kronasser, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des hethitischen*, Heidelberg, 1956 (сравнительно-историческая грамматика хеттского языка, основанная на весьма традиционном понимании индоевропеистики).
27. J. Kuryłowicz, *Le hittite*, — «Proceedings of the Eight International congress of linguists», Oslo, 1958 (структурный анализ хеттской графики, фонологии, морфонологии и морфологии; отмечается ряд новообразований, изменивших систему глагола, и отвергается гипотеза об абсолютной архаичности хеттского языка).
28. E. Laroche, *Recherches sur les noms des dieux hittites*, Paris, 1947 (лингвистический анализ хеттских имен богов разноязычного происхождения).
29. E. Laroche, *Recueil d'onomastique hittite*, Paris, 1951 (собрание хеттских собственных имен и их классификация).
30. E. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien*, — BSL, t. 53,

1958, fasc. I; t. 55, 1960, fasc. I (элементы сравнительно-исторической грамматики анатолийских языков; доказано особенно близкое родство лувийского и лувийского).

31. E. Laroche, *Catalogue des textes hittites*, — «Revue hittite et asiatique», 1956—1958, fasc. 58, 59, 61, 62 (полный перечень текстов, найденных в Богазкёйском архиве).

32. E. Laroche, *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959 (словарь всех лувийских слов и лувийская грамматика в сопоставлении с хеттским языком).

33. E. Laroche, *Les hiéroglyphes hittites*, I partie, Paris, 1960 (собрание всех иероглифических хеттских знаков с толкованиями и примерами фраз).

34. H. Otte, *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen*, Berlin, 1953 (анализ собственно лувийских текстов).

35. H. Otte, *Hethitische Totenrituale*, Berlin, 1958 (транслитерация, перевод и комментарий к хеттским текстам, описывающим похоронные обряды).

36. H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938 (доказательство того, что хеттский язык не следует противопоставлять всем остальным индоевропейским).

37. F. Sommer, *Hethiter und Hittitisch*, Stuttgart, 1947 (краткое описание основных особенностей хеттского языка в сравнении с другими индоевропейскими).

38. E. von Schuler, *Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte*, Graz, 1957 (перевод и комментарий к хеттским текстам наставлений должностным лицам).

39. E. H. Sturtevant (and A. Hahn), *A comparative grammar of the Hittite language* (2 ed.), vol. I, New Haven, 1951 (сравнительно-историческая грамматика хеттского языка, исходящая из спорного предположения о существовании в древности индохеттского праязыка, из которого развился, с одной стороны, хеттский, с другой — индоевропейский).

40. E. Benveniste, *Hittite et indo-européen. Études comparatives*, Paris, 1962 (гипотеза о противопоставлении глухих и звонких спирантов в хеттском; связь форм 1-го лица императива на *-l с балтийским опплативом на *-l; двойная функция конструкций с *harkā*; словообразование глагола, числительных, существительных и прилагательных; новые этимологии).

41. E. Laroche, *Un «ergatif» en indo-européen d'Asie-Mineure*, BSL, t. 57, fasc. 1, 1962 (суффикс -nt как способ превращения имен ср. р. в имена одуш. р., выступающие в функции грамматического субъекта переходного глагола).

42. E. Benveniste, *Les substantifs en-ant du hittite*, BSL, t. 57, fasc. 1, 1962 (происхождение форм на -nt из обозначений «индивидуальных» времен года).

43. G. Neumann, *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luvischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*, Wiesbaden, 1961 (анатолийский языковой материал в памятниках античного времени).

44. Kronasser H., *Etymologie der hethitischen Sprache I. Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen* Lieferung I, Wiesbaden, 1962 (подробный анализ соотношения между хеттской письменностью и фонетикой).

45. В. В. Шеворощкин, *О хетто-лувийском характере карийского языка*, — «Вопросы языкознания», 1963, № 3 (доказательство принадлежности карийского языка к анатолийским).

46. В. Н. Топоров, *Хеттская SALŠU.GI и славянская бзбх-яга*, — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 38, М. 1963 (типологическое исследование роли жрицы в хеттских обрядах).

47.* А. Ю. Айхенвальд, Л. С. Баюн, В. В. Иванов, *Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии*, (I); II; III, — Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник, М., 1985; Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья, М., 1987; Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья, М., 1987 (фрагменты сравнительного словаря анатолийских языков).

48. В. Г. Ардзинба, *Ритуалы и мифы Древней Анатолии*, М., 1982 (анализ сезонных хеттских обрядов, исследование роли царя и царицы в хеттских ритуалах; многие тексты приведены в извлечениях в транслитерации с русским переводом).

49. Л. С. Баюн, *Дивинация на Древнем Ближнем Востоке. II. Хеттские оракулы MUŠ*, — Вестник древней истории, 2000, № 2 (анализ формул и терминологии гаданий по движениям «змеи» в водоеме).

50. Г. Вильгельм, *Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры*. М., 1992 (перевод краткого популярного обзора, учитывающего новые открытия).

51. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, т. 1–2, Тбилиси, 1984 (реконструкция индоевропейского праязыка, культуры, прародины и путей миграции из нее, в большой степени опирающаяся на данные хеттского языка).

52. О. Р. Герни, *Хетты*, М., 1987 (рус. пер. книги, приведенной выше под № 18, с послесловием В. Г. Ардзинба, где дан подробный обзор новых хеттологических открытий с библиографией).

53. Л. А. Гиндин, *Население гомеровской Трои*, М., 1993 (посмертное издание обобщающей работы, в особой главе которой детально изучается ставший после работ Уоткинса популярным вопрос о лувийском элементе в составе населения Трои).

54. Г. Г. Гиоргадзе, *Вопросы общественного строя хеттов*, Тбилиси, 1991 (исследование порядка наследования, имущественных отношений, противопоставления свободных и несвободных и других социальных оппозиций).

55. *Древние языки Малой Азии*, сб. ст. под ред. И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова, М., 1980 (включает переводы частей работ, приведенных выше под № 23 и 32, и ряда других работ по отдельным древним анатолийским и северокавказским языкам региона с дополнениями и примечаниями А. А. Королева и других видных русских специалистов).

56. *Древний Восток. Этнокультурные связи*, М., 1988 (сб. статей, обсуждающих, в частности, родство хуррито-урартского и северо-восточно-кавказских языков, древневосточные связи этрусского языка и историю металлургии железа в древней Малой Азии, изоглоссы, объединяющие северокавказские и индоевропейские языки).

57. *Древний Восток*, (1)–5, Ереван, 1973–1988 (серия сборников, помещавших статьи о староассирийских торговых колониях в Малой Азии, хеттском, лувийском и хурритском языках).

58. *Древняя Анатолия*, М., 1985 (сборник статей, рассматривающих реконструкцию анатолийского глагола, родство хаттского и северозападно-кавказских языков, северокавказские заимствования в хеттском, происхождение мотивов хеттской мифологии, рыночные отношения в торговой общине Каниша XIX в. до н. э.).

59. И. М. Дунаевская, *Язык хеттских иероглифов*, М., 1969 (популярный очерк иероглифического лувийского языка, содержащий полный список знаков

* Этот и все последующие пункты добавлены при переиздании.

этой иероглифики, фонетическое чтение многих из которых после издания книги изменилось в свете новых открытий).

60. И. М. Дьяконов, *Языки древней Передней Азии*, М., 1967 (особая глава посвящена хурритскому языку в его отношении к урартскому и северокавказским).

61. *Евразийское пространство: звук и слово*. Международная конференция. Тезисы и материалы, М., 2000 (в докладах рассматриваются ностратические архаизмы в хеттском и лувийском, происхождение лувийских метрических форм).

62. В. Замаровский, *Тайны хеттов*, М., 1968 (перевод популярного очерка истории хеттологии).

63. Вяч. Вс. Иванов, *Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы (сравнительно-типологические очерки)*, М., 1965 (описание основообразования хеттского глагола и анатолийских синтаксических структур).

64. Вяч. Вс. Иванов (составитель, переводчик), *Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии*, М., 1977 (антология наиболее значительных текстов хеттской и других анатолийских литератур).

65. Вяч. Вс. Иванов (переводчик), *Хеттские законы*, — Хрестоматия по истории Древнего Востока. Учебное пособие, ч. 1, М., 1980 (комментированный русский перевод законов и других хеттских исторических источников).

66. Вяч. Вс. Иванов, *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки*, М., 1981 (восстановление двух серий индоевропейского глагола, отразившихся в противопоставлении двух спряжений в хеттском и других анатолийских языках).

67. Вяч. Вс. Иванов, *История славянских и балтийских названий металлов*, М., 1983 (рассмотрена история железа в связи с хаттским и хеттским названием).

68. *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1, М., 2001 (в тезисах дается обзор анатолийских имен в староассирийских текстах и некоторых имен богов древней Малой Азии).

69. *Кавказско-ближневосточный сборник*, II–VIII, Тбилиси, 1962–1988 (в статьях сборников в этой серии изучались вопросы хеттской и хурритской истории и филологии).

70. А. А. Корольев, *Хетто-лувийские языки*, — Языки Азии и Африки, 1, М., 1976 (общий очерк, принадлежащий перу безвременно умершего одаренного ученого, соединявшего лингвистические познания с филологическим проникновением в клинописные, иероглифические и алфавитные тексты на анатолийских языках).

71. Дж. Г. Маккуин, *Хетты и их современники в Малой Азии*, М., 1983 (перевод популярного очерка истории, материальной и духовной культуры хеттов с послесловием В. Г. Ардзинба, где излагаются в общедоступной форме результаты исследований о связях языков древней Малой Азии с северо-кавказскими).

72. Дж. Меллаарт, *Древнейшие цивилизации Ближнего Востока*, М., 1982 (перевод краткого популярного очерка первооткрывателя древнейших городских культур Малой Азии).

73. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике, М., 1988 (сб. переводов работ, подробно рассматривающих глоттальную теорию и ряд других вопросов компаративистики, прямо связанных с данными хеттского языка, как семантика рода).

74. *Переднезаатский сборник*, II; III–V, 1962–1979, М., 1962–1979 (продолжение серии, первый том которой отмечен выше под № 5; включает статьи по лувийской и хурритской филологии).

75. *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции*, М., 2000 (рассматривается предыстория индоевропейской системы согласных, возможные соответствия хеттским формам в других языках Евразии).

76. О. Семсренъи, *Введение в сравнительное языкознание*, М., 1980 (перевод книги эрудированного лингвиста, стремившегося сохранить весь каркас традиционных индоевропейских реконструкций при упоминании некоторых фактов хеттского языка, не повлиявших в целом на его построения).

77. *Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки*, М., 1976 (переводы работ по сидетскому и другим малоазиатским системам письма с существенными дополнениями В. В. Шеворошкина, который по цензурным причинам перед своим отъездом из России был вынужден выступать под псевдонимом А. Ф. Дсянов).

78. В. Н. Хачатрян, *Восточные провинции Хеттской Империи (Вопросы топонимики)*, Ереван, 1971 (собрание материала).

79. М. Л. Хачикян, *Хурритский и урартский языки (Хурриты и урарты 2)*, Ереван, 1985 (сравнительный очерк, развивающий идеи И. М. Дьяконова и предлагающий выделение нескольких хурритских диалектов).

80. В. В. Шеворошкин, *Исследования по дешифровке карийского языка*, М., 1965 (одна из первых работ, установивших теперь общепризнанную принадлежность карийского к анатолийским языкам; чтение многих знаков уточнено и пересмотрено в последние годы в новых работах автора и других ученых главным образом на основании открытых карийско-древнеегипетских и карийско-греческих параллельных текстов).

81. В. В. Шеворошкин, *Лидийский язык*, М., 1967 (краткий очерк с талантливыми сопоставлениями с другими анатолийскими языками, написанный одним из крупнейших современных специалистов).

82. Н. Б. Янковская, *Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)*, М., 1968 (издание в автографиях, транслитерации и переводе комментированных староассирийских текстов, упоминающих среди других Пирву и других местных жителей с именами анатолийского происхождения).

83. *Acts of the Third International Congress of Hittitology*, ed. S. Alp, A. Süel, Ankara, 1998 (работы хеттологов разных стран; вопреки титульному листу реально издано в конце 1999 г.).

84. S. Alp, *Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük*, Ankara, 1991 (публикация провинциального клинописного хеттского архива).

85. *Atti del II Congresso Internazionale di Hittitologia (Studia Mediterranea, 9)*, Pavia, 1995 (новые хеттологические открытия).

86. G. Beckman, *The Tongue as a Bridge: Communication between Humans and Gods in Hittite Anatolia*, — *Archiv Orientalní*, 67, 1999, № 4 (обрядовая функция языка у хеттов, обзор типов оракулов у хеттов).

87. V. Blažek, *Numerals. Comparative etymological Analyses*, Vtno, 1999 (этимологический анализ числительных в индоевропейских диалектах, включая анатолийские, в сопоставлении с частью ностратических языков).

88. J. Boley, *The Hittite hark-* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 44), Innsbruck, 1984 (аналитическая конструкция с глаголом «иметь» в хеттском языке).

89. J. Boley, *The Hittite particle -z/-za* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 79), Innsbruck, 1993 (описание функционирования хеттской возвратной частицы).

90. J. Boley, *Dynamics of Transformation in Hittite: the Hittite particles -kan, -ašta, and -šan* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 97), Innsbruck, 1999 (последняя из трех монографий автора, посвященных функциям хеттских частиц).

91. T. Bryce, *The Kingdom of the Hittites*, Oxford, 1998 (детальное изложение истории хеттов с учетом вновь открытых источников).

92. H. Çambel (в соавторстве с W. R. Öllig; включены таблицы, составленные J. D. Hawkins'ом), *Corpus of Hieroglyphic Luwian inscriptions*, vol. II Karatepe-Aslanta. I The Inscriptions: Facsimile Edition (Studies in Indo-European Languages and Cultures, New series, ed. R. Gusmani, A. Morpugo-Davies, K. Strunk, C. Watkins, 8.2). Berlin-

New York, 1999 (факсимильное издание финикийско-иероглифической лувийской билингвы из Каратепе).

93. O. Carruba, *Die Satzleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens* (Incunabula Graeca, 32), Roma, 1969 (подробное описание энклитик, цепочки которых составляют одну из наиболее характерных общих черт всех анатолийских языков).

94. O. Carruba, *Zum Stand der Entzifferung des Karischen*, Kadmos, 1998, 37 (обзор состояния дешифровки после находки карийско-греческой билингвы из Кавна).

95. J. Catsanicos, *Recherches sur le vocabulaire de la Faute. Apports du hittite à l'étude de la phraséologie indoeuropéenne*, Paris, 1991 (исследование семантического поля хеттской ритуальной лексики, дающей возможность углубления индоевропейской реконструкции).

96. G. del Monte, J. Tischler, *Répertoire géographique des textes cunéiformes*, Bd. 6; 6/2; *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texten*, Wiesbaden, 1978; 1992 (собрание географических названий, представляющих исключительный интерес для обоснования древности присутствия хеттов и лувийцев в Анатолии ввиду крайнего архаизма гидронимов, сохранивших память о дописьменном периоде, когда носители анатолийских языков уже находились в Малой Азии).

97. P. Dardano, *L'aneddoto e il racconto in età antico-hittita: la cosiddetta "Cronaca di palazzo"*, Roma, 1997 (исследование древнехеттской книги рассказов о придворных).

98. I. M. Diakonoff, S. A. Starostin, *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*, München, 1986 (доказательство родства хуррито-урартских языков с северокавказскими).

99. W. Dressler, *Studien zu verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen*, Wien, 1968 (сравнительное и типологическое исследование выражения множественности субъектов и объектов в хеттских глагольных, в частности интенсивных формах на *-šk-*).

100. H. Eichner, *Anatolian*, — *Indo-European Numerals*, ed. J. Gvozdanović, Berlin, 1992 (подробный обзор хеттских числительных и образованных от них форм с замечаниями сравнительного характера).

101. J. Friedrich, A. Kammenhuber, *Hethitisches Wörterbuch*, Bd. I, II, III (Lief. 12), Heidelberg, 1975–1994 — (частичное переиздание полностью переработанного словаря, приведенного выше под № 14, с включением большого числа ссылок на тексты).

102. B. H. L. van Gessel, *Onomasticon of the Hittite Pantheon*, vol. 1–2 (Handbuch der Orientalistik, I. Abteilung. Der Nahe und Mittlere Orient), Leiden, 1998 (собрание хеттских имен богов).

103. J. H. Greenberg, *Indo-European and its closest Relatives. The Eurasian Language Family*, vol. 1 Grammar, Stanford, 2000 (обошающая книга крупнейшего американского лингвиста, в которой вслед за Б. Розенкранцем и Б. Чопом принимается сохранение в хеттском ряду архаичных общеностратических или «евразийских» явлений).

104. O. R. Gurney, *Some aspects of Hittite Religion*, Oxford, 1977 (работа содержит определение значения названий хеттских музыкальных инструментов на основании сопоставлений текстов с изображениями).

105. R. Gusmani, *Il lessico hittito (Collana di Studi Classici, 5)*, Napoli, 1968 (краткий сравнительный очерк лексических отношений хеттского к другим индоевропейским диалектам; выделено значение типа прилагательных с суффиксом *-u-*).

106. R. Gusmani, *Lydisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1964 (полный словарь лидийских надписей с приложением текстов) с дополнениями: *Ergänzungsband*, Lief. 1–3, Heidelberg, 1980–1986.

107. H. G. Güterbock, *Perspectives on Hittite Civilization: Selected Writings*, ed. H. A. Hoffner, Jr. (The Oriental Institute of the University of Chicago Assyriological Studies, № 26), Chicago, 1997 (собрание статей недавно умершего великого хеттолога, посвященных хеттской литературе, религии, праву, толкованию отдельных слов и фрагментов текстов и доказательству давно предположенного Э. Форрером отождествления Ахивы хеттских текстов с историческими ахейцами-греками).

108. H. G. Güterbock, T. van den Hout, *The Hittite Instruction for the Royal Bodyguard* (*Assyriological Studies*, 24), Chicago, 1991 (комментированный перевод).

109. V. Haas, *Geschichte der hethitischen Religion* (*Handbuch der Orientalistik*, I. Abteilung. Der Nahe und Mittlere Orient), Leiden, 1994 (монументальная обобщающая работа).

110. J. Hajnal, *Der lykische Vokalismus* (Arbeiten aus der Abteilung "Vergleichende Sprachwissenschaft", Bd. 10), Graz, 1995 (сравнительно-историческое исследование ликийской системы гласных с замечаниями о других анатолийских языках).

111. G. R. Hart, *Some Observations on Plene-Schreibung in Hittite*, — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 43, 1, 1980 (доказательство отражения древнего индоевропейского парадигматического акцента в двояном написании гласных в древнехеттском).

112. J. D. Hawkins, *Corpus of Hieroglyphic Luwian inscriptions*, vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Parts 1, 2, 3 (Studies in Indo-European Languages and Cultures, New series, ed. R. Gusmani, A. Morpugo-Davies, K. Strunk, C. Watkins, 8.1), Berlin—New York, 2000 (комментированное издание всех лувийских иероглифических надписей времени после падения Хеттского Царства с транслитерацией и переводом).

113. W. H. Held, Jr., W. R. Schmalstieg, J. E. Gertz, *Beginning Hittite*, Columbus, Ohio, 1988 (учебник хеттского языка с очерком грамматики, словарем и избранными отрывками из клинописных текстов с транслитерацией).

114. *Hethitica I—XIV*, Louvain-La-Neuve, 1972–1999 — (продолжающаяся серия сборников, помещающих статьи о хеттских, других анатолийских и хурритских текстах, отдельных словах, исторических событиях вокруг Хеттского царства).

115. *Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Sprachgruppe Altkleinasiens*, hrsgbn. E. Neu, W. Meid, Innsbruck, 1979 (сборник статей, включающий глубокое исследование словенского лингвиста Б. Чопа о сравнении хеттского и других архаических индоевропейских диалектов с уральским, произведенную Э. Неем новаторскую реконструкцию древнехеттского и индоевропейского абсолютного падежа с нулевым окончанием, осуществленное выдающимся американским компаративистом Каугиллом сравнение хеттского спряжения на *-hi* и перфекта в других индоевропейских диалектах, приводящее его к подтверждению вывода о существовании индохеттского праязыка, из которого произошел, с одной стороны, хеттский, с другой, общий праязык большинства индоевропейских диалектов, работы других хеттологов об архаизме хеттской языковой структуры).

116. H. A. Hoffner, Jr. *Alimenta Hethaeorum. Food Production in Hittite Asia Minor* (American Oriental Series, vol. 55), New Haven, 1974 (анализ названий пищевых продуктов).

117. F. Josephson, *The Function of the Sentence Particles in Old and Middle Hittite* (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Indoeuropaea Upsaliensia 2), Uppsala, 1972 (обстоятельное исследование древнехеттских и среднехеттских конструкций с энклитическими частицами, выступающими в цепочке в начале предложения и имеющих видовые функции).

118. A. Kammenhuber, *Materialen zu einem hethitischen Thesaurus*, Lief. 1–8, Heidelberg, 1973–1978 (собрание материалов к хеттскому словарю, содержащее все случаи употребления слова в текстах).

119. F. Kammerzell, *Studien zu Sprache und Geschichte der Karier in Ägypten* (Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe Ägypten, Bd. 27), Wiesbaden, 1993 (исследование карийско-египетских параллельных форм).

120. F. Kammerzell, *Glottaltheorie, Typologie, Sprachkontakte und Verwandtschaftsmodelle*, — Indogermanische Forschungen, Bd. 104, 1999 (рассмотрение новых возможностей реконструкции с учетом индоевропейско-древнеегипетских сопоставлений).

121. A. S. Kassian, *Two Middle Hittite Rituals mentioning ¹ Ziplantawija, Sister of the Hittite King Tuthalija I I/1*, Moscow, 2000 (издание среднехеттских ритуалов с русским и английским переводами и словарем с комментариями и экскурсами о правилах передачи гласных в хеттской клинописи среднехеттского периода в сопоставлении с предшествующей и последующей эпохами).

122. S. Kimball, *Hittite Historical Phonology* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 95), Innsbruck, 1999 (детальное описание развития хеттского вокализма и консонантизма).

123. *La decifrazione del cario*. Atti del 1. Simposio Internazionale, ed. M. E. Giannotta, Roma, 1994 (дискуссия о предложенных новых чтениях карийских знаков, многие из которых отличаются от обычных звуковых значений букв алфавита финикийско-греческого типа).

124. E. Laroche, *Les noms des hittites*, Paris, 1966 (коренная переработка книги, приведенной выше под № 29).

125. E. Laroche, *Catalogue des textes hittites*, Paris, 1971 (детальное описание хеттских текстов, дополнение к которому напечатано годом позже: premier supplément, — *Revue hittite et asianique*, 30, 1972; весь каталог доступен теперь в Инггернете в версии В. J. Collins: (<http://www.asor.org/HITTITE/CTH.html>)).

126. E. Laroche, *La stèle trilingue de Létôon. Deuxième partie, l'inscription lyciène*, — Fouilles de Xanthos VI, Paris, 1979 (анализ ликийской части трехязычной ликийско-греческо-арамейской надписи и сравнение вновь найденных в ней слов с другими анатолийскими).

127. E. Laroche, *Documents hittites et hourrites*, — Meskéné ... Emar. Dix ans de travaux 1972–1982, Paris, 1982 (перевод хеттского письма и описание с частичными переводами хеттских и хурритских предсказаний из северно-сирийского провинциального архива).

128. A. Lehman, *Indo-Hittite Redux*. Studies in Anatolian and Indo-European Verb Morphology, Moscow, 1998 (сравнительно-историческое исследование хеттских тематических и других глагольных основ, подтверждающее индо-хеттскую теорию).

129. S. Luraghi, *Old Hittite Sentence Structure*, London and New York, 1990 (описание древнехеттского синтаксиса с замечаниями типологического и сравнительно-исторического характера о порядке слов).

130. S. Luraghi, *Hittite* (серия Languages of the World, Materials, 114), München/Newcastle, 1997 (общий очерк хеттского языка).

131. H. C. Melchert, *Cuneiform Luwian Lexicon* (Lexica Anatolica, vol. 2), 2 ed., Chapel Hill, North Carolina, 1993 (полный список слов из лувийских клинописных текстов и слов, перед которыми стоит «гlossовый клин» в клинописных хеттских текстах).

132. H. C. Melchert, *Lycian Lexicon* (Lexica Anatolica, vol. 1), Chapel Hill, North Carolina, 1993 (содержит все слова известных ликийских текстов, в приложении дан словарь более архаичного и во многом еще загадочного ликийского Б или миллийского языка).

133. H. C. Melchert, *Anatolian Historical Phonology* (Leiden Studies in Indo-European. 3), Amsterdam—Atlanta, 1994 (подробное описание фонетики каждого из анатолийских языков, выводящее их из реконструированного праанатолийского).

134. P. Meriggi, *Schizzo grammaticale dell'anatolico*, — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei (Memorie, classe di Scienze morali, storiche e filologiche, Serie VIII, vol. 24), Roma (сравнительное изложение фонетики и грамматики анатолийских языков, сделанное одним из пионеров всей этой области языкознания незадолго до его смерти).

135. G. Neumann, *Ausgewählte Kleine Schriften*, Innsbruck, 1994 (собрание статей выдающегося исследователя содержит большой раздел о ликийском и части, относящиеся к другим поздним южно-анатолийским языкам античного времени: сидетскому, карийскому).

136. S. L. Nikolaev, S. A. Starostin, *A North Caucasian Etymological Dictionary*, Moscow, 1994 (сравнительный словарь северокавказских языков, включающий хурритские слова с северокавказскими этимологиями).

137. N. Oettinger, *Die Stammbildung des hethitischen Verbums*, Nürnberg, 1979 (очень подробное описание глагольного основообразования и типов спряжения в хеттском языке).

138. T. Oshiro, K. Yoshida, *An Introduction to the Anatolian Languages*, Tokyo, 1990 (антология текстов на анатолийских языках с японскими переводами, словарями и грамматическими очерками).

139. H. Otten, *Zu einigen Neufunden hethitischer Königssiegel*, Mainz/Stuttgart, 1993 (истолкование вновь найденных печатей, предложенное патриархом немецкой хеттологии).

140. H. Otten, *Die hethitischen Königssiegel der früheren Großreichszeit*, Mainz/Stuttgart, 1995 (исследование хеттских печатей начала новохеттского периода).

141. *Per una grammatica ittita*, ed. O. Carruba (Studia Mediterranea 7), Pavia, 1992 (сб. ст., включающий работу самого Каррубы об анатолийских именных формах, имеющих функцию деятеля-эргатива, и работу Нея о собирательных формах в хеттском).

142. M. Popko, *Kultobjekte in der hethitischen Religion*, Warszawa, 1978 (филологическое исследование священных предметов в обрядах).

143. M. Popko, *Religions of Asia Minor*, Warsaw, 1995 (сводная работа).

144. J. Puhvel, *Hittite Etymological Dictionary*, vol. 1/2, 3, 4, 5, Berlin/New York, 1984–2001 — (продолжающееся издание словаря, содержащего богатое собрание часто оригинальных этимологий, подтверждаемых примерами из многочисленных текстов).

145. B. Rosenkranz, *Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen* (Trends in Linguistics, State-of-the-arts-Reports, 8), The Hague, 1978 (сжатый сравнительный очерк анатолийских языков, включающий их рассмотрение в свете индоевропейской диалектологии; написан перед его смертью одним из наиболее оригинально мыслящих хеттологов, сделавшим важные открытия в хеттской и лувийской филологии).

146. I. Singer, *Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods through the Storm-God of Lightning* (CTH 381), Atlanta, 1996 (текстологический анализ хеттской молитвы, в подробном исследовании причин переноса столицы в Тархунтассас выдвигается сопоставление Муватваллиса, переориентировавшего хеттскую религию на юг царства, с Эхнатоном; отмечается уникальность обращения молитвы к собранию богов, представлявшему собой эквивалент земного собрания).

147. *Studia Iranica, Mesopotamica, Anatolica*, 2, 1996, Prague, 1997 (применение компьютерных методов для создания банка данных по хеттскому и другим анатолийским языкам, см. в Интернете Web site: <http://titus.uni-frankfurt.de/index.html>), там же библиография самых новых статей и отчасти книг).

148. *Studien zu den Boğazköy-Texten*, 1–44-, Wiesbaden, 1965–1999 — (продолжающаяся серия монографий, в которой напечатаны несколько работ Оттена об отдельных древнехеттских и среднехеттских текстах, книга Оттена и Соучска о древнехеттском ритуале, частично переведенная в сборнике, указанном выше).

под № 55, монографии недавно умершего замечательного хеттолога Нея о надписи Анитты, древнехеттских ритуалах и хурритско-хеттской билингве, а также о хеттском медиопассиве и его индоевропейских истоках, книга О. Каррубы о палайском, текстологически обработанное Штарке собрание клинописных лувийских текстов в транслитерации, монография о лувийском именном словообразовании Штарке, монография Бекмана о ритуалах, совершаемых при рождении ребенка, недавняя книга Рикен о хеттском именном словообразовании; в приложениях к серии отдельными томами напечатана публикация бронзовой таблички Оттена, капитальный инвентарь знаков хеттской клинописи, составленный Рюстер и Нсем, и исследование крупнейшего специалиста по лувийской иероглифике Хокинза о древней иероглифической надписи в комплексе священного водоема Хаттусаца).

149. A. Süel, *Ortaköy: Eine hethitische Stadt mit hethitischen und hurritischen Tontafelentdeckungen*, — *Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in honour of S. Alp*, Ankara, 1992 (обширный хурритско-хеттский и хаттский архив провинциального города Сапинува).

150. *Texte der Hethiter*, Heidelberg, 1–23, 1971–1998 — (основанная А. Камменхубер продолжающаяся серия монографий, включавшая ее книгу о хеттских оракулах и посмертное издание двух томов ее статей о древнеанатолийских языках, напечатанных в 1955–1990 гг., ряд исследований ее учеников и других авторов о хеттских ритуалах, книгу Бадала о хеттской музыке в придворных обрядах, двухтомное сочинение о переписке у хеттов Била, книгу Д. Йошида о солнечных божествах хеттов, работы об отдельных хеттских царях и географических областях, входивших в состав Хеттского царства, исследование Котичелли—Куррас о конструкциях с глаголом бытия в хеттском).

151. *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, ed. vol. III, 1–3, vol. IV, 1–3—1980–1998-, ed. H. G. Güterbock, H. A. Hoffner (продолжающееся издание детального словаря с подробными примерами из текстов на каждое значение слова).

152. J. Tischler, *Hethitisches Etymologisches Glossar*, Bd. I, II — (Lief. 10) — Innsbruck, 1977–1998 — (продолжающееся издание словаря с очень полными сведениями о предположенных этимологиях хеттских слов).

153. F. A. Tjerkstra, *Principles of the Relation between local Adverb, Verb, and Sentence Particle in Hittite*, Groningen, 1999 (синтаксические структуры хеттского языка).

154. T. van den Hout, *The Purity of Kingship: an Edition of CTH 569 and related Hittite oracle Inquiries of Tuthaliya IV* (*Documenta et monumenta Orientis Antiqui*, vol. 25). Leiden, 1998 (комментированный перевод и филологический анализ текстов оракулов).

155. H. Wagner, *Das Hethitische vom Standpunkte der typologischen Sprachgeographie*, Pisa, 1985 (интересные наблюдения о типологической близости хеттского и северо-кавказского; выявление ареального характера глагольных модальных форм на *-l-*).

156. C. Watkins, *Selected Writings*, vol. I–II, Innsbruck, 1994 (во многих статьях предлагается сравнительно-историческая интерпретация форм и словосочетаний хеттского и других индоевропейских языков).

157. C. Watkins, *How to kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford, 1995 (сравнительно-историческое исследование мифопоэтических текстов, в том числе хеттских и лувийских, и восстановление их индоевропейских прототипов).

158. J. Weitenberg, *Die hethitische u- Stämme*, Amsterdam, 1984 (детальный синхронный и сравнительно-исторический анализ хеттских именных основ на *-u-*).

159. G. Whittaker, *Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia*, — *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*, 1998, Heft 1 (около 200 слов архаического индоевропейского диалекта, обнаруживаемых в самых ранних шумерских текстах, некоторые из предполагаемых индоевропейских слов

напоминают ту архаичную фонетическую форму, в которой они известны в древнехеттском языке, например, название орла, начинающееся с ларингального; с хеттскими архаичными словообразовательными типами сопоставим целый ряд предполагаемых в индоевропейском «евфратском» диалекте IV–III тыс. до н. э. основ прилагательных с древними суффиксами).

160. G. Wilhelm, Kuşaki-Sarissa. Bd. 1 Keilschrifttexte. Fasz. 1. Keilschrifttexte aus Gebäde A., Rahden/Wetf., 1997 (публикация в автографиче и частичный перевод фрагментов 45 хеттских клинописных табличек, преимущественно оракулов и культовых инвентарей, найденных в 1992–1996 гг. в провинциальном религиозном центре, где осуществлялся царский сезонный праздник. Во вступлении дается транслитерация и перевод текстов из богазкейского столичного архива, где идет речь о царском ритуале, совершавшемся в культовых сооружениях Сариссы).

161. K. Yoshida, *The Hittite Mediopassive Endings in -ri*, Berlin, 1990 (доказательство влияния места ударения на судьбу *-r-* в хеттском, что важно и для индоевропейской акцентологии и исторической фонологии).

162. *Systematische Bibliographie der Hethitologie 1915–1995*, zusammengestellt von V. Souček und J. Siegelová (Handbuch der Orientalistik, 1. Abteilung. Der Nahe und Mittlere Orient), Leiden, 1996 (хеттологическая библиография за 80 лет от времени дешифровки Грозного до наших дней).

163. O. Soysal, *Analysis of a Hittite Oracular Document*, — *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, Bd. 90, 2000 (детальный разбор древнейшего хеттского текста, отражающего гадание по типу KIN [символические гадания, оперирующие набором отвлеченных понятий и персонифицированных абстракций, типологически сопоставимые, например, с теми, которые в русской традиции исследования подобных текстов Ю. К. Щуцкий изучил в широком религиозно-философском контексте на материале китайской книги «Книги перемен» — «И-Цзин» и последующих комментариев к ней]; предполагаются черты текста, которые могут быть связаны с собственно малоазиатским или хаттским происхождением этого вида оракулов и данной конкретной таблички, относимой к древнехеттскому периоду на основании особенностей языка и исторических событий, в нем упоминаемых; отмсчаются особенности текста, которые могут быть связаны с хаттским происхождением его автора; дается характеристика того набора отрицательных понятий типа хет. *ištarnikai-* «болезнь», *henkan* «смерть, чума», *harka-* «гибель, разрушение», которые использованы в данном тексте, чем он и отличается от последующих аналогичных произведений этого жанра; исследуются особенности символического использования в оракуле трона и его названия хаттского происхождения *halmašw[i]t-*).

164. K. Shields, Jr. *The Hittite word for «son» and the origin of the Indo-European diminutive suffix -lo-*, — *Indogermanische Forschungen*, 105 Bd., 2000 (отмсчается исключительный архаизм таких хеттских имен родства, как *nega-* «сестра»).

165. I. Hajnal, *Silbenschrift und Silbenstruktur in den indogermanisch-anatolischen Sprachen Kleinasiens*. — *Lingua et linguae. Festschrift für Clemens-Peter Herbermann zum 60. Geburtstag*, herausgegeben von U. H. Wabner. BBS Neue Folge 6, Aachen, 2001 (структура слога и ее передача на письме, уточнение правил отражения индоевропейских смычных согласных).

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ К ПЕРЕИЗДАНИЮ 2001 г.

(К с. 9) По мере исследования южно-(или западно-)анатолийской (лувийско-ликийской) группы языков все более очевидными становятся достаточно существенные первоначальные различия между ней и северно-(или восточно-)анатолийской (хеттско-палайской, к которой примыкает и лидийский) группой. Не исключено, что две эти группы восходят к двум разным индоевропейским диалектам, которые после раннего (не позднее рубежа IV и III тыс. до н. э.) отделения от других индоевропейских языков долго взаимодействовали друг с другом. Это привело к увеличению числа общих черт, для них специфических (другие наиболее архаичные черты, в частности, в спряжении глагола, остальными индоевропейскими диалектами утраченные, они унаследовали от древнего «индо-хеттского» или индо-хетто-лувийского праязыка, в котором еще сохранились архаизмы ностратической древности). Общий вывод о наличии в хеттском и других северно-анатолийских языках, с одной стороны, в лувийско-ликийском или южно-анатолийском (к которому новейшие открытия позволяют отнести кроме лувийских клинописного и иероглифического языков, ликийского и ликийского Б или милийского еще и вновь раскрываемые карийский, сидетский и писидийский), с другой, общих анатолийских (общеанатолийских) черт остается в силе. Но это исторически сложившееся единство разъясняется как результат существования языкового союза, в который вошли наиболее архаичные индоевропейские диалекты, рано отделившиеся от других наречий, им родственных, и частично еще обнаруживающие следы эпохи единства индоевропейских (или индо-хетто-лувийских) говоров с прауральскими, алтайскими, картвельскими и другими ностратическими или «евразийскими». Первоначальная область расселения всех индоевропейцев (индо-хетто-лувийцев) после их отделения от картвельских и других ностратических языков могла находиться к (юго-) востоку от Малой Азии, в районе между озерами Ван и Урмия (к югу от него мог быть распространен индоевропейский диалект Месопотамии IV–III тыс. до н. э., следы которого некоторые шумерологи видят в самых ранних шумерских табличках). Лувийско-ликийская группа в дописьменный период ее истории (когда она приобрела черты, общие с прабалто-славянскими диалектами и другими из группы *satəm*) вероятно распространилась значительно западнее прапалайско-хеттской — к Эгейскому морю и на юг Балкан.

(К с. 11) Палайскую фразу многие исследователи толкуют теперь «Ты высоко *ar-un*, основа, имеющая соответствие в лувийском и тохарском, но не в хеттском) строишь (*wife* - с соответствиями в хеттском и лидийском)», поэтому с хеттской формулой она может быть и не связана. Но хеттское представление о связи Бога Солнца с морем отличается от месопотамской космологии и присуще лишь анатолийским традициям. В древнехеттском царском ритуале говорится о том, что повозка царя прибыла из-за моря.

(К с. 11) По мере исследования лувийских текстов в них обнаруживаются такие точные соответствия субстратным греческим формам, как лув. иер. *parn-as(s)*-

«относящийся к дому», тождественное имени горы *Парнас Παρνησ(σ)-ός* (как «Дома» богов), ср. также эпитет лувийского бога грозы *pihaššašiš* «сияющий», (введен как особый бог новой столицы Муваталлисом), сопоставляемый с именем греч. Пегаса *Πήγασος* — мифологический конь, название которого давно было предположительно отнесено к субстратным словам, согласно «Теогонии» Гесиода Пегас несет молнию Зевса.

(К с. 12) По новой датировке, основанной на дендрохронологии и списках эпонимов, староассирийские тексты, включающие хеттские и лувийские заимствования и южно- и северно-анатолийские собственные имена, начинаются с XXII-го в. до н. э. и продолжаютя на протяжении пяти веков.

(К с. 13) Имя Бога Грозы *Tarhunt* — стало общим для хеттского и лувийского языка, где от него было образовано прилагательное *Tarhunt-giš-* «Принадлежащий Богу Грозы», ставшее названием города в Киликии (на юге М. Азии), куда в XIII в. до н. э. (при Муваталлисе) была перенесена столица из Хаттусаса.

(К с. 15) Название повозки *huluga-nni-*, как и хурритский язык в целом, связывается с северо-кавказской семьей языков (ее восточной нахско-дагестанской ветвью); к западной ветви той же семьи принадлежал также и хаттский язык.

(К с. 16 и 217, примеч. 13) Для хеттского названия «сна» *te/zašša*, предположительно заимствованного из хаттского (что проявляется и в необычном характере сочетания согласных фонем), точное соответствие обнаруживается также в северокавказских языках, родственных хаттскому: ср. праадыгско-кабардинск. **pčōhá* «сон» (где начальный губной согласный *p-* по данным сравнительной грамматики северокавказских языков является относительно поздним прибавлением).

(К с. 17) Суффикс притяжательных именных форм — *ašš-* специфичен для лувийского; образование формы, его включающей, едва ли могло быть древним. Во вновь найденных провинциальных текстах упоминаются «хаттские» (*hattiles*) певцы, поэтому время, когда хаттский язык вышел из употребления, стало менее определенным.

(К с. 19) Название города *B/Puruš-handa* (если оно не содержит лувийский суффикс топонимов, соответствующий греч. *-υθ-*), вероятно образовано по типу древних индоевропейских сложных слов со вторым элементом — *handa* (др.-хеттск. *mena-hhanda* «перед»); первая часть сопоставима с этнонимом, по которому называлось балтийское индоевропейское племя пруссов.

(К с. 23) В Древней Индии и в Риме сохранился индоевропейский обряд принесения в жертву корою вместе с еще не родившимся теленком, можно полагать, что подобный обряд имеет в виду и мать отстраненного наследника.

(К с. 25) К числу наиболее существенных текстов историко-мифологического содержания принадлежит переведенный на хеттский язык скорее всего во время среднехеттского периода обширный хурритский эпос Бога Грозы Тессуца, попадающего в подземный мир. В центре текста стоит обряд «отпущения на волю» (хеттск. *para tarn-umar*, эквивалентное хуррит. *kirengzi*) раба; отказ следования этому обычаю приводит к гибели города Эблы, мотивировкой которой служит повествование, примыкающее к древнеближневосточной апокалиптической литературе.

(К с. 25) К немногочисленным наиболее древним текстам, отражающим литературу раннего центра хеттской культуры Несеы (Каниша староассирийских документов, городище Кюль-Теле близ современного города Кайсери), кроме нескольких ритуалов, где «певцы Каниша» воспевают богов этого города (к которым принадлежал Пирва), относится миф о царице города Каниша и ее детях-близнецах, входящий в повесть о городе Цальпе (город на берегу Черного моря).

(К с. 28) Миф об исчезающих божествах (у хеттов — Солнца, Плодородия) есть в мифологиях разных северно- и южно-анатолийских народов. В нем повествуется о пире «всех богов» (хеттск. *humanteš šiuneš*), на который забыли пригласить одного бога. Он исчезает, вызывая увядание и бесплодие в природе и болезни у людей. Вернуть исчезнувшего бога удастся волшебному животному

(у хеттов — пчеле). Миф о всех богах и связанные с ним ритуальные формулы есть во всех анатолийских и родственных восточно-индоевропейских ритуальных традициях, но у хеттов эти древние образы соединились с влиянием месопотамского представления о собрании богов, которое хеттами ассоциировалось с земным «собранием»-панкусом.

(К с. 29) В настоящее время выявлено значительное число ритуальных текстов и молитв среднехеттского времени, в которых постепенно прослеживается изменение древнехеттских правил передачи фонем в клинописи и грамматической структуры.

(К с. 30–35) Для выяснения степени хурритского влияния на хеттские города не только на юге М. Азии, но и в северных ее частях, большое значение имеет открытый несколько лет назад архив культового центра Сапинува (современн. Ортакей, 50 км от Чорука в северной части Центральной Анатолии), который включает очень большое число хурритских ритуальных текстов вместе с хеттскими и хаттскими (в том числе и двуязычные хурритско-хеттские и хаттско-хеттские тексты).

(К с. 39) Глиняные модели печени, на которых за аккадским вопросом следует заключение, написанное по-хеттски, датируются древнехеттским временем и частично переведены с вавилонских образцов. На терминологию хеттских гаданий по печени животного оказала влияние хурритская гепатоскопическая терминология. Многочисленные хурритские предсказания по печени найдены в Эмаре (Мескене) в Северной Сирии. Этот провинциальный архив подтверждает значимость для хеттов подобных хурритских текстов. Написанное по-хеттски царское письмо правителю Эмара представляет собой охранную грамоту, дарованную хеттским царем жрецу, которого наместник хотел было обложить налогом.

(К с. 40–41) Недавно открытый большой провинциальный архив позднесреднехеттского времени из Машата (116 км к северо-востоку от Хаттуса) содержит переписку должностных лиц этого хеттского административного центра с царем, посвященную главным образом взаимоотношением с каскайскими племенами, своими набегами тревожившими север империи. Кроме уже названных мест провинциальный архив недавно найден также в культовом центре Сарисса (современн. Кушаклы, 50 км к юго-востоку от Сиваса). В текстах этого архива описывается проезд и купание царя в особом помещении, для этого отведенном, предметы, используемые в обрядах. Обилие в этом и других архивах текстов, описывающих разные виды оракулов, позволяет поставить вопрос о хеттском обществе как преимущественно ориентированном на предсказание и ожидание событий, не зависящих от человеческой воли. В клинописных хеттских текстах из архива Сариссы упоминаются писцы на деревянных табличках.

(К с. 41–45) Поскольку некоторые знаки лувийского иероглифического письма объясняются из акрофонического чтения лувийских слов, можно предполагать для таких знаков (а возможно и для всей этой системы письма в целом, начало использования которой относят к XVII в. до н. э.) лувийское происхождение. Архаические тексты, которым подражают начинающиеся со времени Хаттусилиса 3-го монументальные иероглифические надписи конца Нового царства (в частности, изумленная и переведенная Хокинзом надпись на стене священного пруда в Хаттусае), отличались преимущественным использованием логограмм при почти полном отсутствии фонетически записанных лувийских окончаний. Тем не менее все иероглифические тексты последних веков Хеттской империи написаны на иероглифическом лувийском языке; исключение составляют только имена хурритских богов последней хеттской династии в святилище Языльская, написанные по-хурритски лувийскими иероглифами (применение этой системы письма для передачи близкого хурритскому урартского языка документировано несколькими столетиями позже в коротких надписях на больших пифосах и бронзовых сосудах из Алтынтепе в Турции).

(К с. 42–43) В одной из клинописных табличек, описывающих правила купли и продажи, предписывается описать сделку на деревянной табличке. В письме, написанном по-хеттски, и на бронзовой табличке упомянут (в частности, в связи с его юридическими обязанностями) «глава пислов, пишущих на деревянных табличках». Нельзя считать исключенным, что на деревянной табличке могли писать клинописью на хеттском языке. Глина не была единственным материалом клинописных хеттских документов. Сравнительно недавно найдена бронзовая табличка, а в документах упоминаются тексты договоров, написанных на серебре и железе (оно тоже было драгоценным металлом).

(К с. 47–48) К сирийско-хеттско-хурритским вариантам клинописи возводятся и позднейшее урартское письмо. В настоящее время многие хеттологи предполагают, что (позднее)старовавилонский курсивный вариант клинописи, близкий к известному из Адалаха, был заимствован хеттами во время сирийского похода Хаттусилиса I-го. Но, исходя из предположения о наличии более раннего варианта клинописи уже при составлении надписи Аниттаса и других немногочисленных ламяптиков, соотносимых с дошедшими до нас фрагментами литературы города Неса, можно думать и о наличии у хеттов древнейшего типа (староаккадской?) клинописи уже в гораздо более раннее время – во времена Лабарны и Питханаса, а то и их предшественников. Только новые раскопки в Несе (Канише) и Куссаре помогут проверить это предположение. Самые ранние хеттские тексты, дошедшие в оригинале, написаны особым пошибом (древним дуктом), который формой многих знаков сильно отличается от более поздних (среднехеттских и новохеттских) табличек. В поздних копиях древнехеттских текстов сохраняется обычно только часть графических особенностей подлинника и знаки часто приобретают более новую форму.

(К с. 50) Некоторые новые знаки были изобретены для передачи фонем, отсутствующих в хеттском, но существовавших в хаттском, хурритском и палайском языках, как 9 особых обозначений для слогов с начальным губным спирантом [f/v], которых нет в других системах клинописи.

(К с. 51) Для имени сестры Хаттусилиса III, записанного сочетанием логограмм «бог» и «спрашивать оракула; вопрос к оракулу» (шум. IR), установлено чтение ^fMaššan(a)uzzi-, которое представляет собой характерное лувийское имя, образованное от лувийского maššan(a)- «бог» (ср. о соответствии в южно-анатолийском карийском выше, с. 218, прим. 25); в последней части сложного слова можно видеть гипотетическое лувийское соответствие хеттскому *wek-* < **wek'*, в текстах оракулов передаваемому логограммой IR «выпросить».

(К с. 52) Использование глоссового клина для выделения слов родного неофициального языка писца известно также в написанных в основном по-аккадски письмах древнеханаанейских правителей Финикии и Палестины, содержащих выделенные этим знаком древнеханаанейские глоссы, и в аккадских текстах из Угарита, где глоссовым клином помечаются угаритские слова.

(К с. 56) Всего в общем инвентаре знаков клинописи, использовавшихся для записи разных языков в табличках архива Хаттусаса, около 375 знаков; больше половины из них применялось для фонетической записи хеттского языка, но часть этих слоговых знаков встречается сравнительно редко.

(К с. 67) В ликийском алфавитном письме глагольное окончание 1 л. ед. ч. *-xagā* соответствует хеттск. *-haha-a-*, что заставляет думать о передаче в хеттской клинописи двух слогов, восходящих в древнему прототипу.

(К с. 68–69 и 97) В последние два десятилетия установлено, что в именах гетероклитического склонения и в архаических глаголах спряжения на *-mi* формы с удвоенным написанием гласного (нем. *Pleneschreibung*) соответствуют ударному гласному в реконструированной индоевропейской подвижной парадигме. Вероятно гласные под ударением были долгими. Вместе с тем в отдельных случаях такое же удвоение гласных в конце глагольных форм в вопросительных

предложениях может истолковываться как особый тон, соответствующий древнеиндийскому *pluī*. Сравнение, с одной стороны, с возможной клинописной передачей тона посредством удвоенного написания гласного в старовавилонском письме, с другой стороны, с реконструированными индосвропейскими тонами, позволяет поставить вопрос о том, не сохранил ли хеттский язык индоевропейские тоны, из которых позднее развились системы ударения отдельных диалектов.

(К с. 71, примеч. 6) Типологические и сравнительно-исторические соображения делают вероятным предположение о противопоставлении в хеттском глоттализированных неглоттализированным. В то же время приводятся доводы и в пользу понимания этой оппозиции как слабые (негеминированные): сильные (геминированные, ср. типологическую- или генетическую? — параллель в уральском). Хотя противопоставление двух спирантов *h* и *hh* в ингервокальном положении выражалось с помощью похожего графического приема, не кажется достаточно обоснованным для синхронного описания их понимание как разных фонем, принимаемое рядом ученых.

(К с. 71 и 96) Удвоение сонантов в хеттском (в частности, в цепочке энклитик в начале предложения) может быть объяснено действием звукового закона Зиверса—Эджертонна.

(К с. 77, схема 3, и с. 85—86) В исходной фонологической системе для более раннего периода реконструируется также тройка лабиовелярных $k^w - g^w - g^{wh}$, которая соотносилась с тройкой «ларингальных»; последняя из этих фонем — с третьим «ларингальным» H_3 . Согласно глоттальной теории, реконструированные звонкие *g*, \tilde{g} , g^w следует переинтерпретировать как глоттализированные (абруптивные). В пользу этой последней точки зрения в последнее время приведены данные, связанные с древнейшими контактами праиндоевропейского с семито-хамитским или афразийским (в частности, древнеегипетским). Но с точки зрения более глубокой ностратической реконструкции праиндоевропейская тройственная система смычных является результатом позднейшего развития, потому что в индоевропейских смычных звонких (абруптивах по глоттальной теории) совпали древние ностратические глухие и ностратическая серия, характеризующаяся по Старостину соответствием картвельских и индоевропейских звонких алтайским фонем придыхательным (к этой последней серии восходят начальные смычные фонемы в таких словах, как хет. *taru* «дерево», *ta* — «брат»).

(К с. 76—81 и таблице 3) Особенности клинописной графики затрудняют окончательное решение, но кроме указанных в тексте и в таблице правил невстречаемости фонем вероятно отсутствие в начале слова сочетаний спиранта *h* и смычного *t* с последующим плавным *r*, с чем связывают и гласный первого слога в хет. *teri-* «три» (если он не восходит, как и аналогичные лувийско-ликийские формы, к исходному прототипу, где этот гласный еще не был редуцирован). Полагают, что не было начальных сочетаний $\tilde{s} + n$ - и $h + u$ (неслоговое *i*), но они были возможны в середине слова. Предположено наличие сочетаний смычных *t*, *p* и *k* и спиранта \tilde{s} с последующим глайдом *u* и аффрикаты *z* с последующим смычным *k* и с последующими сонантами *l*, *m* и *w* (неслоговое *u*) в начале слова. Возможно начальное *ml-*, но не $m + r$, $w + r$, $w + l$. В середине слова отмечены сочетания $-p(p) - + -w-$, $-p(p) - + -y-$, $-l(l) - + -y-$, $-k(k) - + -y-$, $-z - + -y -$ и $-z - + k-$; комбинации $-h - + -p-$, $-h - + -m-$ засвидетельствованы только в названии слоновой кости *lahpa-*, происходящем от афразийского названия «слоновой кости, слона» (миграционный термин, родственной греч. $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$ и связанным с ним названиям слона в латыни и современных языках), и в его варианте *lahma-*. В середине слова возможны $-ly-$, $-ry-$, $-ny-$, $-my-$, $-mw-$. Трудности вызывает описание возможных сочетаний гласных или гласных и глайдов и дифтонгов в таких формах как *aīš* «рот» (структура слова представляет собой ностратический архаизм).

(К с. 82) Часть исследователей предполагает теперь существование отдельных гласных фонем *e* и *i* на всех этапах развития хеттского языка, включая новохеттский. Иногда допускается также и наличие особого закрытого ϵ как

отдельной фонемы, но основания для этого недостаточны. Остается проблематичным и давно предположенное использование в некоторых случаях одного из нескольких клинописных знаков, передававших *u*, для обозначения хеттского *o* (знак для передачи *o* в месопотамской клинописи отсутствовал). В пользу этого предположения говорит аналогичное явление, обнаруженное в родственной хурритской системе письменности, но этого еще мало для признания приемлемости подобной гипотезы и для хеттской системы письма.

(К с. 82–83) Некоторые ученые допускают наличие в хеттском языке лабиовелярной фонемы *kk^w* (= глухой или сильное *k^w* согласно двум из возможных интерпретаций), противопоставленной *k^w* (= звонкое или слабое *g^w* согласно таким же интерпретациям). Но при этом допускается позднее развитие обеих этих фонем в новохеттском в сочетания велярного смычного с гласным *-i* в позиции перед следующим согласным.

(К с. 83 и 176) Лидийское местоимение транслитерируется как *qi-*. Можно думать, что сохранение лабиовелярных фонем было архаизмом лидийского.

(К с. 85) В лувийском исчезал также и велярный компонент фонемы, соответствующей индоевропейскому лабиовелярному звонкому: лув. *wana-* «женщина» от основы рус. *жена*, англ. *queen* < и.-е. **g^wen-* (*aH*). Предполагаемый индоевропейский непалатальный звонкий придыхательный велярный смычный сохранился: лув. *tamuga-* «ноготь»: хет. *šankui-*, лат. *unguis*, рус. *нога, ноготь*.

(К с. 90–93) Новейшие исследования показали, что в лувийско-ликийском индоевропейские палатальные смычные во всех позициях (а не только в позиции перед *-i-*, как предполагали многие ученые вслед за Гетце), превратились в свистящие аффрикаты и спиранты (или частично исчезли, как **gh*), тогда как в хеттском языке (если исключить заимствования из языков *saidm*) они совпали с непалатальными велярными: хет. *kir/kart-* «сердце» (англ. *heart*): лув. *zarga* (русск. *сердце*). По этой изоглоссе лувийский (и остальные южно-анатолийские языки: ликийский, мильийский или ликийский Б, карийский) противопоставляется северно-анатолийским (хеттскому, палайскому, лидийскому), которые были языками *centum*. С этой точки зрения южно-анатолийский принадлежит к диалектам *saidm*. Но при этом в лувийском сохраняются лабиовелярные, не совпавшие с чистыми велярными, как это произошло в большинстве поздних диалектов *saidm*. Южно-анатолийский (как и армянский и албанский) отражает древнее состояние с различением трех рядов: палатальных, велярных и лабиовелярных (следы такого состояния прослеживаются также в индо-иранском и в балто-славянском). Вместе с тем лувийский был на пути к устранению лабиовелярных отчасти благодаря их палатализации (ср. лув. *zal-al* «новозка», и.-е. **k^wel-*), отчасти же благодаря их смешению с губным сонантом (ср. приведенное выше лув. *wana-*), а не с велярным, что обычно для других диалектов *saidm*. Можно поэтому думать, что из двух изоглосс, характеризующих диалект *saidm*, более древней является та, которая приводит к совпадению палатальных со спирантами (из аффрикат), а более новой — та, что ведет к устранению лабиовелярных. По первой изоглоссе южно-анатолийский полностью принадлежит к диалектам *saidm*, по второй лишь отчасти. Поэтому его данные позволяют исследовать становление этого диалектного типа.

С развитием в лувийском палатальных в спиранты могло быть связано превращение в лув. *t-* фонемы, в определенных позициях отраженной в хеттском как *š-*, см. выше о лув. *tamuga* — «ноготь», а также хет. *šakuwai* — «видеть» (англ. *see*, алб. *shoh*, хет. *šakuwai* — «видеть», *šakuwa* «глаза»: лув. *tawa* «глаза» с исчезновением интервокального лабиовелярного).

(К с. 92) Месопотамский арийский результат развития палатального в хеттской книге Киккули о коневодстве передается посредством *-z* — в позиции после *-n-* (*panza-* «пять»), но как *-š* — в других позициях: *wašanna* — «стадион» (то же корень, что в рус. *вез-ти*).

(К с. 94 и 107) Иероглиф. лув. название «имени», родственное лид. *etam^w* «назначение», читается теперь как *atama⁽ⁿ⁾ za*.

(К с. 94) Хет. *le* интерпретируется как ностратический архаизм в хеттском.

(К с. 94 и 212) Иерогл. лув. *ruwa* — возводится к **ghruwa-*, ср. хет. *k(a)ru* «прежде». Слово заменило более древнее *ruwa-ii* «прежде», еще употреблявшееся в надписях имперского времени и родственное лув. *ruwa* с тем же значением. Одним из наиболее существенных отличий хеттского (северно-анатолийского) от южно-анатолийского и многих других родственных языков является отсутствие в нем основы **bhuH-* (ср. лув. *ruwa* = хеттск. *karu* «прежде», лувийск. *ruwa-til*, по корню и значению совпадающее с рус. *бы-лое*).

(К с. 94) Исчезновение конечного *-r* в хеттском (как и в некоторых других индоевропейских диалектах по гипотезе, высказанной еще Фортунатовым) могло быть связано с местом индоевропейского ударения или тона.

(К с. 96, 156 и 164–165) Для индоевропейского *-*me-* в местоименных (отраженных в древнехеттском) и глагольных формах 1–2 л. мн. ч. предполагается значение инклюзива; **we-* объяснялось либо таким же образом, либо как след древних форм множественного числа. В любом случае объяснение не является чисто фонетическим.

(К с. 98–99) Древнехеттские и лувийские стихи, написанные более короткими строками, сохранили отчетливые метрические структуры праиндоевропейского типа.

(К с. 99) Точное соответствие структуре индоевропейских (индо-иранских, балто-славянских, древнегерманских) заговоров обнаружено в хеттских заговорах, где выступает обшая для всех этих текстов мифологическая схема тела (животного и человека).

(К с. 102 и 104) Для *hešta-* (слово, выступающее в названии культового центра, связанного с заупокойным культом) предлагаются и другие этимологии.

(К с. 113, 128 и 138) Предполагается, что в древнехеттских формах собственных имен (в частности, названий мест) сохранились следы особого индоевропейского абсолютного падежа с нулевым окончанием, к которому может восходить и звательная форма. Использование аккадских написаний могло способствовать сохранению следов этой традиции.

(К с. 118) В настоящее время предполагается, что формы с собирательным значением типа хет. *widār* «воды, многие порции воды вместе взятые» (имевшие соответствие и в лувийском) восходят к особым праиндоевропейским собирательным формам, выразившим грамматическую категорию собирательности.

(К с. 129) В лувийском к собирательным восходят формы «дистрибутивного» множественного числа на *(-nt)* от названий парных частей тела (имеющие соответствие в тохарском): *pata-nta* «ноги», *tawa-nta* «глаза».

(К с. 130) Согласно новым чтениям иероглифических лувийских знаков иероглифические лувийские окончания мн. ч. совпадают с клинописными. В свете этих новых чтений знаков стало ясно, что именная парадигма в лувийских языках принципиально отличается от хеттской и палайской.

(К с. 132) Хеттские падежи типа тв. пад. *(-ii)* находят близкие параллели в картвельском. В этом случае речь может идти не о сохранении древнего ностратического сходства (что вероятно по отношению к пракартвельским и древнехеттским и праиндоевропейским формам личных местоимений), а об ареальной инновации в пределах одного языкового союза.

(К с. 133, 198 и 221, аннотации 41–42) В хеттском языке суффикс *-nt* служит для образования эргативообразной формы от имени среднего рода, которое таким образом меняет родовую принадлежность и становится способным выступать как субъект переходного глагола спряжения на *-ti*. Наиболее вероятное объяснение суффикса связывает его с древним индоевропейским суффиксом активных причастий; по альтернативной гипотезе он происходит из хеттского окончания отложительного падежа (однако, как отмечалось выше, это последнее само может быть инновацией). В лувийском языке есть аналогичные формы на

-ni-, но чаще всего для сходного превращения имени существительного среднего рода в форму одушевленного рода (используемую в форме винительного или именительного падежа) применяется суффикс *-ša/-za*, возможно сопоставимый с тохарским окончанием перлатива на *-sa*: тохар. Б (кучанск.) *yasār-sa*, перлатив от *yasār* «кровь» напоминает лув. *ašhar-ša*, форма одуш. р. от *ašhar* «кровь» (хеттск. *e/išhar*). Это лувийское (и тохарское) окончание может быть в конечном счете связано с древней функцией индоевропейского **-s* (см. выше о доводах, извлекаемых из хеттской падежной системы в пользу предположения о его эргативном происхождении). Но в свою очередь это индоевропейское падежное окончание сопоставилось еще Грозным и Педерсеном с хуррито-урартским *-s(e)* как показателем эргатива (ареальное явление?). Учитывая тесные хуррито-лувийские культурные связи и хуррито-лувийский языковой симбиоз на юге Малой Азии, нельзя считать исключенным относительно позднее проникновение хурритского суффикса (скорее всего воспринятого как деривационный) в лувийский.

(К с. 137) Для парадигмы гетероклитического склонения указывались параллели в некоторых ностратических языках, в частности, в дравидийском.

(К с. 140–141 и 194) Хотя в лувийском языке, как и в хеттском, нет грамматического женского рода, присоединение в нем суффикса *-i* к существительным, обозначающим лица женского пола, сопоставимо с теми процессами, которые в других индоевропейских диалектах после отделения от них хеттского и лувийского привели к образованию флективных способов выражения отличия женского рода от других родов в существительных и прилагательных.

(К с. 142 и 169) На раннем этапе развития хеттского языка, в этом отношении сопоставимого с ведийским, балто-славянским, готским, древнелатинским, видовые значения выражались с помощью энклитических частиц, связанных с наречиями-провербами.

(К с. 155) Сходство хеттских и греческих форм на **-sk-* (а также и родственных им лувийских форм) часто объясняют как ареальное явление. К нему может примыкать и использование аналогичных форм в картвельском (в частности, в архаическом сванском языке). В таком случае речь может идти о результатах существования языкового союза, включившего эти ностратические языки (ср. выше о падежных формах, общих для хеттского и картвельского).

(К с. 155–156) Окончание *-h-i* в новохеттском языке происходит из древнехеттского *-he*, где гласный *e* < **ai*: **ha-i* > *-he*.

(К с. 157–159) Формы 3л. ед. ч. наст. вр. без согласного *-t-* перед гласным окончания, соответствующие хеттскому II-му спряжению, обнаружены и в других анатолийских языках, что удостоверяет их индоевропейскую древность.

(К с. 159–165) Различие между формами, соответствующими хеттскому II-му спряжению (на *-hi*), в медиопассиве обнаруживаются также в 3л. ед. ч. в кельтском и оскско-умбрском.

(К с. 166) Формы волюнтатива (повеления самому себе) 1л. ед. ч. на *-i* встречаются также в нескольких других древних языках Передней Азии — хурритском и аккадском — и поэтому могут рассматриваться как ареальная черта, свойственная целому языковому союзу.

(К с. 176) Выдвигаются серьезные аргументы против предположения, что начальное *kw-/ku-* в иероглифическом лувийском относительном местоимении изменилось в *hw-/hu*.

(К с. 180–181) Согласно универсальной типологической схеме, предложенной по отношению к порядку слов Дж. Гринбергом, различие между употреблением или конечным положением главного глагола в предложении (разница между типами SVO и SOV, из которых хеттский, как и другие древние индоевропейские языки, предпочитает второй).

(К с. 183–184) За последние десятилетия открыты правила комбинации энклитик, весьма сходные с хеттскими, в нескольких архаичных индоевропейских

диалектах: в микенском греческом, древненовгородском языке берестяных грамот. Особенно близкими к хеттским оказываются правила функционирования энклитик в ведийском: только в двух этих древних языках энклитика, восходящая к **kom*, выступает всегда в конечном положении: др.-хет. *šu-kán* = вед. *śu-kam*, хет. *nu-kán* = вед. *nú-kam* (ср. также постпозицию родственного лат. *cum* в архаических конструкциях *me-cum* «со мной», *te-cum* «с тобой»). Хотя гтская приставка *ga-* занимает другое (чаще всего первое) место в аналогичной конструкции, на основании ее сравнения с хеттской частицей удастся восстановить такие общеиндоевропейские словосочетания, как **kom + sok^m*-, отраженное в хет. *-kan šakuwai-* «взглянуть, посмотреть» (*nu-kan^d Ištanuš nepišaz kattu šakuwai* «И Бог Солнца (Эстан) глянул вниз с небес», «Песнь об Уликумми»). Такие сочетания с германской частицей, соответствующей хеттск. *kan*, удается установить при сравнении совпадающих по структуре хеттских и древнегерманских заговоров, что даст возможность приблизиться к решению задачи реконструкции праиндоевропейского текста.

(К с. 194 и с. 14) Лувийский язык в отличие от хеттского сохранил еще именную основу *as(a)r-* < **os(o)r-* «женищина», от которой образованы другие производные существительные. К древним сложным словам с аналогичной основой восходит хеттский суффикс названий лиц женского пола *-šara*, как и родственный суффикс числительных женского рода в индо-иранском и кельто-италийском.

(К с. 197) В хаттском, в котором, как и в других архаичных северо-кавказских языках, были именные классы, префикс *wa-* был показателем множественного числа класса мужчин.

(К с. 198) Хет. *appa-šiwatt* — «будущее» по первой части сложного слова и по общему значению сопоставимо с клинописным лув. *appantit-* «будущее», но вторая часть этого лувийского слова и его соответствие в иероглифическом лувийском остаются не вполне ясными.

(К с. 199) Лув. *tamma-na-* имеет значение «смотреть сочувственно, благоволить», что не исключает связи с и.-с. **men-*, обозначавшим разные формы умственной деятельности.

(К с. 200) Глагол **šark-* предполагается на основании образованных от него производных форм с другими суффиксами.

(К с. 204) Хет. *antu-hša-* «человек» представляет собой древнее словосложение, в последней части которого выступает в степени редукции корень хет. *haš-* «рождать», ср. выше о его использовании в древнейших именах в староассирийских текстах (в них засвидетельствованы и словосложения с основой *-haš-u-*). Первая часть словосложения *antu-hša* — «человек» встречается в древнехеттских текстах (в том числе в словословии царю, известном и в хаттском варианте) в значении «народ». Поэтому слово могло первоначально значить «сын народа = рожденный народом» (аналогичная внутренняя форма предполагается для русского названия *чел-о-века*, ср. основы рус. *чел-адь* и лит. *vaika-s* «дитя, мальчик» с типологическими параллелями во многих языках). Первая часть слова находит также соответствие в микен. греч. *a-to-ro-qa*, греч. *ἄνθρωπος* (возможны и дальнейшие ареальные сближения с названием челоука в языках нигер-конго, в частности, в языках банту, получивших название от этого слова: суахили *mTu*, мн. ч. *wa-mTu* и т. п.).

(К с. 208) Хет. *ak-* «умирать» скорее всего заимствовано из северокавказского.

(К с. 210) Такие хеттские имена родства, как *nega-* «сестра» (откуда производное *neg-na-* «брат»), имеют соответствия в уральском и алтайском и должны рассматриваться как ностратические архаизмы. В лувийско-ликийской группе найдены такие имена родства с и.-е. суффиксом *-ter-*, как название дочери.

(К с. 211) В староассирийской табличке, хранящейся в голландской коллекции в Московском Музее Изобразительных искусств им. Пушкина, встречается топоним *Šala-hšua*, тождественный др.-хет. *Šall-a-h(a)ššūwa-* «Принадлежащий царю» (хет. *h(a)ššū-* «царь»), ср. название города *H(a)šš/zuwa*, которое засвидетельствовано не только в древнехеттских текстах, но и уже в документах из Эблы

середины III-го тыс. до н. э. и может считаться одним из важнейших доказательств пребывания носителей индоевропейских анатолийских языков в Передней Азии еще в это отдаленное время.

(К с. 212) Кроме нововведений, общих у хеттского с отдельными индоевропейскими диалектами и образующими изоглоссы, по которым определяется древнее членение индоевропейской языковой области, можно предполагать и совместное наследование лексических архаизмов: так, благодаря сохранению в Риме и у хеттов древних жреческих функций целый ряд соответствующих слов известен в латыни и в хеттском языке: хет. *ariva-* «узнавать посредством оракула» — лат. *ōrō, ōrāculum*; хет. *aruwai-* «умолять, приводить доводы», лат. *arguō, argumentum* «довод, аргумент» и т. д.

(К с. 212–213) Принадлежность карийского языка к южно-анатолийским в настоящее время общепризнанна, хотя продолжаются дискуссии о чтении отдельных знаков карийского алфавита. Исследование этого языка и его анатолийских черт бурно развивается в самые последние годы после открытия карийско-греческой билингвы. Весьма вероятно и отнесение к этой же группе сидетского и писидийского языков, известных лишь по очень скудным и не всегда ясным текстам и по отрывочным сведениям античных авторов. Хотя в этрусском языке несомненно были индоевропейские, в том числе хеттские, заимствования, тем не менее основную часть лишь в малой степени изученного словаря (включая числительные) и грамматики этого языка кажется возможным истолковывать на основе параллелей с северо-кавказскими языками, особенно с западной их ветвью: ср. разительное соответствие этрусских показателей мн. ч. *-r* (для лиц) и *-χυα* (для предметов) и сходного различия в абхазо-абазинском. Из Малой Азии переселившиеся в Италию этруски принесли вместе с языком северокавказского происхождения существенные заимствования из индоевропейских анатолийских языков (как имя бога, родственное хеттскому и лувийскому *Tarhunt-*), но и герминны, близкие к неиндоевропейским хаттским (этр. *zilab* как титул чиновника сходно с аналогично звучащим названием царского престола в хаттском языке) и семитским (союз этрусских городов-государств называется словом, тождественным названию лиги в документах из Эблы). Можно думать, что в Трое, с которой легенда позволяет связать судьбу этрусков, взаимодействовали носители разных индоевропейских диалектных групп, в частности, южно-анатолийской, греческой, фригийской и фракийской, с людьми, говорившими на других языках Древнего Востока. Как и столица Хеттского царства, в архиве которой найдены тексты и глоссы на девяти языках, и как все большие города древнего и нового времени, Троя и другие городские центры Малой Азии характеризовалась языковой пестротой, сказавшейся и на дальнейшей судьбе тех языков, на которых говорили после падения Трои, гибели Хеттского царства и связанных с этими событиями переселений этносов, названных древнеегипетскими источниками « народами моря » (к их числу относились и предки этрусков, на пути из Малой Азии оставившие в Эгейском море надписи на о. Лемнос, язык которых близок к этрусскому). Из позднейших анатолийских языков античного времени ближе всего к хеттскому языковой структуре лидийский, хотя и в нем есть черты, объединяющие его с южно- (а не северно-) анатолийским. После падения Хеттского царства продолжение его политических и эстетических традиций взяли на себя князьки небольших городов-государств Северной Сирии. Поэтому понятно, что их надписи во многом подражают хеттским царским надписям. Хотя они писались на иероглифическом лувийском языке, в них не только в структуре, но и в слове сказывается влияние имперской хеттской традиции.

(К с. 218, примеч. 14) Как позволили установить древние иероглифические надписи, лув. *tiwaa-* означает «победить» и синонимично хет. *tarh-* (с возвратной частицей хет. *-za*).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айхенвальд А. Ю.** 222 (№ 47)
Аменофис (Амен-хот[е]п) III 45
Анитта(с) 9, 12, 13, 16, 18–20, 22, 24, 38, 155, 219 (№ 7), 229 (№ 148), 234
Ардзинба В. Г. 222 (№ 48, 52), 223 (№ 71)
- Бадали Э.** 229 (№ 150)
Баюн Л. С. 222 (№ 47, 49)
Бекман Г. (G. Beckman) 224 (№ 86), 229 (№ 148)
Бенвенист Э. (E. Benveniste) 84, 102, 110, 207 (примеч. 11), 219 (№ 9, 10), 221 (№ 40, 42)
Билл Р. 229 (№ 150)
- Вильгельм Г. (G. Wilhelm)** 222 (№ 50), 230 (№ 160)
- Гамкрелидзе Т. В.** 219 (№ 1), 222 (№ 51),
Герни О. (O. R. Gurmey) 220 (№ 18), 226 (№ 104)
Гесиод 31, 232
Гётце А. (A. Götze) 220 (№ 15–17), 236
Гиндин Л. А. 222 (№ 53)
Гиоргадзе Г. Г. 222 (№ 54)
Голенищев В. С. 239
Гомер 200
Гринберг Дж. (J. Greenberg) 225 (№ 103), 238
Грозный Б. (=Ф.) (B. [=F.] Hrozny) 220 (№ 21), 230 (№ 162), 238
- Десянов А. Ф. (псевдоним В. В. Шеворошкина)** 224 (№ 77)
Дулаевская И. М. 222–223 (№ 59)
- Дьяконов И. М. (I. M. Diakonoff)** 222 (№ 55), 223 (№ 60), 224 (№ 79), 225 (№ 98)
- Жолковский А. К.** 207 (примеч. 11)
- Замаровский В.** 223 (№ 62)
Зиверс Э. 235
- Иванов Вяч. Вс.** 142 (примеч. 9), 222 (№ 47, 51, 55), 223 (№ 63–67)
Иллич-Свитыч В. М. 6
Ингве В. (V. Yngve) 167–168 (примеч. 10)
Йошида Д. 229 (№ 150)
- Камменхубер А. (A. Kammenhuber)** 226 (№ 118), 229 (№ 150)
Камю А. 47
Карруба О. (O. Carruba) 225 (№ 93–94), 228 (№ 141), 229 (№ 148)
Каугилл У. 226 (№ 115)
Кафка Ф. 173
Кела 36
Киккули 30–31, 36, 236
Королев А. А. 222 (№ 55), 223 (№ 70)
Котичелли-Куррас П. 229 (№ 150)
Кюни А. 102
- Лабарна** 20–22, 26, 234
Лабарса 20, 21
Леонтьева Н. Н. 207 (примеч. 11)
Лукаевич Я. 169
- Максуин Дж. Г.** 223 (№ 71)
Мартемьянов Ю. С. 207 (примеч. 11)
Меллаарт Дж. 223 (№ 72)
Мува(т)алис (Muwatalli-) 50, 167, 168, 217, 228, 232
Мурсилис I 25
Мурсилис II (Muršili-) 35, 37, 43, 163, 167, 168, 172, 200, 205, 217, 220 (№ 15)
- Ней Э. (E. Neu)** 226 (№ 115), 228 (№ 141), 229 (№ 148)

¹ В указатель входят имена исторических деятелей, упоминаемых в текстах реальных лиц, ученых и писателей (написание на двух языках дается для тех фамилий, которые в книге приводятся в обеих формах). Имена мифологических и литературных персонажей и богов (как и названия географических мест) отнесены к предметному указателю.

Оттен Х. (H. Otten) 221 (№ 34–35), 228
(№ 139–140), 228 (№ 148)

Папаникри 36

Педерсен Х. (H. Pedersen) 220 (№ 15), 221
(№ 36), 238

Пирва- 224 (№ 82)

Пирва(с) 28

Питханас 18, 234

Пудухета 36, 37

Рикен Э. 229 (№ 148)

Рильке Р. М. 163

Розенкранц Б. (B. Rosenkranz) 225 (№ 103),
228 (№ 145)

Рюстер Х. 229 (№ 148)

Саргон 20

Семерешы О. 224 (№ 76)

Соссюр Ф. де 88

Соучек В. (V. Souček) 228 (№ 148), 230
(№ 162)

Старостин С. А. (A. Starostin) 225 (№ 98), 228
(№ 136), 235

Супцилиумас 35

Телепигус I 25–27, 32, 33, 38, 40, 170, 185

Топоров В. Н. 142 (примеч. 9), 221 (№ 46)

Уоткинс К. (C. Watkins) 222 (№ 53), 224,
225 (№ 92), 226 (№ 112), 229 (№ 156,
157)

Форрер Э. 226 (№ 107)

Форунатов Ф. Ф. 237

Фридрих И. (J. Friedrich) 77, примеч. 7,
219–220 (№ 6, 11, 12, 13, 14), 225
(№ 101)

Хаммурапи 39

Хаттусилис I 21–26, 36, 68, 155, 204, 234

Хаттусилис III (Hattušili-) 35–37, 39, 44, 51,
57 (примеч. 3), 204, 206, 214–218, 233

Хачатрян В. Н. 224 (№ 78)

Хачикян М. Л. 224 (№ 79)

Хоккинз Дж. Д. (J. D. Hawkins) 224 (№ 92),
226 (№ 112), 229 (№ 148), 233

Цезарь 21

Чоп Б. 225 (№ 103), 226 (№ 115)

**Шеворошкин В. В. (см. также псевдоним
А. Ф. Деянов)** 192 (примеч. 2), 212,
221 (№ 45), 224 (№ 77, 80, 84)

Штаркс Ф. 229 (№ 148)

Щербя Л. В. 128

Шушский Ю. К. 230 (№ 163)

Эджертон Ф. 235

Эхнатон (Эхнейот, Амен-хот[е]п IV-й) 228
(№ 146)

Якобсон Р. О. 6

Янковская Н. Б. 224 (№ 82)

Alp S. 224 (№ 83, 84), 229 (№ 149)

Balkan K. 219 (№ 7)

Bechtel G. 219 (№ 8)

Blažek V. 224 (№ 87)

Boley J. 224 (№ 88–90)

Bryce T. 224 (№ 91)

Cambel H. 225 (№ 92)

Catsanicos J. 225 (№ 95)

Collins B. J. 227 (№ 125)

Dardano G. 225 (№ 97)

Monte G. del 225 (№ 96)

Dressler W. 225 (№ 99)

Eichner H. 225 (№ 100)

Gertz J. E. 226 (№ 113)

Gessel B. H. L. van 225 (№ 102)

Giannota M. A. 227 (№ 123)

Gusmani R. 224 (№ 92), 226 (№ 105, 106),
226 (№ 112)

Güterbock H. G. 220 (№ 19), 226 (№ 107, 108)

Haas W. 226 (№ 109)

Hajnal I. 226 (№ 110), 230 (№ 165)

Hart G. R. 226 (№ 111)

Held W. H. 220 (№ 20), 226 (№ 113)

Hoffner H. A. 226 (№ 107, 116), 229

Hout T. van den 229 (№ 154)

Josephson F. 226 (№ 117)

Kammerzell F. 227 (№ 119–120)

Kassian A. S. 227 (№ 121)

Kimball S. 227 (№ 122)

Kronasser H. 220 (№ 26), 221 (№ 44)

Kuryłowicz J. 142 (примеч. 9), 220 (№ 27)

Laroche E. 192 (примеч. 1), 220–221

(№ 26–33, 41), 227 (№ 124–127)

- Lehrman A. 227 (№ 128)
 Luraghi S. 227 (№ 129), 228 (№ 130)
- ^fMaššan(a)-uzzi- (= ^fDINGIR^{mes}IR-i-) 51, 234
- Meid W. 226 (№ 115)
 Melchert H. C. 227 (№ 131–132)
 Meriggi P. 228 (№ 134)
 Morpurgo-Davies A. 224 (№ 92), 226 (112)
- N**eumann G. 221 (№ 43), 228 (№ 135)
 Nikolayev S. L. 228 (№ 136)
- O**ettinger N. 228 (№ 137)
 Ollig W. R. 224 (№ 92)
 Oshiro T. 228 (№ 138)
- P**opko M. 228 (№ 142, 143)
 Puhvel J. 89 (примеч. 8), 228 (№ 144)
- S**chmalstieg W. 226 (№ 113)
 Schuler E. 221 (№ 37)
 Shields K. 230 (№ 164)
 Siegelová J. 230 (№ 162)
 Singer I. 228 (№ 146)
 Sommer F. 221 (№ 37)
 Soysal O. 230 (№ 163)
 Strunk K. 224 (№ 92), 226 (№ 112)
 Sturtevant F. H. 221 (№ 39)
 Süel A. 224 (№ 83), 229 (№ 149)
- T**ischler J. 225 (№ 96), 229 (№ 152)
 Tjekstra F. A. 229 (№ 153)
- W**agner H. 229 (№ 155)
 Weitenberg J. 230 (№ 158)
 Whittaker G. 229 (№ 159)
 Wilhelm G. 230 (№ 160)
- Y**oshida K. 228 (№ 161)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абруптивы** (см. глоттализированные) 71, (примеч. 6), 235
- абсолютный падеж** (см. неопределенный падеж, чистая основа) 226 (№ 115), 237
- абсолютив** 153
- абстрактная лексика** 206–208
- абхазо-абазинские языки** 240
- абхазский язык** 169
- «Авеста»** 210
- авестийский язык** (сокращенно авест., см. древнеиранский) 15, 28, 32, 94, 109 (табл. 6), 154, 165, 197, 210
- автобиография как жанр** 35, 36
- Автобиография Хаттусилиса I** 135–37, 44, 57 (примеч. 3), 214–218
- автор** 36, 230 (№ 163)
- агглютинативные формы и языки, агглютинативная техника** 112, 126, 131, 137, 144, 156, 161, 165, 182, 183, 193
- адвербиальная форма** (см. наречие) 181, 182
- аккадизированная форма** 20
- аккадская (месопотамская) клилопись** (см. староаккадская клинопись) 45–49, 62, 68, 84, 219 (№ 1), 234
- аккадские написания (аккадограммы) в клинописных хеттских текстах** 40, 48, 49, 53, 56, 173, 216–217, 237
- аккадские тексты** 29, 39, 40, 45, 98
- аккадско-хеттские двуязычные тексты** (см. словари шумеро-аккадско-хеттские) 22, 25, 39
- аккадский язык** (сокращенно аккадск.) 12, 22, 25, 39, 40, 47, 48, 53, 56, 113, 128, 133, 135, 151, 183, 205, 218 (примеч. 14), 238
- акрофоническое чтение** 233
- акт речевого общения** 113, 163
- активное значение** 150, 152, 161
- активный (действительный) залог** (в табл. сокращенно А) 109, 141, 144–149 (табл. 14 и 15), 151, 152, 156, 166, 208
- акцессивное сочетание** 112, 150
- Алалах** 25, 35, 45, 46, 234
- албанский язык** (сокращенно алб.) 82, 84, 90, 92, 236
- Алешпо** (Хальпа, столица княжества Ямхал) 25
- Алишар** 12
- алгоритм** 75, 116
- алломорф** (вариант морфемы, см. морф) 56, 83, 96, 100, 111, 112, 121, 123, 125, 128, 130–135, 139, 147, 150
- аллофон**, см. вариант фонемы 71, 95, 96
- алтайские языки** 231, 235, 239
- Алтынтеле** 233
- алфавитное письмо** 227 (№ 123), 234, 240
- Амарна** (Тель Эль Амарна) 45, 47
- анализ родного языка** 54
- анализ форм** (см. синтез) 147, 193
- аналитический язык, аналитическая конструкция** 141–142, 150, 154, 162, 165, 178, 203
- аналогия** 150
- анаатолийские собственные имена** 10, 12–14, 33, 42, 50–51, 220 (№ 16), 220 (№ 29), 223 (№ 68), 224 (№ 82), 227 (№ 124)
- анаатолийские (хетто-лувийские) языки** 5, 9, 10, 12–14, 16, 17, 21, 31, 38, 41, 85–87, 89–95, 97, 99, 106, 107, 128–139, 151, 152, 154, 158, 163, 176, 178, 179, 181, 194, 197, 199–201, 207–208, 210, 222 (№№ 47, 55–58), 223 (№ 70), 228 (№№ 133–135, 145), 231, 232, 238
- Анатолия** 10, 11, 16–20, 25, 33, 34, 43, 45, 47, 233
- анафорические местоимения** 168, 175
- английский язык** (см. древнеанглийский текст) 24, 141–143, 161, 168, 179, 181
- андское иероглифическое письмо** (Ю. Америка) 42
- Анкара** 8
- аномальное фонологическое развитие слова** 92
- античность** 8, 10, 213, 221 (№ 43), 240

* В указателе также при первом упоминании термина раскрывается принятое в книге его сокращение.

аорист 162, 164
аористическое значение (см. недлительность) 160
апокалиптическая литература древнего Ближнего Востока 232
арабские цифры 49, 51, 54
арийский (индо-иранский) 11, 15, 29, 30, 34, 38, 92
Арипса 170
армянский (сокращенно арм.; древнеармянский, грабар) язык 13, 89, 90, 107, 137, 152, 208, 217 (примеч. 8), 236
артикуль 15, 175, 177
артикуль суффицированный (постпозитивный) 15, 19, 20, 29, 205
архаизм (см. изолированная форма) 5, 23, 65, 87, 93, 105, 108, 110, 113, 127, 129–132, 140 (3), 153, 159, 162, 164, 165, 166, 172, 178, 180, 185, 198, 199, 201, 202, 210, 220 (№ 27), 231, 235, 236, 238, 239
архив Хеттского царства в Богазкее 5, 8–9, 40, 45, 240
архивы хеттские провинциальные (см. Купаклы-Сарисса, Машат, Мескенс-Эмар, Ортакей-Сапинува) 224 (№ 84), 230 (№ 160), 232, 233
архиграмма 117, 144
архифонема 72, 84, 93, 94, 96, 129, 136
Арцава 9, 25
ассимиляция (см. сибилант, спирализация) 84, 85, 92
ассимиляция 112
асимметрия 75, 95, 96
ассирийский вариант аккадского языка 30, 85
ассирийцы 19, 29, 35
ассоциативный синтаксический суффикс 183
астрологические тексты 39
атематические основа (см. корневое слово) 118, 122 (табл. 8), 158–159, 210
атрибут (сокращенно Атр; см. определение, определятельная конструкция) 167 (схема 6), 171 (схема 7), 172, 180
афазия 37, 208, 220 (№ 15)
афразийский (афразийский, см. семито-хамитский) 235
аффикс (см. суффикс, носовой инфикс, инфиксация, префикс) 99–101, 182, 201
аффикс словообразовательный 100, 185–191 (табл. 17 и 18)
аффриката 63, 67, 68, 70, 72, 79–81, 86, 235, 236
ахейцы, Аххива 31, 87, 226 (№ 107)

Балканская языковая зона (союз) 92
Балканы 11, 231

балтийские языки (см. литовский, латышский, прусский языки) 92, 109 (табл. 6), 131, 166, 177, 203
балт(ийско)-славянский 152, 177, 231, 236–238
банту языки 52, 239
безличный 163
безударный (слог, гласный, словоформа, см. энклитика) 95–97, 108, 184
бессвязочное именное предложение 178, 199
бескобочная запись 169
бессоюзие, бессоюзное предложение 169, 170, 174, 176
Ближний Восток 8
Бог 141
Бог Грозы 13, 28, 37, 38, 154, 194, 231, 232
Бог Грозы Тесуп 232
Бог Грома 13, 32
Бог Кумарби 13, 30
Бог Огня 38
Бог Пирва 232
Бог света 13, 140
Бог Солнца (Эстан) 11, 16, 17, 44, 85, 140, 229 (№ 150), 231, 232, 239
Бог плодородия Телелинус 26, 28, 41, 232
Бог Цилипури 16
Бог ясного неба 13, 140
Богазкей (Богаз-Кале), см. также Бююккале, Хююк 8, 12, 18, 35, 39, 42, 43, 232
богазкейская клинопись 45
богиня 141
Богиня Иштар (Саускас, Шаупка) 34–36, 50, 52, 62 (табл. 1, № 46), 204, 217 (шрифт. 7)
Богиня Солнца Аринна 37, 229 (№ 150)
болезнь (лексико-грамматическое выражение посредством глагольной конструкции) 115, 117, 230 (№ 163)
брак с вступлением жениха в дом родителей жены 170
бронзовая табличка 229 (№ 148), 234
бронзовый век 18
будущее время 143
Бурусхандас (Пурусханда) 19, 232
бык (мифологический) 30, 38
Бююккале (в Богазкее) 42

Вавилон 25
вавилонская культура 39, 233, 234
вавилонский вариант аккадского языка 30, 38, 234
Ван (озеро) 11, 231
вариант морфемы и падежа 113, 168
вариант фонемы (аллофон) 63, 71, 82, 88, 94, 94
вассал 37
водные конструкции 178
ведийский (сокращенно вед., см. древнеиндийский) 32, 107, 193, 198

«Веды» (см. «Ригведа», ведийский) 98, 160–161, 238, 239
великий князь 19
велярный индоевропейский (см. заднеязычный) 85, 87, 90–93, 236
венетский язык 138
вероятностные ограничения, статистические ограничения 76, 94, 97
вероятность присоединения окончания 148
вечнозеленое дерево (символ) 28, 41
вид (грамматическая категория) 142–143, 148, 155, 162, 169, 190, 199–201, 203, 219 (№ 8), 226 (№ 117), 238
винительный падеж (сокращенно вин. пад.) 113, 138, 168, 179, 183, 238
винительный падеж единственного числа (сокращенно вин. пад. ед. ч.) 95, 113–131, 156, 175
винительный падеж множественного числа одушевленного рода (сокращенно вин. пад. мн. ч. од. р.) 95, 113–131, 136, 138
винительный падеж одушевленного рода местоимения третьего лица единственного числа (сокращенно вин. пад. од. р. мест. 3-го л. ед. ч.) 168, 175
винительный пути 115
внутренняя реконструкция (см. реконструкция, праиндоевропейский) 157
военнопленные-рабы (социальный класс «уведенных») 152, 205
возвратная частица 100, 162, 168–169, 183, 202, 203, 224 (№ 89), 240
возвратное местоимение 184
возмещение 27
возрастание звучности 103
войны 22, 205
войско 20
вокализация ларингального 89
волк (см. культ волка) 23, 209
волонтиатив 238
вопросительное местоимение 126 (табл. 11а и б)
вопросительное предложение 234
восстановление старых обычаев 26, 27
восточно-индоевропейский (см. греческо-арийский, древнегреческий, древнеиндийский, армянский, фригийский, балто-славянский, индоевропейское диалектное членение) 177, 212, 233
восточнославянский эпос 23
восточнославянские языки (см. русский язык) 14, 194
восьмичленная система падежей 139
временная память 168
время 142, 179
время в истории языка 82

время как грамматическая категория 141, 145–149 (табл. 14 и 15), 155, 157
вспомогательный глагол (ср. полувспомогательный глагол) 151, 207–208
вторичная основа 129
вторичное (производное) спряжение 143, 148
второе лицо 141
второе лицо единственного числа 147, 159–161
второе лицо единственного числа прошедшего времени 144, 162
второе лицо единственного числа повелительного наклонения (сокращенно 2л. ед. ч. повел. накл.) 108, 109 (табл. 6)
второе лицо медиопассива 157
второе лицо множественного числа 121, 144, 158, 162, 164, 201–202
второе лицо настоящего времени (сокращенно 2 л. наст. вр.) 104, 105 (табл. 4)
второе место в предложении (позиция энклитик) 68, 166–171, 183–185
второс спряжение глагола в хеттском (см. две серии глагольных форм, тип спряжения) 105, 156–165
выбор морфа (см. тип основы) 121, 122 (табл. 8), 123, 126 (табл. 11), 145–147 (табл. 14), 187–191 (табл. 17 и 18)
высказывание 114

Гадания по печени, см. модели печени, гепатоскопические термины 39, 233
галльский язык 91
геминированные 112, 235
географические названия 11, 225 (№ 96)
гепатоскопические термины 233
германские языки, древнегерманские языки (см. английский язык, древнеанглийский язык и тексты, немецкий язык, древнеисландский язык, готский язык) 14, 98, 134, 137, 138, 152, 164, 179, 198, 202, 209, 237, 239
герундий (в синтагматических правилах обозначается как Г) 150, 153, 155, 172, 173, 184
гетероклитический тип имен 120, 123, 124 (табл. 9), 126, 136, 137, 140, 153–155, 158, 193, 197, 234, 238
гибкость языка (число равноценных способов выражения одной мысли, см. синономия) 172
гибридные слова, формы, написания 15, 17, 29, 54
гидроним (название реки, водосма) 11, 225 (№ 96)
гимн (славословие) 39, 239
глагол (сокращенно V) 14, 15–17, 21, 34, 54, 55, 68, 82, 96, 98–102, 104–112, 118, 128, 141–171, 173–174, 178, 179,

184–192 (табл. 17–19), 193, 199–202, 206–209, 222 (№ 58), 223 (№ 63, 66), 225 (№ 99), 227 (№ 128), 228 (№ 137), 231, 234, 237, 238

глагол бытия (ср. связка) 82, 100, 101, 151, 178–179, 208, 229 (№ 150)

глагол в форме повелительного наклонения (сокращенно Г_{пов}) 173

глагольное имя 141, 150, 150–155 (табл. 16), 151–155

глагольное предложение 167–173, 178–179, 180–185

глагольность (деривационное значение) 191 (табл. 18, V)

глаголы говорения 209

глаголы движения 115, 169

глагол 70 (примеч. 5), 235

гласность (фонологический различительный признак) 70, 73 (табл. 1), 74 (схема 1, 1), 88

гласные 64, 69, 70, 75, 79, 88, 93, 95, 96, 100–111, 122 (табл. 8), 123, 146, 177 (табл. 14), 156, 157, 168, 194, 226 (№ 111), 227 (№ 121), 234–236

гlossовый клин 34, 52, 158, 228 (№ 131), 234

глottализованные-неглottализованные (см. абруитивы), глottальная теория 71 (примеч. 6), 222 (№ 51), 223 (№ 73), 227 (№ 120), 235

глубина простого предложения 168

глухие согласные 45, 63, 64 (примеч. 4), 85, 86, 235–236

глухие придыхательные 235

глухость (фонологический различительный признак) 71 (примеч. 6), 85, 86

гомеровский греческий (см. Гомер) 31

город 18, 240

готский язык (сокращенно готск.) 13, 27, 28, 88, 91, 129, 137, 208, 217 (примеч. 12), 218 (примеч. 21), 238, 239

грамматика 5, 48, 52, 54, 99–203, 219 (№ 6 и 12), 226 (№ 113), 228 (№ 130), 238

грамматикализация 142, 179, 190

грамматические различительные признаки падежей 114–117 (табл. 7, схема 4)

грамматическое (обязательное) значение и категория 113, 141, 185

граммема (в таблицах и в тексте обозначены римскими цифрами) 113, 117 (схема 4), 121, 122 (табл. 8), 140, 143, 144–149 (табл. 14 и 15), 151, 166, 172, 176

границы морфов 112

графема (см. фонетические слоговые знаки, хетгская клинопись) 99

Грещия 8, 43

греческо-арийский (восточноиндоевропейский, см. древнегреческий, древнеиндийский, армянский, фригийский, индоевропейские диалекты) 160, 177

грузинский (древнегрузинский) язык (см. картвельские языки) 30, 209

Грузия 23

группа глагола (глагольная; сокращенно Гр Г) 167 (схема 6), 170, 171 (схема 7)

группа имени (именная; сокращенно Гр И) 167 (схема 6), 171 (схема 7)

группа энклитик (сокращенно Гр Э, см. лепочка, комплекс энклитик) 167–169 (схема 6), 171 (схема 7), 173

группы согласных 64

губная (лабиальная) фонема 73, 82, 232, 234, 236

«гutturальные» (см. заднеязычные, веллярные, лабиовеллярные, палатальные) 90, 92, 93

Дальневосточные системы письма (см. китайская иероглифика, корейское письмо, тангутская иероглифика, японское письмо) 49, 53

дарственные на землю 29, 40

дательный падеж 139, 152

дательный падеж единственного числа одуплевленного рода (сокращенно дат. пад. ед. ч. од. р.) 130

дательный-местный падеж (сокращенно дат.-мест. пад.) 48, 63, 113–130, 137, 138–140, 153, 154, 168, 181

дательный-местный падеж единственного числа (сокращенно дат.-мест. пад. ед. ч.) 87, 182

дательный-местный падеж местоимения третьего лица единственного числа (сокращенно дат.-мест. пад. ед. ч.) 168

дательный-местный падеж множественного числа (сокращенно дат.-мест. пад. мн. ч.) 127, 128

дательный притяжательный 179

два класса фонем 86

две серии глагольных форм 157–165

двенадцатисложник 98

двойственное число 129

двор хеттского царя (см. придворные, царь) 17, 225 (№ 97)

двусложная основа 99, 100

двуфонемное сочетание 79–84, 95

двухфонемные морфемы 100

двучленная (двухпадежная) парадигма имени 136–137, 153, 181–182

двучленные основы (биномы) 109–110

двуязычие смешанное (см. смешение языков, гибридные формы, креолизованные тексты) 17, 29–30, 81

деловые документы 43, 44

дендрохронология 232

денотат 206

дентальный 164

день 13, 30, 85, 140

- дерево (граф) 74 (схема 1), 75, 116, 117 (схема 4), 167 (схема 6), 171 (схема 7)
- деревянная табличка, дерево как материал для письма 41–45, 233, 234
- деривационное значение (см. словообразование) 131, 138, 140, 143, 148, 179, 185–190 (табл. 17), 191 (табл. 18), 193, 197–198, 203, 238
- десятизначник 98
- детерминатив 42, 56, 57, 61–62 (табл. 1, № № 39, 48), 128
- детская речь 208
- «Деяния» (Летопись) Хаттусилиса I 25
- диадическая (бинарная) логическая операция (логическая связка) 173
- диалогическая речь 178
- диахрония 5, 8–68, 83–99, 101–112, 128–141, 151–166, 176–185, 193–203, 207–213, 238–240
- дизъюнкция (см. неразделительная, разделительная дизъюнкция) 174
- династия 20–22
- дипломатическая переписка 47
- диссимилиация 94
- дистрибутивное (распределительное) значение 142, 191 (табл. 18, Ia), 199, 200, 225 (№ 99), 237
- дистрибутивное исследование (см. распределение фонем, дополнительное распределение) 76
- дифтонг 96
- дифференциальные (различительные) фонологические признаки (см. фонологический различительный [дифференциальный] признак) 70–76, 83
- длительность (вид и деривационное значение) 142, 143, 148, 153–155, 158, 161, 190–191 (табл. 18, I), 199–203, 219 (№ 8), 225 (№ 99)
- догреческий (субстратный ищоевропейский) язык 91
- документалистика 40
- долгий сонант 103
- долгота гласных 67, 68, 88, 97, 110, 111, 160, 161
- долженствование 172
- дописменная эпоха 16, 17, 84–99, 203
- дополнительное распределение 63, 79, 80, 92, 169, 173
- дофлексивная эпоха 138–140 (I), 199
- дравидийские языки (см. ностратические языки) 238
- древнеанглийский язык и тексты 99, 137
- древнесверхнемецкий язык 92
- древнегреческая литература 30, 98
- древнегреческий язык (сокращенно греч., см. микенские тексты, гомеровский греческий) 7, 13, 14, 16, 22, 28, 31, 50, 65, 68, 85–91, 96–98, 103, 104, 107, 109 (табл. 6), 111, 137, 154, 155, 160, 165, 180, 181, 182, 184, 199–202, 207–211, 217 (примеч. 6), 231, 239, 240
- древнеславянский (западно-индоевропейский) 11
- древнеиндийский язык (сокращенно дринд., см. ведийский, санскрит, арийский) 7, 13–16, 22, 25, 77, 80, 84–86, 89–94, 102, 103, 106, 107, 108–109 (табл. 6), 111, 137, 154, 155, 160, 162, 165, 177, 178, 180, 181, 184, 198, 200, 201, 207–210, 218 (примеч. 21), 239
- древнеиранский (см. авестийский, древнеперсидский языки, арийский) 32, 154
- древнесирианский язык (сокращенно ирл.; см. кельтская традиция и языки) 93, 182–184, 208
- древнеславянский язык (см. германские языки) 13, 32, 152
- древне Новгородский (язык берестяных грамот) 239
- древнеперсидский язык (см. древнеиранский) 47
- древнерусский язык (сокращенно древнерусск.) 14
- древнеханаанейский язык 234
- древнехеттская эпоха, древнехеттское царство 8, 9, 16, 18–30, 33, 46, 47, 82
- древнехеттский язык 5, 29, 32, 39, 70, 76, 79, 82–99, 105, 108, 113, 118, 120, 128–130, 134, 135, 139, 143, 147, 150, 153, 154, 164, 166, 169, 170, 172, 174, 176, 178, 179, 182–185, 200, 210, 226, 227 (№ 117), 228–229 (№ 148), 233, 237, 238, 239
- древние ближневосточные системы письма 53
- древние обычаи 26, 27, 32
- Древний Восток 44, 45
- древний пошиб (дужк) клинописи 5, 8, 234
- дублетные (вариантные) формы слова (см. факультативное образование форм) 122, 128, 137, 142, 147, 148, 157, 163, 164, 186
- Евразийские языки** (см. ностратические языки) 223 (№ 61), 225 (№ 103), 231
- Евфрат** 25
- египетская иероглифика 40, 44–45
- египетские тексты, древнеегипетский язык 62, 211, 227 (№ 119, 120), 234 (№ 80), 235, 240
- единственное число (сокращенно сл. ч., в таблицах обозначается Е) 48, 65, 67, 68, 80, 104–106 (табл. 4 и 5), 108, 117, 118–122, 128–132, 135, 141, 145–149 (табл. 14 и 15), 157, 158, 161–166
- Желательное наклонение** 143
- железо 19–20, 222 (№ 56), 223 (№ 67), 234
- жемайский диалект 185

женские имена 14
женский род 14, 140, 141, 180, 238, 239
жертвоприношения 27
жертвоприношения (принесение в жертву овец, коров) 27, 232
жертвоприношения человеческие 27
жесты, язык жестов 209
жилос здание 18
жрец, жреческая структура 15, 31, 33, 36, 205, 233, 240

Завещание Хатгусилса I 22, 36, 68, 155
заглавие текста (колофон) 128
заговор, заклинание 99, 237, 239
заднеязычный (см. велярный, спирант заднеязычный) 87, 90–92
займствование 15–17, 29, 30, 33, 37, 63, 77, 81, 84, 87, 89, 92, 100, 210, 232, 239
закон Зиверса–Эджертона 235
законы структуры индоевропейского корня 102–104
залог (см. активный залог, медиапассив) 107–109, 141, 144–149, 157
залоговая недифференцированность 150, 152
западноевропейские современные языки 155, 173, 176
западно-индоевропейские языки (см. древнеевропейский) 212
запрет, запретительный контекст 173
запрет заселять разрушенный город 20, 38
запрет нарушать записанные слова царя 20, 24, 40
запретительное отрицание 65, 94, 144, 173
зачинательность 142, 143, 151, 153, 154
звательная форма 68, 113, 128, 139, 166, 237
звонкие согласные 45, 63, 64 (прим. 4), 85, 86, 102, 235, 236
звонкие придыхательные фонемы в индоевропейском 85–87, 103, 236
звонкость (фонологический различительный признак) 71, примеч. 6

звуковой вид (ступень огласовки морфа или слова) 13
Зевс 13, 31, 232
звоние 68
Змей Огненный Волк 22
Змий 28, 36, 154
знаковая система религии/мифологии (см. семиотическая система) 30, 141
значение лексическое (см. семантика) 41, 56, 204–213
значение перемешной 101

Идеограмма аккадская 49–50, 62 (табл. 1, № 46), 217 (примеч. 7)
идеограмма (логограмма) шумерская (шумерограмма) 40–43, 46–56, 61–62 (табл. 1, № 36–45), 128, 216–217, 233
идеограмма (логограмма) простая 49

идеограмма (логограмма) сложная 49, 217 (примеч. 6)
иерархия понятий 205
иероглифическое письмо как тип знаковой системы 41, 42, 209
избыточные признаки фонем и граммем 70–73, 114, 116
избыточные суффиксы 201
изображения богов 39
изоглосса (см. индоевропейские диалекты) 163, 176–177, 212, 236, 240
изолированная форма (см. архаизм) 108, 127, 137–138, 140 (3), 151, 160, 166, 198, 202, 203
изъявительное наклонение (в таблицах сокращенно обозначается И) 141, 144–149, 166
илирийский язык 92
имена богов 12–14, 29, 112, 220 (№ 28), 223 (№ 68), 225 (№ 102)
имена действия (см. отлагательное существительное) 187 (табл. 17)
имена деятеля 17, 94, 194
имена правителей и царей 29
имена родства 96, 210, 230 (№ 164)
именительный падеж (сокращенно им. пад.) 53, 67, 113–133, 138, 168, 180, 238
именительный падеж единственного числа 94, 118, 210
именительный падеж множественного числа 118, 122
именительный падеж множественного числа одушевленного рода (сокращенно им. пад. ед. ч. од. р.) 130
именительный падеж одушевленного рода местоимения третьего лица единственного числа (сокращенно им. пад. од. р. мест. 3–го л. ед. ч.) 168
именительный–винительный падеж (сокращенно им.–вин. падеж) 110, 120, 123, 124 (табл. 9), 137, 138, 151, 153, 154, 181, 193
именительный–винительный падеж единственного числа среднего рода (сокращенно им.–вин. пад. ед. ч.) 104, 110, 118–119 (схема 5), 125, 132, 140, 151
именительный–винительный падеж множественного числа (сокращенно им.–вин. пад. мн. ч.) 104, 125, 129, 130
именная конструкция 171
именная форма (сокращенно Им) 167 (схема 6), 171 (схема 7)
именное предложение 171, 172, 178, 179, 199
именное склонение 110, 121–141, 186, 237, 238
именные классификаторы (счетные слова) 52
именные классы 52, 239

именные суффиксы 110, 182, 186–190
(табл. 17), 193–196 (табл. 20), 230
(№ 159)
имперфективность 142–144, 161, 162
импликация 174
имущественные отношения 222 (№ 54, 58)
имя (см. существительное, прилагательное,
местоимение, числительное)
100, 104, 112–141, 147, 150–155, 163,
172, 179, 182, 185, 186, 237, 238
имя деятеля 170, 188–189 (табл. 17)
имя (название) родства 170
инвентарные списки предметов 39
инвентарь фонем (см. фонологическая система) 97
инверсия 169
Индия 232
индоевропейское диалектное членение 5, 7,
8, 87, 91–94, 152, 155, 160, 162, 163,
176–177, 194, 209, 212, 228 (№ 145),
230 (№ 159), 231, 236, 240
индоевропейские древности, индоевропейцы 8, 23, 28, 93, 210, 231
индоевропейские языки (сокращенно и.-е.)
7, 9, 12, 13, 68, 84–85, 88, 89, 118,
130–132, 139, 152, 158, 160, 162–165,
178–179, 181, 192, 207–210, 220 (№ 24,
26, 27), 221 (№ 36, 37, 39), 222 (№ 56),
223 (№ 73), 230 (№ 156), 239, 240
индоиранский (арийский) 14, 106–107,
152, 154, 165, 177, 194, 199, 236, 237,
239
индо-хетто-лувийский 231
индо-хеттский 221 (№ 39), 226 (№ 115), 227
(№ 128), 231
инклюзив 237
инкорпорирующие языки 169
инструкции должностным лицам 40, 226
(№ 108)
интенсивная форма 32
интенсивная редупликация 199
интервокальное положение 71 и примеч. 6,
79, 83, 86, 123, 235
инфиксация (см. носовой инфикс)
183–184, 191 (табл. 18, I I), 200–201
инфинитив 141, 143, 144, 150 (табл. 16),
151–153, 155, 158, 163
ионийский диалект древнегреческого языка
155
испанский язык 179
истинность 178
история речи одного человека 208
история фонологической системы 82–99,
227 (№ 122, 133)
исход (конец) слова и морфемы 80, 94–95,
123, 126 (табл. 11), 154, 156, 237
италийские языки (см. латинский язык,
оскско-умбрские языки) 209
Италия древняя 24, 39, 240
итало-кельтский (кельто-италийский) 152,
163, 164, 176–177, 239

итальянский язык 112
итеративная форма (сокращенно итератив.)
111, 155, 191 (табл. 18, Ia), 200, 225
(№ 99)
итеративность 142
«И-Цзин» («Книга перемен») 230 (№ 163)
Кавказ 11, 12, 23
Кайсерн 232
«Калевала» 28
кальи 15, 197
Каниш, Калес (см. Неса-с) 12, 18–20, 112,
219 (№ 7), 222 (№ 58), 232, 234
каппадокийская керамика 18, 19
каппадокийский 12, 18
карийский язык 192 (примеч. 2), 212, 218
(примеч. 25), 221 (№ 45), 224 (№ 80),
225 (№ 94), 227 (№ 119, 123), 228
(№ 135), 231, 236, 240
Кария 213
картвельские языки (см. грузинский, мегрельский, сванский язык; ностратические языки) 71 (примеч. 6), 209,
231, 235, 237, 238
Кархемыш 170
каска, каскайские племена 9, 233
Каспийское море 11, 12
катализатор 183
каталог документов 40, 221 (№ 31), 227
(№ 125)
каузативный глагол 54, 191 (табл. 18, I I)
качественный аблаут (см. чередования гласных) 96, 104–105 (табл. 4), 108
качество (темпор) гласных 88, 93, 96, 102
квазимотивировка (видимость логического рассуждения) 171–172
квантор общности 207
квантор существования 179, 207
кельтские языки, кельтская традиция (см. древнеирландский язык, итало-кельтский) 92, 98, 183–184, 198, 210, 238
керамика 18
Керг 35
Киликия 232
китайская иероглифика 41, 42, 53, 54, 55
Кишуватна 33
клинопись 5, 8, 9, 40–69
кодирование 51
колесница, см. повозка 12, 30
количественный аблаут (см. чередования гласных) 104–111 (табл. 5 и 6), 123–125, 156
количество гласного (см. долгота гласных, краткий гласный) 88, 97
комбинации письменных знаков 64–66, 69, 82–83
компактность (фонологический различительный признак), компактная фонема 70, 72, 73 (табл. I), 74 (схема 1, 3), 75, 80, 81, 89

комплекс фонем 83
компьютерная лингвистика, базы данных 5,
213, 227 (№ 125), 228 (№ 147)
коневоленные трактаты 30, 36, 210, 220
(№ 25), 236
коневоление (см. лошадь) 15, 29–30, 34, 210
конец корня 102, 103
конец предложения 98
конечный морф (см. окончание, флексия)
126, 147, 156
конструкция 143, 152, 171, 177, 239
контакт языков 15–17
концепты без денотатов 204, 206
конъюнкция 173
копии текстов 8, 16, 18, 27, 82
корейское письмо 54
корень (непроизводная основа) 24, 29, 32,
54, 55, 67, 89, 99–105, 107–111, 137,
150, 160, 187–189 (табл. 17, II и VI),
201, 202, 239
корневое (атематическое) слово 97, 99, 110,
158–160, 178, 186, 198, 201, 203
корневой гласный 109 (табл. 6), 124
(табл. 9), 181
косвенная речь 168, 177–178, 183
косвенное наклонение 143
косвенный падеж (см. основа косвенных
падежей) 134, 136–138, 187 (табл. 17)
крайняя левая скобка 168, 174
краткий гласный 88, 97, 111, 161
креолизованные системы 82
креолизованные тексты 31, 113, 128, 148
креолизованные (гибридные) системы
письма 53, 54, 56, 212
кровная месть 26
Кронос 31
культ волка 23
культ лошади 12, 13
культ огня 24, 25, 38
культовый центр 18, 230 (№ 160)
Кулан (кузнец, собаку которого по ирланд-
ской саге убил Кухулли) 92
Кункунуци 32, 188 (табл. 17 II, № 14), 199
Куссар 18, 20, 22, 234
Кушаклы (Сарисса) 230 (№ 160), 233
Кухулин 92
кучанский язык, см. тохарский Б язык
Кюльтепе (Кюль-Тепе) 12, 18, 232

Лабарса 20, 21
лабиовеларные фонемы 83, 91, 92, 235, 236
лабиоларингальные 93
ларингальная теория 88, 96, 107, 111, 219
(№ 2)
ларингальные индоевропейские 87–90, 93,
95–97, 102, 104, 111, 160–161, 197,
202, 219 (№ 2), 235
ларингальный показатель 2-й серии
160–166
латинский язык (сокращенно лат[инск.],
см. также старолатинский) 13, 24, 27,

28, 80, 88, 91–94, 107–109 (табл. 6),
134, 137, 162, 163, 177, 179, 181, 182,
193, 197, 207–209, 217 (примеч. 8
и 12), 218 (примеч. 18), 240
латышский язык 92, 166, 184
левое множество фонем 79
легкие корни 103
лексика (словарь) 8, 17, 204–212, 217–218,
219 (№ 5), 220 (№ 14, 15), 222 (№ 47),
225 (№ 95, 101, 105, 106), 226 (№ 112,
116, 118), 227 (№№ 126, 132–133), 228
(№ 144), 229 (№ 151–152), 240
лексический принцип в письменности 54,
55
лексическое выражение значения 141, 179
Лемнос 240
лидийский язык (сокращенно лид.) 10, 13,
20, 41, 83, 92, 94, 132, 134, 136, 138,
140, 152, 153, 156, 166, 176, 183, 212,
213, 218 (примеч. 20), 222 (№ 55), 224
(№ 81), 225 (№ 106), 228 (№ 138), 231
Лидия 213
ликийский язык (сокращенно лик.) 5, 10,
20, 83, 85–87, 94, 132–134, 138, 154,
158, 159, 165, 176, 177, 181–183,
192 (табл. 19), 200, 210, 218 (при-
меч. 20), 220–221 (№ 30), 222 (№ 55),
226 (№ 110), 227 (№ 126, 132), 231,
234, 236
ликийский Б (см. милкийский) 231, 236
лингвистика 5–8, 37–40, 54, 56
линейное (линейное) письмо А 213
линейное (линейное) письмо Б (см. ми-
кенские тексты) 43, 98, 199
литературный язык 177–178
литовский язык (сокращенно литовск.,
см. старолитовский) 13, 28, 77, 84,
90, 92, 108–109 (табл. 6), 152, 177,
184, 185, 218 (примеч. 19), 239
лицо как грамматическая категория
(см. первое, второе, третье лицо, в та-
блицах и в тексте обозначены араб-
скими цифрами 1, 2, 3) 128, 141,
145–149 (табл. 14 и 15), 185
личная форма глагола 141–149, 173
личность 36, 204, 211–212
личные местоимения (сокращенно
личн. местоим.) 48, 100, 126–129
(табл. 11–13), 141, 165, 182, 237
личные местоимения первого лица един-
ственного числа (сокращенно личн.
местоим. 1-го л. ед. ч.) 48, 100, 120
(схема 5, тип IV), 121, 126–127
(табл. 11–13), 138, 172
личные местоимения второго лица един-
ственного числа 126, (табл. 11), 127
(табл. 13)
личные местоимения второго лица мно-
жественного числа (сокращенно 2-ю

л. мн. ч.) 120 (схема 5, тип V), 126 (табл. 11–12), 127 (табл. 13), 131
личные формы глагола 141
логика партиципации (см. часть целого, партиципная аппозиция) 180
логическая запись высказывания 168–169, 174
логическая операция 173
локальные (местные) значения падежей 139
лошадь (см. коневодство, культ лошади) 12, 15, 30, 34, 49
лувийские иероглифические тексты 9, 10, 20, 21, 33, 34, 37, 41–47, 211, 212, 223 (№ 74), 224–225 (№ 92), 226 (№ 112), 233, 240
лувийские клинописные тексты 5, 9, 38, 46, 88, 229 (№ 148), 233
лувийский (ложно-анаатолийский, сокращенно лувийск.) 9–13, 15, 16, 21, 33, 34, 37, 38, 51, 52, 84–87, 89, 90, 96, 97, 128, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 148, 152, 154–159, 163–166, 176–178, 182–183, 184, 222 (№ 56), 223 (№ 61, 70, 74), 194, 197, 199, 201–203, 208–210, 212, 218 (примеч. 14, 15, 19), 221 (№ 32), 231–240
лувийский иероглифический язык (сокращенно иерогл. лувийск.) 5, 9, 14, 20, 33, 41–45, 47, 72, 85, 90–92, 94, 95, 107, 130, 132–134, 139, 152, 154, 155, 157, 159, 166, 177, 182–183, 192 (табл. 19), 194, 197, 198, 200, 208, 209, 212, 222 (№ 59), 231, 233, 237, 239, 240
лувийский клинописный язык 5, 9, 20, 21, 38, 90, 102, 106, 130, 132, 154, 157, 159, 177, 183, 192 (табл. 19), 200, 221 (№ 34), 228 (№ 131), 231, 237
лувийское иероглифическое письмо 33, 34, 41–45, 55, 88, 90, 192 (примеч. 3, 4), 209, 220 (№ 33), 222 (№ 59), 233
лувийцы 11, 222 (№ 53)
Лувия 9
льготы (освобождение от повинностей, от налогов) 27, 36, 233
маяя (иероглифическое письмо доколумбова времени) 42
Малая Азия 8–12, 15, 17–19, 31, 33, 41, 42, 45, 47, 223 (№ 72), 225 (№ 96), 231, 238, 240
массовая смерть 37, 163
материнское право 20
матрица отождествления фонем 73–74 (табл. 2)
мать 20
Машат (см. архивы провинциальные хеттские) 224 (№ 84), 233
мегрельский язык 30, 209
медальность 162

медиапассив (сокращенно медиапасс., в таблицах обозначается М в столбце «залоге») 67, 85, 108–109, табл. 6, 141, 144–149, 151, 157–165, 183, 197, 202, 203, 208, 229 (№ 148), 230 (№ 161)
Мескен-Эмар (см. архивы хеттские провинциальные) 227 (№ 127), 233
Месопотамия 29, 39, 231
месопотамская торговля и раннеаккадские торговые поселения 19, 47
месопотамский арийский (см. хуррито-арийский смешанный диалект Митанни, арийский) 236
места при предикате 168
местные старейшины 24
местный падеж 110, 113, 181
местоимение (сокращенно местоим., в синтаксических правилах обозначается как М; см. личные местоимения, притяжательное местоимение, указательное местоимение) 96, 112, 113, 119 (схема 5, тип 1), 125–128, 130, 139, 141, 147, 152, 165, 168–169, 172–174, 179, 182–185, 236, 237
местоименное склонение 95, 125–128 (табл. 11–13), 130, 132, 134, 138, 139, 140, 152, 156, 219 (№ 10)
местоименно-указательный элемент 174–177
метафора 37
метрика 98, 220 (№ 19), 223 (№ 61), 230 (№ 157), 237
миграция (переселение) 10, 11, 18, 210, 222 (№ 51)
микенские (крито-микенские) тексты 98, 199, 239
милийский (ликийский Б) язык 228 (№ 132), 231
Митанни 15, 29, 30, 45, 46, 210
миф об исчезающем божестве 26, 28, 232
мифология 13, 23, 26, 28, 31, 92, 98, 140, 222 (№ 58), 232, 237
множественное число (сокращенно мн. ч., в таблицах обозначается М в столбце «число») 53, 68, 83, 95, 104–105 (табл. 4), 106 (табл. 5), 117, 120–122, 128–132, 135, 141, 145–149 (табл. 14 и 16), 158, 159, 162–164, 185, 237, 239
множественное число одушевленного рода (сокращенно мн. ч. од. р.) 185
множественное число среднего рода 118
множественность 185, 191 (табл. 18, 1 а), 197, 225 (№ 99), 237, 239
модели печени 39, 233
модель мира и мир 204, 207
молитва 11, 37, 39, 163, 210, 228 (№ 146), 233
монадическая (унарная) логическая операция 173
моносемия суффиксов полная 147

монотоническое ударение 97
монофтонгизация дифтонга 96, 109
монументальные иероглифические надписи
и изобразительное искусство 43, 233
море 11, 231
морфема 54, 56, 82–84, 89, 99–166,
185–203, 121–122 (табл. 8), 128, 132,
185
морфема грамматическая (см. граммема) 100
морфема лексическая (см. корень) 54, 100
морфография 99
морфологический анализ 40, 56
морфологический принцип в письменности
54, 66, 67
морфологическое выражение значения 141
морфология 29, 52, 94, 99–166, 179,
185–203, 219 (№ 8)
морфонология 83, 99–112, 123, 150, 168,
169, 193, 201
морфы (см. алломорф, флексия, оконча-
ние) 121–122 (табл. 8), 125 (табл. 10),
127 (табл. 13), 144–149 (табл. 14 и 15),
156–157, 159, 160, 162, 164
мотив литературный 32
мужской (неженский) род 140, 141, 180
музыкальные инструменты 223 (№ 61), 225
(№ 104), 229 (№ 150)

**Надпись Анигтаса (обширный текст) 9, 12,
13, 16, 18–20, 22, 24, 38, 155, 229
(№ 148), 234**
надпись Анигтаса (короткая на кинжале) 19
назализация, см. носовые (назализирован-
ные) гласные, носовость 94
названия домашних животных 51
названия лиц женского пола (см. женские
имена) 14, 188 (табл. 17, IV), 194, 217
(примеч. 8), 238, 239
названия лиц по месту происхождения
(см. прилагательные, обозначающие
происхождение) 55
названия частей тела 209
названия языков в клинописных текстах 9,
10, 18, 30, 34, 40
наказания 23, 27
наклонение (см. повелительное наклоне-
ние, изъявительное наклонение)
141, 145–149, 165–166
направительный (-дательный) падеж 113,
128, 139, 153, 157, 181
направление движения в пространстве 115
направление чтения и написания знаков 41
направленность-ненаправленность
(грамматические различительные
признаки падежей) 114–117 (табл. 7,
схема 4), 119, 120
напряженность (фонологический различитель-
тельный признак), напряженная фоне-
ма 70, 71, 72, 73 (табл. 1), 79, 86,
112

наречие (как часть речи, сокращенно Н)
9, 139, 167, 169–171 (схема 7), 181,
184–185, 190 (табл. 17, VII), 192
(табл. 19)
наречие-последок 96, 180, 182, 185, 192
(табл. 19), 193
наречие-преverb (приставка) 169–171, 173,
180, 190, 192 (табл. 19), 193, 209, 229
(№ 153), 238
наречное выражение, полунаречная форма
113, 132, 139, 154, 181
«народы моря» 240
нарушение параллелизма в системе
(ср. асимметрия) 75, 95, 96
наставления служителям храма 24, 39
настоящее время (сокращенно наст. вр.,
в таблицах обозначается Н) 65, 68,
80, 83, 141–149, 152, 156–164, 171,
178
паука у хеттов и в Вавилоне 39
начало корня 103
начало слова 75, 79, 87, 89, 90, 93, 102
начальная группа (сокращенно Нач Гр) 167
(схема 6), 168–171 (схема 7), 183, 235
начальный союз, вводящий предложение
69, 169
небо 13
недлительность (см. аористическое значе-
ние) 142, 160
незачинательность 142
незнание языка 15, 53
неиндоевропейские языки Малой и Перед-
ней Азии (см. хагтский, хурритский
язык) 93, 100, 222–223 (№ 60)
нейтрализация (снятие противопоставлен-
ия, см. архифонама, архиграммема,
синкретизм падежей) 75, 84, 91, 94,
96, 114, 116, 116–121, 129, 131, 133,
135, 141, 144, 151, 186
нейтральная (в отношении вида) форма 142
неличные формы глагола (verbum infinitum)
107, 141, 143, 144, 150–155, 173, 190,
220 (№ 22)
немецкий язык 24, 91, 104, 134, 163, 173,
192
ненормализованная грамматика 122
неопределенное местоимение 176–177
неопределенный падеж (см. абсолютный
падеж) 138, 154, 226 (№ 115)
непереходный глагол 132, 141, 151
неперфективность 142, 143
неправильный глагол 150
непрерывность (фонологический различитель-
тельный признак) 70, 72, 74 (табл. 1,
схема 1, 5), 79–81, 89
непродыхательные согласные 63, 71, 85, 86
непродуктивность 169, 171 (схема 7)
нераздельная дизъюнкция 174
неразличение форм (см. нейтрализация)
125, 128, 134, 135, 138, 143, 161, 198

Неса(с), см. Каниш 18, 232, 234
несийский язык, см. хеттский язык 18
несклоняемая форма 128
неслоговой вариант сонанта 69, 75, 82, 83, 95, 96, 235
несобственно прямая речь 177
неэргативный (абсолютный) падеж 132, 136, 140 (2), 161–162
нигер-конго макросемья 239
нововведение (новообразование, инновация) 7, 128, 129, 130, 134, 142, 158, 159, 162, 165, 166, 201, 220 (№ 27), 237, 240
Новое царство 8, 9, 15, 27–42, 44, 46, 47
новохеттский язык и тексты 21, 24, 25, 27–41, 69–82, 99–101, 104–105, 108, 112–128, 139, 147, 148, 150, 155, 158, 166, 169, 170, 172–174, 178, 179, 183, 190, 199, 200, 204, 234–236, 238
норма фонологическая 81
носовой инфикс (см. аффикс) 66, 148, 191 (табл. 18, I 1), 200–201
носовость (фонологический различительный признак), носовая фонема 70, 72, 73 (табл. 2), 79–81, 84, 89, 93–96, 111, 129, 131, 136, 156, 193
носовые (назализованные) гласные 72
нотратические языки 6, 223 (№ 61, 75), 225 (№ 103), 231, 235–239
Нузи 45
нулевая огласовка, нулевая ступень 66, 105–111, 150, 181, 191 (табл. 18, I а)
нулевая связка 178
нулевое окончание, нулевой суффикс (морфологический ноль, см. чистая основа) 108, 118, 121, 123, 128, 130, 138, 140 (1), 153, 157, 164, 171, 185–186, 237

Обеты 39
обещания 143
обладание 179
области (провинции) хеттского царства 18, 19, 38
обмен 208
Обращение Телепинуса I к панкусу 25, 32, 33, 38, 40, 170, 185
обряды очищения 27
общие истины 178
объект (сокращенно О) 132, 142, 168, 169, 174, 191 (табл. 18, I а), 225 (№ 99)
объемность-необъемность (грамматические различительные признаки падежей) 114–117 (табл. 7, схема 4), 120
овца как единица стоймости 27
огласовка корня, см. ступень чередования 91, 102–111, 124 (табл. 9), 159, 166, 188 (табл. 17), 191 (табл. 18, I а), 199, 201
огонь 24, 137
ограничения на сочетаемость 143–144

Одиссей 20
однородные слова 173
однородные предложения 173–173
односложное слово, морфема 97, 99–101
однофонемные морфемы 100
одушевленный (несредний) род (сокращенно одуш. р.) 113, 117–122, 124 (табл. 9), 128, 129–132, 134–136, 140 (3), 180, 198, 210, 237, 238
окончание (см. конечный морф, флексия) 52, 54, 67, 80, 97, 100, 110, 126, 130, 134, 135, 139, 147, 148, 150–153, 156–166, 202, 233, 234, 237, 238
омография (совпадение письменных форм, см. неразличение форм) 113, 118, 120, 121
омонимия 151
ономатопозитические слова 82, 89
описательная конструкция 179
опуска (см. ошибка) 16
определение 172
определенное употребление 176
определенный артикль 175
определятельная конструкция (см. атрибут) 171–172
определяемое 172
оптатив 166
оракулы 23, 39, 89, 205, 222 (№ 49), 224 (№ 86), 227 (№ 127), 229 (№ 150, 154), 230 (№ 163), 240
орудие действия (см. средство действия) 32, 116, 187–188 (табл. 17)
оскский язык 24
оскско-умбрские языки 137, 238
основа (см. тип основы) 13, 14, 21, 32, 54, 67, 80, 94, 96, 99, 100, 111, 121–122 (табл. 8), 123, 124 (табл. 9), 126 (табл. 11 и 12), 129, 139–141, 147, 150, 153, 154, 162, 163, 178, 181–183, 185–202, 228 (№ 137), 239
основа косвенных падежей 104, 110, 123, 124 (табл. 9), 126 (табл. 12), 131, 136, 137, 147, 154, 181, 193
основная словарная форма слова 114
основная ступень чередования 111
основные (непериферийные) падежи 114
основообразующий элемент 123, 124 (табл. 9), 126, 127, 134, 158, 160
ответственность историческая 36
отвлеченное (абстрактное) имя существительное 13, 55, 99, 115, 187 (табл. 17, I), 197, 230 (№ 163)
отлагольное имя (существительное и прилагательное) 13, 104, 107, 109, 110, 115, 150–155, 163, 187–189 (табл. 17), 192
отлагольный суффикс 100
отложить падеж 112, 114 (табл. 7), 116, 117 (схема 4), 119 (схема 5), 121, 125 (табл. 10), 127 (табл. 13), 130–132, 134, 139, 172, 182, 237

- отложительный падеж единственного числа (сокращенно отлож. пад. ед. ч.) 128
- отложительный падеж множественного числа (сокращенно отлож. пад. мн. ч.) 128
- отложительный-творительный падеж единственного числа (сокращенно отлож.-твор. пад. мн. ч.) 130
- отложительный-творительный падеж множественного числа (сокращенно отлож. — твор. пад. мн. ч.) 128, 130
- относительная хронология фонологических изменений 83–90, 104–111
- относительная хронология грамматических противопоставлений 131, 143, 147, 153, 155, 162–164
- относительное местоимение 174–177, 183, 220 (№ 20), 238
- относительное предложение 174
- отношение (деривационное значение прилагательного) 189–190 (табл. 17, VI а)
- отображение исходной системы, см. история фонологической системы 97
- отождествление существительных по предметной соотнесенности 175–176
- отрицание, отрицательное слово 170, 173
- отрицательная конструкция 144
- отрицательная трансформация 173
- отыменные производные 110, 202
- официальный государственный язык и надписи на нем 22, 33, 44
- ошибка (писца) 16, 53, 83
- Падеж** (см. абсолютный, винительный, дательный, именительный, местный, направительный, отложительный, родительный, творительный, эргативный падеж, перлатив, звательная форма) 110, 113–141, 147, 151, 154, 161–162, 166, 168, 181, 182, 237, 238
- падеж деятеля (см. эргатив) 133, 136, 152, 228 (№ 141)
- падение (крушение, гибель) Хеттского царства 9, 240
- Пала 9, 17
- палайские тексты 9, 11, 38, 47
- палайский язык (сокращенно патайск.) 9, 12, 13, 16, 17, 21, 35, 38, 82, 85, 87, 90, 106, 130–134, 138, 139, 151, 152, 154–156, 158, 163, 165, 177, 178, 181, 183, 184, 199, 200, 208, 212, 218 (примеч. 20), 220 (№ 23), 229 (№ 148), 231, 234, 236, 237
- палатализация 84 86, 156, 236
- палацальный индоевропейский 85, 90–93, 236
- Палестина 234
- Панелу (герой «Чумы» Камо) 37
- панкус (см. собрание) 22, 23, 25, 38, 39, 40, 204–205, 233
- пантеон хеттский 28
- пантеон хеттский («тысяча богов») 38
- пара противопоставленных фонем 75
- парадигма слова 66, 103, 104, 109 (табл. 6), 110, 117, 120, 124 (табл. 9), 125, 126 (табл. 13), 128–132, 136–137, 139, 140, 143, 144, 148, 150, 151, 153–157, 161, 162, 181–182, 187 (табл. 17), 190, 203, 226 (№ 111), 237
- парадигматические отношения в системе 76, 89, 100
- параллельное развитие 155, 159
- Парнас 231
- Парные части тела, грамматические формы названий 237
- паронимический размер 98
- партизивная аппозиция 115, 116, 135, 172, 180
- партизивный падеж 135, 136
- пассив 141–143, 155, 162, 164, 178, 179, 203
- пассивное значение 150–152, 161, 163, 208
- пауза (пробел) 78 (табл. 3), 79, 80
- пашту (афганский язык) 92
- Пегас 231
- первичные и вторичные окончания 156–158, 160–161, 185
- первое лицо (сокращенно 1-е л.) 48, 65, 68, 80, 83, 141, 156
- первое лицо двойственного числа (сокращенно 1-е л. дв. ч.) 96
- первое лицо единственного числа (сокращенно 1-е л. ед. ч.) 66, 96, 106, 121, 156, 160, 185, 234
- первое лицо единственного числа фктива повелительного наклонения 166
- первое лицо единственного числа медиопассива 157
- первое лицо единственного числа настоящего времени 160
- первое лицо множественного числа (сокращенно 1-е л. мн. ч.) 96, 121, 144, 156, 158, 236
- первое лицо прошедшего времени (сокращенно 1-е л. прош. вр.) 66, 104–105 (табл. 4), 156, 202
- первое слово в предложении (см. начальная группа) 168–171 (схемы 6 и 7), 173–177, 185
- перевод 13, 16, 31, 32, 44, 151, 232
- передвижение согласных 86, 112, 219 (№ 5)
- переднеязычная фонема 67, 72, 132
- Передняя Азия 8, 29, 47, 211, 238, 240
- перекодирование сочетания последней группы фонемы предшествующего морфа и первой фонемы следующего за ним морфа (см. фузия, сандхи) 123
- исременная 101
- перераложение основ 139
- перестановка слов (см. инверсия) 172
- переходные диалекты 92

- переходный глагол 132, 141, 150–152, 198, 237
 периферийная фонологическая система 82
 периферийность–непериферийность (грамматические различительные признаки падежей) 114–117 (табл. 7, схема 4)
 периферийные (конкретные) надежи 114
 перлатив 238
 Перун 13
 перфект 105, 159, 161, 163, 165, 199
 перфективность 142, 143, 144, 151, 155, 179, 203, 224 (№ 88)
 «Песнь об Уликумми» 31–33, 98, 201, 239
 печати с иероглифическими лувийскими надписями 42, 43
 пиктографическое происхождение идеограмм 41, 42, 49
 пиктография (см. рисунок) 41
 писец 15, 40, 42–43, 53, 55, 233
 пидийский язык 231, 240
 письменность (система письма) современная 49
 письмо, переписка 35, 43, 229 (№ 150), 234
 плавные сонанты 70, 75, 79–81, 89, 93–95, 193, 235
 план выражения 128, 212
 план содержания 128, 212
 племяник по женской линии 23
 повеления 143
 повелительное наклонение (сокращенно повел. накл., в таблицах обозначается П в столбце «наклонение») 67, 85, 100, 108–109 (табл. 6), 141, 144–149, 161–162, 164–166, 171, 203, 238
 повинности (см. льготы) 27, 207
 повозка (см. колесница) 15, 231, 232, 236
 повторное (итеративное) действие 142
 подкласс фонем 104
 позиционные классы энклитик 167–169, 183
 позиция лексическая (контекст) 144, 179
 позиция синтаксическая 144, 177, 179
 позиция фонологическая (см. распределение фонем) 70, 89, 91, 92, 95, 105, 112, 177
 показатель (см. морфема) 129–131, 135, 136, 140, 155, 160, 163–164, 185
 полинезийские общества 209
 положение в предложении (см. второе, последнее место в предложении) 98, 169, 238
 положительный (ненулевой) показатель (суффикс) 140, 186, 198
 полувспомогательный глагол 143, 153
 польский язык 194
 порядок письменных знаков в надписи 41
 порядок слов 20, 98; 168–176, 227 (№ 129), 238
 послелог 170, 180–182, 192 (табл. 19), 203, 238
 послелогиобразное наречие 170
 последнее место в предложении 169, 238
 постпозитивный (артиклъ, местоимение, см. артиклъ суффиксированный) 172
 потенциально осуществимая форма 148
 поход 19, 23
 поэтические тексты (см. метрика, эпос) 172
 праадыгско-кабардинский 232
 правитель (области), наместник 18, 233
 право хеттское (см. хеттские законы) 27, 36
 право множество фонем 79
 праздник Нового года (хаттский) 28
 праздники религиозные (описания) 39, 205, 230 (№ 160)
 пра(обще)индоевропейский (пра)язык (сокращенно индоевроп., общиндоевр.) 5, 7, 13, 16, 17, 84–99, 101–112, 129, 131–140, 152–166, 177, 180, 181–185, 207–211, 218 (примеч. 20), 222 (№ 51), 223 (№ 63, 73), 224 (№ 76), 235, 237–239
 преверб (приставка, см. наречие-преверб) 180, 192 (табл. 19), 203, 239
 предикат логический 178
 предикативная группа (сокращенно П[р] Гр) 167, 171
 предикативное употребление 153, 163, 172
 предикатное слово 168, 178
 предлог 48, 181–182
 предлогиобразные наречия 170
 предлогие (сокращенно Пр) 166–185 (схемы б и 7)
 предшествование (грамматическая категория) 142, 179, 224 (№ 88)
 преемник царя, наследник 21, 23
 прекратив 162
 препозитивное определение 172
 престолонаследие 21, 23, 25, 26, 222 (№ 54)
 претерит, претеритальный (см. прошедшее время) 161, 164
 префикс (приставка, см. преверб) 100, 169, 170, 183, 190, 239
 придворные 23, 24, 25, 225 (№ 97)
 придыхательные согласные (см. звонкие придыхательные фонемы в индоевропейском) 63, 86, 87
 прилагательное 22, 103, 110, 112, 116, 118, 120, 122 (табл. 8), 123, 125, 127, 133, 134, 151, 172, 174–178, 180, 187–191 (табл. 17 и 18), 194, 197, 199, 201, 205, 209, 212, 225 (№ 105), 238
 прилагательные, обозначающие происхождение 190 (табл. 17, VI б)
 приложение (см. партитивная аллюзия) 172
 принадлежность 116, 133, 179
 приобретение качества (derivационное значение) 191 (табл. 18, IV), 202
 приобретение качества под воздействием субъекта (derivационное значение) 191 (табл. 18, III)

- приобретение самостоятельных фонемных свойств (см. фонологизация) 82
- притяжательное местоимение (сокращенно прит[яж]. мест[оим].) 48, 118, 126 (табл. 11), 135, 172, 179, 182, 185, 185, 198
- притяжательное прилагательное 152, 189–190 (табл. 17, VI а), 212, 232
- притяжательный (родительный, дательный) 116, 134
- причастие 13, 32, 67, 68, 107, 141, 150 (табл. 16), 151, 152, 154, 155, 163, 173, 178, 197, 200, 205, 237
- пробел (см. пауза, начало слова, исход слова) 93, 95
- проверка (фальсификация) теории 6, 88
- продуктивный тип 13, 15, 120, 123, 136, 137, 155, 193, 197
- проективность, соблюдение и нарушение проективности 168–171 (схема 7)
- производное слово (см. отгменные производные) 170, 178, 178, 185–203, 239
- происхождение именных суффиксов 193–196 (табл. 20)
- простое предложение 166–173 (схемы 6 и 7), 174
- простота описания 90, 141
- пространство, пространственные отношения 142, 169, 171, 190, 208–209
- пространство (социальное), социальные отношения, обозначаемые прилагательными 82, 190 (табл. 17, VI в)
- протетический гласный 107
- противопоставление (опозиция, см. нейтрализация) 91, 93, 97, 114–117, 128, 140, 141, 144, 160, 161, 182, 208
- противопоставление (опозиция) социальное 222 (№ 54)
- прошедшее время (сокращенно прощ. вр., в таблицах обозначается П в столбце «время») 66, 68, 141, 142, 144–149, 152, 156–164, 171
- пруссский язык, пруссы 91, 97, 166, 232
- птица 89
- пустые клетки 166
- пчела (роль в мифе об исчезающем боге) 28, 232, 233
- пятифонемные морфемы 101
- Р**аб 23, 35, 205, 232
- раб, отпущенный на свободу 232
- раб-военнопленный 35, 205
- разделительная дизъюнкция 174
- раздельноморфность (см. границы морфов, стьк морфем, фузия) 112
- различительные возможности фонем 86
- рамочная конструкция 171 (схема 7), 176
- рапануйский язык 205
- рапануйское иероглифическое письмо (о. Пасхи) 42
- распределение морфов 157
- распределение основ 124 (табл. 9), 127 (табл. 12)
- распределение фонем (см. дополнительное распределение) 76–78 (табл. 3), 79–83, 89
- расшифровка 56, 220 (№ 21), 230 (№ 162)
- ребусные написания 50, 51, 56
- редупликация (удвоение) 187–188 (табл. 17), 191 (табл. 18, I а), 199, 200
- редуцированный гласный 89, 95–97, 107, 108
- результат (эффект как деривационное значение) 187 (табл. 17)
- реконструкция (см. внутренняя реконструкция, праиндоевропейский) 5, 7, 77 (схема 3), 84–99, 180–185, 222 (№ 58), 239
- реляционное значение (ср. деривационное значение) 131, 138
- реформы 26
- «Ритведа» (см. «Веды», ведийский) 13
- Рим 232, 240
- рисунок (как знак-пиктограмма, см. пиктография) 41
- ритм стиха 98
- ритуал (обряд и соответствующий текст) 16, 20, 23, 28, 30, 31, 33, 36–39, 48, 65, 210, 221 (№ 35, 46), 222 (№ 48), 224 (№ 86), 227 (№ 121), 228 (№ 142), 229 (№ 148, 150), 233
- род (см. одушевленный род, средний род) 22, 23, 117–122, 123–124, 128, 131–137, 140–141, 161, 180
- родительный притяжательный 179–180
- родительный падеж (сокращенно род. п[ад].) 48, 113–131 (табл. 7–13, схемы 4, 5), 132–137, 140, 150 (табл. 16), 151, 172, 173, 180
- родительный падеж в функции именительного 115, 133, 153
- родительный падеж глагольного имени (см. герундий) 150 (табл. 16), 153
- родительный падеж единственного числа (сокращенно род. пад. ед. ч.) 104, 110, 118–130
- родительный падеж множественного числа (сокращенно род. пад. мн. ч.) 128
- родительный принадлежности (см. принадлежность) 133
- рождественские обряды 28
- роль (функциональная нагрузка) фонемы 93
- русский язык (сокращенно русск.) 16, 24, 84, 86–88, 90–92, 104, 129, 133, 134, 143, 169, 171, 176, 178, 182, 184, 194, 203, 210, 211, 217 (примеч. 12), 218 (примеч. 18), 236, 237, 239
- русское письмо 51, 54
- С**акский (хотано-сакский, сокращенно сакск.) 92
- самостоятельная фонема 82, 88

- санджи 80, 111, 112, 169
сановники 22, 40
санскрит (см. древнеиндийский язык) 142 (примеч. 9), 156
Сапинува (Ортакей, см. архивы хеттские провинциальные) 229 (№ 149), 233
сванский язык 238
свет 13, 140
Сарисса (Кушаклы, см. архивы хеттские провинциальные) 230 (№ 160), 233
свистящий спирант (см. сибилант) 72, 236
свободные (не рабы) 23, 24, 36, 205, 222 (№ 54)
свободные формы (см. служебные слова) 100, 207
связанные (несвободные) морфемы 193, 203
связка (сокращенно Св; ср. глагол бытия) 167, 171, 178, 206, 217 (примеч. 5)
северно-анатолийские языки (см. хетто-лидийская группа, хетто-палайская группа) 5, 231–232, 236, 237
северо-восточно-кавказские (нахско-дагестанские) языки 232
северо-западно-кавказские языки 232, 240
северокавказские языки 222 (№№ 55–56, 58), 223 (№ 60, 71), 228 (№ 136), 229 (№ 155), 232, 239, 240
сезонные обряды 222 (№ 48), 230 (№ 16)
семаптика 8, 15, 140, 163, 166, 181, 185, 186, 202, 204–213
семантические группы 52, 56
семиотическая система 180
семито-хамитские (афразийские) языки (см. семитские языки, египетские тексты, древнеегипетский язык) 209, 235
семитские языки (см. аккадский, угаритский, финикийский, древнеханаанейский) 45
семичленная падежная система 113
серебро 28, 234
середица слова (см. интервокальная позиция) 89, 90
сибиланты (свистящие спиранты) 46, 62, 72, 219 (№ 10)
Сивас 233
сигматический аорист 162
сидетский язык (см. южно-анатолийские языки) 224 (№ 77), 228 (№ 135), 231, 240
силлабарий (см. фонетические слоговые знаки) 56, 64, 69
сильные и слабые согласные 63, 66–70, 235, 236
симметричность системы 75, 90, 95, 96, 144, 155–157, 162, 165
сингармоническое чередование 124 (табл. 9, 16)
синкретизм падежей (см. нейтрализация) 116–121
синонимия (см. гибкость языка) 16, 17, 30, 172, 179, 180, 186, 199, 200, 206
синтагматические отношения в тексте 76, 89, 100
синтаксис 8, 29, 37, 114–117, 130, 131, 133, 135, 142, 144, 166–185, 223 (№ 63), 227 (№ 129), 229 (№ 153), 238–239
синтаксическая фонология 98
синтаксические единства 98
синтаксические условия нейтрализации падежных противопоставлений 114–117, 131
синтез форм 123, 147, 150, 156
синтетическая форма (ср. аналитическая конструкция) 141
синхронное описание 5, 69–82, 98–101, 106, 109, 112–128, 141–151, 166–176, 178, 181, 185–193, 204–207
Сирия 9, 10, 12, 25, 29, 33, 34, 42, 43, 45–47, 219 (№ 1), 233, 234, 240
скала 13
склеивание (совпадение) фонем (конвергенция) 82, 84
скопление (наименование) суффиксов (см. аттлюинация) 110
скотоводческая лексика 198, 210
слабые глаголы 164
славянские языки 13, 17, 129, 131, 133, 152, 154, 162, 177, 197, 198, 203, 213
славянский стих 98
слияние именных суффиксов 193–196 (табл. 20)
словари (шумерско-)аккадско-хеттские, словарные списки 39, 115, 151
словесное высказывание 204
словинский язык (словинский, сокращенно словинск.) 92
слово отдельное (см. словоформа) 169
словоизменение (см. именное склонение, спряжение глагола) 137, 147–186
словообразование 13–14, 54, 55, 99, 100, 102, 110, 130, 137, 155, 185–203, 219 (№ 3), 162, 170, 185, 221 (№ 40), 229 (№ 148)
словопроизводство 82
словосложение 14, 138, 198–199, 232, 239
словосочетание 48
словоформа 41, 48, 113, 141–144, 147, 167, 171, 182, 185, 201
слог (см. силлабарий, фонетические слоговые знаки, односложное слово, двусложная, трехсложная основа) 89, 98, 99, 234, 235
слог удвоения (редупликация) 102
слоговой вариант сонанта 76, 83, 90, 95, 156
слоговые знаки (см. силлабарий, фонетические слоговые знаки) 56, 234
сложное предложение 174–177
сложноподчиненное предложение 174–177
сложные синтаксические единства 177

- служебные слова (см. свободные формы) 100
- смерть языка 15, 16, 41, 44, 232
- смешение языков (см. гибридные слова, креолизованные тексты) 8, 17
- смысл (инвариант при трансформациях перевода) 171–172, 179, 206–209
- смысловые элементы 56
- смычные согласные 70, 75, 87–90, 235, 236
- собака 92
- собрательные формы 68, 97, 129, 131, 189 (табл. 17, V), 197–198, 228 (№ 141), 237
- собрание (см. панкус) 22, 23, 25, 26, 27, 32, 33, 38–40, 204–206, 233
- собственное имя (см. анатолийские собственные имена) 120, 128, 198, 220 (№ 29), 227 (№ 124), 237, 239
- согласность (фонологический различительный признак) 70, 73 (табл. 2), 74 (схема 1, 2)
- согласные 63, 68–69, 100–104, 122 (табл. 8), 123, 145–146 (табл. 14), 150, 156, 160, 233, 236, 237
- согласование 172, 174, 176
- сокращенные обозначения слов в клинописи 51
- солнце (см. Бог Солнца) 11, 44, 140
- сон 16, 217 (примеч. 13), 232
- сонант 69–72, 89, 95, 96, 103, 156, 235
- сонорные 69–70, 89, 95, 96, 101
- сослагательное наклонение 166
- состояние или качество предмета, переход в состояние 178, 202
- сосуществующие фонологические и морфологические системы 81, 82, 93, 100
- социальная структура, социальное расслоение (см. царь, суд над царем, собрание, панкус, вассал) 24, 93
- сочетание (последовательность) фонем (см. распределение) 63, 76–78 (табл. 3), 79–82, 83–84, 90–91, 93, 111, 235
- сочинительный союз 177
- союз (сокращенно С) 68–69, 100, 140, 166–171 (схемы 6 и 7), 172–174, 183–184, 217 (примеч. 2)
- спирант 235
- спирант губной 234
- спирант заднеязычный 87
- спирантизация 87, 90, 92
- спиранты (ср. также сибиланты) 70–72, 75, 82, 86, 87, 88, 90, 236
- списки имен богов 38, 39
- списки имен царей 29
- спрягаемые (слитно-местоименные) предлоги 182
- сравнительно-историческое языкознание 7
- сравнительные формы прилагательных 190 (табл. 17, VI в)
- Средиземноморье 39
- среднехеттский период 29, 43, 232, 233
- среднехеттский язык 5, 226 (№ 117), 227 (№ 121), 229 (№ 148), 232
- среший (неолушвенный) род (сокращенно ср. р.) 67–68, 113, 117, 118, 121, 123–125 (табл. 9), 129–132, 135, 137, 140, 161, 182, 198, 210, 237
- средство действия 116
- староаккадская клинопись 45, 47, 50, 56, 63, 219 (№ 1), 234
- староассирийские таблички 12–14, 16, 19, 20, 45, 219 (№ 7), 220 (№ 16), 222 (№ 56), 223 (№ 68), 224 (№ 82), 231, 239
- староассирийские торговые колонии 12, 17–19, 22, 45, 46, 219 (№ 7), 222 (№ № 56, 58), 223 (№ 68), 224 (№ 82), 231
- старолатинский 132, 152, 165, 238
- старолитовский 166, 184
- старославянский язык 16, 176
- статистика морфем в тексте 100, 102
- статистически преобладающие написания 86
- статическое значение корня 144, 202, 208
- степени сравнения 116
- столица (см. Хаттусас, Тархунтассас, Неса-с) 8, 18, 25, 228 (№ 146)
- страна хеттов 9, 37
- строение корня 101–104
- строки, длинные, короткие 98
- структурные методы 70–82, 99–129, 207
- степень растяжения (см. долгота гласного) 97, 110, 139, 181
- степень редукции (см. редуцированный гласный) 105–108, 151, 239
- степень чередования (см. огласовка корня, основная степень чередования) 91, 105–111, 123, 150
- стык морфем и слов 80, 83, 84, 111, 123
- суахили 239
- субстантивизация прилагательного 22
- субъект (сокращенно S) 132, 142, 168, 169, 191 (табл. 18, I a), 198, 225 (№ 99), 237
- суд над царем 26, 32
- супин 141, 142, 150 (табл. 16), 151, 155
- супплетивизм, супплетивные основы 127, 129
- суффикс (см. аффикс) 11, 13–15, 17, 19, 29, 35, 54, 55, 67, 68, 83, 94, 100, 109–11, 129, 130, 137, 139, 142, 147, 150, 154, 156, 158, 163, 178, 182, 185–190 (табл. 17), 193–202, 226 (№ 105), 237–239
- суффикс глагола (глагольный) 109, 147, 148, 193, 193–194, 203
- суффикс имени (см. именные суффиксы) 100, 182, 190, 193, 237

суффикс прилагательного 110, 189–190
(табл. 17, VI–VII), 226 (№ 105)
существительное (нарицательное; см. имя, отглагольное имя существительное) 14, 15–17, 21, 28, 34, 48, 52, 110, 112–125, 151, 168–172, 174–176, 180, 182, 185–190 (табл. 17), 193–199, 238, 239
схема тела (животного, человека) в заговоре 237

Табу 51

тавтология 172–173, 206
тангутская иероглифика 49
тариф 27
Тархунтассас 228 (№ 146)
творительный падеж 54, 113, 114, 121, 125, 131, 132, 152, 168, 172, 182
тематический тип основ 120, 122 (табл. 8), 132, 133, 135–136, 139, 160, 161, 181, 194, 202, 227 (№ 128)
«Теогония» Десиола 31, 232
теоретико-информационное исследование языка 51
тип основы 95, 118, 122 (табл. 8), 129
тип спряжения глагола 104–111, 144–150 (табл. 14, 15, 16), 156–165, 201–202, 223 (№ 66), 228 (№ 137), 234, 238
типология систем письма 41, 42, 49, 51, 54–55
типология языков 5, 8, 70, 85, 96, 112, 132–136, 142–143, 150, 154, 170, 238
тигул 17, 19, 21, 206
Тифон 31
тон 234, 237
топоним (название места) 11, 237
тотемизм 23
тохарские языки 86, 87, 104, 112, 133, 136, 152, 153, 155, 162, 163, 176, 185, 194, 198, 200, 201, 207, 208, 218 (примеч. 25), 231, 237, 238
тохарский А язык 24, 68, 165, 177, 200, 212
тохарский Б (кучанский) язык 24, 104, 200, 201, 212, 218 (примеч. 19), 238
транслитерация клиптописи 48–69, 71, примеч. 7
трансформации (преобразования, см. смысл) 171–173, 179
третье лицо (сокращенно 3-е л.) 65, 66, 68, 163
третье лицо единственного числа (сокращенно 3-е л. ед. ч.) 66, 100, 159, 160, 163, 202, 238
третье лицо единственного числа настоящего времени (сокращенно 3-е л. ед. ч. наст. вр.) 84–85
третье лицо множественного числа настоящего времени (сокращенно 3-е л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.) 100

третье лицо единственного числа медиопасива 157
третье лицо единственного числа прошедшего времени 144, 158, 162
третье лицо единственного числа и множественного повелительного наклонения (сокращенно 3-е л. ед. и мн. ч. повел. накл.) 106 (табл. 5)
третье лицо множественного числа настоящего времени (сокращенно 3-е л. мн. ч. наст. вр.) 66, 106
третье лицо множественного числа прошедшего времени (сокращенно 3-е л. мн. ч. прош. вр.) 66, 163, 201–202
треугольная система гласных 76
трехсложные основы 99, 100
трехфонемные морфемы 100
тройное противопоставление серий смычных, тройка фонем 71 (примеч. 6), 85, 86
трон 16, 19, 211, 230 (№ 163)
Троя 222 (№ 53), 240
Турция 8, 233
тяжелые корни 101, 103, 105, 108
тяжесть (фонологический различительный признак), тяжелая фонема 70, 73, 74 (табл. 2, схема 1, 4), 75–76, 79–81

Убывание звучности 103

увещевания 143
увулярная фонема 72, 73
Угарит (Рас Шамра, Сев. Сирия) 35, 40, 234
угаритский язык 234
ударение 69, 97, 98, 108, 110, 112, 226 (№ 111), 230 (№ 161), 234, 237
удвоение (редупликация корня) 32, 102
удвоенное (двоенное) написание письменных знаков в иероглифическом положении 45–46, 63, 64, 69, 71, 83, 85–87, 112, 157, 235
узел (в топологическом смысле) 74, 117, 167–168
указательное местоимение 119 (схема 5, типы I и I1), 120, 126 (табл. 11), 138
Уликумис 32
Улисс 20
умбрский язык 24
употребительные имена 131
уральский (финно-угро-самодийский, см. евразийский, ностратический) 226 (№ 115), 231, 235, 239
Уран 31
урартский язык 17, 31, 91, 222, 223 (№ 60), 224 (№ 79), 233
Урмия (озеро) 231
устная речь 69
устный разговорный язык 15, 37, 44
утвердительные предложения, высказывания 144, 173

Фактически невозможное сочетание
77–82

факультативное образование форм 147
феодалные средневековые титулы 206
финикийский язык 85, 224 (№ 92), 225
Финикия 234
флексия (см. окончание, конечный морф)
121, 122 (табл. 8), 123, 126 (табл. 11),
129, 145–148 (табл. 14), 153
фонемы (см. фонологическая система) 69,
97, 99–112, 116, 123, 132, 232, 236
фонетическая транскрипция 63
фонетические слоговые знаки 42, 48, 50, 51,
56, 57–60 (табл. 1, № 1–35), 233, 234
фонетические элементы 56
фонетическое дополнение 53, 54
фонетическое написание 40, 48, 53
фонетическое развитие (изменение), звуко-
вой закон 82–97, 137, 156, 160
фонетическое слово 69, 98, 193
фонологизация варианта фонемы 82
фонологически невозможное сочетание
77–82
фонологические (слоговые и буквенные)
системы письма 55, 86
фонологическая система 69–76 (схема 2), 77
(схема 3), 78–112, 234–236
фонологическая структура морфем
100–112
фонологический различительный (диффе-
ренциальный) признак 70, 83
фонологическое слово 80, 98
формообразование (см. морфология) 110,
112, 155, 162
формула сакральная 99, 205
формула стандартная (штамп) 20, 21, 26, 35
фразеологический оборот (сочетание слов)
15, 33, 119, 143, 170
фразовое ударение 97
фракийский язык 92, 240
французский язык 112, 181
фригийский язык 162, 163, 240
фузия (см. перекодирование сочетания по-
следней группы фонемы предшествую-
щего морфа и первой фонемы сле-
дующего за ним морфа) 112, 123, 123,
137
функция письма 43

Хальпа (Алеппо, столица княжества
Ямхад) 25
ханаанская мифология 35
хаттские тексты 46, 47, 211, 233
хаттский язык (хатти, «протохеттский») 9,
10, 15–21, 26, 28, 38, 81, 134, 197, 199,
205, 219 (№ 5), 222 (№ 58), 232–234,
239, 240
Хаттусас (см. Богазкей) 6, 18, 19, 22, 25, 41,
229 (№ 148), 232, 233
хетгизированная форма 17, 128

хеттология 8, 32, 36, 219–230
хетто-лидийская группа, см. северно-анато-
лийский 92
хетто-лувийский, см. анатолийский 9, 10
хетто-палайская группа, см. северно-анато-
лийский 130, 231
хеттская история 8, 18–41, 219 (№ 4), 220
(№ № 17, 18), 222 (№ 52), 225 (№ 91)
хеттская клинопись (графика) 41, 45–70, 77,
79, 81–83, 92, 97, 123, 125, 143, 211,
212, 214–218, 219 (№ 1), 221 (№ 44),
229 (№ 148), 233, 234
хеттская культура 8, 18–41, 219 (№ 4), 220
(№ 17), 222 (№ 52), 232
хеттская литература 20, 220 (№ 19), 223
(№ 64), 226 (№ 107), 232
хеттская религиозная традиция 9, 11, 16, 23,
30, 37, 38, 211, 226 (№ 107, 109), 228
(№ 142, 143)
хеттские договоры 21, 29, 33, 40
хеттские законы 8, 9, 27, 28, 32, 52, 144, 170,
176, 185, 219 (№ 11), 223 (№ 65), 226
(№ 107)
хеттские политические документы 22, 24, 36
хеттские религиозные тексты 14, 20
хеттские слова (см. лексика) 13
хеттские тексты 5, 7, 8, 10, 11, 13, 18–41,
46, 47, 163, 204–205, 220 (№ 13), 221
(№ 31, 38), 223 (№ 64), 225 (№ 97),
226 (№ 107, 108, 113), 227 (№ № 121,
125), 228 (№ 138), 229 (№ 154)
хеттский язык (сокращенно хеттск.) 5–239
Хеттское царство 9, 18–41, 224 (№ 78), 226
(№ 114), 229 (№ 150), 240
хетты 8, 222 (№ 52), 240
хлеб 17
храм 18, 24
хронология хеттских текстов 5, 7, 8, 10, 20,
27, 32, 33, 39, 82, 105, 108
хронология хеттского царства 22 (примеч. 1)
хуррито-арийский смешанный диалект
Митанни 15, 29–30, 210
хуррито-лувийское взаимодействие 33, 34,
42, 81, 238
хуррито-урартский 222 (№ 56), 223 (№ 60),
224 (№ 79), 225 (№ 98), 238
хурритская клинопись 45, 46–48, 50, 234,
236
хурритская литература 31, 33, 98, 232
хурритский язык 5, 15, 19, 20, 29–35, 38, 47,
50, 56, 128, 183, 205, 217 (примеч. 7
и 12), 222 (№ 56), 223 (№ 60), 223
(№ 69, 74), 224 (№ 79), 226 (№ 114),
228 (№ 136), 232, 233, 234, 238
хурритско-хеттская билингва 229 (№ 148),
232
хурриты 23, 25, 29–35, 211, 222 (№ 50), 233
Хююк (в Богакее или Богаз-Кале) 19

Цальпа 232
царица 14, 17, 36, 37, 222 (№ 48)

царские анналы (летопись) 35
царские надписи 20
царские печати 42, 43, 228 (№ 138–139)
царский род 23, 36, 211
«Царствование на небесах» 31, 33
царствование Хаттусилиса I 21–26
царь 14, 17–27, 29, 35–37, 44, 45, 93, 211, 222 (№ 48), 231, 233, 239
цель (грамматическое и деривационное значение) 154, 187 (табл. 17)
цепочка (комплекс) энклитик 68, 98, 112, 181–184, 238, 239
циклы при порождении форм 108
Частина 100, 166, 169, 171–178, 183, 192 (табл. 19), 203, 239
частица прямой речи 112
частотные характеристики слов 51
часть речи (грамматический класс) 186
часть целого 115, 135–136, 181
чередование гласных 19, 100–111, 124 (табл. 9), 126, 150, 153, 165, 180–182, 211
чередование графическое 96
чередование морфонологическое 97, 100–111, 141, 147, 148
чередование согласных 21, 70, 72, 137
чередование сонантов 96, 165
Черное море 11, 12
четырёхугольная система гласных 76
четырёхфонемные морфемы 101, 103
чешский язык 194
числительные 14, 51, 128, 209, 224 (№ 87), 225 (№ 100), 239, 240
число как грамматическая категория (см. единственное, двойственное, множественное число) 113, 122 (табл. 8), 128–129, 131, 141, 161, 185
число знаков в системе письма 42, 56
число ларингальных 89 (примеч. 8), 219 (№ 2)
число падежей 113
число памятников 125
число письменных знаков в слове 51, 69
число фонем в слове 100
число шагов (при работе алгоритма) 75, 116
чистая основа (см. нулевое окончание) 110, 138–140, 154, 155, 160, 162, 163, 166, 181, 185
Чорум 233
чума 37, 163, 230 (№ 163)

Шестигласная падежная система 113, 114–125 (табл. 7–10, схема 4)
шумерский язык (сокращенно шумерск.) 39, 47, 49, 50, 52, 53, 56, 205
шумерское письмо 41, 48–50, 53–55, 62, 63, 231
шумный согласный 101–104

Эбла 232, 239, 240
Эгейское море 31, 231, 240
эламский язык 47
Эмар (Мескене) 233
эмфатические согласные 31, 63, 84
эмфатическое будущее 143
энклитика (см. второе место в предложении, цепочка энклитик) 68, 98, 112, 238
энклитическая частица 68, 69, 168–169, 171, 178, 183–185, 217 (примеч. 1), 224 (№ 90), 225 (№ 93), 227 (№ 117), 238
энклитический союз 69, 100, 173, 177
энклитическое местоимение 68, 126 (табл. 11), 138, 168, 169, 173, 174–175, 182–184
эпонимы 232
эпос 13, 23, 31–33, 98, 100, 102, 113, 232
эргативный падеж, эргатив 132, 133, 136, 137, 140 (2), 161–162, 221 (№№ 41, 42), 228 (№ 141), 237, 238
этимология 12, 13, 24, 28, 109, 219 (№ 11), 222 (№ 47), 22* (№ 136, 144), 229 (№ 152), 237
этноним (см. названия языков в клинописных текстах) 232
этрусская культура 39
этрусский язык 213, 222 (№ 56), 240

Южно-анатолийские языки (см. лувийский иероглифический и клинописный, ликийский, млийский, карийский, сидетский, писидийский язык) 5, 9, 21, 52, 224 (№ 77), 228 (№ 135), 231, 236, 237, 240

южнославянский фольклор 23

Язык злой, злоречие 99
языковой союз 8, 211, 231, 237, 238
Язылыкая 32, 233
Ямхад (княжество в Сирии) 25
японский язык 179
японское письмо 54
яркость (фонологический различительный признак) 70, 72–73, 74 (табл. 2), 79, 81

Babuvrīhi 198

«Der Prozess» Ф. Кафки 173
«Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge» Р. М. Рильке 163

Langue à deux termes 128

Pfandeschreibung 234
Pluti 234
preposition-like adverbs 170

Verbum infinitum 107

УКАЗАТЕЛЬ МОРФОВ И ИХ ЧАСТЕЙ, СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ*

НОСТРАТИЧЕСКАЯ МАКРОСЕМЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

*Реконструированный индоевропейский
язык*

*bhengh- 103
 *bhergh- 91, 103
 *bhuH- 237
 *dhē-<dheH- 111
 *dhebh- 103
 *dhegh- 103
 -*dhi 164, 166
 *di(e)u- 13
 *do-H- 161
 *dór-u 110
 *ed- 107, 159
 *ei-/*ey-/*i- 95, 108, 109
 -(e)m- 195
 *(e/o)n- 193, 195
 *(e/o)r- 193, 194
 *-e/os- 193
 *-c/ot- 193
 *-ero- 182
 *(e)s, *-e-s 109, 131, 195, 196
 *es- 159, 178
 *cs- 208
 *gén-u 110
 *g^wen-(aH) 236
 *g^when- 159, 208
 *g^whn-ónti 108
 *H 160, 161, 202
 *-Ho 159
 *H-o 160

*-H-u- 166
 *-H-u-dhi 166
 *i(-dhi) 109
 *kēr 110
 *kom 239
 *kom + *sok^w - 239
 *-k-t- 112
 *-k^we 177
 *k^wcl- 236
 *k^wi- 177
 *i(e/o)uk-t-o- 112
 *-lo- 152, 230 (№ 164)
 *-m 156
 *-mc- 237
 *men- 239
 *m-i 156, 159
 *-mo- 152
 *nc 94
 *nébhos 86
 *newo- 202
 *-N-s-, *-n-s 129, 131
 *-nt- 11, 152, 193, 237
 *-ntor 164
 *-o-, *-ó 160, 194-196
 *-ō 181
 *-o-H- 131, 160, 161, 202
 *-ōr 68
 *os(o)r- 239
 *-osti 212
 *-oi 13
 *-r-t 193
 *-s- 129, 130 (мн. ч.)
 *-s 238 (им. п. < эргатив. п.)
 *-s(k)- 155, 238
 *-s(o)r 14
 *sos-to- 104
 *-t 13
 *te 196
 *-t-en- 193
 *-tc/or 163, 193, 210, 239
 *t-II-o 159, 161
 *tI 80
 *t-n 112
 *-to 152

* По техническим причинам в указателе, как и в тексте приложенных к переизданию дополнений, неслоговые глайды (сонанты) *i* и *u* обозначены посредством у и ъ; в транслитерации форм, записанных клинописью, *h* передается без диакритического дугообразного знака под ним.

*to- 184
*-tyo- 182
*-u 156
*wed- 86
*wck'- 234
*-w-en 194
*-w-er 194
*wes-tor-(o)- 210
*wet 86
*-yo 177

Предполагаемые анатолийские имена в текстах из Эблы (сер. III тыс. до н.э.)

Hašš/zluwa- 239

Анатолийские имена и слова в старохититских текстах (XXII–XVIII в. до н.э.)

Aššiyat 14
Haššu- 14
Hašu-šar 14
hulukannum (из хурр.) 5
hulukannum (из хурр.) 5
išhiu(l)lum 15
išpa(t)ta(l)lu 15
kursannum (kursinnum) 5
muwa- 50, 240
Perwa-, Pirwa 12, 224 (№ 82)
Puruš-handa 232
Šala-hšua 239
-šš- 133
Šuppilulīya 14
Tarhunta- 13
Uruw-ašu- 14

Северно-анатолийские языки

Хеттский

др.-хет.-а (направ. л.) 122, 139, 153, 181
-а(-) (новохет. аффиксы имени) 22, 139, 153, 154, 181
-а- (имен. основообр. эл.) 118, 128, 133, 194–197
-а- (аффиксы глагола) 145–147, 157, 159, 171, 187
-а-/ -ya (союз) 69, 177
а-а-an-za 68
adant- 107
ad-atar 107
-ahh- 55, 88, 160, 191, 202
Ahhiyawa- 31, 87
ai- 68, 122, 138, 139, 187
aiš(-) 00, 101, 115, 119, 124, 209
ak(k)- 55, 100, 208
akkant- 205
akkatar 55
akkiškittari 163
akkušk- 83, 191
aku- 80, 83
akueni 83

akugalla 80
-al-ah 66
-all 146
-alli 188
alwanzatar 205
am(m)- 107, 127
ammedaz 127
ammel 48, 127, 217
ammel atti 179
ammu- 126
am-mu-uk 68, 126, 127, 138
др.-хет.-ан (роп. л.) 118, 120, 122, 134–135
-an/-n (вин. п. ед. ч.) 118, 122, 126, 135
-an <*-ant (прим. н. вр.) 151
-an-ah 65, 66
anda 197
anda iya- 170
anda(n) 170, 192
anda-iyant- 170, 199
aniur 188
aniya- 187, 188
aniyatt- 187
-ann- 110, 187
anna- 20
-ann-a- 150, 152–154
-annai- 191, 201
-ann-aš 150, 152, 153
anniur 205
anniuraš išhaš 205
annuš attuš 20
-/a/nt 150
-ant 133
-ant- 133, 147, 159, 189, 218
-a(n)ta-, см. -nta 146, 158
-antari-, см. -ntari 164
antiyant- 170, 199
antu 239
antuhša- 120, 239
antuhšan 115
antuhšann- 189
antuhšann-ant- 189, 198
antuhš-atar 189, 197
antuhša- 120
anz- 127
-(a)nz 146
-anza 122
anzaš 27
anzedaz 127
anz-el 12
-anzi 158
apa- 86, 174
ape 130
ap-ed-an-i 139
ap-ed-aš 135, 139
ap-enz-an 135
appa 96, 198
ap-pa-an-za-aš-ša 69
appa ep- 192
appan 86

appan harta 143
appan harzi 142
ap.-xet. appan- šamet 198
ap-pa-an-za, appanz 67, 69
appa-šiwatt- 198, 239
app-cl- 134
appel-az 134
appiškizzi 142
app-u-n 126, 138
ar- 100, 104, 171, 208
·/a/r- 146
-ar, -ār 68, 111
a-ar-ah-hu-un 105
arahza 182
a-ar-aš 105
arha warnu- 35
arha 182, 192
arhhun 104
Arinna 128
Aripša 170
ariya- 240
ariyaššar 205
arkami- 189
arkamiyala- 189
arma- 202
armahh- 202
armahh-i 202
armahh-un 202
arnu- 152, 201, 205, 207
arnuwala- 35, 152, 205
arp- 101
arp-uwant- 101
arruwai- 240
arš- 202
aruna- 11
-aš, -a-š 122, 131, 218
(-)aš harakdu 173
(-)aš harkannaš 153, 172
ašallu 166
a-ša-an-du 106
ašandu 107
aš-and-ul-atar 193
ašant- 107, 178
aš-anzi 101, 106
-ašha- 187
ašma- 128
-ašša-, см. -šš- (прил.) 133, 190
aššawaš 110, 123
-aš-ši- 168
ašš-ya- 14
aššiya- 14, 85
aššu 110, 123
ašš-u- 14
aššu- 14, 107, 110
aššu- 187
Aššu šiwatt- 13
ašš-u-l 187, 193
aššuš attaš 171, 172
aššuwāš 110, 123

-ašti 187
-atar- 150
-atar 55, 110, 112, 137, 152, 153, 186, 187,
187, 189, 194, 197
-ati 132
-att 13, 187, 194
atta- 20, 96, 121, 189, 217
atta-la 189
attan 115
attaš assuš 171
attaš 48, 115, 121
attaš-miš 48
atti 217
au- 188, 206
auri- 206
auriyaš išhaš 206
awan, см. u- 192
-az 122
az-zi-ik-kán-zi 67
azzik- 111, 200
barg-anu- 189
da- (см. ta-) 4, 200, 206, 207
dagan 84, 112
daganzipa- 84, 111, 198
da-hh-i 160
dai- 89, 111, 143, 153, 154, 208, 209
dalug-ašti 194
dalugnu-la- 166
daluk-i 194, 209, 212
damm-eli-n 179
danku-i- 189, 191
da-šk- 200
da-yuga- 138, 198
duddumili 26
-duma- 146
-duma-ti 164
duškišk- 201
ap.-xet. -e (зват. ф.) 128
-e 126, 130, 203
e 159
ed- 100, 107, 111, 128, 186, 188
-ed- 126, 139, 159
e-eš-du 106
e-eš-ha-ah-ru 67
e-eš-zi 68
e-hu 95, 100, 108, 109, 166
-(e)i- 195
e-ip-pu-un 77
eku- 17, 80, 82, 83, 87, 188, 191
ekuen- 83
ekuttara 17
e-ku-un 83
e-ku-zi 82
-el 126, 152
-eli- 179
El-ku-ni-ir-ša-aš 35
-enz- 126
-enz-an 135
ep- 100, 207

epp 77
eppiškít 143
epta 143
epzi 142
-era- 190
e-ru-u-en 105
erwen 104
-eš- 100, 110, 189, 191, 201
-e(-)š 22, 130, 131, 202, 208
eš- 68, 82, 101, 151, 159, 166, 171, 178, 179,
206–208
ešh- 101, 104
-ešha 187, 197
ešhah-ru 195
-ešha-n- 124
ešhan-aš 124
ešhar 31, 67, 90, 101, 104, 124
eš-li-t 166
eš-lu-t 166
eš-mi 160
-eš(-)n- 187, 193
eš-ri 178
ešša- 191
-ess-ar- 193–195
eššar 90, 94, 186, 187
eššuwán dai 143
e-šu-un 68
eš-zi 101, 105, 106
-(e)ti- 195, 196
etri 188
-(e)u- 195
e-uk-zi 8
ewa- 210
eya- 28, 41
genu 110, 118, 194
genuwa 129
genzu 189
genzuw-ala 189
gim- 198
gimn-ant- 198
gipcššar 51
gurtāš 90, 95, 156
-h- 146
-ha- 197
haggazuwašši 17
-ha-(h)ha 146, 157, 234
ha-ah 67, 157
haha-r-i 165
haha-r-u 165
halkim pianzi 80
halkin pianzi 80
Halmašwitt- 16, 230
halzai- 33, 200
halze-šk- 200
halze-šša- 200
hamešhant- 87
hameskant- 87
handa 181, 232
handai- 205

handan 43
hanneš-n- 124
hann-ešš-ar 124
hant- 112, 133, 181, 182, 190
hanta 181
Hantašepa- 112
hantašša- 133, 190
hantezziya- 182, 190
hanti 181
hanti tiya- 170
hantitiya-talla- 170
hanza 95
hap- 209
hapalkiya- 19
happar 210
happira- 102
har- 150
hara- 124
haran 124
haran- 136, 209
haran-an 124, 136
haran-aš 124, 137
har-ap-pa-an-zi 66
hara-š 124, 136, 137
harga- 187, 230 (№ 163)
harg(a)nu- 191, 208
-hari 159
hark- 150, 151, 153, 179, 191, 206, 207, 208
hark-anna 153
harkannaš 173
hark-atar 153
harkdu 173
harki- 96
har-ni-ik-zi 66
har-nin-k- 191
har-ni-in-ki-ir 66
haršan- 137
haršar 137
hartagga- 209
haš- 14, 239
hašawa- 14
hašša hanzašša 95
haššatar 14
hašši pahhur 24
haššu- 14, 239
haššuwai- 14
haštai- 87, 96, 102, 104, 121, 123
hašt-iw-aš 123
hatrai 94, 187
hatrešša 94
hatreššar 94, 187
Hatti 190
hattileš 232
hattili 10, 190
Hattuš- 22
Hattuša 113
Hattušš-aš 9, 190
Hattuši 112
Hattuš-ii 22, 62, 128, 171

Hattuš-umna 190
 hatugatar 205
 др.-хет. -he 238
 henkan 230 (№ 163)
 hešta 96, 102, 104, 237
 -hh- 160
 -hh-, -(h)h-i 147, 157–162, 199, 201, 238
 hilamni 87
 hippara- 102
 hišša- 210
 -hu- 147
 hučš- 208
 huhha- 210
 huiš- 54, 55, 154, 173, 218
 huiš-nu 55, 201
 huiš-u- 201
 huišw- 55
 huiš-w-anna-š 154, 173, 218
 huiš-w-ant- 55, 154, 173
 huišw-atar 55, 154, 173
 huitar 112
 huitnaš 112
 hul-ali 188
 hulana- 77, 188, 195, 210
 hulukanni- 15, 238
 human 125
 humandaš 125
 humant- 119, 125, 207
 humanta 125
 humantan 125
 humaniaz(a) 125
 humanteš 125
 humanteš šiuneš 232
 humantet 125
 humanti 125
 humantuš 125
 humanz(a) 125
 -hh-un 157
 hurlaš udne 29
 hurlili 31, 77
 Hurriš 30
 huššil 38
 hu-t 166
 др.-хет. -hu-ti 108, 161, 164, 166
 huwaši- 121
 -i (имен. оконч.) 122, 130, 138, 139, 153, 154, 164, 181, 194, 202
 -i (глаголыт. оконч.) 145, 153, 154, 156, 159, 161, 194
 i- (корень глагола) 108–109, 163, 177, 194, 203
 -i- (имен. основообр. эл.) 118, 128, 138, 163, 177, 180, 189, 191, 194–196, 202
 idalaw-atar 197
 idalaw-eš- 201
 idal-u- 197, 201
 idalu papratar 205
 i/u 15
 ier 148
 i-e-ri-ir 105
 i-it 69
 -ili- 22
 i-ma 152, 187
 -in- 66
 innarawatar 89
 iparwašši- 90
 -ir 145, 158, 163
 irma- 202
 irmala- 189
 irmala-nt- 189
 irmaliya- 115
 iš- 100, 202
 iš(š)- 124
 išha (-) 14, 68, 189
 išhamai- 98
 iš-ha-mi 68, 113
 išhanti-tarra-tar 210
 išhar 31, 90
 išha-ššara- 14, 189
 išhiul 14
 išhiya- 15, 90
 (i)škal(i)- 101
 išmana-talla- 217
 išmeri 210, 217
 išmeriyaš ešun 171, 217
 (i)špand- 101
 išpant- 15
 iš-pa-an-tah-hi 65
 iš-par-za-aš-ta 67, 83
 iššari 85
 išš-aš 124
 išši 101
 ištamana- 209
 ištam-aš- 209
 ištanu- 16
 ištaruš 140
 ištark-, ištarnikai 115, 117, 230 (№ 163)
 -it 122
 it 69, 100, 108, 109
 i-tar 163, 177, 194
 i-tten 100
 iu-ni- 13, 17
 iya 148
 -iya- 148, 203
 iya- 170, 191, 208
 -iya-/ai- 191, 202
 iya-dd-u 148
 iya-ll-u 148
 iya-mi, iya-ndu 148
 iya-nd-u ?
 iya-nnai- 191
 iya-n-un 148
 iya-nz-i 148
 iya-š-i 148
 iya-t 148
 iya-tten 148
 iya-ten-i 148
 iya-wen 148

- iya-wen-i 148
 iya-z-i 148
 -izzi(ya)- 190
 -k 126, 200
 kalleš- 209
 kan 69, 203, 239
 kanišumnilī 18
 karawar 91, 92
 kard- 209
 kar-d-(i)- 110, 124
 kard-iy-aš 124
 Kargamiš 170
 karpī- 205
 karu 27, 190, 237
 karu-ili- 190
 kaš 175
 kašt- 101, 104, 189
 katta 190
 katta(n) 182, 184, 192
 kattanda 182
 katt-era- 182, 190
 др.-хет. kattī-mī 182
 др.-хет. kattī-ši 182
 др.-хет. kattī-ti 182
 k-ed-aš 127
 kel menešit 135
 keššar 85, 209
 keššaraz-met 172
 ki- 100, 208
 kilamni 87
 ki+nun, kinun 184
 kir, ki-ir (gi-ir) 97, 110, 121, 124, 182, 209
 kiš- 208, 210
 kišai- 85
 kiš-anda-r-i 149
 kiš-anda-t 149
 kiš-anta-r-u 149
 kiš-a-r-i (kiš-a) 149
 kiš-a-r-u 149
 kiš-a-t 149
 kiš-dumma-t 149
 kiš+haha-t 149
 kiš-hara-r-i 149
 kiš-hu-t 149
 kištant- 104
 kiš-ta-t 149
 kiš-ta-ti 149
 kišt-uwant- 189
 kiš-wašta-t 149
 kitta, ki-tta 158, 159, 208
 kittari 158, 163, 208
 -kla 188
 kittari 158, 163
 -kt- 149
 kuemi 80
 kuen- 32, 80, 156
 ku-en-du 106
 kuenzi 97
 kui- 174, 175, 176
 kuiš 3, 176
 kuiški 177
 kuit 174, 217
 kuitman 174, 217
 др.-хет. kukkurešk- 200
 kun 83
 ku-na-an-du 106
 kunanzi 97, 101, 106
 kun-atar 107
 kunkun- 199
 Kunkunuzzi 32, 98, 188, 199
 kurša- 15
 kurur 118
 kururi 118
 ku-un 83
 kwen-, см. kuen 101, 107, 188, 199
 kwen-zi 101, 106
 -l- (имен. основооб. эл.) 118, 194–197
 -l- (Лл. гл. см. -l-u) 238
 labarna 20, 21, 120
 др.-хет. Labarnan te- 21
 др.-хет. Labarnan 120, 135
 lahhu- 93, 102
 lahma- 235
 lahpa- 235
 lahuwai- 191, 199, 200
 lalukk-ima- 187, 199
 lamamit 80
 laman 80, 94, 107, 191
 lamn-iya- 191, 202, 209
 le 94, 144, 173
 lelhuwa-, lelhuwai- 102, 191, 199, 200
 -li- 146
 -l-u 166
 luk- 101, 187, 199, 201, 209
 lukk-eš- 109, 201
 luli- 14, 55
 lutta- 112
 luwili- 9, 34
 Luwiya 9
 luzzi 206, 208
 -m- 146, 164, 185
 m/u 165
 -ma- 55
 mahhan 87, 174
 maldai- 210
 malla- 188
 man 174, 203, 217
 др.-хет. mān «когда» 174, 184
 mān «если» 174, 184
 manc- 181
 maninku- 218
 maninkuwant- 218
 maniyahh- 37, 206
 maniyahh-atalla- 206
 -mant- 83
 mayant- 212
 meh- 88
 mehur 88, 138

mekk-i- 103
mema- 199, 209
mema-hh-i 149
mema-hh-un 149
mema-i 149
memal 188, 199
mema-li-u 149
mema-nd-u 149
mema-nz-i 149
mema-š 14-
mema-ten-i 149
mema-rt-i 149
mema-wen-i 149
memi 149
memir 149
memi-š-ta 149
memi-š-ten 149,
memma- 199
memu-u 149
-men 146
-men- 83
mena-hhanda 181, 232
mer- 208
др.-хет. m-eš 185
др.-хет. m-et 185
-mi (глаг. оконч.) 80, 109, 147, 148, 151,
156-159, 185, 202, 237
mi (прит. мест.) 68, 185
miš 48, 185
mit 80
-mm- 199
Muršili 48, 62, 168
Muršiliš 48
Muwattalli- 50
Muwattallin 168
-n 122, 132, 155-157, 164, 180
-n- 146
-na-ah 66
nah- 187
nahhan 187
nahhuwar 115
nahhuwaš 115
nai- 208
n-an 169
n-aš 169
n-aš huišwannaš 173
našili 18
našma 174
natta 94, 173, 218
-nd- 152
-nda 182
neg-a 239
neg-na- 218, 239
neku 104, 209
neku- 104, 209
ne-pi-iš 6, 209
nešumnili 18
-nešk- 201
newa- 202
newahh- 88, 202
-ni- 66
neku 104, 209
neku- 104, 209
ne-pi-iš 6, 209
-nešk- 201
newa- 202
newahh- 88, 202
-n(in)- 191
ni-in- 67, 157
nišili 18
nn 112
nn- 112
-nn-(atar) 98
-nni- 15
-nt 151
-nt- 68, 154, 163, 165, 178, 198, 237
-nta- 164
-nta-r-i 166
-nta-r-u 166
-nt-u 165, 166
-nu- 54, 189, 191, 201, 202
nu 68, 69, 168, 169, 173, 174, 184, 217, 218
nu-an 169
nu-aš 69
nu-kán 238
-(n)un 157
nuntariyašhaš 05
nuntarnu- 205
nu-ši 184
-nušk- 201
nu-uš-ši 69
nu-ut-ták-kan 68
nu-war-aš-ši-za-kán 169
-nz<-nt-s 152
nz- 129, 130
-nzi 84, 164
p/w 82
pah(h)-š- 24
pahhuen- 124
pahhuen-aš 24, 158
pahhun- 124, 137
pahh-ur 24, 88, 124, 137, 209
pahhur pahš- 24
pahhuw-ar 124
pai- 109, 116, 200, 203, 206-208, 218
Pala 9
palaumnili 9
palh-aššar 186
palh-ašti 186, 187, 194
palh-atar 186
palh-i- 103, 186, 187
др.-хет. pandu-wa-za 185
pangarit 20, 22, 194
pangariya- 22
pangawaš laja 38
pangawaš 8
pangawi 39
panku- 22, 99, 103, 193, 194, 212

- pankur 22, 23, 193
 pankuš 22, 38, 206
 papilili 40
 paprai- 187
 papr-ann- 124
 paprannaš 10, 112, 124
 papratar 110, 112, 124, 153, 187, 204
 para handandatar 205
 para pai- 218
 para ternumar 232
 pargaw-eš- 201
 park-eš- 109, 189, 201
 park-ešk- 201
 park-iš-ta 202
 park-u- 103, 189, 201
 parkunu- 26
 par-n- 124, 211
 parn-aš 24
 patni 110, 124
 pata- 104, 209
 pattar-palhi- 198, 199
 pe- 192, 203, 207
 pe-i 208
 ped-an 104
 Peruna- 13
 Peruna- 31, 32
 Perwa-/Pirwa- 12, 13
 pešk- 200
 pir 110, 118, 121, 124, 182, 211
 piran 192
 др.-хет. piran-šemet 182
 др.-хет. piran-šet 182
 др.-хет. piran-tet 182
 puri 209
 purulliyāš 8
 -r- (имен. основооб. эл.) 18, 137, 153–155, 163, 194–197
 -r/-n (гетероклитич. им.) 137, 155, 197
 -r (в глагол. оконч.) 157, 158, 163, 164, 177, 197
 -r-i (глагол. оконч.) 156, 158, 163, 164, 166
 -r-i (имен. суф.) 88
 -r-u 156, 167
 -s- 135, 162, 202
 -š 22, 136, 152
 -š- 146, 185
 -š(k)- 155
 ša-a-ak (ša-ki) 05
 ša-ag-ga-ah-hu-un 105
 ša-ak-ti (ša-a-ak-ti) 105
 ša-an-ah-ta 65
 ša-an-hu-un 65
 šaggahhun 104
 šahhan 206, 207
 šak- 104
 др.-хет. šaktaizzi-an 185
 šakti 104
 др.-хет. šakuwa 129, 209, 236
 šakuwai- 236
 šakuwaššara- 87
 др.-хет. Šall-a-h(a)ššuwa 239
 šalli 211
 šalli haššatar 211
 šalli huššeli 211
 šalli peda- 211
 šalli waštai- 211
 šamankurwuant- 63, 84
 šan 171, 203
 šanh-[sanh-] 65, 103
 šankui- 236
 šankurni- 205
 -šara 189, 192, 200
 šarazi- 182
 šarazzii-ahh- 191
 šark- 239
 šarni(n)k- 187
 šarra 181
 šaša- 92
 šaš-ta 104, 152, 188
 Šauškaš 68
 šc-ik-ku-c-en 105
 šc-ik-te-ni 105
 šc-ik-tin 105
 šekkwēn 104
 šekteni 104
 -šepa 84, 111
 šer- 171, 181, 182, 192, 200
 Šeriš 30
 šeš- 16, 102, 104, 152, 188
 šešariya- 188
 šešar-ul 188
 šeškišk- 201
 šcšzi 118
 ši 69
 ši-pa-an-tah-hi 65
 šipand-ahh-i 160
 šipand-ahh-un 160
 Šiu- 13
 šiunali- 134
 др.-хет. Šiunan 135
 ši-u-ni 13, 54
 Šiwa- 13
 šiwanneš 04
 šiw(-)att- 13, 16, 55, 85, 118, 140, 198
 šiwatti 55
 -šk(-) 11, 142, 143, 148, 155, 162, 190, 191, 193, 199, 200, 202, 203
 š-m- 185
 -šmaš-an 168, 183
 др.-хет. -šmet 198
 špand- 65, 211
 -šš- [-ss-], см. -ašš- (прил.) 94
 -šša- (глагол. суф.) 155, 191, 200, 201
 -ššara- 14, 194
 др.-хет. šu 174
 šu-kán 238
 šum-cl 127
 šum-enzan 127, 130, 135

- šum-eš (šum-aš) 27
 šup- 16
 šuppariya- 16
 šupp-ay-aš 23
 šupp-eššar 194
 šupp-eššar-a- 194
 šuppi- 14, 55, 90, 121, 123, 194, 205
 šuppiy-ahh- 205
 Šuppiluli- 62, 198
 Šuppiluli- 62
 Šuppi-luli-uma 14, 55, 198
 šuwa-, šupla- 90, 185
 -t(местоим. оконч.) 26
 -t[-] (глагол. оконч.) 08, 145, 146, 150, 159, 164, 165
 t/1 21
 -ta-(глагол. оконч. акт.) 22, 145, 188
 -ta-(глагол. оконч. мед.) 46
 др.-хет. ta (союз) 40, 174, 184
 ta (энкл. мест. 2 л.) 8
 ta-(глагол) 35
 -ta (словообр. суф.) 52
 tabarna 21
 tagnaš 104, 124
 др.-хет. takku 174
 -talla 17, 94, 188, 194, 197
 tamai- 128
 taninu- 35
 -tar 55, 209
 -tara- 94, 188, 194, 197
 tarh- 13, 101, 103, 154, 194, 240
 tarh-u- 154, 194, 203
 Tarhunt- 154, 232, 240
 др.-хет. tarh-uwan 154
 tarh-uwar 154
 -tar-i 163, 166
 taru 110, 194
 -taru 166, 235
 др.-хет. Taruhšuš 20
 tawananna- 21
 te- 111
 teḡan, dag(a)n 95, 103, 124
 tehhi 111
 te-hh-i 160
 tehhun 111
 tekan 84, 104, 124
 -ten- 146, 164
 ter-nu 191, 201
 ter-u 103, 191, 201
 teri- 235
 tešha- 16, 205, 217, 232
 tešhit 168, 205
 др.-хет. t-et 185
 tethai- 82
 др.-хет. -ti (медикласс.) 08, 145
 -ti (< -ta) 28
 др.-хет. t-iš 85
 tiwi- 204
 tiya- 89
 ti 112
 -tu 166
 tu- 126, 127, 165
 tu-el 127
 tuh-uh-ša-ru 67
 tu-k 138
 tuliya- 26, 27, 32, 33
 turpan 40
 turpa- 47
 turpala- 40, 47
 turpala-urī- 40
 turpan-urī- (угарит. trnr) 70
 turpi- 47
 turiya- 210
 tuwan 94
 tuzzi- 205
 u-(прсверб), см. awan 192, 203
 u-(k), см. ukka 127
 -u- (местоимен. аф.) 26, 138
 -u- (имен. основообр. эл.) 28, 153, 154, 180, 189, 191, 193, 194, 201
 -u- (глагол. основа). 150, 154
 -u (глагол. оконч.) 45, 146, 164–166
 ua-ah-nu-wa-an-zi 70
 ua-ar-nu-an-zi 70
 ud-da-a-ar 68
 uddananza 125
 uddanaš 25
 uddanaz(a) 25
 uddani 125
 uddanit 125
 uddanta 125
 uddār 111, 118, 123, 125
 ud-dar 68
 uddar 97
 uddār-mit 118
 udne 112
 ueš-i- 202
 ueš-īya- 188, 202
 uett 63
 ugga 120
 ū-it-ti 63, 64
 uiyat 165
 ukk(a), см. u-(k) 27
 uktureš 04
 -ul 15, 94, 187, 188, 193
 ulipp-ana- 209
 -uma- (-umna-), uman 55, 190, 194
 -umar 150
 -un 145, 156, 165
 -un/-nun 156
 unuwai- 187
 unuwāšha- 187
 uppeššar 53, 118
 uppeššari 118
 -ur 94, 188, 193
 uri 40
 -uš 22, 130, 131, 138
 ušk- 188

uškišk- 188
uškiškatala- 188
uškišk-atalla-tar 206
u-ški-ški-tall-atar 193
utne/ë/i 125
uttar 119, 123, 125, 204
-uw- 153
uwa- 109, 203
-uwani- 154
-uwanzi 150, 153, 154
-uwar 150, 154
-uw-aš 50
uwateši 11
uzuhri 30
-uzzi 188
w-(eš) 27
-wa-/-wa(r) 68, 178, 182, 218
wa-al-ah- 66
wa-al-ah-hi-ir 66
wa-al-ah-zi 66
wa-al-hi-ir 66
wadar 209
wahnubar 30
walh- 55
walh- 66
walhzi 66
-wan 150, 154
-want- 83, 189
war- 199
war-i-war-ant- 199
-wašta- 146
waštai 187
wašt-ai- 186, 187
-waš-ta-ti 165
wastul- 115
waštul 118, 186, 204
waštulaš 15, 133
watar 104, 123, 124, 137, 198
wat(t)aru- 14
wek- 103, 199, 207, 234
welku 30
-wen- 146, 156
weriya 178, 209
weš- 109
weš 27, 165
weši- 38, 210
weš-tara- 210
wet-cn- 124
wet-cn-aš 04, 124, 137
wett-, см. witti 186, 219
wewak- 199, 200
wi- 50
wid- 63, 97, 104, 198, 209
wid-ār 104, 118, 123, 237
witti 64, 86, 218
wiya- 218
wiyana- 50
wizzapant- 199
-ya- 177, 184

-ye- 203
yugan 210
-z- 146
-za- 168, 202, 203, 217, 240
za-aš 7
-za-aš- 69, 83
zahhiya 170
zamanur- 63, 84, 92
zankilatar 118
Zašhi- 16
-zel 187
zena- 84
-zi 156
zi- 126, 127
-zi-ik- 67, 127
zi-ik-kán-zi 67
zi-k 138
zikk- 153, 154
zikk(a) 5, 111
-zil- 194
Zilipuriyatalla 17
-zipa 111
Ziphariya 82
Zithariya 81
-zzi 182
0 (нулевые морфы) 22, 128, 145, 146
ПОЛУЛОГОГРАФИЧЕСКИЕ
НАПИСАНИЯ
LŪ-natar 197

Палайский

-a 130
ahu- 87
-all- 35
-anta 158
arūnampi ti witepi 11
-aš 30
a-ša-an-du 106
a-aš-du 106
azzik- 200
-eš 130
haraš 36
-ik- 133
ki- 208
kitar 158
kittar 163
-kuwa 183
mān 184
mayant- 212
-n 132
-nd- 152
ni-ppa 218
nit 218
-nti 85, 156
nu 184
Pašhullašaš 7
pi-ša 200
-š 32, 200
-ši 158

-š(k)- 155, 200
Šaušh-alla-š 5, 134
šuna- 90
-r 158
Tabarna 21
Tabarni LUGAL-i 21
-tar 163
Tawananna- 21
-ti 156, 158
ti 85, 138
Tiyat-, tiyaz 13, 16, 17, 85
tu 138
-un-a 154
wer- 178
wete- 11
-ya- 177

Лидийский*

-ali 152
amu 138
-av 153
bidv
-d 140, 152
ētams, ētamv 94, 107, 236
θa- 208
θivvāliš 34
Θivš 13
kave 212
Kav- 92
Kav-θαύλης 92
kud 176
**k^wiš, qi- 176, 236
-λ 134, 152
-l 152, 166
-li 134, 166
-v 136, 152
ni[d] 219
-nš 152
**piš, см. qi- 83, 176
sav- 212
-š 132, 140, 152
*-to- 152
-toš 152
-ц/-v 156
-uv 156
-v 132, 136

Южно-анатолийские языки

Лувийский клиновисный

-a 130
ahha 87
-ai 130
aia- 208
-al(l)i- 134, 194

-an 135
anda 192
-aniya- 201
annan 181, 192
annarummi- 89
-anta 158
apa- 86
ap-assi 134
apati 139
appan 86, 192
apparanti- 239
arai 212
arpuwanni- 210
arš- 202
a-ša-an-du 106
aš(a)r- 239
a-aš-du 106
ašhar- 90
ašhar-ša 238
-ašša 94
-ašši- 35, 133-134, 194
-at- 132, 139
-ati 132
-att 13, 194
attuwai-i- 197
attuwala-hi 197
au- 192
-ha (1 л. ед. ч. пр. вр.) 157, 159
-ha (союз) 77
hamša 95
hašša 87
hišhiya- 14, 90
-i 130, 163, 194, 197, 202, 208, 238
iparwašša- 90
iššari- 85
kiša- 85
kuiš 76
kuišha 177
-kuwa 183
kuwati(n) 76
-l- 194
la- 94, 200, 207
lala- 200
lahu- 93
-m- 152, 197
malhaša-nz-an 130, 135
malhašša- 135
mammana- 199, 239
-man 197
mān 184
mannnahuwana- 219
mannnakuwana- 219
maššan- 134
maššan(a-) 12, 234
maššanali- 134
maššanašī- 134
(¹) Maššan(a-)uzzi- 234
maya 209, 212
maya-šši 212

* Здесь и далее пренебреженные, уточненные или сомнительные чтения знаков отмечены двумя звездочками.

muwa- 218, 240
Muwa-talli- 218
-n 132
nana-šr-i- 14, 218
nan-i 14, 218
nanun 184
-nd- 11
niš 4, 218
-nt- 237
-ntari 164
-nti 85, 156
-nz- 130, 131, 135
-nz-a 130
-nz-ati 130
-nz-i 130
pa- 184
pahur 88
pari 182, 192
parran 182, 192
pata-nta 237
pibaššaššiš 232
pipišša- 200
piyataa 218
puwa 237
puwa-til 237
-š (глагол.) 158
-š (имен.) 32
-ša/-za 238
-š(š)- 155, 200
šahuitara- 87
šarra 181, 192
šarri 181, 192
šaš 02
Šauskaši-, Šaušqašši- 35, 134
-šr-i - = [sr-i] 14, 194
-šš- 11, 200
šūwa-, suna- 90
tamuga- 236
-tan 164
tapar- 21
-tar 183
Tarhunt- 232
Tarhunt-ašš- 232, 240
tatariya-man 197
tati- 217
tatiš tiwaz 140
tawa 236
tawa-nta 237
-ti 156
ti 183
T/tiwat(r)- 13, 16, 85
-tta 183
tuliya- 26
-tuwa-r(i) 65
-un-a 154
-uwan 194
wana 236
-w-i 156, 165
wid- 97

zal-al 236
zam-pa 95
zagza 236
-zida-hi 197
ziti 197

Лувийский иероглифический

(á)m- 107
(a)pati 139
**ai-, читать -a-zi 130
**aia-, глагол по новому чтению¹⁾ á -(ia)-
208
amu 138
a(n)da 192
anta- 94, 197
antatali- 94, 197
**apai, читать á-pi-zi 130
apa(n) 92
apasa/i- 134
**a-pa-ra-wa-sa-ti? 198
arai 212
arha 192
-asa-/asi- 133
asi- 14
-asi- 133
Asitawanda 85
**ašūwa = a-zu-wa 90
-at- (имен. оконч.) 139
-ati 130, 152
**atimai(n), читать атама²⁾za 94, 107, 236
-at(t) (имен. суф.) 94
da- 94
-ha 157
ham(a)sa- 95
harmahi 211
hasusara- 14
ha-tà 43
huhatal- 134
**hwa-s? читать скорее ОТНОСИТЕЛЬНОЕ
МЕСТОИМЕНИЕ *kw-is 176
-i 130
**kuisha 177
-l 134
-mi 152
muwa 218, 240
muwatala/i 219.
-n 132
na 94
para/i 182, 192
paran 182, 192
parn-as- 231
puwa-ti 237
ruwan 94, 236

¹⁾ Те сочетания знаков, где раньше иска-
ли соответствие лув. ауа- «делать», прочте-
ны по новым правилам как i-zi-, но найден
другой глагол а -(ia)- с этой этимологией.

-s 132
-s- 152, 200
sarli/a- 200
sariala- 200
-sar(a)- 14
**suna- 90
**šurna = zu-ra/i-ni 91, 92
**šuwān- = zu-wa/i-ni 90, 92
ta 183
takam- 95
-tal- 94
tanami==tanīmi 212
tati 217
ti 183
tupala 40, 47
-un-a 154

ПОЛУЛОГОГРАФИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ

НАД-ta 192
ПОД-ta 192

Ликийский

-ah(e) 33
-ahi 133
ebe 86
-edi 132
ehbi 134
-ehi 133
ēke 87
ēmu 138
ēnē 181, 192
erñ 86, 192
erbbe 210
eri 192
hri 181, 192
hṛppi 192
hrzzi 182
izre- 85
maha(на-) 34
mahānahi 134
mahāñna 212
-ne 154
ne 94, 218
neni 218
ni 94, 218
ñke 87
ñte 192
ñtepi 192
pere 192
pijete 218
-s- 200
tedi 217
ti 83, 176
ti-ke 177
-χa 158, 159
-χaga 234

Ликийский Б (Миллийский)

-esi 133

Карийский

**kave 212
-λ²⁾ 12
**-l- 212, 213
Mesnabð 212
mesne³⁾ 12
**sav- 212

Тохарские

ai- 203, 218
-k- 200
park- 201
-šse 133
-ši 133
-yo 177

Тохарский А

ai- 207
aryu 212
mār 165
por 24
ya(m)- 208
ysār 68
yār 163

Тохарский Б (Кучанский)

arts 212
aru- 212
luks- 201
menki 218
nekciye 104
puwār 24
-sa 238
yasār 238
yasār-sa 238
yaskask- 201

Восточно-индоевропейские

И indo-иранский

*asura- 14
*vṛtraghna 32

Месопотамский арийский

Agni 38
aššušani- 30

²⁾ Присутствие в карийском именной формы на -λ подтверждается новыми исследованиями.

³⁾ В отличие от некоторых других чтений и толкований карийских слов, остающихся дискуссионными, наличие в карийском южно-анаголийского названия «бога» признается теперь большинством специалистов на основании таких карийских имен, как Mesnabð = лув. Maššana-ura, топоним Μασ(σ)ανώραδα.

panza 236
wartana- 30
wašanna- 236

Древнеиндийский

-a 159
-ā 159
ānti 181
ap- (имя существит.) 109
āp- (глагол) 107
ar- 202
arṣ- 202
ās- 208
astu 106
aśva- 91
bahú- 22, 103
brh-ant- 103, 201
ca 177
cátasras 14
вед. dā 160
dabh-ra- 103
dant- 107
dātrá 208
вед. dhā- 111, 160
-dhvam 165
-dhve 165
dyáuḥ 13, 85
dyu-t- 13
ghan-
вед. ghanāghana 32
вед. ghánighnat 32
ghnánti 106, 108
ghnántu 106
hánti 106, 108
hántu 106
hemantá- 198
i-hí 108, 109
вед. járighnat- 32
kṣap- 15
mātā⁹⁴
nábhas 86
nāma 94
nar 89
nayati 208
nú-kam 239
pā-25
pā-tra 80
rāj- 93
ṛkṣas 209
ṛ-no-mi- 201, 207
sāman 98
вед. sant- 107, 178
santu 106
sas- 102
su- 14, 107
su-dyut 13
sú-kam 239
svápnah 16
syāti 14, 90

śaśa- 92
śe-te 159
śiršan- 137
śmaśru 84, 92
śubhra- 90
ś(u)vā- 90
śvayati 90
ta-na 165
-tat 165
-tha 159
tha-na 165
tisrás 14
вед. tri-yuga- 198
вед. turvan 154
turván-e 154
turvanta-s 13
ūrṇā 77
vaś- 207
vāsati 208, 218
vavás- 200
вед. yak-ṛ-t 193
yā- 208

Иранские

Древнеперсидский

dīpi- 47

Авестийский

āyu-, yu- 28
an-tar⁹ 4, 197
-dūm 165
-duyē 165
-δwδm 165
i-δj 109
ta⁴ rvar- 154
vās-tar- 210
Vδtδθraγna 32
xšapan 15

Восточно-иранские

Пангту

soe (soyah) 2

Сакско-ваханская подгруппа
восточно-иранских языков

Хотано-сакский

sahē 92

Древнегреческий

микен. a-to-ro-ḡo 239
-α 159
αἰών 28
ἀνῆρ 89
ἄνθρωπος 239
ἄντα 181
ἀντί 181
ἀπό 86, 96

ἄργι- 96
ἄρκτος 209
ἄττα 217
βύρσα 15
*dā- 160
δαυτρών 208
-ε 159
εἴρω 178
ἐλέφās 235
(ἐ)μέ 107
(ἐξ)-ει 109
εὖς 14, 107
Ζεὺς 13
-θ- 164
-θα 159
ἴ-θι 109
ἱμάς 217
гомер. ἰχώρ 31, 87
κεῖ-ται 159, 208
κῆρ 97
κυνέω 90
λελου-μένος 200
-μαι 159
-μαι 165
μέμονα 199
-μεν 165
-μες 165
νεῖν 88, 202
νέφος 202
νέφος 86
-νθ- 232
νῦν 184
ξαίνω 85
ὀδών 107
οἶνος 50
ὄνομα 107
ὄρ-νυμι 201, 207
παρα(-) 182
Παρνασσ(σ)ός 232
παχύς 22
πέδον 104
πέρι 182
Πήγασος 232
πόδες 104
πῦρ 24
πύργος (из догреч.) 91
πώς 104
нон. -σκ- 155
σπένω 65, 160, 211
-ται 159
τίθημι 111
-τω 165
ὑδωρ 68
ὑπαρ 16
Фек-ών 207
φέρ-ω 104
φόρ-то с 104
χείρ 85

χθών 103
ῶрто 208

Армянский

anun 107
atamn 107
harkan-em 208
im 107
išxan 217
tiw 13

Албанский

tjekër 84, 92
shoh 236

Иллирийский или фраккийский

Кав-δων 92

СЕВЕРО-ЗАПАДНО-ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИЙ

Славянские языки

*-sk- 133
*-ы 131

Южнославянские

Старославянский

къде 176
сънь 16

Восточнославянские

Древнерусский

Добро-гость 14
Добро-славъ 14

Русский

былое 237
везти 236
встхий 86
вода 86
где 176
город 91
дать 207
де 178
жена 236
корова 92
кость 87
мерить 88
месяц 88
мол 178
молить 211
нога 236
ноготь 236
ночь 104
ныне 184
ныне 184
осень 84
-ость 194
отец 217

пасти 24
Перун 13
пойти 203
пол-ость 194
пра- 182
про- 182
раб 210
ребенок 210
сердце 236
серна 90, 92
сон 16
-тель 17
уйти 203
умирать 208
человек 239
человеческий 133
челядь 239

Западнославянские

Польский

długość 194

Словинский

kupā 92

Балтийские языки

Прусский

lai 166
sasins 92
seyt 97

Восточнобалтийские

Литовский

be- 184
cī-k(i) 08, 109
esliui 166
ст.-лит. eslo 166
-ю- 177, 184
kárve92
menkas 218
ne- 184
pu-si-austi 184
pa- 184
ст.-лит. pa-mi-gailies 184
pekus 28
Perkūnas 13
smākras 84, 92
stirna 90, 92
te- 184
vaikas 239
vilna 77

Латышский

da-si- 184
kuņa 92
-ļu 166

Западноиндоевропейский
(«Древнеевропейский»)

Догреческий («пеласгский»)

πύργος 91

Германские языки

**Реконструированный
общегерманский праязык**

*ansuz 14

Готский

aiws 28
atta- 217
baurgs 91
faihu 27
fairguni- 13
fon 137
ga- 239
mcl 88
saifhv-an 129, 209
wisan 208, 218

Древнеисландский

Fjorgyn 13, 32
-nd- 152

Древнеанглийский

fyt 137
micela- 98

Английский

fire 24
go 143
have 179
have got 179
has taken 142
heart 236
in front of 181
is taking 142
queen 236
see 236

Древневерхненемецкий

haso 92

Немецкий

Feuer 24
Garten 91
Nacht 104

Кельтский

Древнеирландский

do- 184
má 184
no- 183
org- 208
rí 93

Галльский

-brīga 91

*Итальянские языки***Оскский**

aasaī purasaī 24

Умбрский

pīr 24

Латинский

aevum, aeternum 28

ante 181

artus 207

arceō 207

argumentum 240

arguo 240

atta 217

cerebrum 137

dens 107

Deus 13

equus 91

erus 217

gerō 208

ī 108, 109

in 197

inter 94, 197

i-ter 163

lavo 93

māter 94

matertera 210

me-cum 239

morior 208

nōmen 94

novos 202

novāre 88, 202

-ōd 132

otaculum 240

otō 240

ōs 209

pāscō 24

pecunia 27

pecus 27

per 182

po-culu-m 80

prae 182

-que 177

quisque 177

rex 93

te-cum 239

-ter 94

-tōd 165

unguis 236

ursus 209

vetus 218

vostrum 135

*Романские***Испанский**

haber 179

tener 179

Французский

en face de 181

КАРТВЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ**Грузинский**

p'iri 209

seroba 30

Мегрельский

p'idži 209

seri 30

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ*Японо-корейская ветвь***Японский**

иру 179

моттэ иру 179

ДРАВИДИЙСКО-ЭЛАМСКИЕ**Эламский**

turi- 47

**АФРАЗИЙСКАЯ
(СЕМИТО-ХАМИТСКАЯ)
МАКРОСЕМЬЯ*****Египетский**

Ht-s-r 62

M-r-s-r 62

S-p-r-r 62

СЕМИТСКАЯ СЕМЬЯ**Аккадский**

abu 48

hapalkinnu, habalginnu 20

errēbu 170

ilim 53

Ištar 62

kārum 18, 19

mutallu 218

* Согласно одной из возможных классификационных моделей, входит в состав ностратической макросемьи. По другой модели — самостоятельная макросемья, связанная с ностратическим на более глубоком хронологическом уровне, близком ко времени единства всех языков группы Homo Sapiens Sapiens, переселившихся в Евразию из Африки около 50 000 лет назад.

nagbati 39
-npu- 15
rubā'um rabium 19
ассир. susānu 30
šangū 205
вавилонск. šušānu 30
turr(u)- 47
ya 48

Западносемитские

Ханаанский

'I qn'ṛš = El-ku-ni-ir-ša-aš 5

СЕВЕРО-КАВКАЗСКО- ЕНИСЕЙСКО-СИНО- ТИБЕТСКАЯ МАКРОСЕМЬЯ

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ

Северо-западнокавказские

Абхазо-абазинский

-г 240
-x^wа 240

Прадыгско-кабардинский

* рĕðhá 232

Хуррито-урартский

*-se 238

Хурритский

-(a)n(n)i 29
apalki- 19
attai 217
hapalki- 19
hapalkini- 19
hurri- 30
išši(ya-) 4
kireenzi 232
-nni 15, 29
Šaušga-, Šauška- 35, 50, 134, 217
šehe(l)i- 31
šeri- 30
-ta 128
tuppi- 47
uzuhri 30

Урартский

burgala 91
šeheri- 31
šiwini 17

Хаттский

-el 17
Eštan 16
haggazuel 17
ha-nwašu-it 16
hapalki- 19
hapalkian terekuzzan 19
purulli- 28
tabarna katte 21
tabarna 21
T/Labarna 20–22
Tawananna- 21
wa- 197, 239
wa-zari-un 197
wi/pi- 197
Zilipuri 17

*Переднеазиатские
и древнесредиземноморские языки,
предположительно относимые
к той же макросемье*

Этрусский

zilaθ
-г 240
χva 240

Шумерский

an 50
sanga 205

АУСТРО-ТАЙСКАЯ МАКРОСЕМЬЯ

АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Полинезийские языки

Рапануйский

ariki 205
ivi-atua- 205
kio 205
matato 205

МАКРОСЕМЬЯ НИГЕР-КОНГО

БАНТУ

Суахили

mTu 239
wa- mTu 239

SUMMARY

The book presents a sketch of the Hittite language and its history. In a short *preface* to the reprint of the 1963 edition, in the additional *supplement* to it written in 2001 and in the *introduction* to the main parts of the work theoretical problems related to the study of the language are summed up. The aim of the book has consisted of combining a synchronic structural description with a diachronic study based on the internal reconstruction deduced from this description and supported by external reconstruction in the frame of the Indo-European family and (in the reprint and supplements to it) also in a larger Nostratic perspective.

As Hittite was discovered after the whole structure of **Proto-Indo-European** had been reconstructed, its data have become indispensable in proving the exact nature of the comparative linguistic methods and in falsifying (in Karl Popper's sense) some results of their application. But it has appeared also that Hittite has preserved features of an even earlier epoch. With the advances in the recent studies of the oldest attainable chronological level of Proto-Indo-European prehistory based on the comparison to Uralic, Kartvelian and other distantly related families inside the larger **Nostratic** macrofamily, Hittite archaisms have become particularly striking. In them one may see traces of the linguistic structure that may be reached through this higher chronological level of comparison (as examples one may cite the type of ablaut in the word for "mouth" similar to Altaic forms and such Hittite kinship terms as *nega-* 'sister'). Some features shared by Kartvelian (as endings of some cases with spatial meanings and verbal forms in *-sk-*) might have been acquired at a period of a close contact of these archaic Nostratic dialects. Closer to the written period of its history Hittite has entered a linguistic league (*Sprachbund*) to which several ancient languages of different linguistic macrofamilies belonged, such as Hattian and Hurrian supposed to be related the Northern Caucasian family (to features of such a league for instance Voluntative forms in *-l-* found also in Hurrian and Akkadian might belong as well as the Ergative construction). Some of the particularly prominent linguistic archaisms of Hittite (such as pronominal enclitic forms in their combination to relational nouns) were fused together with innovations partly due to the influence of several non-Indo-European (and non-Nostratic) languages. The history of culture can get a new perspective from the facts that show how Hittite served as a bridge between the Ancient Near

Eastern civilization and those traditions that constituted a foundation of the later European development starting with the Classical Greece.

In the first chapter *oldest data bearing on the prehistory of Hittite* are discussed. As proposed in the additional parts of the book supplemented to the 2001 edition, the **Northern Anatolian** linguistic subgroup included Hittite together with Palaic and Lydian. It seems to be sufficiently different from the **Southern Anatolian** (Luwian-Lycian) subgroup to which Cuneiform Luwian, Hieroglyphic Luwian, Lycian, Milyan (Lycian B), recently deciphered Carian and probably related (but known yet only from fragments) Sidetic and Pisidian belonged. It is possible that initially both the subgroups can be traced back to two different Indo-European dialects. In that sense it is possible to speak (as Sturtevant suggested more than 60 years ago) of Indo-Hittite or better probably of Indo-Hittite-Luwian. One of the clearest features that demonstrates the difference of the two dialects is an isogloss uniting Hittite (Hit.) with *centum* Indo-European dialects while in Luwian (Luw.)—Lycian (Lyc.) the development of the Indo-European palatals (but not the labiovelars that have been preserved) is similar to that of the *satəm* type. There are also other substantial phonological (such as the differences of Hit. *šakuwa* ‘eyes’: Luw. *tawa*; Hit. *inar-*: Luw. *anar-*), morphological (the paradigm of nominal Plural oblique cases, verbal forms of the Past), syntactical (the ranking order of enclitic elements, the role of prepositions like Lyc. *hri*) and lexical (for instance Luwian-Tocharian and Luwian-Baltic unique isoglosses) features in which the split between the two dialects can be seen. But these dialects had entered the Anatolian linguistic league long before the composition of the earliest written texts. During many centuries of their interaction and close contacts they had developed common features which together with traces of shared Indo-Hittite-Luwian archaisms make it possible to speak about a common Anatolian legacy. But this possible term does not refer to a real language: Anatolian is a metalinguistic label that refers to a set of isoglosses belonging to different chronological strata.

The *differences between two subgroups of the Indo-European languages of Anatolia* are seen already in the most ancient linguistic data on them found in the **Old Assyrian texts from the trade colonies** of the XXII–XVIII centuries B.C. (according to a new chronology based on dendrochronology and recently found full lists of eponyms). This chronological definition makes it possible to speak of the **oldest known specimens of Indo-European written forms** (to an earlier time only some supposed Indo-European elements in the texts of Ebla like a city name *Hazz/ššuwa* related to Hittite *haššu* ‘king’, *šall-i hašš-atar* ‘royal kin’ and a city name *Šal-a-hšua* in an Old Assyrian tablet may be attributed as also probably Indo-European words in the oldest Sumerian tablets). To Anatolian Indo-European forms in the Old Assyrian documents belonged some proper names as, for instance, *Perwa/Pirwa* considered to be identical to Hittite name of a god **Perwa* (> *Pirwa*) (connected to a horse) cognate also to Hittite *peruna* ‘rock’ as well as to Gothic *fairguni* ‘mountain’ and an Indo-European group of terms describing the cult of a God of the Thunder (associated with mountains

and oak forests and also with chariots and horses). But in the function of a name of the latter in Hittite another term was used that had been mentioned in Old Assyrian texts where it appeared in a form *Tarhunta-*. It derives from an epithet *tarh-u-nt-* “victorious” (from the root of Hit. *tarh-* “to conquer” semantically similar to Luw. *muwa-* “to conquer”) related to Vedic (Ved.) *tūrvantas*.

In these Old Assyrian documents phonetical differences are found already in a more innovative Hit. *Šiu-* with a palatalized initial consonant *š-* from **d'*- (or glottalic **t*”) still preserved in Luw. *Tiwatt-* (“god of the Sun”, Hit. *šiwatt-* “day”, deified Hit. *Aššu Šiwatt-* “Good=Benevolent Day” genetically identical to Ved. *su -dyut* “good brilliance, shine”).

To Hittite borrowings in the Old Assyrian texts such nouns as *išhiul(l)-um* ‘treaty’ belong (Hit. *išhi-ul* derived from the stem of the verb *išhiy-a-* ‘to bind’, Old Indian *syá-ti*, different from a reduplicated stem *hi-šhiy-a-* in Luwian); *kursann-um* ‘bellows; wine- or water-skin’, Hit. *kurša-* ‘sacred fleece’ (borrowed to Greek *βύρρα* prior to a change **g^w* → *β* around the XI c. B.C.).

In the Old Assyrian documents there are also some Anatolian borrowings from a dialect related to Northern Caucasian: a name of a vehicle *hulug-annum* related to Hit. *huluk-anni-* (probably with a trace of a Hurrian postpositional article *-nni*) can be compared on the one hand to the Northern Caucasian **hčlkw-* “vehicle”, on the other hand to Hit. *hurk-i-* ‘wheel’, Tocharian (Toch.) *A wärk-änt-*. Such terms as also the name of horse similar in the Southern Anatolian dialects and Hurrian are important for the understanding of the spread of wheeled vehicles and related terms in the Transcaucasian and Anatolian areas.

Early contacts of Hittite with **Hattian** (H.), another language of the Northern Caucasian origin, were reflected in such early borrowings as the name of the Sun God *Ištan-u* (< H. *Eštan*) that had ousted an Indo-European term still preserved in Palaic and Luwian (as also in the words for day and god in Hittite and Lydian: Old Hit. *šiu-*, *šuni-*).

Already in the oldest Hittite inscription of the king Anitta (at the time of the last stage of the history of Old Assyrian colonies) a Hittite name of a deified throne *Halmašutt-* borrowed from H. *ha-n-wa-š-w-it* (where in a long agglutinative chain each morph has a North Caucasian etymology) was attested. In the Hit. divine name *Tešha-puna* a Hattian stem can be found similar to Hit. *tešha-/zašhi-* ‘dream’ (as pointed out in the supplement to the reprint an identical form has been reconstructed for a branch of North-Western Caucasian). Linguistic contacts between Hattian and Hittite were similar to Hattian-Palaic interference; in both Northern Anatolian languages comparable social and cultural terms had been borrowed from Hattian. To find a kind of social ties uniting speakers of Hattian and of the old Anatolian Indo-European languages it seems important that the term for a ‘ruler, king’ is shared by all of them: *tabar-na-* (its phonetical variant *Labarna-* is also a name of a possible founder of the Hittite dynasty).

In the second chapter of the book the Old Hittite (O Hit.) documents are characterized. In connection to king Anitta’s inscription a name of ‘iron’ (Hit.

hapalki) common to Hittite, Hattian and Hurrian languages has been studied. Its spread is understood in the light of historical data on Hittites and Hattians as the first ethnic groups that had discovered (and kept for a relatively long time) a secret of the production of iron. Archaic features of the king Anitta's inscription (as the word order 'mother- father' different from an inverted one in later documents) are distinguished from some motifs and formulae repeated in later texts (as for instance an expression designating "a whole army altogether, as one mass" -*pangari*). Such repeated standard expressions (as a prohibition to populate a destroyed city of an enemy) make it possible to consider it as a true initial point of the development of later Hittite literature. But at the same time as Anitta conquered Neša and did some construction work there, this inscription belongs also to the earlier Nesite literature (Hit. *ni/aš-ili, neš-umn-ili* "in a language of the city of Neša" = Kani/eš, cf. *kaniš-umn-ili* "in a language of the city of Kaniš" and a similar expression *pala-umn-ili* "in a language of the country of Pala"). To the latter one may assign such texts as the story of the queen of Kaniš and her 30 sons and 30 daughters, a story a battle into which a song mentioning 'dresses of Neša' with a metrical structure of an Indo-European origin and also some archaic rituals in which the name of the city occurs. The traces of this older Nesite literature are found in copies in the archive of Hattušaš but it seems that a richer archive might be found at the place of Kaniš itself (until the present time only the Old Assyrian colony at this city had been excavated and many documents that mentioned people with Anatolian names had been discovered).

Among the texts of the archive of Hattušaš there are several other important documents in the Old Hittite language besides the rituals and mythological narratives (such as a story of a Serpent- *Illuyanka*- included in the text of a Hattian-Hittite ritual of the 'land'- H. *pur-uliya*). Particularly important for historical studies are texts addressed to a Hittite 'assembly' (*panku*- cognate to *pang-ar-it*, see above, and probably also to *pankur* 'kin') by two kings: Hattušili I and Telepinu. The document by Hattušili I (as also the Annals of this king) has been written in two languages, Hittite and Akkadian. Some of the symbols used in the text may reflect older metaphors that may be traced back to Indo-European. A symbol of a king as a leader in a wolf's family (*pankur*) can be viewed upon as a possible echo of the cult of the animal known in the ancient Indo-European and neighboring Caucasian traditions. In a dialogue of the king and his female relative in connection to the change of the order of succession of the throne the king's sister refers to a formula in which one may see an old Indo-European custom of sacrificing a pregnant cow. Dumézil has reconstructed the rite on the base of a Roman custom similar to an Old Indian one. Old Hittite data seem to support the reconstruction.

In an Old Hittite fragment written in the name of a king a sacred formula *hašši pahhur* 'fire at a hearth' (repeated also in the instructions to temple officials) is found which is identical to Oscan *aasaī purasiaī* and thus might be directly traced back to Proto-Indo-European. As stressed in the supplement to

the book, some archaisms shared by Italic and Hittite might be explained by a conservative character of priestly structures in both the traditions; especially interesting are such coinciding terms of oracles as Hit. *ariya-*; Latin *orāculum*.

The third chapter is dedicated to the numerous texts of the later Empire. The intermediary Middle Hittite period is briefly characterized in the supplement. Starting from that time a Hurrian influence becomes prominent. It can be seen for instance in a large Hurrian-Middle Hittite bilingual written in connection to the rite of 'setting free' (Hit. *para tarn-umar* = Hur. *kirenzi*) of a slave (and of the God Teššup- who has been kept as a captive in the Netherworld). A hybrid Mesopotamian-Aryan-Hurrian terminology has been analyzed in reference to the horse-training tablets. Hittite versions of Hurrian epic texts are particularly important for establishing a Hittite intermediary role in transmitting of the Ancient Oriental motifs to the Greek tradition (from this point of view especially interesting are such loanwords in Homeric Greek as $\chi\acute{\omega}\rho$ 'blood of the gods' < Hit. *i/ešhar* 'blood' < **esH-r*). A use of an archaic vocabulary and metrical schemes in such Hittite texts as poetical rendering of the Hurrian "Song of Ullikummi" seems possible. Towards the final century of the empire a synthesis of Hurrian and Luwian (also Hieroglyphic Luwian) elements becomes more prominent (particularly in the Southern and South-Western parts of Asia Minor) while strictly Hittite constituents of the imperial culture seem to lose their influence (an attempt by Muwatalli to move the capital from Hattušaš to *Tarhunta-ššaš* seems important from this point of view). In the later Hittite texts a number of Luwian insertions (partly marked by a *Glossenkeil*) is growing. The central archive of Hattušaš as also provincial Hittite archives such as the recently discovered ones (of Mašat, Šapinuwa-Ortaköy, Šarišša-Kuśakli, Emar-Meskene) as well as Hittite texts found in Ugarit and Alalakh are remarkably diversified as to their genres and languages. But just from the provincial archives one gets the impression that the new empire lived dreaming of an impending catastrophe: oracles belong to the most widely represented texts; that makes possible comparisons to the Mesopotamian Akkadian and Hurrian sources as well as to later Etruscan and Roman continuation of this tradition.

The fourth chapter is dedicated to the **Hittite writing** in its relation to the sound shape and other levels of the language. The time of borrowing of the Syrian variant of the Akkadian cuneiform writing depends on the unknown prehistory that might include a period of Neša texts mentioned above. Also a problem of the type of **writing on the wooden tablets** (GIŠ.HUR) and of the scribes writing on them does not seem clear as they might have been used cuneiform as well as Luwian hieroglyphic writing. Since some of the hieroglyphic signs are based on an acrophonic reading of Luwian words it seems that the writing was used only for this language. In this chapter for a discussion of Hittite cuneiform writing a selection of cuneiform signs has been given which is used in a part of Hattušili III's autobiography supplemented to the main part of the book. Spelling devices and possibilities of decoding Hittite through the cuneiform writing are discussed. The role of scribes as first linguists showing

their understanding of the language offers a possibility of speaking about initial steps of linguistic analysis at this early age.

The fifth chapter describes the **phonemic system** of Hittite. A set of differential features is used to characterize phonological oppositions between phonemes (table 1 and scheme 1). Distribution of Hittite phonemes is shown on a table 3 and briefly commented upon in the main text and in a supplement to it. A synchronic analysis of the system leads to a diachronic study of its development. **A tripartite character of the series of stops is demonstrated on the base of the differences between the results of palatalization** (**dī* > *šī*, for example *šiu-*, *šiwatt-*: Latin *dies*, *deus*; **tī* > *zī*, as in the ending of the 3 Person Sg.; **dhi* > *tī* as in the the ending of the 2 Person Sg. Mediopassive). The difference between the three series might be interpreted in the light of the glottalic theory (a complicated relation to the Nostratic reconstruction is discussed in a supplement). In Hittite *h* and *hh* appear as two variants of one phoneme depending on its vocalic context. That is a result of a later development as reconstructed laryngeals (partly reflected in these two Hittite variants) influenced the quality (and later quantity) of a vowel and did not depend on it (different from a later situation in Hittite). Among important differences between Northern Anatolian and Southern Anatolian a Luwian reflex of an initial vowel corresponding to a prothetic one in Greek and Armenian is cited (in Hittite as in Old Indian there is no vowel in such words as Indo-European for 'name', Hit. *laman*). As it appears possible to reconstruct metrical schemes both in Old Hittite and Luwian, a comparison to the Indo-European metrical structures seems justified.

In the sixth chapter Hittite **morphonemics** is discussed. The root structure has been compared to the types of Indo-European roots. The Hittite correspondences to the Indo-European *quantitative* and *qualitative ablaut* are formulated. A role of synchronic relations for internal reconstruction of prehistory is clear in the case of the absolutely parallel morphological use of the relation between a normal grade *e* and a zero grade in roots like **g^when-* > Hit. *ku/wen-* (*kuen-*: *-kun-*) and of a *a-/e-* ablaut in the *ed-/ad-* type. For relative chronology of the quantitative ablaut in Hittite two types of the verbs in **-es-/s-* are important; the ancient formations seen in verbs like **w-es-* > Hit. *w-eš-* 'to dress' with a zero grade of the root and a normal **e* grade of the suffix and a more productive type of verbs like Hit. *tep-š-* 'humiliate, degrade' < **dhebh-s-*. Thus **in the verbal system an analogue to Benveniste's study of two types of nominal stems is possible**. A qualitative ablaut is manifested also in a lengthened grade of a suffix *-ar* < **-ōr* in collective nouns reconstructed as a special grammatical type of nominal formations. The *merging of such an ancient long vowel coming from a former lengthened grade with results of the development of of a short vowel in a combination with a following laryngeal* (that disappeared after the isolation of Hittite and Luwian) has led to a creation of a phonological category of long vowels that distinguishes the other Indo-European dialects from both Northern and Southern Anatolian. In these two Anatolian branches of Indo-European

laryngeals as well as grammatical (particularly verbal) morphs containing them have been preserved. It is supposed that in Hittite also the phonological shape of such verbal forms as *tehhi* 'I put' has been preserved: in them one may see an old juncture at the border of the root ending in a laryngeal and a verbal ending beginning with a similar phoneme (**dheH-Ha*). A development **eH > ē* that has made all the other Indo-European dialects different from Hittite and Luwian has taken place just at this juncture. A possibility of finding traces of the Indo-European paradigmatic accent and tones is discussed in a supplement to the reprint.

The seventh chapter deals with the *nominal morphology*. Old Hittite **eight-case** system evolved from a pattern similar to that of Old Indian into a later one present in the text of the Empire period. It lost the *Directive* case and a special *Vocative* form that maybe was historically identical to possible Old Hittite traces of an *Absolute* case with a zero ending similar also to an *archaic Locative* form. This later six-case system is described both on the base of a set of universal functional features realized in definite syntactical contexts and also from the point of view of the structure of nominal paradigms in which several different cases might be expressed in a single form.

Absence of the Dual number in Hittite is explained by its loss. Forms like O Hit. *šakuwa* 'eyes' (that are used in the meaning of several different cases) are considered to be relictal traces of this lost formation (in Luwian in this function a collective form in *-nta taw-anta* 'eyes' was used that has an exact parallel in Tocharian). A paradigm of the Plural has not been sufficiently developed at an early prehistoric stage. It is structured in different ways in Northern and Southern Anatolian. Also the Instrumental and Ablative cases stand by themselves in the system of nominal forms (in a supplement a possible areal connection to Kartvelian forms has been suggested).

The meaning of a Genitive absent in Cuneiform Luwian has been expressed in this language by a synonymous possessive adjective similar in form and function to the one used in a comparable role in Tocharian and some other Indo-European dialects. It is suggested that Proto-Indo-European did not have a true Genitive as it was an Ergative language in which a corresponding function might be expressed by an Ergative case. The coincidence of the Hittite Nominative and Genitive in *-a-š* in the thematic type of nominal declension can be interpreted as a trace of this earlier Ergative structure. An Old Hittite form of the animate Genitive in *-an < *-o-m* (where the opposition between Singular and Plural was irrelevant) may coincide formally with an Accusative Sg. Animat. gender and Nominative-Accusative Sg. Neutr. gender of thematic nouns. This formal coincidence may be explained from a semantic side in the light of a Hittite typologically archaic construction with a partitive apposition. This form also may be seen as a trace of an earlier non-Accusative (Ergative) type of the grammatical structure. The oldest prototype of heteroclitic nominal form is seen as a binary scheme of declension with an opposition of a nominative

(*hara-š* 'eagle') and an oblique stem (*hara-n-*) ; in a supplement to the reprint Nostratic parallels are suggested.

The following possible chronological layers might have coexisted in Hittite nominal forms: traces of a preflexional stage as reflected in a combination of juxtaposed pure stems in compounds (like a name of a bird *pattar-palh-i-*, literally "broad-winged", used in the augury oracles; the same type of an "inverted *bahuvrīhi* is present in Tocharian, Celtic and Germanic; the use of the *-i-* stem of an adjective in compounds may be traced back to Proto-Indo-European); forms that probably are traces of an original opposition of an Ergative and an Absolute cases (as Nominative, Genitive and Nominative-Accusative Plural Neuter gender of the thematic type), the oldest heteroclitic nouns and productive formations based on the spread of a similar principle, local cases of a later origin fused together with a zero ending Locative in which it is possible to find a trace of an ancient stage. An archaic feature of the Hittite nominal structure may be seen in the distinction between two genders only, that is, Neuter and Animate; as suggested in the Supplement, in Luwian a beginning of a movement towards creation of feminine derivatives in *-i-* may be found (in this respect as also in some other features Southern Anatolian seems to be less archaic than Northern Anatolian Indo-European dialects).

The eighth chapter is dedicated to **verbal morphology**. Development of new analytical forms of perfective aspect, of an analytical passive and of verbal combinations expressing the immediate future give the language a typologically modern shape quite different from many other cognate ancient languages. Another feature, the formation of a secondary derived conjugation in *-šk-* < **-sk'*- seems to be an areal sign of a linguistic league as it was shared not only by Luwian and Tocharian (that might have been included into a Hittite-Luwian-Tocharian dialectal community after a split with the rest of Indo-European dialects), but also by Ionic Greek and by such neighboring Nostratic dialects as Kartvelian, particularly Svanetian as suggested in a Supplement (a typological general possibility of an areal spread of a derivational verbal suffix may be supported by the evidence of such modern languages as those belonging to the Balkanic linguistic zone). In Hittite secondary aspectual forms in *-šk-* can be derived from majority of verbs with the exception of static stems (like *pahš-* 'to preserve, keep' where an old suffix *-s-* probably originally had a similar function, see Tocharian A *pās-*, B *pāsk-* semantically similar to the Old Hittite verb, particularly in a specific context of preserving a moral instruction or keeping somebody's word).

Hittite infinite (non-personal) forms of a verb are partly extremely archaic. The present participle in *-nt-* is similar to participial forms in the other Indo-European languages, but it has changed the original function (similar to that of related quasi-Ergative nominal forms in *-nt-*) as Hittite lost all the other forms of participles in connection to restructuring of its mediopassive system. The Hittite participles in *-nt-* of the transitive verbs became passive, and their old active meaning has been preserved only by intransitive verbs (and in 2 archaic widely

used forms: *ad-ant-* from *ed-/ad-* “to eat” and *akuw-ant-* “to drink” from *eku-/aku-* “to drink” that belongs to isoglosses that unite Hittite, Luwian and Tocharian; both these participles have double semantic value: “eating/eaten” and “drinking, drunk”; the chronological priority of the first meaning is shown not only by related participles, but also by the cognate Indo-European word for ‘tooth’, originally from ‘active instrument for eating’). A trace of a form in *-mo-* like Toch. B *lyuk-(e)mo-* may be seen in Hit. *lalukk-ima-* ‘shine, luminosity’. In old rituals some archaic forms with Indo-European etymologies like *dalug-nu-la-* (from the stem of *daluk-i-* “long”) and *barga-n-u-la-* (from the stem of *park-u-* “high”) are attested that as well as a special social term *ar-n-uw-ala-* “a social class of deported prisoners-slaves to whom a piece of land was given to work on” show that (at least from the verbs in *-n-u-*) initially participles in *-*lo-* have been formed that are cognate to Lydian forms of the past (a typological and partly genetic similarity to Slavic is striking: Lydian *e-l* ‘he was, they were’ comes back to an ancient participle like Russian *by-l* < **bhū-lo-s* cognate to Russian *by-l-oe* “past”: Luwian *puwa* “formerly”, *puwa-til* “past”). The same type becomes prominent in Tocharian where such forms in *-l-* are used both in modal and temporal functions (just as cognate Slavic forms from Proto-Slavic Perfect participles).

One of the other Hittite-Tocharian isoglosses is constituted by nominal formations of heteroclititic type in *-uw-ar/uw-anz-i* < **uw-ant-i*. Hittite verbal forms in *-uw-ar* are historically identical to Tocharian **-we/or* absolutives based on *-u-* participles that are not attested in Hittite.

A symmetrical character of the Hittite verbal paradigm helps to analyze forms based on combinations with a mark of so-called ‘primary’ endings **-i* added not only to the forms of the *-m-i* conjugation, but also to some forms of the *-hi* conjugation. This addition has led to such innovations as *-h-i* < O Hit. *-he* < **ha-i* from *-ha* (this ending has been preserved as that of the 1 Person Sg. of the Past of all the verbs in Luwian-Lycian and is related to a Perfect ending *-*Ha* > *-*a* in such ancient dialects different from Hittite and Luwian as Greek and Aryan = Indo-Iranian). The difference between Hittite root verbs of the *-mi* type (*eš-mi* ‘I am’) and the *-hi* type (*te-hhi* ‘I put’) is functionally and structurally similar to that between durative and aoristic roots in Eastern Indo-European (Greek and Indo-Iranian). Mediopassive forms related mostly to the Perfect in Eastern Indo-European and to the *-hi* conjugation in Hittite also show some results of the interaction between this series of forms and the type represented by the Hittite *-mi* conjugation.

The opposition of the two reconstructed series of verbal forms in the Proto-Indo-Hittite-Luwian verbal system may be seen as a functional analogue to similar distinction between the Cases (the Ergative case and the Absolute one) and two genders (Animate and Neuter). The passive (non-active) row of each part of the system did not develop full paradigm of Plural; thus the proto-system was not symmetrical and in this respect (as also in many others) differs from

such languages as Sanskrit that served as the main model in Junggrammarians' type of reconstruction.

A formation of later verbal endings in Hittite and other separate Indo-European dialects can be demonstrated on the example of the *-*s-* type that is represented in Hittite forms of the 2 and 3 Person of Singular of the *-hi* conjugation. Corresponding forms in Tocharian, Sanskrit (Precative) and Latin show how this ending (initially linked to a derivative suffix of verbs in *-*s-*) spread in the whole paradigm that lead to the formation of sigmatic aorist in the Eastern Indo-European dialects.

The development of *-r* endings of the mediopassive (which were partly lost in connection to the place of the accent or tone) can be understood in the light of the impersonal use of Mediopassive (as in the description of the mass death in Muršili II's pest Prayers: Hit. *akkiškittari* "it dies out = there is a collective event of dying"). Such syntactic constructions make possible comparisons to *-r* forms in nouns: Hit. *dattar-i* "it is taken" = Latin *datur* "it is given" can be compared to the type of Hit. *i-tar* "going=road" = Latin *i-ter* "road".

Agglutinative structure typical of many Hittite derivational and inflectional verbal forms is particularly clearly seen in the Imperative. The morph *-u-* appears in the same rank position as the morph *-i-* of the "primary" endings: Hit. *-*t-i* (> *-zi*): *t-u*; *-ar-i*: *-ar-u*. As to the Voluntative forms in *-l-u-* partly of a similar structure, they may be tentatively compared to the other *-l-* forms of verb. But as suggested in the supplement, an areal interpretation (if not a Nostratic one) is also possible as similar forms are present in the other linguistic families.

The ninth chapter describes Hittite **syntactic structures**. Its most striking feature is revealed in an almost obligatory character of an initial group of enclitics expressing the main grammatical ideas that determine a structure of the sentence: object-subject relationship, aspect, direction of movement, middle voice, reference to speech of the other person. From the point of view of the general syntactic theory it seems important that a sentence is constituted not only by a combination of a nominal phrase and a verbal one, but it is necessary (in the absolute majority of sentences in later Hittite) to introduce a sentence by a group of words containing these enclitic grammatical elements. As stressed in a supplement, recent studies have shown similar structures not only in all the other Anatolian languages, but also in such Indo-European dialects as Mycenaean Greek and Novgorodian dialect that constitutes a Northern-Western branch of Eastern Slavic. Particularly striking seem correspondences between Hittite and Vedic combinations of a first element and an enclitical one: Hit. *nu-kan*: Ved. *nú-kam* (< **nú-kom*). O Hit. *šú-kan*: Ved. *sú-kam* (< **sú-kom*). Similar structures are found in Germanic, particularly in Gothic where the voiced initial stop of the prefix *ga-* can be explained by its low tone, that is, its non-accentuated character. A complete coincidence of structures makes it possible to reconstruct such fragments of Indo-European texts as **kom... + *sok^w* - "to have looked" on the base of Hit. *...kan... + šakuwa(i)* "he looked":

Got. *ga-saihv-*. Besides a well-known similarity of constructions in Hittite {Hit. *ta-* or *nu-* + enclitics (+ verb)} and Old Irish {forms beginning with *do-* or *no-* + pronominal elements + a verbal stem}, it is possible to find forms cognate to Hittite enclitics also in Old Lithuanian reflexive verbs and Tocharian combinations of verbs with enclitics.

The study of Hittite reflexive pronoun *kui-* 'who, which' in relation to synonymous **yo-* (cf. Hit. *-ya/-a* = Tocharian A *-yo* "and" in a function comparable to Latin *-que*, Sanskrit *-ca*) shows at the same time a structural unity of a general syntactical design in different Indo-European languages and diversity seen in the way how this design has been realized.

An Old Hittite way of expressing spatial relations by means of combination of a relational noun (of the type of *kattan* "lower part, bottom") with possessive pronouns (*katti-mi* 'under me', *katti-ti* 'under you', *katti-ši* 'under him, her') is similar to Old Irish conjugated prepositions (the difference between the Hittite postpositions coming from relational nouns and Old Irish prepositions is explained by general typological principles of a syntactical order of elements). Old Hittite data show that initially these forms might go back to local case forms of corresponding relational nouns. An analogy to these structures might help to analyze verbal endings of the *-mi* conjugation as derived from enclitical pronominal elements.

The tenth chapter describes **word-derivation**. Most nominal suffixes can be explained as arising from combination of a limited number of Indo-European elements: *-tara-* < **-te/or-***o-* < **-t-* + **er-* + **o-*. But in the use of some of these suffixes the influence of non-Indo-European languages of Asia Minor can be seen. The Hittite collective form *antuhs-atar* "mankind, all the people together" is a loan-translation of Hattian *wa-zari-un*, a form from *zari-* 'human being, man' with a male class prefix *wa-* similar to the one found in the archaic Northern Caucasian languages (cf. H. *wa-šhap-un* 'gods' = Hit. *šun-eš* 'gods' and H. *wa-hurla-n* = Hit. *hurla-š* 'of the Hurrians' recently found by O. Soysal in a Hattian-Hittite modernized bilingual text).

Besides several Hittite verbal suffixes (such as *-ahh-*, *-u-*, *-š-*, *-šk-*) and infixes (as a nasal one seen in *-nin-* and in a complex *-n-u-*) that are traced back to an ancient stage of the Indo-European stem formation in Hittite several reduplicated verbal forms are found (mostly ousted by a synonymous *-šk-* suffix); the situation is different from that in Luwian where reduplicated verbal forms are widely represented. To form new verbs Hittite uses combinations with preverbs. Most of them go back to relational nouns and serve both as preverbs and as prepositions entering verbal and nominal phrases at the same time which makes corresponding syntactical structures polyvalent. Among most archaic prefixes *u-* (*/awan*) and *p(e)-* are found in ancient combinations (in which synchronically it is difficult to divide them from the stem) like *p-ai-* "to give" shared by all the Anatolian dialects, *p-ai-* 'to go' that has ousted the root verb *i-*.

The eleventh chapter in which some terms and methods of modern semantics are introduced gives a very brief sketch of the important features of the Hittite **vocabulary** and of its origins. Possibilities of a lexical etymological commentary are exemplified on the base of a short fragment of Hattušili III's autobiography given as a supplement 1 to the book.

In a supplement 2 originally in the first edition of the book 46 books and articles have been annotated; in the new addition 119 new publications have been added.

In a larger supplement to the reprint several new ideas have been expressed due to new discoveries and suggestions made in the recent literature.

Indexes of names, topics and linguistic forms studied in the book are added to the reprint

Vyacheslav V.Ivanov

CONTENTS

Preface	5
Introduction	7
1. Oldest data on Hittite and Anatolian languages	8
2. Texts in Old Hittite	18
3. Later NeoHittite texts of the Empire period	29
4. Writing and Sound Shape	41
5. Phonological system	69
6. Morphonemics	99
7. Nominal morphology	112
8. Verbal morphology	141
9. Syntax	166
10. Word formation	185
11. Vocabulary and semantics	204
Supplement 1. A fragment of the autobiography of Hattušili III	214
Supplement 2. Annotated bibliography	219
Additions and corrections to the reprint of 2001	231
Name index	241
Index of topics	244
Index of morphs, words and phrases	263
English summary	281

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
1. Древнейшие данные о хеттском и других анатолийских языках	8
2. Памятники хеттского языка эпохи Древнего царства	18
3. Памятники хеттского языка эпохи Нового царства	29
4. Письменность и фонетика	41
5. Фонологическая система	69
6. Морфонология	99
7. Морфология имени	112
8. Морфология глагола	141
9. Синтаксис	166
10. Словообразование	185
11. Лексика и семантика	204
Приложение 1	214
Приложение 2	219
Дополнения и исправления к переизданию 2001 года	231
Именной указатель	241
Предметный указатель	244
Указатель морфем и их частей, слов и словосочетаний	263
Summary	281
Contents	293

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного.

Балли Ш. Французская стилистика.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.

Язык: теория, история, типология. Ред. Бабенко Н. С.

Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. Ред. Михальченко В. Ю., Крючкова Т. Б., и др.

Устные формы литературного языка. Ред. Порхомовский В. Я., Семенюк Н. Н. Барт Р. S/Z.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.

Лаптева О. А. Современная русская устная научная речь. Т. IV.

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики.

От грамматики текстов — к смыслу. Ред. Опиленко Н. К.

Лебедев М. В. Стабильность языкового значения.

Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Ред. Крысин Л. П.

Рытова М. Л. Учебник греческого языка. Практический курс. С кассетой.

Миронов С. А. и др. Историческая грамматика нидерландского языка.

Аксенова И. С., Топорова И. Н. Грамматика языка «аква».

Рябова И. С. Язык дабиды.

Паршин П. Б. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике.

Русский язык зарубежья. Ред. Красильникова Е. В.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2-х томах.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или электронной почтой urss@urss.ru.
Полный каталог изданий представлен
в Интернет-магазине: <http://urss.ru>

Издательство УРСС
Научная и учебная
литература

Представляет Вам свои лучшие книги:

Бурлак С. А., Старостин С. А.

Введение в лингвистическую компаративистику.

Предлагаемое учебное пособие представляет собой новое слово в области не только лингводидактики, но и в области теории компаративистики. Авторам удалось добиться значительной полноты в изложении как традиционных, так и новых разделов компаративистики, и нам до сих пор не были известны учебники по компаративистике, хотя бы приближающиеся по охвату и глубине изложения методики к этому. Отдельную ценность представляют приложения: контрольные вопросы по курсу, а также алфавитный указатель языков, в котором при каждом языке дается информация о его генетической принадлежности и основные внешнелингвистические сведения, и персоналии — краткие сведения обо всех упоминаемых в курсе лингвистах.

Баранов А. Н. **Введение в прикладную лингвистику.**

В основу книги положены курсы лекций, которые автор читал на отделениях прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Московском государственном лингвистическом университете. В учебнике представлены основные направления прикладной лингвистики — как уже устоявшиеся классические дисциплины (компьютерная лингвистика, машинный перевод, информационно-поисковые системы, лексикография, терминоведение и терминография, методика преподавания языка, теория перевода), так и новейшие специальности, получившие развитие в последние десятилетия — корпусная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистические аспекты нейро-лингвистического программирования, теория воздействия.

Кобозева И. М. **Лингвистическая семантика.**

В учебнике излагаются основные вопросы семантики как раздела курса общей теории языка. Первая часть содержит введение в предмет, краткий очерк истории семантических учений. Вторая часть посвящена лексической семантике. В ней рассматриваются основные проблемы и методы описания содержательной стороны слова как единицы языка и речи. В третьей части анализируется семантика предложения-высказывания с учетом трех ее аспектов: логико-семантического (пропозиционального), коммуникативного и прагматического, и обсуждаются формальные средства (мстязыки), используемые для ее описания.

Плунгян В. А. **Общая морфология: Введение в проблематику.**

Учебник представляет собой первое на русском языке систематическое изложение основ лингвистической морфологии с учетом новейших теоретических достижений в этой области и с привлечением большого фактического материала разрозненных языков. Дается детальный анализ как проблем формальной морфологии (морфемизма), т. е. особенностей строения слова, так и проблем грамматической семантики, т. е. классификации морфологически выражаемых грамматических значений в языках мира. Каждая глава снабжена перечнем ключевых понятий, вводимых в тексте, и основной библиографией по соответствующей теме.

**Издательство
УРСС**

**(095) 135-42-46,
(095) 135-44-23,
urss@urss.ru**

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)
- «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242)
- «Мосива» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355)
- «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144)
- «Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марксистская, 9. Тел. (095) 270-5421)
- «Ад маргитем» (м. Павелецкая, 1 Новоузенский пер., 5/7. Тел. (095) 951-9360)
- «Гвоздик» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-47-13)
- «У Кентавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (095) 973-4307)
- «С.-Пб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)

